

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2017

№ 45

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Журнал индексируется в БД Scopus и включен в «Перечень
рецензируемых научных изданий, входящих в международные
реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

***Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»***

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) – зам.
главного редактора
Ю.М. Ершов (Томск, Россия) – зам.
главного редактора
Д.А. Катунин (Томск, Россия) – отв.
секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)

***Editorial Board of the
Tomsk State University
Journal of Philology***

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) – Editor-
in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) – Deputy Edi-
tor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Tomsk, Russia) – Deputy
Editor-in-Chief
D.A. Katunin (Tomsk, Russia) – Executive
Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) – Deputy
Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)

***Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»***

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Шеффилд, Великобритания)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

***Editorial Council of the
Tomsk State University
Journal of Philology***

J.F. Bailyn (Stony Brook, US)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Sheffield, UK)
M.N. Lipovetsky (Boulder, US)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, United S)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Алексеева С.В., Слюсарь Н.А. Эффект длины при парафовеальной обработке слов во время чтения	5
Генералова Е.В. Относительные прилагательные в старорусском языке: становление системы.....	30
Данилина Н.И. Динамика функционирования деривационно-ассоциативного механизма в процессе восприятия текста (экспериментальное исследование).....	45
Дронова Л.П., Берлан В.А. Синкретсемия и звукоподражательная номинация	70
Дырхсеева Г.А. Живая речь в Бурятии: к проблеме изучения (социолингвистический обзор).....	77
Жалсанова Ж.Б. Образ «дархана / кузнеца» в бурятской культуре (психоллингвистическое значение).....	89
Крылова И.А., Тулякова Н.А. Слово «легенда» в речевом употреблении и в словарном отражении: заимствование, функционирование, идеология	100
Лебедева Н.Б. Опыт типологизации орфографических личностей на основе эксперимента «Три диктанта с визуальным изучением текста».....	116
Ружа О.А. К вопросу о лексической организации текста: опыт прочтения рассказа И.А. Бунина «Сосны».....	126
Соболева Н.П. Лингвокультурологические аспекты контекстуального использования фразеологизмов в рекламных слоганах.....	139

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Есипова В.А. Читательские практики и рецепция текста: томский чиновник XIX в. А.М. Горохов и его наставление детям.....	150
Иванова И.Н., Кубышкина В.О., Серебряков А.А. Репрезентация мотивов гностицизма в современной отечественной прозе.....	171
Kroča D. Poetics of Names of Drama Characters in Czech Theatre of the Absurd.....	186
Павлова С.Ю. Портреты в «Мемуарах» Мадемуазель де Монпансье.....	193
Плеханова И.И. Почему Владимир Гуркин не писал трагикомедии?..	204

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Евсеева И.В., Колмогорова А.В., Копнина Г.А., Куликова Л.В. «Язык есть зеркало мыслей народа»: о международном «Форуме языков и культур» (г. Красноярск, Сибирский федеральный университет, 14–16 сентября 2016 г.)	214
Хомук Н.В. Международная научная конференция «Национальное, имперское, колониальное в русской литературе» (г. Томск, Томский государственный университет, 22–23 сентября 2016 г.)	225
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	233

CONTENTS

LINGUISTICS

Alexeeva S.V., Slioussar N.A. Parafoveal processing in reading: the role of word length	5
Generalova E.V. Relative adjectives in Old Russian: formation of the system	30
Danilina N.I. Functioning of the derivational-associative mechanism in the perception of the text (an experimental study)	45
Dronova L.P., Berlan V.A. Syncretsemy and onomatopoeic nomination	70
Dyrkheeva G.A. Colloquial speech in Buryatia: on the study of the problem (a sociolinguistic approach)	77
Zhalsanova Zh.B. The concept “darkhan / smith” in the Buryat culture (the psycholinguistic meaning)	89
Krylova I.A., Tuliakova N.A. The word “legend” through speech and dictionary representation: borrowing, functioning, ideology	100
Lebedeva N.B. Experience of typologization of orthographical personalities on the basis of the experiment “Three Dictations with the Visual Study of the Text”	116
Ruzha O.A. On the lexical organization of the text (reading experience of I.A. Bunin’s story “The Pine Trees”)	126
Soboleva N.P. Linguoculturological aspects of the contextual use of phraseological units in advertising slogans	139

LITERATURE STUDIES

Esipova V.A. Reader practice and reception of text: Tomsk official of the 19th century Aleksandr M. Gorokhov and his edification to children	150
Ivanova I.N., Kubyshkina V.O., Serebryakov A.A. Representation of motives of Gnosticism in modern Russian prose	171
Kročá D. Poetics of names of drama characters in Czech theatre of the absurd	186
Pavlova S.Yu. Portraits in Mademoiselle de Montpensier’s <i>Memoirs</i>	193
Plekhanova I.I. Why did Vladimir Gurkin write no tragicomedies?	204

ACADEMIC LIFE

Yevseeva I.V., Kolmogorova A.V., Kopnina G.A., Kulikova L.V. Language as a mirror for nation’s concepts: the overview of the International Forum of Languages and Cultures (Russian Federation, Krasnoyarsk, Siberian Federal University, September 14–16, 2012)	214
Khomuk N.V. International academic conference “The National, the Imperial and the Colonial in Russian Literature” (Russian Federation, Tomsk, Tomsk State University, September 22–23, 2016)	225

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	233
--	-----

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'23

DOI: 10.17223/19986645/45/1

С.В. Алексеева, Н.А. Слюсарь

ЭФФЕКТ ДЛИНЫ ПРИ ПАРАФОВЕАЛЬНОЙ ОБРАБОТКЕ СЛОВ ВО ВРЕМЯ ЧТЕНИЯ¹

В статье исследуется, каким образом изменение длины слова в парафовеальной области (в боковом зрении) влияет на ранние этапы распознавания слов при чтении. Ее цель – установить, важна ли информация о длине только для выбора места следующей фиксации или также на этапе лексического доступа. Результаты эксперимента с применением методики невидимой границы при чтении текста носителями русского языка позволяют сделать вывод, что информация о длине слова используется в том числе и для ограничения списка возможных кандидатов при лексическом доступе.

Ключевые слова: чтение, движение глаз, парафовеальная обработка, гипотеза ограничения лексических кандидатов по длине, длина, методика невидимой границы.

1. Введение

Процесс чтения включает в себя сложное взаимодействие зрительного восприятия, окуломоторных процессов (движений глаз) и лингвистической обработки. При чтении, как и при обработке любой другой визуальной информации, наши глаза постоянно находятся в движении: краткосрочные остановки (фиксации), продолжительностью обычно от 60 до 600 миллисекунд (в среднем 200–250 мс²), чередуются с очень быстрыми, порядка 500°/с и выше, баллистическими скачками (саккадами). Скорость саккад настолько велика, что во время скачков человек ничего не воспринимает (это называется саккадическим подавлением). Вся визуальная обработка происходит во время фиксаций [1]. Саккады обычно длятся 20–50 мс (в зависимости от того, насколько далеко нужно переместить глаза) и покрывают в среднем 7–9 символов (включая пробелы)³. Около 10–15% саккад являются регрессиями, т.е. возвратами к уже прочитанному.

Читая текст, люди непосредственно фиксируют взгляд приблизительно на 70% слов в тексте, остальная часть слов пропускается. Это характерно, прежде всего, для коротких (легких для обработки) слов. На сложных для обработки словах (низкочастотных, плохо предсказуемых и др.) читающие обычно фиксируют взгляд несколько раз (это называется рефиксацией). Наличие пропусков и рефиксаций не позволяет использовать единственно общее время прочтения для полного отражения процессов распознавания слов читающими, поэтому в настоящее время применяют целый набор мер, осно-

¹ Данная работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-04-00586.

² Все цифры, здесь и далее, если не указано иного, соответствуют ситуации внимательного чтения текста средней сложности взрослыми носителями английского языка.

³ Вне зависимости от расстояния до монитора и размера шрифта [2].

ванных на понятии длительности фиксации: длительность первой фиксации, независимо от того, сколько раз затем на слове зафиксировался взгляд (first fixation duration); длительность единственной фиксации (single fixation duration); время первого прохода, т.е. сумма всех фиксаций на слове во время первого прочтения, включая рефиксации (gaze duration); общее время прочтения (total viewing time), в которое входят все фиксации на слове, включая фиксации после регрессии к этому слову и др. [3]. Первые три меры соответствуют ранним стадиям обработки слова, последняя мера отражает процессы, происходящие на поздних стадиях процесса распознавания [4]. Среди других мер, описывающих движения глаз при чтении, следует упомянуть количество фиксаций на слове, размер саккады (в символах) и относительное место первой фиксации, вычисляемое как координата X места первой фиксации (в пикселях), поделенная на длину слова (в пикселях).

Глаз находится в постоянном движении в связи с тем, что четкость воспринимаемого изображения является максимальной лишь в небольшой области сетчатки — ее называют центральной ямкой или *фовеей* — где сконцентрировано наибольшее количество светочувствительных рецепторов [5]. Фовея соответствует области изображения размером до 2 угловых градусов зрительного поля (2°) относительно точки фиксации (3–4 символа²), на расстоянии от 2 до 5° (до 15–20 символов²) находится область *парафовеи* с менее четкой разрешающей способностью, за пределами 5° визуальных углов — область периферии, где человек практически ничего не воспринимает [1, 2].

В связи с неоднородностью поля восприятия встает вопрос: во время каждой фиксации мы распознаем только ту часть текста, которая соответствует фовеальной области, или в функциональное поле читающего также попадают слова, которые находятся в парафовеи, справа от точки фиксации (при направлении чтения слева направо)? Ответить на этот вопрос стало возможным, когда появились методики, позволяющие регистрировать движения глаз в реальном времени и проводить различные манипуляции с текстом (например, изменять текст) прямо во время осуществления саккад, т.е. тогда, когда человек ничего не воспринимает из-за саккадического подавления (см. выше).

Размер функционального поля был определен при помощи методики движущегося окна (moving window) [6]. При этой методике выбирается диапазон (размер окна) и все символы *за пределами* этого окна вокруг каждой фиксации маскируются — заменяются на *x*, визуально похожие или непохожие буквы (относительно исходных) или любые другие символы. Таким образом искусственно ограничивается размер функционального поля читающего. Эксперименты с использованием данной методики показали, что скорость чтения при наличии окна практически не отличается от обычной, когда читающему доступны как минимум 3–4 позиции слева и 14–15 справа от центра фиксации по направлению чтения (позиции с 5-й по 15-ю попадают в парафовеальную область²) [6, 7]. Если, напротив, маскировать буквы, соответствующие фовеальной области (три символа вокруг точки фиксации), создавая слепое пятно, то чтение становится практически невозможным (скорость чтения падает более чем в пять раз). Если размер слепого пятна увеличить до 7–10 символов, то скорость чтения уменьшится до 10 слов в минуту при средней скорости в 332 слова в минуту. Если же скрывать парафовеальную

область, то скорость чтения также уменьшится, но не так сильно: менее чем в три раза за пределами окна в 3 символа вокруг точки фиксации и менее чем в два раза при окне до 7–10 символов [8]. Таким образом, можно утверждать, что, хотя основную часть визуальной информации о слове мы получаем фовеальным зрением, процесс распознавания начинается ранее, еще на этапе парафовеальной обработки.

Какие характеристики слов мы успеваем вычленить при парафовеальной обработке? Чтобы ответить на этот вопрос, обычно используют методику невидимой границы (boundary paradigm) [9]. Суть этой методики заключается в следующем. В предложении выбирается ключевое (целевое) слово, и перед ним располагается условная невидимая граница. Пока глаза читающего находятся перед ней, вместо ключевого слова в соответствующей позиции на экране показывается другое слово или псевдослово (последовательность букв, не являющаяся словом изучаемого языка). Его называют праймом (prime или preview). Когда в процессе очередной саккады глаза читающего пересекают невидимую границу, расположенную перед ключевым словом, изначально показанный прайм меняется на целевое слово (рис. 1). Собственно, замену человек обычно не замечает из-за саккадического подавления. Однако было показано, что подобные манипуляции могут оказать значительное влияние на итоговую скорость прочтения целевого слова.

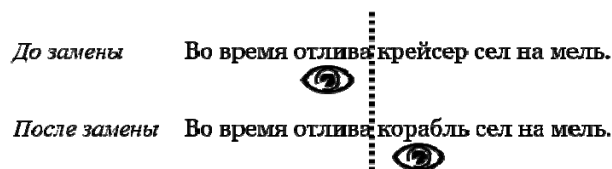

Рис. 1. Пример стимула в эксперименте с невидимой границей

Эксперименты с невидимой границей построены на измерении прайм-эффекта (preview effect), заключающегося в том, что длительность фиксаций на ключевом слове после прайма, каким-то образом связанного с целевым словом (например, визуально похожего на него: *секта* → *сетка*), меньше, чем после прайма, не связанного с целевым словом (*баран* → *сетка*). Теоретически это объясняется следующим образом. Если характеристики, считанные парафовеально с прайма, противоречат фовеально извлеченным характеристикам целевого слова, на котором глаза зафиксировались после замены, то процесс интеграции парафовеальной информации с фовеальной прерывается, начинается повторный анализ и длительность фиксаций на целевом слове увеличивается. Таким образом, мы можем подбирать праймы, варьируя характеристики, связанные с различными этапами обработки слова, и смотреть, насколько сильно это будет влиять на длительность фиксации на целевом слове. При этом если в качестве одного из праймов мы берем само целевое слово (исходное условие), а второй прайм представляет собой другое слово или последовательность символов, у которых с целевым словом не совпадает исследуемая характеристика (экспериментальное условие), то можно говорить о размере отрицательного прайм-эффекта (preview cost). Если же в каче-

стве отправной точки (исходное условие) мы выбираем последовательность символов или слово, никак не связанное с целевым словом или не имеющее исследуемой характеристики, а экспериментальное условие представляет собой прайм, обладающий исследуемой характеристикой, то говорят о размере положительного прайм-эффекта (preview benefit). Предыдущие исследования с невидимой границей показали, что орфографически и фонетически близкие праймы сокращают длительность фиксации на ключевом слове после замены [2, 9, 10]. Данные об извлечении семантической и морфологической информации противоречивы [2].

На данный момент существует ряд конкурирующих моделей доступа к слову в ментальном лексиконе, и все они включают в себя этап активации нескольких возможных кандидатов в процессе доступа к распознаваемой единице [11–15]. Причем в основе активации лежит орфографическое сходство, если это касается письменной речи. В данной работе мы отвечаем на вопрос о том, используется ли длина, помимо орфографического сходства, в качестве параметра, влияющего на стадию активации, а именно на процесс ограничения множества возможных кандидатов при поиске слова в ментальном лексиконе.

1.1. Длина слов при чтении текстов

Данные, полученные из корпусов записей движений глаз при чтении текстов, показывают, что длина слов влияет как на длительность, так и на количество фиксаций. В частности, чем больше букв в слове, тем больше времени нужно, чтобы его прочесть [1, 16]. Это может быть объяснено тем, что на длинных словах (от 8 букв и больше) читающие останавливают взгляд чаще чем один раз и почти никогда их не пропускают. Повторное прочтение длинных слов необходимо в связи с окуломоторными ограничениями: не все буквы можно одинаково хорошо распознать за одну фиксацию. Короткие слова (длиной 2–3 буквы), наоборот, пропускаются почти в трети случаев. В целом чем длиннее слово, тем чаще на нем фиксируется взгляд и тем меньше оно пропускается. При этом важным является именно количество букв, а не физическая длина слова. С. Макдональд [17] контролировал физическую длину предъявляемых слов с разным количеством букв (при помощи сжатия/растягивания символов), и результаты оказались аналогичными полученным ранее. От длины также зависит место первой фиксации внутри слова. Во многих исследованиях показано [18, 19], что обычно глаза останавливаются чуть левее центра слова (примерно на одну букву). Такое расположение называют предпочитаемой позицией первой фиксации (preferred viewing location).

Из перечисленных выше фактов можно сделать вывод, что длина влияет, прежде всего, на перцептивную стадию обработки слов: при помощи длины определяется, куда направить следующую саккаду. Однако длина коррелирует с рядом лингвистических параметров: короткие слова в основном являются служебными словами, в то время как длинные слова почти всегда относятся к полноточным частям речи; в коротких словах по сравнению с длинными меньше аффиксов, как и слогов, и у коротких слов больше квазиомографов (*сетка – секта – метка* и др.) или орфографических соседей. Было показано, что количество орфографических соседей влияет на лексический доступ [20].

Кроме того, когда людей просят угадать следующее слово в тексте, то информация о длине существенно увеличивает точность ответов [21]. Все это говорит о том, что информация о длине может учитываться при активации кандидатов в процессе доступа к распознаваемой единице. В связи с этим говорят о гипотезе ограничения лексических кандидатов по длине при чтении (length constraint hypothesis) или о «лингвистической» функции длины (помимо чисто перцептивной). В большинстве работ эта гипотеза представлена в достаточно мягком варианте: информация о длине совместно с орфографическим кодом используется для ограничения списка возможных кандидатов [20, 22]. Эта гипотеза была сформулирована в 2003 г. А. Инхоффом с коллегами [20]. Для проверки данной гипотезы они предложили использовать методику невидимой границы. Эксперименты, которые тестировали данную гипотезу, дали противоречивые результаты. Ниже представлено краткое описание этих экспериментов.

В серии из двух экспериментов А. Инхоффа и его коллег гипотеза ограничения лексических кандидатов по длине не нашла подтверждения [20]. В первом эксперименте испытуемых просили прочитать предложения, в которых содержалось ключевое слово (например, *subject* ‘предмет, тема’). Для каждого ключевого слова было подобрано четыре прайма (одно или два псевдослова): близкий по написанию и совпадающий по длине (*subtect*), близкий по написанию, но не совпадающий по длине (*sub ect*), непохожий по написанию, но совпадающий по длине (*mivtirp*) и непохожий по написанию и не совпадающий по длине (*miv irp*). Прайм заменялся на ключевое слово при пересечении невидимой границы, которая располагалась сразу же после слова, предшествующего ключевому. Ученые ожидали получить значимое взаимодействие длины и орфографического сходства: орфографическое сходство должно ускорять обработку ключевого слова сильнее, когда прайм и целевое слово совпадают по длине, чем в противоположном случае. Результаты эксперимента показали, что отдельно длина и орфографическое сходство влияют на длительности фиксации на ключевом слове после замены, однако взаимодействие этих двух факторов не достигло значимости.

Как сказано выше, орфографическое сходство является главным фактором, влияющим на активацию кандидатов в существующих моделях лексического доступа, а следовательно, оно, без сомнения, обладает лингвистической функцией. Поэтому Инхофф с коллегами сделал следующий вывод: раз длина не вступает во взаимодействие с орфографическим кодом, то она не имеет отношения к лингвистической обработке (эти параметры относятся к разным стадиям распознавания) и используется только для программирования саккад (т.е. длина является чисто перцептивной характеристикой). В этом случае полученная значимость фактора длины может быть объяснена тем, что, когда в парафовеальной области находился прайм, отличный от целевого слова по длине, глаза выбирали в качестве позиции первой фиксации в слове ту, которая оптимальна для прайма, но не для целевого слова. И это замедлило обработку целевого слова после замены.

Во втором эксперименте А. Инхофф и его соавторы исследовали два фактора: длину прайма и частотность ключевого слова. При этом праймы всегда были псевдословами, визуально похожими на целевое слово (например,

sivtirp / siv irp – *subject* ‘предмет, тема’). Авторы ожидали получить больший прайм-эффект между праймами разной длины для низкочастотных слов, чем для высокочастотных. Количество первых в разы больше, чем вторых, поэтому длина должна была сократить список возможных кандидатов в большей мере для низкочастотных слов, чем для высокочастотных. Это верно при условии, что длина, как и частотность, связана с доступом к ментальному лексикону. Результаты снова противоречили предсказаниям гипотезы ограничения лексических кандидатов по длине: не было найдено значимого взаимодействия между исследуемыми факторами, хотя отдельно эффекты длины и частотности были выявлены.

В следующих двух исследованиях [23, 24] были представлены данные, которые можно интерпретировать в пользу рассматриваемой гипотезы. Ученые тестировали ее при помощи манипуляций с длиной и контекстной предсказуемостью, которая, как известно, играет существенную роль при поиске слов в ментальном лексиконе [25]. В исследовании С. Уайт и коллег [23] участники читали предложения (например, *the explosives expert planted the large bomb/rose under the old tree* ‘сапер заложил бомбу / посадил розу под старое дерево / под старым деревом’), в которые были вставлены либо предсказуемые слова (*bomb* ‘бомба’), либо непредсказуемые (*rose* ‘роза’). Для каждого ключевого слова было сконструировано два прайма: идентичный (*bomb/rose* ‘бомба’ / ‘роза’) и не совпадающий по длине (*bombsunder/rosesunder* ‘бомбуспод’ / ‘розуспод’). Для того чтобы создать не совпадающий по длине прайм, исследователи вставляли букву *s* ‘с’ между ключевым и следующим за ключевым словом. Результаты выявили значимое взаимодействие между длиной и контекстной предсказуемостью: прайм-эффект между предсказуемыми и не предсказуемыми словами был больше, когда прайм и целевое слово совпадали по длине, чем в противоположном случае. В эксперименте Б. Юхас с соавторами использовали сложные слова (*backhand* ‘удар с неудобной руки (в теннисе)’) и сочетания из двух слов, полученные из сложных путем удаления одной буквы (*back and* ‘спина и’), которые могли быть предсказуемы или нет в зависимости от контекста. Когда первые использовали в качестве прайма для вторых (по сравнению с идентичным условием) и наоборот, эффект предсказуемости исчезал. Иначе говоря, эффект предсказуемости зависел от того, совпадали ли прайм и целевое слово по длине. По логике, описанной выше, получается, что длина, как и контекстная предсказуемость, связана с отбором кандидатов при лексическом доступе.

В недавнем исследовании А. Велдре и С. Эндрьюс [22] представили данные, также говорящие в пользу гипотезы ограничения лексических кандидатов по длине. Как и в эксперименте А. Инхоффа с коллегами, в этой работе четыре вида прайма отличались друг от друга комбинацией длины и орфографического сходства. Чтобы получить прайм, отличный от целевого слова по длине, авторы заменяли пробел после ключевого слова (например, *...afternoon wind blew...* ‘...во второй половине дня ветер дул...’) на последнюю букву ключевого слова (*...afternoon windblew...* ‘...во второй половине дня ветеррдул...’). Чтобы получить праймы, визуально непохожие на ключевое слово, они использовали случайные последовательности букв (*...afternoon crvt blew...* / *...afternoon crvtblew...* ‘во второй половине крвт

дул' / 'во второй половине крвттдул'). Длительность обработки ключевого слова была больше после праймов, не совпадавших по длине, чем когда длина прайма и целевого слова совпадали, и после праймов, составленных из случайных букв по сравнению с идентичным условием. Самым важным результатом стало то, что взаимодействие исследуемых факторов достигло значимости: орфографическое сходство ускоряло обработку ключевого слова сильнее, когда прайм и целевое слово совпадали по длине, чем в противоположном случае. Этот эксперимент показал, что длина, как и орфографический код, влияет на отбор кандидатов в процессе доступа к распознаваемой единице.

Несовпадение результатов перечисленных выше экспериментов, с нашей точки зрения, может быть вызвано следующими обстоятельствами. Во-первых, ученые в своих исследованиях использовали разные факторы. Возможно, предсказуемость сильнее влияет на отбор кандидатов, чем орфографическое сходство [22]. Или дополнительные затраты на обработку визуальной формы слова при несовпадении длины больше в ситуации ожидания определенного слова по сравнению со случаем, когда ожиданий нет. Во-вторых, во всех экспериментах, где удалось найти подтверждение гипотезы ограничения лексических кандидатов по длине, в качестве одного из условий выбиралось идентичное (когда прайм и целевое слово совпадали). Может быть, использование псевдослов в качестве праймов в экспериментах А. Инхоффа и соавторов не давало выявить прайм-эффект, отражающий совместное влияние длины и орфографического сходства. То есть лексический статус праймов имеет значение. В-третьих, авторы, которые высказались в пользу рассматриваемой гипотезы, в качестве прайма, не совпадающего с целевым словом по длине, использовали более длинное слово, а А. Инхофф с коллегами для конструирования соответствующих праймов удаляли одну из центральных букв из праймов, совпадающих по длине (например, *subtect* → *sub ect*). Эта манипуляция, вероятно, позволила испытуемым обработать больше букв: как известно, лучше всего обрабатываются первые и последние буквы, поэтому те буквы, которые примыкали в коротком прайме к образованному пробелу, могли быть восприняты лучше, и это ослабило эффект, вызванный совпадением по длине.

Все эти предположения могут быть верны одновременно. Наше исследование направлено на то, чтобы подтвердить или опровергнуть гипотезу ограничения лексических кандидатов по длине с учетом второго из вышеперечисленных пунктов.

2. Метод

Мы провели эксперимент с применением методики невидимой границы на материале русского языка, чтобы проверить гипотезу ограничения лексических кандидатов по длине с учетом одного из представленных выше предположений, призванных объяснить различные результаты экспериментов, в которых тестировалась данная гипотеза. Это предположение заключается в том, что нелексический статус праймов замедляет процесс распознавания слов в парафовеальной области, и этот факт может скрыть эффект длины.

Мы взяли за основу второй эксперимент А. Инхоффа и его соавторов [20], но внесли в него следующие изменения. Во-первых, в качестве праймов

мы решили подобрать реальные слова, визуально похожие на целевое слово, в то время как в эксперименте А. Инхоффа и коллег праймы представляли собой псевдослова. Это изменение прямо вытекает из описанного выше предположения. Кроме того, в нескольких предыдущих исследованиях с применением методики невидимой границы было показано, что реальные слова являются лучшим праймом для целевого слова, чем псевдослова даже при совпадении визуальной сложности [9, 26].

Во-вторых, в своем исследовании А. Инхофф и его соавторы [20] манипулировали только частотностью целевого слова, так как праймы были псевдословами. В нашем случае мы также подобрали целевые слова с высокой и низкой частотностью. Кроме того, из предыдущих исследований мы знаем, что помимо собственной частотности целевого слова важным является соотношение частотностей между ним и праймом [26]. Поэтому для низкочастотных целевых слов мы использовали высокочастотные праймы и наоборот.

В-третьих, для условия несовпадения длины прайма и целевого слова мы подобрали слова всего на две буквы длиннее, чем ключевое слово. Мы ожидали, что такое незначительное изменение длины слова в парафовее существенным образом не повлияет на предпочитаемое место первой фиксации. И тогда, если будет выявлено ускорение обработки ключевого слова после праймов, совпадающих по длине, полученный эффект нельзя будет объяснить с чисто перцептивной позиции. В этом случае результаты эксперимента будут свидетельствовать в пользу гипотезы ограничения лексических кандидатов по длине. Кроме того, как и в эксперименте А. Инхоффа с коллегами [20], мы собирались проанализировать взаимодействие между частотностью и длиной¹.

2.1. Участники

В исследовании приняло участие 24 взрослых носителя русского языка в возрасте от 22 до 30 лет. Все испытуемые имели нормальное или скорректированное до нормального (очками или линзами) зрение. Они не знали о цели исследования и приняли участие в эксперименте добровольно и безвозмездно.

2.2. Материал

Мы отобрали 48 ключевых слов длиной 5, 6 или 7 букв. Все слова были существительными. Половина из них были высокочастотными: средняя частотность – 104,9 ipm (items per million, т.е. количество употреблений на миллион), диапазон частот – от 41,6 до 242,2 ipm. Другая половина – низкочастотные слова: средняя частотность – 4,6 ipm, диапазон частот – от 0,7 до 15,0 ipm. При подборе слов (здесь и ниже) использовалась частота леммы (суммарная частотность всех словоформ данной лексемы), взятая из «Частотного словаря современного русского языка» О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова [27]. Средняя длина высокочастотных слов составила 6,2 буквы, низкочастотных – 6,0. Для каждого ключевого слова было составлено простое утвер-

¹ Заметим, что из всех возможных вариантов несовпадения по длине (одно слово может быть длиннее или короче другого на разное число букв) мы, как и авторы предыдущих исследований, рассматриваем только один. Однако если удастся показать, что длина влияет на скорость прочтения и это влияние не обусловлено полностью проблемами с местом первой фиксации, этого будет достаточно для подтверждения гипотезы.

дительное предложение, не превышавшее 80 символов в длину. Ключевое слово всегда находилось в середине предложения (никогда не занимало ни первые две, ни последние две позиции).

Пример экспериментального предложения во всех исследуемых условиях:

1. (После замены, ключевое слово выделено жирным)

*Созревшие плоды **кокоса** весят в среднем 600 граммов.*

2. (До замены, прайм выделен жирным)

*a. Созревшие плоды **кокоса** весят в среднем 600 граммов.* (идентичное условие: прайм и ключевое слово полностью совпадают)

*b. Созревшие плоды **колена** весят в среднем 600 граммов.* (прайм и ключевое слово совпадают по длине)

*c. Созревшие плоды **коридора** весят в среднем 600 граммов.* (прайм и ключевое слово не совпадают по длине)

Для каждого ключевого слова (например, *кокоса*) было подобрано три вида праймов: идентичное слово (*кокоса*), совпадающее по длине реальное слово (*колена*) и не совпадающее по длине реальное слово (*коридора*). Все праймы обладали определенной степенью визуального сходства с целевым словом: у них совпадали две первые и последняя буквы. Стоит отметить, что многочисленные эксперименты [25, 28, 29] с невидимой границей показали, что совпадение первых двух-трех букв у целевого слова и прайма ускоряет обработку после замены. Для коротких слов (меньше шести букв) тот же эффект прослеживается и для нескольких последних букв [30, 31]. При этом совпадение букв, расположенных в середине, не вызывает прайминг. Благодаря пробелам с одной стороны крайние буквы обладают большей перцептивной выделенностью и, вероятно, запускают процесс лексического доступа еще на стадии парафовеальной обработки. Именно в связи с данными фактами мы решили использовать крайние буквы как показатель визуального сходства.

Не совпадающий по длине прайм был длиннее, чем ключевое слово, на две буквы. Совпадающий по длине прайм имел такую же или почти такую же слоговую структуру, что и целевое слово. Не совпадающий по длине прайм был подобран так, что слоговая структура целевого слова почти всегда полностью входила в слоговую структуру прайма. Неидентичные праймы стояли в том же числе и в большинстве случаев в том же падеже, что и целевое слово. Неидентичные праймы были отобраны при помощи базы данных Stimul-Stat, позволяющей искать слова по различным лингвистическим характеристикам, включая длину, частотность, первую и последнюю буквы, часть речи и др. [32].

Для низкочастотных целевых слов неидентичные праймы представляли собой высокочастотные слова. Средняя частотность праймов для условия совпадения по длине – 95,5 ipm (диапазон – от 41,5 до 157,7 ipm), для условия несовпадения по длине – 94,7 ipm (диапазон – от 39,1 до 160,0 ipm). У высокочастотных целевых слов праймы были низкочастотными словами. Средняя частотность праймов для условия совпадения по длине – 4,5 ipm (диапазон – от 0,5 до 13,6 ipm), для условия несовпадения по длине – 4,3 ipm (диапазон – от 0,4 до 13,8 ipm). Мы провели парный двухсторонний t-тест, который под-

твердил, что частотности подобранных праймов в совпадающем и не совпадающем по длине условиях не различались (для низкочастотных целевых слов: $p = 0,93$, для высокочастотных целевых слов: $p = 0,8$).

Помимо 48 экспериментальных предложений в эксперимент вошли 42 отвлекающих предложения (филлеры). Длина филлеров также не превышала 80 символов. Три лингвиста-эксперта проверили все составленные предложения на естественность. В результате данной процедуры небольшое количество предложений было скорректировано. Окончательный список предложений представлен в прил. 1.

Стимульные предложения были распределены по трем экспериментальным листам по методу латинского квадрата. Отвлекающие предложения были одними и теми же для всех экспериментальных листов. Каждый испытуемый читал только один экспериментальный лист. Предложения в каждом листе шли в случайном порядке.

2.3. Оборудование

Для проведения эксперимента использовался аппарат для регистрации движения глаз SR Research Eyelink 1000 plus с камерой, расположенной под монитором (desktop mode). Как часто делается в такого рода исследованиях, запись движений глаз шла в монокулярном режиме, хотя испытуемые читали предложения, используя оба глаза [20]. Мы решили не использовать стойку для фиксации головы, чтобы смоделировать ситуацию чтения, максимально приближенную к естественной. Положения глаз регистрировались каждые 4 мс.

Для показа стимулов мы использовали жидкокристаллический монитор HP Compaq LA2205wg 22" с частотой обновления картинки 60 Гц и разрешением 1680 x 1050 пикселей. Предложения были набраны шрифтом Georgia (14 кеглей) черным цветом на белом фоне. Каждое экспериментальное предложение помещалось на одной строчке. Испытуемые находились на расстоянии 60 см от монитора, но из-за того, что был выбран режим записи со свободным положением головы, расстояние могло слегка изменяться. При отдалении глаз от монитора на 60 см 1° зрительного поля соответствует приблизительно 2,2 буквы.

Эксперимент был создан при помощи программного обеспечения Experiment Builder, разработанного в компании SR Research и поставляемого вместе с регистратором движения глаз. Замена прайма на целевое слово происходила во всех экспериментальных предложениях (даже в идентичных условиях), когда глаза пересекали невидимую границу. Граница располагалась перед последней буквой слова, идущего перед целевым. Время выполнения подмены картинки (от момента идентификации перехода границы до окончания отрисовки¹ текста после замены) колебалось от 7 до 25 мс (в среднем – 16 мс).

2.4. Процедура

Испытуемые проходили эксперимент по отдельности в тихой комнате. Эксперимент начинался с калибровки регистратора движения глаз: испытуе-

¹ Под отрисовкой понимается процесс отображения текста на экране компьютера (имеется в виду задержка, вызванная тем, что пиксели на мониторе не загораются мгновенно).

мые должны были фиксировать взгляд поочередно на 13 точках, которые случайным образом показывались на экране. За калибровкой следовал этап валидации, во время которой испытуемые должны были повторить процедуру калибровки. После этого система сверяла результаты повторной калибровки с предсказаниями регистратора, сделанными на основе результатов исходной калибровки. Валидация считалась успешной, если ошибка, полученная на основе предсказаний, не превышала 1°.

После этапа валидации испытуемые видели инструкцию, в которой сообщалось, что во время эксперимента им необходимо будет читать предложения и время от времени отвечать на вопросы по содержанию прочитанного. После прочтения инструкции испытуемый нажимал любую кнопку на джойстике, после этого на экране появлялся небольшой черный кружок, располагавшийся на месте первой буквы будущего предложения. Испытуемый фиксировал взгляд на кружке, а экспериментатор оценивал, насколько хорошо регистратор движений глаз определял точку фиксации. Если отклонение было большим, то экспериментатор запускал повторную калибровку, в противном случае экспериментатор нажимал пробел, после чего испытуемому показывалось первое предложение.

После прочтения предложения испытуемому нужно было посмотреть в правый нижний угол экрана. Далее испытуемый видел либо снова фиксационную точку, за которой следовало новое предложение, либо вопрос на понимание уже прочитанного предложения с двумя вариантами ответа. Чтобы ответить на вопрос, испытуемому необходимо было посмотреть на выбранный им вариант. Вопросы появлялись после трети предложений. Анализ ответов показал, что все испытуемые внимательно читали предложения, так как средняя точность ответов составила 97%.

3. Анализ данных и результаты

Зависимыми переменными в нашем исследовании были длительность первой фиксации, длительность единственной фиксации, время первого прохода, общее время прочтения, описанные во введении. В качестве независимых переменных мы использовали тип прайма (идентичный, совпадающий по длине, не совпадающий по длине), частотность целевого слова / прайма (нечастотное целевое слово – частотный прайм / частотное целевое слово – нечастотный прайм), пропуск слова, расположенного слева от ключевого (пропущено / не пропущено) и относительную позицию первой фиксации.

3.1. Предварительная обработка данных

Считалось, что на том или ином слове зафиксировался взгляд, если глаза остановились на любой букве внутри слова или на пробеле перед словом. Следуя распространенной практике в данной области [16, 19], мы выбрали верхнее и нижнее пороговые значения времени фиксации и удалили из анализа значения, выходящие за пределы данного диапазона. Нижний порог был равен 10 мс. Что касается верхнего порога, то для первой фиксации, единственной фиксации и времени первого прохода он составил 1000 мс, для общего времени прочтения – 1500 мс. Также были исключены предложения, в которых было зафиксировано моргание в диапазоне плюс-минус одно слово от ключевого, те предложения, в которых отрисовка после замены закончилась позже, чем завершилась саккада, а также те предложения, где целевое слово

при первом прочтении было пропущено. В результате для анализа мы использовали 662 предложения из 1152. Из-за сложности процедуры во всех экспериментах с невидимой границей приходится терять большое количество данных [33].

3.2. Анализ данных

Для анализа данных мы использовали метод смешанных линейных моделей [34]. Этот метод (разновидность регрессионного анализа) является альтернативой дисперсионному анализу с повторениями. Его главным преимуществом является то, что в модели одновременно учитывается как вариативность по испытуемым, так и вариативность по стимулам (в качестве случайных эффектов). Это позволяет избежать довольно частой ситуации в дисперсионном анализе, когда усреднение по стимулам – F1 – дает один результат, а усреднение по испытуемым – F2 – другой [34].

Мы использовали среду R и библиотеку lme4 [35] для проведения статистического анализа и построения смешанных моделей. В библиотеке lme4 не реализован расчет p-уровней для моделей с интервальными зависимыми переменными (такими как длительность фиксаций) из-за теоретической неоднозначности при расчете числа степеней свободы. Однако значимость независимых переменных можно определить, исключая из полной модели со всеми независимыми переменными (а также с их взаимодействиями) последовательно каждый исследуемый параметр и сравнивая полную и урезанную модели при помощи отношения правдоподобия (likelihood ratio test). Таким же образом можно проверять значимость взаимодействий между интересующими параметрами [34].

Руководствуясь данным методом, мы сначала определили, какие взаимодействия фиксированных эффектов (независимых переменных) являются существенными, а затем на основе полученной наилучшей модели определили значимость каждого эффекта отдельно. Значимое ухудшение модели после удаления параметра, который имеет три уровня (как в нашем случае тип прайма), не говорит о том, какие именно различия повлияли на результат. Поэтому в данном случае мы смотрели на значение двухстороннего t-теста, включенного в выдачу регрессионной модели. Если $t > 1,96$, то разница между уровнями (закодированная при помощи контрастов) значима [33].

Для каждой зависимой переменной мы строили отдельные регрессионные модели, используя в качестве фиксированных эффектов независимые переменные, а в качестве случайных эффектов идентификаторы испытуемых и идентификаторы экспериментальных предложений. Все зависимые переменные были предварительно логарифмированы. Это необходимо для того, чтобы так называемые остатки модели (та вариативность, которую не удалось предсказать) были распределены нормально [19].

Фиксированные переменные были введены в модели в следующем виде. Пропуск предшествующего слова и частотность ключевого слова были закодированы в R при помощи контраста treatment метками $-0,5$ и $0,5$. Для первого фактора исходным уровнем считалась наличие фиксации на предшествующем слове (значение « $-0,5$ »), для второго фактора – высокая частотность (значение « $-0,5$ »). Для типа прайма мы использовали скользящий контраст (sliding contrast), который позволял провести два сравнения: (1) идентичное

условие с условием, в котором прайм являлся другим словом, но обладал такой же длиной, как у целевого слова, и (2) совпадающий по длине неидентичный прайм с праймом, не совпадающим по длине (ключевое для нашего исследования сравнение).

Если мы обнаружим эффект длины (ключевое сравнение будет значимо), то результат может быть проинтерпретирован не только в пользу гипотезы ограничения лексических кандидатов по длине. Замедление обработки может быть также вызвано неоптимальным приземлением глаз. Частично мы контролировали эту проблему тем, что выбрали праймы таким образом, что не совпадающий по длине прайм всего на два символа был длиннее, чем прайм, совпадающий по длине. Тем не менее, чтобы полностью исключить это альтернативное объяснение, мы включили в регрессионные модели дополнительный фактор – относительное место первой фиксации. Эта манипуляция позволила проконтролировать все различия, вызванные возможным сдвигом этой позиции, статистически. Таким же образом поступили А. Велдре и С. Эндрьюс в своем исследовании [22]. Относительная позиция первой фиксации, будучи ковариатом (интервальной переменной), была центрирована относительно нуля и введена в модели в квадратичном виде (так как из предыдущих исследований [16, 19] известно, что зависимость между длительностями фиксации и относительным местом первой фиксации квадратичная, а не линейная).

3.3. Результаты

В табл. 1 приведены данные о средних длительностях первой фиксации, единственной фиксации, первого прочтения, полного прочтения, а также среднем значении относительного местоположения первой фиксации в зависимости от типа стимула, частотности ключевого слова и пропуска слова, предшествующего ключевому. Результаты построенных моделей представлены в прил. 2.

Фактор «тип прайма» оказался значимым во всех исследуемых временных мерах: первая фиксация (согласно критерию правдоподобия, $\chi^2(2) = 122,88$; $p < 0,001$), единственная фиксация ($\chi^2(2) = 124,13$; $p < 0,001$), время первого прохода ($\chi^2(2) = 147,82$; $p < 0,001$), время полного прочтения ($\chi^2(2) = 137,68$; $p < 0,001$). Подробный анализ этого фактора показал, что испытуемым требовалось существенно меньше времени, чтобы прочитать целевое слово после прайма, совпадающего по длине с целевым словом, чем после прайма, который длиннее, чем ключевое слово (рис. 2). Разница между этими двумя условиями проявилась в мерах, соответствующих ранним этапам процесса обработки. Для длительности первой фиксации она составила 30 мс¹ ($b = 0,07$, $SE = 0,04$; $t = 2,06$), для единственной фиксации – 36 мс ($b = 0,08$; $SE = 0,04$; $t = 1,97$), для времени первого прохода — 40 мс ($b = 0,08$; $SE = 0,04$, $t = 2,29$). Для полного времени прочтения разница в 19 мс оказалась незначима ($b = 0,07$; $SE = 0,04$; $t = 1,63$). Таким образом, ключевой для нашего исследования фактор длины оказался значимым. Сравнения с услови-

¹ Среднее значение на основании исходных (нелогарифмированных) данных.

Таблица 1. Целевые меры движения глаз на ключевом слове в зависимости от типа прайма, частотности и пропуска предшествующего слова

Целевые меры	Частотность целевого слова (N)*	Пропуск слова N-1	Тип прайма			
			Идентичный		Совпадающий	
			M	SD	M	SD
Первая фиксация (мс)	Высокая	Не пропущено	215	58	344	131
	Высокая	Пропущено	253	69	334	106
	Низкая	Не пропущено	273	102	382	169
Единственная фиксация (мс)	Низкая	Пропущено	270	113	342	167
	Высокая	Не пропущено	217	59	350	131
	Высокая	Пропущено	253	69	346	113
Первый проход (мс)	Низкая	Не пропущено	277	104	388	175
	Низкая	Пропущено	279	118	376	171
	Высокая	Не пропущено	226	66	360	139
Полное прочтение (мс)	Высокая	Пропущено	253	69	360	111
	Низкая	Не пропущено	285	105	423	191
	Низкая	Пропущено	306	131	393	165
Относительное место первой фиксации	Высокая	Не пропущено	228	70	413	175
	Высокая	Пропущено	269	87	401	151
	Низкая	Не пропущено	345	171	513	243
Относительное место первой фиксации	Низкая	Пропущено	383	200	491	244
	Высокая	Не пропущено	0,53	0,19	0,56	0,18
	Высокая	Пропущено	0,43	0,20	0,37	0,20
Относительное место первой фиксации	Низкая	Не пропущено	0,56	0,22	0,57	0,20
	Низкая	Пропущено	0,42	0,22	0,44	0,21
	Низкая	Пропущено	0,42	0,22	0,44	0,21

*У высокочастотного целевого слова неидентичные праймы были низкочастотными и наоборот. Обозначения: М – среднее значение, SD – стандартное отклонение.

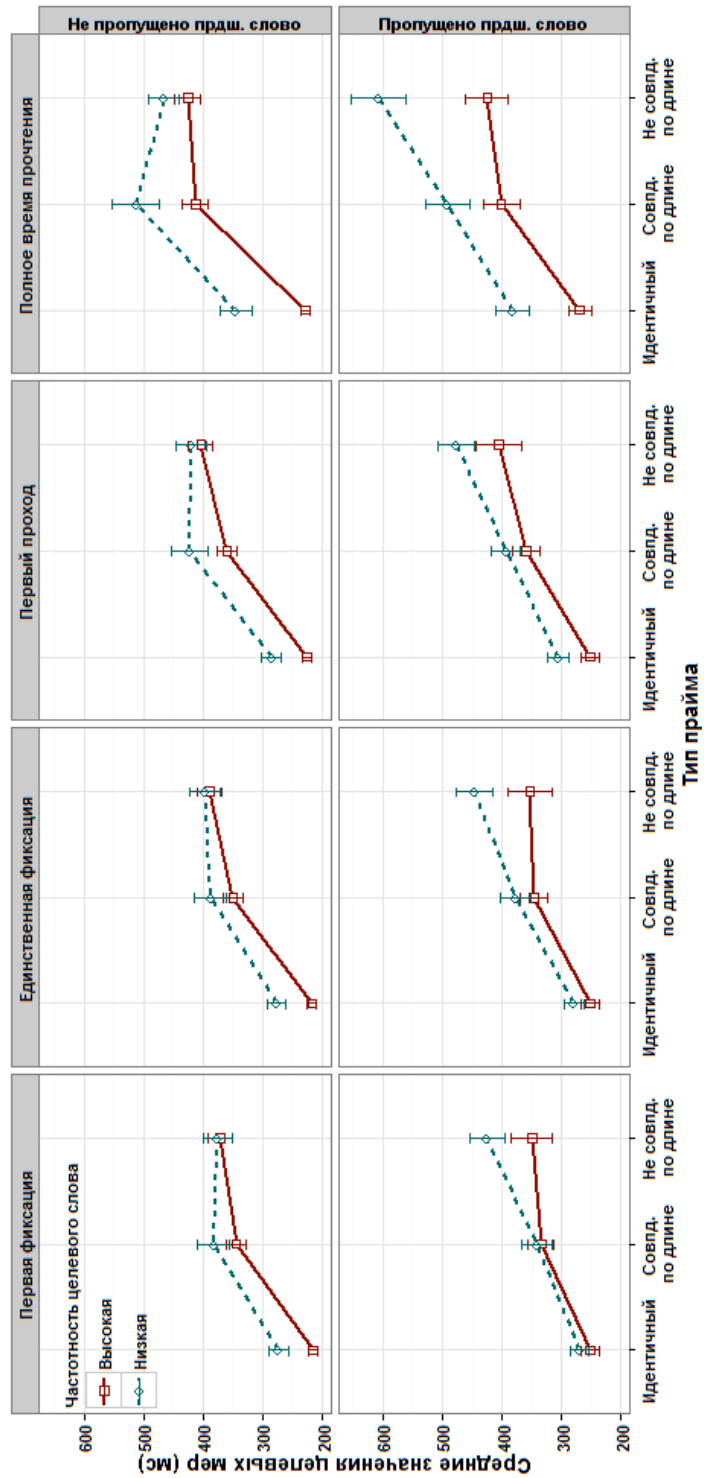

Рис. 2. Средние значения целевых мер движений глаз для ключевого слова в зависимости от типа прайма, частотности ключевого слова и пропуска предшествующего слова

ем идентичности также дали значимые результаты (см. прил. 2), что свидетельствует о том, что испытуемые реагировали на замену слова, даже если его длина не менялась (так как эти сравнения не являются ключевыми для нашего исследования, мы не будем на них подробно останавливаться).

Как показывают приведенные в прил. 2 данные, для некоторых мер также оказались значимыми такие факторы, как пропуск слова перед ключевым (это ожидаемый результат), место первой фиксации и частотность ключевого слова. К частотности мы вернемся ниже. Значимость же второго фактора указывает на то, что у испытуемых возникали определенные сложности в связи с неоптимальным местом первой фиксации в условии с «длинными» праймами. Тем не менее для нас важно, что интересующий нас эффект длины оказался значимым *при учете* этого фактора, т.е. эффект длины *не сводится* к затруднениям, связанным с неоптимальным местом первой фиксации.

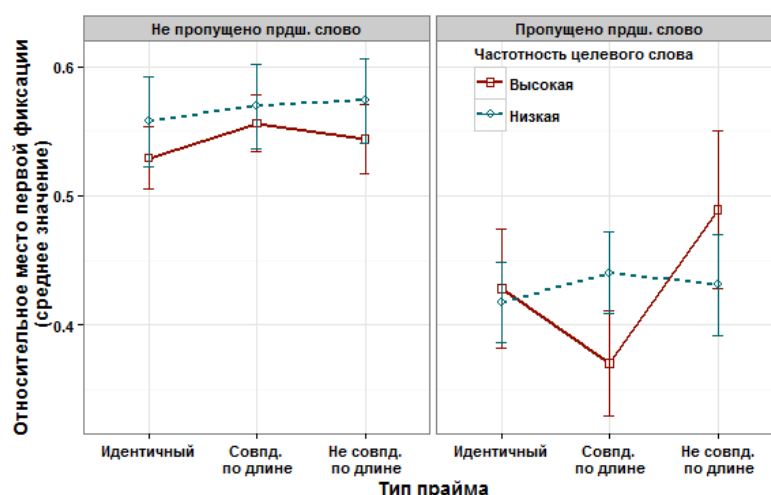

Рис. 3. Средние значения относительного места первой фиксации на ключевом слове в зависимости от типа прайма, частотности и пропуска предшествующего слова¹.

Мы провели дополнительный анализ, исследующий степень влияния типа прайма, частотности целевого слова и пропуска предыдущего слова на место первой фиксации (рис. 3). При пропуске предшествующего слова место первой фиксации на ключевом слове существенно сдвигается влево ($\chi^2(1) = 61,47$; $p < 0,001$). Тип прайма ($\chi^2(2) = 3,16$; $p = 0,21$) и частотность ($\chi^2(1) = 1,24$; $p = 0,27$) не оказывают влияния на место первой фиксации. Тройное взаимодействие между факторами также не достигло значимости ($\chi^2(7) = 4,31$; $p = 0,74$). Таким образом, мы подтвердили, что экспериментальная манипуляция не изменила значимо место предпочитаемой фиксации. Оба результата, представленных выше, дают основания утверждать, что гипотеза ограничения лексических кандидатов по длине правомерна.

Наконец, как и ожидалось, мы установили, что частотные слова обрабатываются значимо быстрее, чем низкочастотные. Разница между низкочас-

¹ Относительное место первой фиксации вычисляется как координата X места первой фиксации (в пикселях), поделенная на длину слова (в пикселях), и поэтому не имеет размерности.

тотным и высокочастотным словами для первой фиксации составила 28 мс ($\chi^2(1) = 4,12$; $p = 0,04$), для единственной фиксации – 38 мс ($\chi^2(1) = 5,18$; $p = 0,02$), для времени первого прохода – 45 мс ($\chi^2(1) = 7,11$; $p = 0,008$), для времени полного прочтения – 99 мс ($\chi^2(1) = 24,20$; $p < 0,001$). Между частотностью и ключевым для данного исследования контрастом не было найдено значимого взаимодействия ни в одной из мер ($p > 0,1$ для всех сравнений). Это свидетельствует о том, что длина и частотность являются независимыми друг от друга факторами, которые, вероятно, связаны с разными стадиями лексического доступа (активацией и селекцией соответственно).

4. Обсуждение

В рамках данного исследования мы провели эксперимент на материале русского языка с использованием регистратора движения глаз. Мы просили испытуемых прочитать предложения, в которых было выбрано ключевое слово. Перед ключевым словом мы поместили невидимую границу. Когда глаза испытуемых находились перед невидимой границей, в позиции ключевого слова на экране компьютера располагался прайм. В момент пересечения границы глазами (когда человек прочитал все слова до ключевого слова и переводит взгляд на него), прайм менялся на целевое слово. Методика невидимой границы позволяет изучать то, какие характеристики слов считываются при парафовеальной обработке во время чтения (до непосредственной фиксации на слове).

В данном исследовании мы изучали роль длины при визуальной обработке слов в парафове, а точнее, тестировали гипотезу ограничения лексических кандидатов по длине, согласно которой полученная в процессе парафовеальной обработки информация о длине слова не только влияет на окуломоторные процессы (выбор цели для последующей фиксации), но и участвует в лингвистической обработке слов при чтении. Именно на основании этой информации сокращается список кандидатов, активирующихся в процессе лексического доступа. Для этого мы включили в эксперимент три вида прайма: идентичный / совпадающий по длине / не совпадающий по длине.

Наш эксперимент показал, что информация о длине действительно вычленяется на ранних этапах процесса распознавания, так как время обработки ключевого слова после прайма, совпадающего по длине, меньше, чем после прайма, не совпадающего по длине. Зафиксированный эффект длины может быть связан либо с тем, что длина влияет на лексический доступ, либо с тем, что при предъявлении в парафове не совпадающего по длине прайма меняется место первой фиксации на целевом слове после замены (перцептивное объяснение), либо с обоими этими факторами одновременно. В связи с этим мы сделали следующее.

Во-первых, когда мы проводили статистический анализ результатов эксперимента, то включили в список независимых переменных не только тип прайма, но и позицию первой фиксации на целевом слове после замены. Фактор длины оказался значимым для всех мер, соответствующих ранним этапам процесса обработки, фактор места фиксации – только для длительности первой фиксации, значимого взаимодействия между ними не было. Таким образом, длина слова важна и для языкового этапа обработки, и для первой фазы лингвистической обработки. Во-вторых, для не совпадающих по длине

праймов мы выбрали слова всего на две буквы длиннее, чем ключевое слово. Дополнительный анализ результатов с позицией первой фиксации в качестве зависимой переменной показал, что, как мы и ожидали, такое незначительное изменение длины слова в парафовеальном существенным образом не повлияло на предпочитаемое место первой фиксации. Таким образом, результаты нашего эксперимента могут быть проинтерпретированы в пользу гипотезы ограничения лексических кандидатов по длине.

В большинстве моделей доступа к слову в ментальном лексиконе процесс распознавания при чтении включает в себя этап активации возможных кандидатов (прежде всего, на основе орфографического кода) и этап выбора (селекции) наиболее вероятного варианта [11–15]. Второй этап главным образом управляется частотностями активированных кандидатов [11]. Наш эксперимент показал, что длина влияет только на первый этап. В эксперименте мы манипулировали не только типом прайма, но и частотностью целевого слова (половина ключевых слов были высокочастотными словами, другая половина – низкочастотными). В результате, как ожидалось, было установлено, что для прочтения высокочастотных слов требуется меньше времени, чем для низкочастотных, но взаимодействие между частотностью и длиной не достигло значимости.

А. Инхофф и соавторы [20], которые изначально сформулировали гипотезу ограничения лексических кандидатов по длине, полагают, что наличие такого взаимодействия может считаться аргументом в ее пользу. Мы согласны с этим утверждением, однако не считаем, что его отсутствие противоречит этой гипотезе. Мы полагаем, что оно указывает на то, что длина и частотность являются независимыми друг от друга факторами, которые связаны с разными стадиями лексического доступа: длина ограничивает список кандидатов на этапе активации, а частотность влияет на то, какое из активированных слов выиграет конкуренцию на этапе селекции.

Литература

1. Rayner K. Eye movements in reading and information processing: 20 years of research // *Psychological Bulletin*. 1998. № 124(3). P. 372–422.
2. Schotter E.R., Angele B., Rayner K. Parafoveal processing in reading // *Attention, Perception, and Psychophysics*. 2011. № 74(1). P. 5–35.
3. Rayner K. Eye movements and attention in reading, scene perception, and visual search // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2009. № 62(8). P. 1457–1506.
4. Livesedge S., Gilchrist I., Everling S. *The Oxford handbook of eye movements*. Oxford: Oxford University Press, 2011. 1048 p.
5. Барабанищikov В.А., Жегалло А.В. Айтрекинг: Методы регистрации движений глаз в психологических исследованиях и практике. М.: Когито-центр, 2014. 128 с.
6. McConkie G.W., Rayner K. The span of the effective stimulus during a fixation in reading // *Perception and Psychophysics*. 1975. № 17(6). P. 578–586.
7. McConkie G.W., Rayner K. Asymmetry of the perceptual span in reading // *Bulletin of the Psychonomic Society*. 1976. № 8(5). P. 365–368.
8. Rayner K., Bertera J.H. Reading without a fovea // *Science*. 1979. № 206(4417). P. 468–469.
9. Rayner K. The perceptual span and peripheral cues in reading // *Cognitive Psychology*. 1975. № 7. P. 65–81.
10. Rayner K., McConkie G.W., Zola D. Integrating information across eye movements // *Cognitive Psychology*. 1980. № 12(2). P. 206–226.
11. Jacobs A.M., Grainger J. Models of visual word recognition: Sampling the state of the art // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 1994. № 20(6). P. 1311–1334.

12. Coltheart M., Rastle K., Perry C., Langdon R., Ziegler J. DRC: A dual route cascaded model of visual word recognition and reading aloud // *Psychological Review*. 2001. № 108(1). P. 204–256.
13. Morton J. The logogen model and orthographic structure / *Cognitive processes in spelling*. London: Academic Press, 1980. P. 117–133.
14. McClelland J.L., Rumelhart D.E. An interactive activation model of context effects in letter perception: I. An account of basic findings // *Psychological Review*. 1981. № 88(5). P. 375–407.
15. Seidenberg M.S., McClelland J.L. A distributed, developmental model of word recognition and naming // *Psychological Review*. 1989. № 96(4). P. 523–568.
16. Kliegl R., Grabner E., Rolfs M., Engbert R. Length, frequency, and predictability effects of words on eye movements in reading // *European Journal of Cognitive Psychology*. 2004. № 16(1–2). P. 262–284.
17. McDonald S.A. Effects of number-of-letters on eye movements during reading are independent from effects of spatial word length // *Visual Cognition*. 2006. № 13(1). P. 89–98.
18. Rayner K. Eye guidance in reading: fixation locations within words // *Perception*. 1979. № 8(1). P. 21–30.
19. Yan M., Zhou W., Shu H., Yusupu R., Miao D., Krügel A., Kliegl R. Eye movements guided by morphological structure: Evidence from the Uighur language // *Cognition*. 2014. № 132(2). P. 181–215.
20. Inhoff A., Eiter B., Radach R., Juhasz B. Distinct subsystems for the parafoveal processing of spatial and linguistic information during eye fixations in reading // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. Section A. 2003. № 56(5). P. 803–827.
21. Haber L.R., Haber R.N., Furlin K.R. Word length and word shape as sources of information in reading // *Reading Research Quarterly*. 1983. № 18(2). P. 165–189.
22. Veldre A., Andrews S. Parafoveal preview benefit is modulated by the precision of skilled readers' lexical representations // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 2015. № 41(1). P. 219–232.
23. White S.J., Rayner K., Liversedge S.P. The influence of parafoveal word length and contextual constraint on fixation durations and word skipping in reading // *Psychonomic Bulletin and Review*. 2005. № 12(3). P. 466–471.
24. Juhasz B.J., White S.J., Liversedge S.P., Rayner K. Eye movements and the use of parafoveal word length information in reading // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 2008. № 34(6). P. 1560–1579.
25. Balota D.A., Pollatsek A., Rayner K. The interaction of contextual constraints and parafoveal visual information in reading // *Cognitive Psychology*. 1985. № 17(3). P. 364–390.
26. Williams C.C., Perea M., Pollatsek A., Rayner K. Previewing the neighborhood: The role of orthographic neighbors as parafoveal previews in reading // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 2006. № 32(4). P. 1072–1082.
27. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1112 с.
28. Brihl D., Inhoff A.W. Integrating information across fixations during reading: The use of orthographic bodies and of exterior letters // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1995. № 21(1). P. 55–67.
29. Inhoff A.W. Parafoveal word perception during eye fixations in reading: Effects of visual salience and word structure / *Attention and performance 12: The psychology of reading*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1987. P. 403–418.
30. Johnson R.L. The flexibility of letter coding: Nonadjacent letter transposition effects in the parafovea / *Eye movements: A window on mind and brain*. Amsterdam: Elsevier, 2007. P. 425–440.
31. Johnson R.L., Perea M., Rayner K. Transposed-letter effects in reading: Evidence from eye movements and parafoveal preview // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 2007. № 33(1). P. 209–229.
32. Алексеева С.В., Слюсарь Н.А., Чернова Д.А. StimulStat: база данных, охватывающая различные характеристики слов русского языка, важные для лингвистических и психологических исследований // *Материалы международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям “Диалог 2015”*, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/AlexeevaSVSloussarNACHernovaDA.pdf> (дата обращения: 21.06.2016).
33. Hohenstein S., Kliegl R. Eye movements and processing of semantic information in the parafovea during reading. Potsdam: Universitätsbibliothek der Universität Potsdam, 2014.
34. Четвериков А.А. Линейные модели со смешанными эффектами в когнитивных исследованиях // *Российский когнитивный журнал*. 2015. № 2(1). P. 41–51.
35. Bates D., Maechler M., Bolker B., Walker S. lme4: Linear mixed-effects models using Eigen and S4 / R package version. 2014.

Экспериментальные предложения с частотностями праймов

№	Предложение в трех условиях (идентичное / совпадающее по длине / не совпадающее по длине)	Ч _и (ipm)	Ч _с (ipm)	Ч _н (ipm)
Группа высокочастотных ключевых слов				
1	Новый управляющий <i>банка</i> (банка / барса / бампера) ввел штрафы за опоздание на работу.	178,1	3,9	3,7
2	Плакучие ивы росли у самого <i>берега</i> (берега / бекона / белоруса) тихой лесной реки.	164,7	1,1	3,8
3	В соревнованиях по греко-римской <i>борьбе</i> (борьбе / богине / богатыре) победил спортсмен из Ирана.	190,5	8,1	10,3
4	Братья выскочили из <i>вагона</i> (вагона / валета / вареника) поезда и помчались на вокзал за мороженым.	70,9	2,3	3,2
5	Покрытые снегом горные <i>вершины</i> (вершины / векторы / вездеходы) засверкали в лучах восходящего солнца.	62,6	12,8	3,9
6	После доставки <i>груза</i> (груза / грача / граната) судно задержится в порту на несколько дней.	45,7	2,3	2,5
7	На стене в спальне висела <i>картина</i> (картина / камбала / календула) в стиле постимпрессионизма.	183,9	1,1	0,7
8	После окончания седьмого <i>класса</i> (класса / клерка / кларнета) Андрей перешёл в математическую школу.	185,8	4,1	1,5
9	Авианосец возглавлял <i>колонну</i> (колонну / кочергу / кофеварку) из четырнадцати судов.	41,6	2,8	1,9
10	Лена сшила из <i>куска</i> (куска / купца / курорта) пестрой ткани платье для своей дочери.	76,8	12,5	12,8
11	Аня принесла из <i>кухни</i> (кухни / купли / кушетки) чайник с чаем и огромный шоколадный торт.	120,1	0,8	5,7
12	Марине нужно было купить литр <i>молока</i> (молока / мопеда / морехода) и десяток яиц.	57,4	0,8	1,0
13	Михаил уехал на две <i>недели</i> (недели / невежи / незадачи) в командировку в Москву.	242,2	0,5	1,3
14	Директор ждёт от <i>отдела</i> (отдела / отлова / отворота) продаж детального отчета о проделанной работе.	48,6	1,2	2,2
15	Тётя собирается в <i>отпуск</i> (отпуск / отклик / отросток) в Испанию на Канарские острова.	44,8	11,8	8,0
16	Максим помог соседке донести <i>пакеты</i> (пакеты / паромы / панорамы) с продуктами до квартиры.	65,8	4,4	6,5
17	Ирина пообещала <i>подруге</i> (подруге / повторе / покрывале) вернуть книгу через неделю.	79,4	3,7	7,1
18	Алина купила на распродаже зимние <i>сапоги</i> (сапоги / сажени / саботажу) с большой скидкой.	62,0	4,3	2,4
19	Галя покормила <i>собаку</i> (собаку / сонату / солонину) и пошла делать уроки по русскому языку.	132,2	3,8	0,4
20	В среду во Дворце <i>спорта</i> (спорта / спазма / спецназа) открывается турнир по настольному теннису.	58,5	3,9	10,2
21	Саша получил диплом первой <i>степени</i> (степени / статики / сторожихи) на конкурсе молодых музыкантов.	155,0	0,9	0,6
22	Кирилл проплыл 400 метров вольным <i>стилем</i> (стилем / стыком / стимулом) за 3 минуты 50 секунд.	91,4	6,3	10,8
23	На стеклянном журнальном <i>столике</i> (столике / стажёре / старовере) стояла изящная статуэтка.	60,0	1,9	1,0
24	Из-за погодных условий рейс из немецкой <i>столицы</i> (столицы / старинны / стремнины) задержали на два часа.	100,2	13,6	0,6
Группа назкокочастотных ключевых слов				
1	Рядом с речкой Егор нашел хатку <i>бобра</i> (бобра / бойца / ботинка) и гнездо тетерева.	2,6	41,5	39,1

2	После нескольких дней <i>затишья</i> (затишья / занятия / заседания) вновь пошел сильный снег.	3,9	92,1	96,7
3	Кольцо с бриллиантом в три <i>карата</i> (карата / канала / капитала) относится к высокой ценовой категории.	1,9	71,5	65,6
4	Стас играет в хоккей на <i>катке</i> (катке / камне / кармане) у торгового центра.	7,8	131,9	120,5
5	Созревшие плоды <i>кокоса</i> (кокоса / колена / коридора) весят в среднем 600 граммов.	1,0	102,8	110,8
6	У окна стояла девушка в белой <i>косынке</i> (косынке / корабле / командире) с крупными красными цветами.	4,9	112,5	110,9
7	Таня была в синей шерстяной <i>кофте</i> (кофте / корне / корпусе) и клетчатых брюках.	7,7	63,7	62,1
8	Пилот вывел самолет из <i>крена</i> (крена / крыла / кризиса) и благополучно приземлился.	3,1	67,6	53,2
9	Нина положила в грибной суп перловую <i>крупу</i> (крупу / крышу / красоту) и лавровый лист.	6,8	85,0	94,7
10	После стирки с отбеливателем пятно на <i>майке</i> (майке / марте / мастере) наконец-то исчезло.	15,0	88,1	100,8
11	Результат матча полностью зависит от <i>настроя</i> (настроя / наличия / нарушения) соревнующихся команд.	6,4	93,9	96,8
12	Лиза купила хлеб из <i>отрубей</i> (отрубей / отличий / отделений) вместо обыкновенного ржаного хлеба.	1,1	95,8	90,2
13	Бабушка хранит в <i>погребе</i> (погребе / потолке / помощнике) домашнее вино и банки с соленьями.	8,0	57,9	57,7
14	Летом кипарис нуждается в обильном <i>поливе</i> (поливе / поводе / половине) и ярком освещении.	1,9	151,2	158,8
15	Денис обнаружил на дне <i>пролива</i> (пролива / привета / препарата) затонувший корабль.	6,3	45,8	52,9
16	На бескрайней заснеженной <i>равнине</i> (равнине / расчете / работнике) не было никаких признаков людских поселений.	9,3	108,9	119
17	Все необходимое оборудование помещалось в <i>ранце</i> (ранце / рамке / расходе) за спиной инструктора.	1,9	110,6	90,2
18	Оригинальный механизм застежки <i>ремешка</i> (ремешка / ресурса / режиссёра) скрыт под корпусом часов.	4,3	98,7	103,5
19	В заключительной пятиминутной <i>репризе</i> (репризе / рекламе / ресторане) клоун достал из цилиндра игрушечного крокодила.	1,1	73,7	79,3
20	Мамин голос постепенно затерялся в <i>рокоте</i> (рокоте / романе / родителе) рыночной толпы	2,7	157,7	160,0
21	Молодожёны заказали два <i>стейка</i> (стейка / стекла / студента) с овощами и красное сухое вино.	0,7	102,8	105,4
22	Над окном был самодельный желоб для <i>стока</i> (стока / стиха / стакана) дождевой воды.	5,2	157,0	72,8
23	Баба-Яга пролетела в <i>ступе</i> (ступе / стиле / старике) над избушкой на курьих ножках.	4,2	91,4	151
24	Перед отъездом Надя отвезла свою любимую <i>таксу</i> (таксу / тайну / таблицу) на дачу к родителям.	3,6	88,9	81,0

Обозначения: $Ч_{\text{и}}$ – частотность ключевого слова / идентичного прайма; $Ч_{\text{с}}$ – частотность совпадающего по длине прайма; $Ч_{\text{н}}$ – частотность не совпадающего по длине прайма.

Приложение 2
Результаты смешанных линейных моделей, построенных для каждой зависимой переменной

Основные модели	Место первой фиксации (fp)			(Log) Длительность первой фиксации (f1d)			(Log) Длительность единственной фиксации (s1d)			(Log) Время первого прохода (gzd)			(Log) Полное время прочтения (vrt)		
	b	SE	t	b	SE	t	b	SE	t	b	SE	t	b	SE	t
Интерсепт	0,489	0,025	19,57	5,714	0,038	149,15	5,741	0,039	146,48	5,796	0,038	150,90	5,920	0,041	145,58
Тип прайма1: ил*неид. кртк. (ТП1)	0,008	0,018	0,45	0,319	0,035	9,03	0,349	0,038	9,23	0,364	0,036	10,03	0,403	0,039	10,09
Количество наблюдений	576			573			491			571			576		
Тип прайма2: неид. кртк. неид. длин. (ТП2)	0,023	0,018	1,27	0,073	0,035	2,06	0,076	0,039	1,97	0,083	0,036	2,29	0,067	0,041	1,63
Частотность (Ч)	0,027	0,024	1,11	0,075	0,035	2,17	0,101	0,042	2,42	0,116	0,040	2,87	0,221	0,038	5,70
Пропуск n-1 (П)	-0,179	0,022	-8,14	0,099	0,037	2,68	0,094	0,044	2,14	0,072	0,041	1,73	0,078	0,041	1,89
Место первой фиксации (М)				1,819	0,418	4,35	0,594	0,494	1,20	-0,814	0,426	-1,91	-0,822	0,453	-1,81
Квадрат места первой фиксации (М2)				-1,232	0,375	-3,28	-0,819	0,434	-1,89	0,255	0,373	0,68	0,438	0,400	1,10
ТП1*М				1,941	0,907	2,14									
ТП2*М				-1,228	0,954	-1,29									
ТП2*М2				0,316	0,860	0,37									
ТП1*П				-1,634	0,875	-1,87									
ТП2*П															
Случайные эффекты:	Var	SD		Var	SD		Var	SD		Var	SD		Var	SD	
Участники	0,004	0,061		0,004	0,059		0,008	0,090		0,008	0,089		0,005	0,069	
предложения	0,011	0,107		0,028	0,166		0,026	0,160		0,025	0,159		0,030	0,174	
остатки	0,031	0,177		0,114	0,338		0,112	0,335		0,120	0,347		0,140	0,374	

Значимые эффекты выделены полужирным. Некоторые обозначения: «ид» – идентичный целевому слову прайм, «неид. кртк» – неидентичный визуально похожий на целевое слово прайм, совпадающий по длине с ключевым словом, «неид. длин.» – неидентичный визуально похожий на целевое слово прайм, не совпадающий по длине с ключевым словом; «пропуск n-1» – пропуск слова, стоящего перед целевым словом; обозначения внутри линейных моделей: «i» – тип прайма (два контраста: ТП1 и ТП2), «f» – частотность, «s1» – пропуск слова, стоящего перед целевым словом, «id» – тип прайма (два контраста: ТП1 и ТП2), «b» – частотность, «s1» – частотность, «id» – пропуск слова, стоящего перед целевым словом, «poly(fp,c,2)» – квадратичный и линейный компонент места первой фиксации, «id» – вариативность, связанная с участниками, «sp» – вариативность, связанная с предложениями.

PARAFOVEAL PROCESSING IN READING: THE ROLE OF WORD LENGTH

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 45. 5–29. DOI: 10.17223/19986645/45/1

Svetlana V. Alexeeva, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: mail@s-alexeeva.ru

Natalia A. Slioussar, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation), Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: slioussar@gmail.com

Keywords: reading, eye tracking, parafoveal processing, length constraint hypothesis, word length, boundary paradigm.

This paper studies certain aspects of language processing during reading: it describes the role of word length information obtained by parafoveal vision. Which properties of a word are processed parafoveally (that is, before the eyes actually move to it) and how this information is used are among the least understood questions in reading studies. The authors' goal was to test the length constraint hypothesis (LCH) according to which parafoveally obtained information about word length is used for word recognition, namely, to constrain the set of possible lexical candidates for the word to be recognized. Opponents of the LCH assume that this information is important only to determine where to direct our eyes during the next saccade: the preferred landing position for word processing is slightly to the left of the center. The results of the previous experiments testing this hypothesis are controversial. In this paper, the authors address several problems identified in earlier studies in an eye-tracking experiment on Russian.

24 adult Russian speakers participated in the experiment. The authors used the gaze-contingent boundary paradigm. This method involves eye-tracking while participants are reading sentences. Before the reader's eyes cross a particular point in front of the target word (so-called invisible boundary), another word or pseudoword (a preview) is shown on the screen. The preview is replaced by the target word while the eyes are moving across this boundary. Visual information processing is suppressed during saccades, so the actual change is not noticed, but its effects can be measured. There were 48 target sentences in three conditions: previews of the same length as targets, longer previews (in both cases, previews were orthographically similar to targets) and previews identical to targets. In the second condition, previews were only two letters longer than targets to minimize the difference between landing positions in this condition and two other ones. The data about eye movements were collected using an SR Eyelink 1000 plus eye tracker system.

Statistical analysis using linear-mixed modeling revealed significant effects of length in the eye-tracking measures reflecting early processing stages: the first fixation duration, single fixation duration and gaze duration were longer in the longer-preview condition than in the same-length condition. Most previous studies used pseudowords as previews, while the authors used real words, which could make the length effect more pronounced. To make sure that this result was not due to a non-optimal landing position (if the lengths of the preview and the target differ, the eyes may be directed to a non-optimal viewing position in the target), the authors included initial landing position to the model as a covariate. Hence, the authors concluded that their findings support the LCH: the readers obtain the information about word length parafoveally and use this information not only to plan the next eye movement, but also for word recognition.

References

1. Rayner, K. (1998) Eye movements in reading and information processing: 20 years of research. *Psychological Bulletin*. 124(3). pp. 372–422.
2. Schotter, E.R., Angele, B. & Rayner, K. (2012) Parafoveal processing in reading. *Attention, Perception, and Psychophysics*. 74(1). pp. 5–35. DOI: 10.3758/s13414-011-0219-2
3. Rayner, K. (2009) Eye movements and attention in reading, scene perception, and visual search. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 62(8). pp. 1457–1506. DOI: 10.1080/17470210902816461
4. Liversedge, S., Gilchrist, I. & Everling, S. (2011) *The Oxford handbook of eye movements*. Oxford: Oxford University Press.
5. Barabanshchikov, V.A. & Zhegallo, A.V. (2014) *Aytreaking: Metody registratsii dvizheniy glaz v psikhologicheskikh issledovaniyakh i praktike* [Eyetracking: Methods of recording eye movements in psychological research and practice]. Moscow: Kogito-tsentr.

6. McConkie, G.W. & Rayner, K. (1975) The span of the effective stimulus during a fixation in reading. *Perception and Psychophysics*. 17(6). pp. 578–586.
7. McConkie, G.W. & Rayner, K. (1976) Asymmetry of the perceptual span in reading. *Bulletin of the Psychonomic Society*. 8(5). pp. 365–368.
8. Rayner, K. & Bertera, J.H. (1979) Reading without a fovea. *Science*. 206(4417). pp. 468–469.
9. Rayner, K. (1975) The perceptual span and peripheral cues in reading. *Cognitive Psychology*. 7. pp. 65–81.
10. Rayner, K., McConkie, G.W. & Zola, D. (1980) Integrating information across eye movements. *Cognitive Psychology*. 12(2). pp. 206–226. DOI: 10.1016/0010-0285(80)90009-2
11. Jacobs, A.M. & Grainger, J. (1994) Models of visual word recognition: Sampling the state of the art. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 20(6). pp. 1311–1334.
12. Coltheart, M. et al. (2001) DRC: A dual route cascaded model of visual word recognition and reading aloud. *Psychological Review*. 108(1). pp. 204–256.
13. Morton, J. (1980) The logogen model and orthographic structure. In: Frith, U. (ed.) *Cognitive processes in spelling*. London: Academic Press.
14. McClelland, J.L. & Rumelhart, D.E. (1981) An interactive activation model of context effects in letter perception: I. An account of basic findings. *Psychological Review*. 88(5). pp. 375–407.
15. Seidenberg, M.S. & McClelland, J.L. (1989) A distributed, developmental model of word recognition and naming. *Psychological Review*. 96(4). pp. 523–568.
16. Kliegl, R. et al. (2004) Length, frequency, and predictability effects of words on eye movements in reading. *European Journal of Cognitive Psychology*. 16(1–2). pp. 262–284. DOI: 10.1080/09541440340000213
17. McDonald, S.A. (2006) Effects of number-of-letters on eye movements during reading are independent from effects of spatial word length. *Visual Cognition*. 13(1). pp. 89–98.
18. Rayner, K. (1979) Eye guidance in reading: fixation locations within words. *Perception*. 8(1). pp. 21–30.
19. Yan, M. et al. (2014) Eye movements guided by morphological structure: Evidence from the Uighur language. *Cognition*. 132(2). pp. 181–215. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.cognition.014.03.008>
20. Inhoff, A. et al. (2003) Distinct subsystems for the parafoveal processing of spatial and linguistic information during eye fixations in reading. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology. Section A*. 56(5). pp. 803–827. DOI: 10.1080/02724980244000639
21. Haber, L.R., Haber, R.N. & Furlin, K.R. (1983) Word length and word shape as sources of information in reading. *Reading Research Quarterly*. 18(2). pp. 165–189. DOI: 10.2307/747516
22. Veldre, A. & Andrews, S. (2015) Parafoveal preview benefit is modulated by the precision of skilled readers' lexical representations. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 41(1). pp. 219–232. DOI: 10.1037/xhp0000017
23. White, S.J., Rayner, K. & Liversedge, S.P. (2005) The influence of parafoveal word length and contextual constraint on fixation durations and word skipping in reading. *Psychonomic Bulletin and Review*. 12(3). pp. 466–471. DOI: 10.3758/BF03193789
24. Juhasz, B.J. et al. (2008) Eye movements and the use of parafoveal word length information in reading. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 34(6). pp. 1560–1579. DOI: 10.1037/a0012319
25. Balota, D.A., Pollatsek, A. & Rayner, K. (1985) The interaction of contextual constraints and parafoveal visual information in reading. *Cognitive Psychology*. 17(3). pp. 364–390.
26. Williams, C.C. et al. (2006) Previewing the neighborhood: The role of orthographic neighbors as parafoveal previews in reading. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 32(4). pp. 1072–1082. DOI: 10.1037/0096-1523.32.4.1072
27. Lyashevskaya, O.N. & Sharov, S.A. (2009) *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency Dictionary of Modern Russian language (on materials of the Russian National Corpus)]. Moscow: Azbukovnik.
28. Brihl, D. & Inhoff, A.W. (1995) Integrating information across fixations during reading: The use of orthographic bodies and of exterior letters. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 21(1). pp. 55–67.
29. Inhoff, A.W. (1987) Parafoveal word perception during eye fixations in reading: Effects of visual salience and word structure. In: Coltheart, M. (ed.) *Attention and performance 12: The psychology of reading*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

30. Johnson, R.L. (2007) The flexibility of letter coding: Nonadjacent letter transposition effects in the parafovea. In: Gompel, R.P.G. van. (ed.) *Eye movements: A window on mind and brain*. Amsterdam: Elsevier.
31. Johnson, R.L., Perea, M. & Rayner, K. (2007) Transposed-letter effects in reading: Evidence from eye movements and parafoveal preview. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 33(1). pp. 209–229.
32. Alexeeva, S.V., Slioussar, N.A. & Chernova, D.A. (2015) [StimulStat: database covering various characteristics of Russian words that are important for linguistic and psychological research]. *Dialog 2015*. Proceedings of the International Conference on computer linguistics and intellectual technologies. [Online] Available from: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/AlexeevaSVSlioussarNACHernovaDA.pdf>. (Accessed: 21st June 2016). (In Russian).
33. Hohenstein, S. & Kliegl, R. (2014) *Eye movements and processing of semantic information in the parafovea during reading*. Potsdam: Universitätsbibliothek der Universität Potsdam.
34. Chetverikov, A.A. (2015) Linear Mixed Effects Regression in Cognitive Studies. *Rossiyskiy zhurnal kognitivnoy nauki – Russian Journal of Cognitive Science*. 2(1). pp. 41–51. (In Russian).
35. Bates, D. et al. (2014) *lme4: Linear mixed-effects models using Eigen and S4*. R package version.

УДК 81-112.4

DOI: 10.17223/19986645/45/2

Е.В. Генералова

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКЕ: СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ¹

В статье на базе данных исторических словарей и картотек рассматриваются процессы, происходящие в период начального формирования русского литературного языка в группе относительных прилагательных. В это время в языке значительно возрастает фонд этих слов и количество их фиксаций в текстах, семантика относительных прилагательных обогащается разнообразными оттенками и типизируется. Современное языковое состояние в среде русских относительных прилагательных во многом восходит к периоду XVI–XVII вв.

Ключевые слова: имя прилагательное, историческая лексикология, семантика, устойчивые сочетания, лексико-грамматические разряды прилагательных.

Введение

Имена прилагательные, составляющие неотъемлемую часть словарного состава русского языка разных эпох, во многом и придают русскому языку его неповторимую окраску и уникальный характер, описывая огромное богатство оттенков отношения, позволяя точно охарактеризовать объект, выразить отношение к нему, создать индивидуальный, неповторимый контекст, будучи выбранными из синонимического ряда.

Разные аспекты истории имен прилагательных в русском языке (формирование прилагательных как части речи, вопрос разделения прилагательных на лексико-грамматические разряды, деривационные и семантические аспекты, системные связи внутри группы, взаимодействие прилагательных и причастий, соотношение полных и кратких форм прилагательных и др.) были предметом внимания таких исследователей, как Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, А.А. Шахматов, Л.П. Якубинский, Е.А. Земская, А.Н. Шрамм, В.В. Колесов, Т.И. Вендина, Г.М. Щипицына, Ж.П. Соколовская и др.

Имена прилагательные сыграли исключительную роль в процессе формирования среднего слога [1. С. 20]. Функционирование имен прилагательных в разные периоды истории русского языка рассматривается в работах Н.Г. Михайловской, Г.А. Лукиной, Н.Б. Бахилиной, Ю.С. Сорокина, З.М. Петровой, Е.С. Биржаковой, З.К. Тарланова, А.А. Котова и др. Исследование языкового материала показывает, что истоки формирования богатства и своеобразия русской языковой системы в области имен прилагательных (ИП) восходят к периоду начального формирования русского литературного языка – XVI–XVII вв. Это так называемый старорусский (московский) период истории русского языка, ознаменованный важнейшим процессом – началом сложения базы национального языка; «обследование и разъяснение лексики именно этого периода даст историческое освещение основному составу словаря со-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-04-00423а).

временного русского языка» [2. С. 595]. При том что конкретные исследования посвящены диахроническому анализу различных, выделенных, как правило, по тематическому и словообразовательному принципам групп прилагательных (см., например, [3–6]), изучение функционирования прилагательных в целом в языке Московской Руси не было предметом специального анализа.

Настоящая статья посвящена рассмотрению процессов, происходящих в это время в самой многочисленной группе русских прилагательных – группе относительных ИП. Языковой базой исследования послужили данные исторических словарей и картотек, в первую очередь материалы «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» [7], картотеки «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», хранящейся в межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б.А. Ларина на филологическом факультете СПбГУ, и «Словаря русского языка XI–XVII вв.» [8].

Сделаем вначале несколько предварительных замечаний относительно авторской позиции по некоторым дискуссионным вопросам, подробное рассмотрение которых не входило в задачи настоящей работы.

1. Обозначение относительных ИП как объекта исследования неоднозначно в связи со сложностью вопроса о лексико-грамматических разрядах ИП. Выделение основных групп признаков слов восходит еще к античной традиции; в истории отечественной лингвистики к этой проблеме обращались М.В. Ломоносов, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, А.М. Пешковский и др., предлагая различные классификации. В современной русистике, однако, нет единого мнения относительно статуса этой категории (контекстуального или системного), количества разрядов прилагательных (от отрицания выделения таких разрядов и общего деления на две основные группы (качественные и относительные) до более частного – с выделением до пяти групп), оснований выделения разрядов ИП. В настоящей работе придерживаемся позиции, восходящей к работам А.А. Шахматова, согласно которой выделяются три разряда ИП: качественные, относительные, притяжательные – и считаем семантический критерий важнейшим при определении разряда ИП («...граница между качественными и относительными прилагательными очень подвижна и условна. Она, по большей части, проходит внутри одного и того же слова, будучи обусловлена дифференциацией его значений» [9. С. 170]).

2. Другая существенная, имеющая значительную историю, но до сих пор не решенная лексикологическая проблема – вопрос о семантике относительных ИП. А.Е. Родионова, обобщая теоретические позиции в понимании семантики относительных ИП, выявляет три таких подхода и пишет, что семантика отсубстантивного относительного прилагательного понимается: 1) как значение синтаксического деривата производящего имени; 2) обозначение отношения к предмету, названному производящим именем; 3) отражение пропозиции, один из актантов которой назван производящим именем, второй – определяемым словом, а предикат, т.е. функция, имплицирован [10]. С нашей точки зрения, в исторической лексикологии правомерным представляется пропозиционно-актантный (третий) подход, в соответствии с которым отдельные конкретные значения ИП выделяются в зависимости от контекста на основе отношения существительного, от которого образовано ИП, и суще-

ствительного, определяемого ИП (М.В. Никитин подчеркивает, что относительные ИП обозначают не признаки, а вещи, и в результате определения ими существительных возникает отношение между двумя предметами [11. С. 243]). Использование этого принципа при рассмотрении конечного и, безусловно, фрагментарного материала имеющихся письменных источников (особенно относящихся к достаточно отдаленным периодам истории языка, в частности к донациональному состоянию) позволяет избежать гипотетических реконструкций и выведения так называемых общих, системных значений, а также отвечает одному из основополагающих положений ленинградской-петербургской школы исторической лексикологии, изучающей слово в его функционировании в тексте и значение как существующее в зафиксированных контекстах.

3. Логически проистекает из выше обозначенной проблемы третий дискуссионный вопрос – лексикографическое представление ИП. Нельзя не согласиться с подробно исследовавшей категорию отношений в языке Р.М. Гайсиной, что приемлемое лексикографическое толкование относительных ИП может быть получено лишь в результате решения вопроса их семантики на теоретическом уровне [12. С. 89–90]. В соответствии с пропозиционно-актантным подходом и заявленным функциональным принципом значения относительных ИП должны описываться не как общая относительная семантика (*прил. к ...*) и не на основе типовых словообразовательных толкований, а прежде всего исходя из существующих контекстов и значения производящего и определяемого существительных. Такова практика и большинства исторических словарей.

Рассмотрим процессы, происходившие в группе относительных ИП в русском языке XVI–XVII вв.

Увеличение количества относительных прилагательных и их фиксаций в текстах

Тексты XVI–XVII вв. фиксируют значительное, существенно возрастающее по сравнению с предыдущим периодом количество относительных ИП. В первую очередь речь идет о памятниках делового и народно-разговорного языка, в которых и имеют место активные живые процессы сложения лексико-семантической системы будущего национального языка. С одной стороны, такое увеличение количества фиксаций ИП, возрастание их частотности в текстах во многом объяснимо жанром текстов. В таможенных, вкладных, меновых книгах, допросных речах требовалось максимально точное описание признаков товара, объекта собственности, предмета вклада, улики, угоды и т.п. (см. *игла конопатная, квасная изба, дрожжаной квас, псалтырь гадательная*), и тексты содержат достаточно много таких слов: *А по тем луком ведают они [варзужане] сами меж себя тони рыбные ловли... и в реки в Варзуги неводные, и гаровные, и поездные. (А. Солов. м., 67, 1575 г.), Зипунные, и штанные, и рубашечные, и чюлошные, и сапожные, и вершечные обрески (Сл. Сибир., 18, 1654 г.), А товару с ними [купцами] ... пестредь полушелковая кашанская, пестредей ардевильских, изорбат серебряной, 5 косяков кружив золотных, 136 покрышек шемахинских (Россия и Восток (Инд.), 78, 1680 г.)*. С другой стороны, рост количества относительных ИП в текстах не

может быть объяснен исключительно жанром памятников и недостаточностью свидетельств древнерусского этапа в этом отношении. Увеличивается не только частотность прилагательных в текстах, растет сам их фонд: в памятниках XVI–XVII вв. встречается много новых, неизвестных в древнерусском языке лексем (см., например, *бревенный бронный даточный, запонный, депутатский, дестевой, дневальный, замашный* и др.). Появление новых лексем во многом обусловлено необходимостью обозначения новых признаков в связи с развитием общества, производства и т.п., а памятники делового и обиходного языка просто наиболее ярко отражают этот процесс. Характерно, что возникают не только новые лексемы, но и лексические объединения: например, А.А. Бурыкин пишет о возникновении в деловых документах второй половины XVII в. группы ИП, образованных от числительных и являющихся наименованиями мер веса моржового клыка (*кость четверная, пятерная, шестерная* и т.д.) [13].

В XVI–XVII вв. русский язык активно обогащается новой предметной лексикой, а от новых существительных образуются новые относительные прилагательные (например, *бумажный, запальный, затинный, кричный, горный* (от *горн*), *пороховой* и др.). Развитие словообразовательного потенциала русского языка в XVI–XVII вв. приводит к тому, что ИП с относительной семантикой активно образуются практически от любого существительного (см. *погибельный, темнинный, бескуфейный, изрищный, желобчатый* и т.п.) и нередко глагола (*закрываальный, засеваальный*), легко возникают и необходимые сложения (*штиефимочный, дуборезский, водобежный, белопоместный, живопросольный, двоевсходный*).

Займствование как путь обогащения фонда прилагательных нетипично для этого периода. Напротив, интересно, что ряд западноевропейских прилагательных осваивается русским языком как существительные и включается в систему русского склонения (см. *брюкишь* ‘сукно, изготавливаемое в г. Брюгге’ (нем. *Brüggisch*), лексема известна в русском языке с XVI в. по разговорникам иностранных купцов (Анонимный разговорник, Разговорник Т. Фенне), а также по Торговой книге, содержащей подробные указания о выборе этой ткани; *лундышь* ‘дорогой сорт английского сукна, использовался для шитья верхней одежды’ (через польск. *łyndysz, łyńskie sukno* от названия города Лондон), *никоцыанъ* (*никоциянъ*) и *никоцыана* – название, под которым табак ввозился в Россию из Западной Европы в последние годы XVII в. (через нем. или фр. от лат. *herba Nicotiana*), от них зафиксированы и производные относительные прилагательные (*брюкишинный, лундышинный*). Займствованные прилагательные из европейских языков достаточно редки и малочастотны или даже известны в единичной фиксации: *вечистый, влоский, дюцкий, мосяровый, пуклястый, папылевый* (в сочетании *папылевая мазь* ‘мазь, сваренная из тополиных почек и сала’ (ДАИ 10, 1682 г.)), *реестровый, помаранчевый, посполитый* ‘простой, национальный’, преимущественно в устойчивых сочетаниях *речь посполитая, посполитое рушение*), *сталевоый*. Большинство таких прилагательных европейского происхождения приходят в русский язык из польского языка или посредством «простой мовы», распространенной на юго-западе Руси. Все без исключения займствованные ИП включаются в систему русского словоизменения, несклоняемых ИП в языке этого периода не

зафиксировано, к этому же выводу приходит А.К. Рейцак на основе анализа более 400 германизмов, заимствованных в XVI–XVII вв. [14. С. 21]. Относительных ИП из восточных языков в язык Московской Руси заимствуется также немного.

Более значимым для пополнения фонда прилагательных в языке XVI–XVII вв. был процесс словообразовательного освоения заимствованных существительных. Первыми от них образовывались относительные производные прилагательные, и поскольку в XVI–XVII вв. заимствуется значительное количество конкретной лексики, в русском языке в этот период существенно возрастает количество относительных ИП, образованных от заимствованных основ. «Имена прилагательные от восточных заимствованных основ представляют собой в языке исследуемого периода довольно многочисленную группу» [15. С. 99], см., например: *алтабасный, аргамачий, атаманский, бесерменский, булатный, дорогильный, зуфный, камчатый, кумачный, кутняный, кушатчатый, сафьянный, слоновый, ханский* и др. [15. С. 99–102]. От заимствованных основ европейского происхождения фиксируются такие лексемы, как *алебастровый, амный, аптекарский и аптековский, банковый, барочный, генеральный и генеральский, грошевый, гранатный, канальный, карабинный, каразинный, каретный, лимонный и лимоновый, люторский, манерный, мигдальный и мигдальский, монарший, москотильный (москотинный), мушкетный, мяндовый, нотный, оливный, павлиный, пансырный и пансырский, паргаминный, партесный, пастильный, перловый, персонный (парсунный), пистолетный, пистонный, пихтовый, помаранцевый, попугаев, радный и радский, ратушный и ратушский, рейтарный и рейтарский, розмаринный и розмариновый, рокѣтный и рокѣточный, ротный, рыдванный, салатовъ и салатный, солдатов и солдатский, сатынный, сбруйный (сбройный), смольчажный, смушчатый, снурковый, снурный, соймовый, спиртовый, спичный, стальной, стамедный, стыровый и стырый, столярный и столярский, табачовый, табачный и табацкий, триповый, трипный и трипчатый, шкилевый* и др. В ряде случаев затруднительно однозначно установить, является прилагательное исконным, образованным на базе русского языка или заимствованным, см., например: *сталевый* (от *сталь* или сразу от польск. *stałowy*), *помаранчевый* (от *помаранча* или сразу из польск. *pomarańczowy*).

Особенностью функционирования относительных ИП в этот период, обусловленной активностью морфологических способов словообразования в русском языке XVI–XVII вв., является широкая синонимия однокоренных лексем, см. целые ряды дублетных или частично совпадающих по семантике слов: *вражеский – вражий – вражебный, вишенный – вишневый – вишенный вишняжный – вишний, жнитвенный – жнитенный – жниченный, зауморный выморочный* и т.п.

Таким образом, в памятниках старорусского языка увеличивается количество фиксаций относительных ИП и существенно возрастает сам фонд этих слов. Большинство относительных ИП образуется с помощью словообразовательных средств русского языка, в том числе и от заимствованных основ (как из восточных, так и из европейских языков). Характерна широкая синонимия однокоренных относительных ИП.

Формирование типовой семантики относительных прилагательных

Согласно пропозиционно-актантному подходу семантика относительных ИП не может быть сведена к чистому отношению и определяется в зависимости от конкретного контекста, см. значения прилагательного *гонный* 'предназначенный для езды' (*гонный мерин*), 'такой, где живут ямщики' (*гонная слобода*), прилагательного *запасной(-ый)* 'имеющийся в запасе' (*запасная Ёства*), 'предназначенный для хранения запасов' (*запасные анбары*), 'предназначенный для перевозки запасов' (*хлебный запасный дощаник*), 'связанный с покупкой (продажей) запасов' (*запасная купля*), 'ведущий сбором или доставкой к месту назначения налога по заготовке запасов' (*запасные диаки и подьячие*). Семантика относительных прилагательных определяется их сочетаемостью с соответствующими существительными, и каждое такое новое значение обладает приращениями смысла, которые не могут быть проигнорированы. Сведение значения относительных ИП к так называемой относительной семантике не позволяет понять очень многие контексты, ср. информативность толкований *гнездный* (*дуб*) 'прил. к *гнездо*' или 'растущий в плотной группе деревьев или кустарников', *каменная* (*речка*) 'прил. к *камень*' или 'имеющий каменистое русло', *выходные* (*деньги*) 'прил. к *выход*' или 'выдаваемый лицам, вернувшимся из плена или переехавшим на Русь для службы' и т.п.

Значение относительных ИП характеризуется следующим парадоксом: с одной стороны, для них в целом нетипична развитая семантическая структура, с другой стороны, количество оттенков отношения, развиваемых относительными ИП, фактически не поддается исчислению. При этом относительные ИП могут обозначать самые разные приращения смысла, обозначая причину явления (*волосатичная болезнь*), функцию предмета (*бардяной чан*, *весовые гири*), способ производства, изготовления чего-л. (*вывейный хлеб*, *варовинная бечева*), состав чего-л. (*вапнистая вода*, *гайдуцкое войско*), материал, из которого изготовлен предмет (*восковая свеча*, *гарусные чулки*), расположение предмета (*воротный образ*), время чего-л. (*весновое служебное*), стоимость чего-л. (*алтынный хлеб*), место службы кого-л. (*архангельский дьячок*, *вратный сторож*) и т.д. и т.п. Для выявления каких-либо закономерностей семантика ИП должна тщательно изучаться и подробно описываться на основе их функционирования в текстах.

В памятниках XVI–XVII вв. семантика относительных ИП обладала особенно сильной контекстуальной обусловленностью, новый контекст зачастую являлся источником новой семы. При этом именно период XVI–XVII вв. – время активной систематизации семантики относительных ИП. Пополнение и сложение целого ряда тематических групп относительных ИП, их частотное употребление в однотипных контекстах приводят к постепенному сложению типовой семантики относительных ИП.

Такие значения развивают лексемы одного словообразовательного типа в часто встречающихся контекстах. Например, ИП, образованные от названий металлов, развивают значение 'содержащий этот металл, руду этого металла' (*золота копь*, *болот рудяных железных*, *медные*, *оловяные*, *железные*, *мосяровые руды*), 'изготовленный из этого металла' (*золотая чарка*, *колтки се-*

ребряные, гвоздь железный), 'относящийся к производству и торговле этим металлом' (*железный ряд, железный завод*); ИП, образованные от названий деревьев, имеют собственно относительное значение (*буковое древо, березовый пенёк, еловая шишка*), семантику 'изготовленный из древесины такого дерева' (*яблоневый выносник, березовые дрова, сосновая доска*) с оттенком 'построенный из досок, брёвен из древесины такого дерева' (*березовая изба, погреб дубовой, еловый сруб*), 'состоящий из деревьев такой породы' (*дубовый лесок, сосновый бор, яблоневый сад*), 'поросший лесом, состоящим из деревьев такой породы' (*березовый лужок, дубовой островок, ольховое болото*). Ярким примером развития типовых значений могут служить ИП, производные от географических названий; в текстах XVI–XVII вв. формируются типовые значения топонимических ИП, а именно: семантика 'проживающий (и служащий) в определенной местности' (*дацкие немцы, елецкой кузнец, болхавский торговый человек, московские стрельцы*), 'являющийся главой соответствующего населенного пункта, местности, владеющий этим населенным пунктом, местностью' (*свейская королева, государь московский*), 'находящийся на территории соответствующего населенного пункта, местности' (*московский двор, псковские кабаки, арзамасская вотчина*), 'производимый в соответствующей местности, привезенный из соответствующей местности' (*астраханская икра, амбурское сукно, тафта вавилонская*), 'направляющийся (доставляемый) в соответствующий населенный пункт и прибывший (привезенный) из соответствующего населенного пункта' (*московская присылка, астраханский поход, литовские вести*), 'ведущий в соответствующий населенный пункт' (*Витебская дорога, Владимирский тракт*), 'имеющий хождение, официально принятый в соответствующем регионе' (*большое окольская мера*).

На фоне характерной, частотной семантики хорошо видны нетипичные значения. Например, среди ИП, образованных от названий металлов, только у лексем *золотой* и *серебряный* есть значение 'расшитый золотыми (серебряными) нитями; сплетенный, сотканный из таких нитей' (*золотые подвязки, золотое кружево*), у прилагательного *железный* есть особое значение 'полученный в результате повреждения металлическими предметами, холодным оружием' (*раны железные*); у некоторых ИП, производных от существительных – названий деревьев, появляется семантика 'полученный в результате сожжения дров, изготовленных из соответствующей древесины' (*дубовое уголье, сосновое уголье*), прилагательное *еловый* известно в составе устойчивого сочетания *еловая сера* 'смола', прилагательное *вишнёвый* – в составе сочетания *вишнёвый клей* 'густой сок (камедь) из коры вишневого дерева', прилагательное *вербный* – в составе сочетания *Вербное воскресенье* 'православный церковный праздник – воскресенье за неделю до Пасхи, знаменующий вход Иисуса Христа в Иерусалим' (в обиходном языке часто использовалось при обозначении срока).

Таким образом, именно в XVI–XVII вв. в русском языке складываются типовые значения многих групп относительных ИП, их семантика обогащается разнообразными оттенками, дающими возможность их дальнейшего использования в произведениях классической литературы со всевозможными семантическими нюансами.

Функционирование относительных прилагательных в устойчивых сочетаниях

Относительные ИП входят в целый ряд устойчивых сочетаний. Среди этих сочетаний есть безусловные фразеологизмы (например, *с булавочную головку* 'очень маленький', *медные глаза* 'о ком-л. наглom, бесстыдном'), но большинство таких сочетаний представляют собой составные наименования, основная функция которых номинативная и которые выделяются в первую очередь на основе постоянства состава и значения, а не семантического сдвига компонентов. Такие устойчивые сочетания чаще всего являются номенклатурными обозначениями реалий (*анисовая водка*, *бобки александрийские*, *грецкий орех*), кроме того, с относительными ИП образуются обозначения стран и местностей (*Аглинская земля* (*Аглинское государство*, *Аглинское королевство*), *Варзужская волость*, *Замосковные города* 'в XVI–XVII вв. историческое название Северо-Восточной Руси (территории бывших княжеств Владимирского, Ростовского, Суздальско-Нижегородского, Тверского)'), названия мер и денежных единиц (*московское ведро*, *московская деньга*, *московский рубль*, *новгородская гривна*), названия исторических эпох (*воровское время*, *безгосударное время*). Существительные, определяемые относительными ИП, в массе своей нарицательные, конкретные, предметные, так как составные наименования – это прежде всего названия определенных предметов с указанием их дифференциальных признаков. Этими признаками обычно выступает материал, из которого сделана реалья (*медные деньги*, *брусничная вода* 'напиток, приготовленный из ягод брусники', *шапка горлатная* 'мужской головной убор в виде цилиндра из горлышек куницы или черно-бурой лисы с бархатным или парчовым верхом', *деревянное масло* 'оливковое масло низкого качества, используемое в лампадах'), отличительные внешние признаки реалии (*бархат рытый* (*рытный*) 'пушистый бархат с вытисненным узором', *бумага гербовая* 'бумага с изображением государственного герба'), функциональное назначение реалии (*келейные бревна* 'брёвна для верхнего венца сруба', *ямчужные деньги* 'пошлина за изготовление селитры'). Г.В. Судаков подчеркивает, что вид и функция были определяющими признаками при назывании предметно-бытовых реалий [12. С. 93–95]. Реже имеет место указание на место расположения, локализацию реалии (*верхний бой* 'ярус городских стен и башен, где находилось огнестрельное оружие', *задний двор* 'находящийся позади дома огороженный участок земли с жилыми и хозяйственными постройками') или место происхождения реалии (*бурминский жемчуг* 'крупный окатистый жемчуг, привозимый с Востока (от тюрк. названия г. Урмуз (Hormuz, Hurmuz) на побережье Персидского залива), *индейское дерево* 'сандал'), содержание процесса (*дело бархатное*) и др.

Фиксируя определенный устойчивый образ, такие сочетания становятся источником конкретных исторических сведений, например, о технологиях изготовления различных товаров (*двойное золото* 'скованные вместе тончайшие листки золота и серебра', *кричное железо* 'железо, получаемое особым способом в результате обработки давлением крицы (комья из восстановленного железа и шлаков)', *запарное золото* 'раствор золота в ртути, приготовляемый прокаливанием (для ртутно-амальгамного способа золочения)', их внешнем виде (*орел двоеглавый* (*двуглавый*), *деисус плечной* (*поясной*) 'деи-

сус, на котором Иисус Христос, Богоматерь, Иоанн Предтеча и все святые изображены по плечи или по пояс', *гребень решетчатый* 'украшение в виде гребня вдоль конька кровли'), представлениях и верованиях Средневековья (*громовая стрела (стрелка)* 'камнеобразный или стекловидный сплав продолговатой или округлой формы, образующийся от удара молнии в песок (применялся в колдовстве)') и т.д. Устойчивые сочетания с ИП как косвенные номинации отражают набор признаков, существенных для какого-либо явления в определенный исторический период.

Отдельные составные наименования являются уникальными образованиями (например, *галка мушкатная (мушкатовая)* 'мускатный орех', *змиев глаз* 'нарыв, гнойное воспаление'), но большинство таких образований в языке составляют целые ряды сочетаний (иногда конечные, а иногда – открытые, с потенциально неограниченным количеством единиц, см., например: *болезнь зубная, головная, животная, сердечная, камчюжная, месячная, студеная, похмельная, падучая, фрянчужная...*). Функционирование относительных ИП во фразеологических сочетаниях осложнено широкой синонимией, синонимичные прилагательные образуются от разных корней (*скотинный (животинный) дворец*) либо являются однокоренными (*двери северские (северные), орел двоеглавый (двоеглавный)*).

Взаимодействие относительных прилагательных с прилагательными других разрядов

Диахронический материал демонстрирует очень подвижную границу между относительными и притяжательными ИП. И притяжательные, и относительные по происхождению ИП используются как с семантикой 'принадлежащий кому-л.', так и с относительной семантикой. См.: *А велѣтъ есми ему в тѣх монастырских* ('принадлежащих монастырю') *лѣтъ тѣх люди всѣх имати, которые без монастырскаго* ('адресованный настоятелю монастыря') *доклада въ их лѣтъ поѣдут* (АСЭИ I, 1485 г.), *братский* 'принадлежащий монастырской братии одного монастыря' (*А старицѣ ей [княгине А. И. Шереметевой] давати платье братское* (Кн. корм. Кир.-Б. м., 89, XVII в.), *Да по черномъ священникѣ Ферапонтѣ Казимировѣ дачи его, при игуменѣ Матвиѣ, денегъ 94 рубля... 3 шубы братския за шесть рублей, и всего дачи на 103 рубля* (Там же, 65), 'составленный, поданный братией' (*Се, г., живет он, строитель, в том монастыре не по нашему брацкому челобитью, и выбору мы [старец Александр с братией] на него не давали* (АХБМ II, 119, 1660 г.)). В широко распространенных устойчивых сочетаниях, указывающих на разные виды социальной зависимости, повсеместно используются и притяжательные, и относительные по происхождению ИП, выступающие как равноправные в лингвистическом отношении: *бобыль попов, дети боярские*. Такая недифференцированность в употреблении притяжательных и относительных ИП может быть интерпретирована либо как повсеместное развитие притяжательной семантики у относительных ИП и относительной – у притяжательных (в ряде случаев это наследие более старого языкового состояния), либо как свидетельство отсутствия категориальной границы между этими

ИП; не случайно, например, в «Русской грамматике-80» притяжательные ИП включены в разряд относительных и рассматриваются как частный случай выражения отношения к предмету [17. С. 1295–1298].

Переход относительных ИП в качественные (а тем более обратный процесс) в старорусском языке значительно менее активен, чем в современном русском языке. В XVI–XVII вв. единственным регулярным и повсеместным процессом такого рода является образование цветообозначений на базе относительных ИП (см. об этом: [18, 19, 20] и др.). Относительные ИП, обозначающие материал или основную составляющую субстанцию, развивают значение цвета, используя и в сочетании с существительным *цвет* (*брусничный, васильковый, гвоздичный, дымчатый, аспидный, песочный, мясной, кирпичный* и др.).

Случаи, когда относительные ИП развивают иное, качественное значение, достаточно редки и не регулярны: *братственный* (*братерский, братский*) используется в формуле *братственная дружба (и любовь)*, обозначающей мирные, дружественные отношения между монархами, государствами, *государственный* ‘имеющий значение для государства, влияющий на внутреннее и внешнее положение государства’ (*А в воскресный день никого не судити и в приказех не сидеть, и никаких дел не делати, опричь самых нужных государственных дел* (Улож. 1649 г.), *главный и головной* ‘основной, важнейший’: *и все главные знамена и малые у них взяты у испанскихъ* (В-К II, 1642 г.), *Велите гсдри на тово моего головного недруга на Петра Красного мнѣ дати свою гсдрву оборон* (МДБП, 1633 г.), лексема *головной* может иметь и семантику ‘лучший, отборный’: *Да крестьянину дал [староста Грязной] головных симян 2 чети* (Вологод. док., 1617 г.), показательна при этом синонимия с качественными ИП *добрый, хороший* (*лутчий*): *Учал... имать добрыми, головными, лутчими собольми* (Сл. Мангаз., 1637 г.), *Добрѣ жестоко из нашег наряду... стряляли и болюую шкоду починили головные их лутчие пушки и станки попорчены* (В-К V, 1650 г.). Однако в целом в языке XVI–XVII вв. еще не наблюдается регулярной многозначности в развитии у относительных ИП новой категориальной семантики. В это время еще только закладываются основы, намечаются тенденции использования ИП в контекстах с новой семантикой, сопровождающейся меной существенных категориальных свойств.

Выводы

1. В XVI–XVII вв. в русском языке активно развивается группа относительных прилагательных. В текстах этого периода возрастает количество фиксаций относительных ИП (в первую очередь в памятниках делового и народно-разговорного языка), увеличивается и собственно сам фонд этих слов. Складывается база русских относительных прилагательных. Абсолютное большинство относительных ИП образуется с помощью словообразовательных средств русского языка, в том числе активно и от заимствованных основ. Функционирование относительных ИП в этот период осложнено широкой синонимией (нередко дублетностью) однокоренных лексем.

2. О языке периода Московской Руси семантика относительных ИП обогащается разнообразными оттенками и за счет использования в частотных контекстах расширяется и типизируется. Пополнение и сложение целого ряда тематических групп относительных ИП, частотное употребление лексем одного словообразовательного типа в сходных контекстах приводит к постепенному сложению типовой семантики относительных ИП, на фоне которой выделяются и нехарактерные, нестандартные значения.

3. Возрастает роль относительных ИП в предложении и в общем в системе языка. Относительные ИП активно функционируют в устойчивых сочетаниях, прежде всего в составных наименованиях, являющихся номенклатурными названиями предметов. Эти составные наименования часто образуют ряды с варьирующимся определением при определенном существительном.

4. Относительные ИП обнаруживают очень тесную связь и часто недифференцированность семантики с притяжательными ИП. Граница же между семантикой относительных и качественных ИП более устойчива, чем в современном русском языке. За исключением образования цветообозначений на базе относительных ИП от названий предметов характерного цвета в языке XVI–XVII вв. не наблюдается регулярной многозначности в развитии новой категориальной качественной семантики относительных ИП, эти пути только намечаются.

Таким образом, современное языковое состояние и многие динамические процессы в среде русских относительных прилагательных восходят к периоду языка Московской Руси XVI–XVII вв., это период становления системы относительных ИП в русском языке.

Литература

1. Петрова З.М. Развитие лексического состава русского языка XVIII в. (Имена прилагательные): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1983.
2. Ларин Б.А. Проект Древнерусского словаря: (Вводная заметка) // Филологическое наследие: сб. ст. СПб., 2003. С. 595–604.
3. Ермак В.Н. Формирование относительных имен прилагательных в русском языке на базе географических названий в форме множественного числа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Днепропетровск, 1990.
4. Исунова Т.В. Развитие прилагательных с основой числительного *два* в истории русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 1992.
5. Корчагина Е.В. Отглагольные прилагательные на *-л-* в истории русского языка (XI–XVII вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
6. Кузьмин И.В. История лексико-семантических групп количественных и люминальных прилагательных в русском языке XII–XX вв. в системно-языковом и функционально-речевом аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2003.
7. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Т. 1–6. СПб.: Наука, 2004–2014.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–30. М.: Наука, 1975–2015.
9. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высш. шк., 1972. 614 с.
10. Родионова А.Е. Семантика отсубстантивных относительных прилагательных в системном и коммуникативно-функциональном аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1997 [Электронный ресурс]: диссертации по гуманитарным наукам. URL: <http://cheloveknauka.com/semantika-otsubstantivnyh-otnositelnyh-prilagatelnyh-v-sistemnom-i-kommunikativno-funktsionalnom-aspektah#ixzz3jRhnlwZW> (дата обращения: 10.08.2016).

11. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Науч. центр проблем диалога, 1996. 760 с.
12. Гайсина Р.М. Проблема значения и семантизации отсубстантивных относительных прилагательных // Теория языка и словари: материалы Всесоюз. конф., 1–3 октября 1987 г., Звенигород; Кишинёв: Штиинца, 1988. С. 87–93.
13. Буркин А.А. Из истории прилагательных, образованных от имен числительных в русском языке (наименования мер веса моржового клыка в русских сибирских документах второй половины XVII в.) // Мысли о русском языке: прошлое, настоящее и будущее: сб. ст. к 155-летию каф. рус. яз. / отв. ред П.А. Клубков. СПб., 2005. С. 59–61.
14. Рейцак А.К. Германизмы в лексике памятников русской деловой письменности XVI–XVII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1963.
15. Гилязетдинова Г.Х. Ориентализмы в русском языке Московского государства XV–XVII вв. Казань: Казан. ун-т, 2010. 202 с.
16. Судаков Г.В. История русского слова. Вологда: ИЦ ВИРО, 2010. 336 с.
17. Русская грамматика-80: в 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: АН СССР. Ин-т рус. яз., 1980.
18. Алимпиева Р.В. Становление лексико-семантических групп цветowych прилагательных в русском языке первой половины XIX в. // Вопр. семантики: Исследования по исторической семантике. Калининград, 1982. С. 49–60.
19. Брагина А.А. Лексика языка и культура страны. М.: Рус. яз., 1986. 151 с.
20. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 286 с.

Список источников

- А. Солов. м. – Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. // Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв. / сост. И.З. Либерзон. Л., 1990.
- АСЭИ I – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XVI – начала XVII вв. Т. 1. М., 1952.
- АХБМ II – Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова / под общ. ред. А.И. Яковлева. Ч. 2. М.; Л., 1945.
- В-К II – Вести-Куранты 1642–1644 гг. / изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина; под ред. С.И. Коткова. М., 1976.
- В-К V – Вести-Куранты 1651, 1652, 1654, 1656, 1658, 1660 гг. / изд. подгот. В.Г. Демьянов; отв. ред. В.П. Вомперский. М., 1996.
- Вологод. док. – Хрестоматия по истории вологодских говоров / сост. Г.В. Судаков. Вологда, 1975. Тексты XVI – нач. XVIII в.
- Кн. корм. Кир.-Б. м. – Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря / предисл. И.П. Сахарова // Зап. Отд. рус. и слав. археологии Археол. о-ва. Т. 1, отд. 3. СПб., 1851. С. 46–98.
- МДБП – Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / изд. подгот. С.И. Котков, А.С. Орешников, И.С. Филиппова. М., 1968.
- Россия и Восток (Инд.) – Вафин Б.Д., Галиуллин К.Р. Россия и Восток: Словарь языка документов по русско-индийским отношениям XVII века. Конкорданс. Обратный словоформоуказатель. Частотный словоформоуказатель. Казань, 2012.
- Сл. Мангаз. – Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII в. / сост. Н.А. Цомакион. Красноярск, 1971.
- Сл. Сибир. – Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / сост. Л. Г. Панин. Новосибирск, 1991.
- Улож. 1649 г. – Соборное уложение царя Алексея Михайловича. 1649 г. // Памятники русского права. Вып. 6. М., 1959.

RELATIVE ADJECTIVES IN OLD RUSSIAN: FORMATION OF THE SYSTEM

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 45. 30–44. DOI: 10.17223/19986645/45/2

Elena V. Generalova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).
E-mail: elena-generalova@yandex.ru

Keywords: adjective, historical lexicology, semantics, collocations, lexical-grammatical groups of adjectives.

The paper deals with the processes taking place in the group of relative adjectives at the period of initial formation of the Russian literary language. The research is based on the database of historical dictionaries and card-files. In the article the author's position about the disputable questions connected with the relative adjectives studying (problems of adjectives division into lexical-grammatical groups, the meaning of relative adjectives and their lexicographical representation) is given. The main part of the article is devoted to the description of the processes of quantity increasing of relative adjectives and formation of their typified semantics in the Russian of the 16th and 17th centuries; the functioning of relative adjectives in collocations and phraseology and their interference with the adjectives of other lexical-grammatical groups in the context of new categorial semantics development are also analyzed.

The research shows that the number of relative adjectives in texts (first of all, in these of business and everyday spoken types of language) and the actual fund of these words increase. A lot of new, unknown before, words and new thematic groups occur. The majority of relative adjectives are created by means of Russian derivation, also including active word-formation from the borrowed bases. Loanwords among adjectives are very rare. The use of relative adjectives during this period is complicated by a wide synonymy, often identity, of single-root lexemes.

The semantics of relative adjectives during this period is enriched with various shades, extended and typified. Typified semantics forms gradually, due to the frequent use of the words of the same derivative type in similar contexts. Non-standard, unique meanings of relative adjectives can be seen at the background of this typified semantics.

Relative adjectives actively function in collocations and phraseology, first of all in composite nominations which are used as nomenclature names of objects. Collocations with relative adjectives reflect a feature set, essential to the perception during a certain historical period.

In the Russian of the 16th and 17th centuries relative adjectives show very close connection and often no differentiation of semantics with possessive adjectives. Transition of relative adjectives into qualitative (and, furthermore, the inverse process) in the Old Russian language is much less active than in modern Russian. Except for the formation of color names on the basis of relative adjectives, the language of the 16th and 17th centuries does not show regular polysemy in the development of new categorial semantics of relative adjectives, these ways are only outlined.

Thus, the current language picture and many dynamic processes in the sphere of Russian relative adjectives go back to the period of the language of the Moscow Russia of the 16th and 17th centuries, at this period the system of relative adjectives in Russian is formed, the role of relative adjectives in the sentence and generally in the system of language grows.

References

1. Petrova, Z.M. (1983) *Razvitie leksicheskogo sostava russkogo yazyka XVIII v. (Imena prilagatel'nye)* [Development of the lexical structure of the 18th-century Russian language. (adjectives)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Leningrad.
2. Larin, B.A. (2003) *Proekt Drevnerusskogo slovary (Vvodnaya zametka)* [Project of the Old Russian dictionary (introductory note)]. In: Larin, B.A. *Filologicheskoe nasledie: Sb. statey* [Philological heritage: collection of articles]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
3. Ermak, V.N. (1990) *Formirovanie otnositel'nykh imen prilagatel'nykh v russkom yazyke na baze geograficheskikh nazvaniy v forme mnozhestvennogo chisla* [Formation of relative adjectives in the Russian language on the basis of geographical names in the plural form]. Abstract of Philology Cand. Diss. Dnepropetrovsk.
4. Isupova, T.V. (1992) *Razvitie prilagatel'nykh s osnovoy chislitel'nogo dva v istorii russkogo yazyka* [Development of adjectives with the base of the numeral two in the history of the Russian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Izhevsk.

5. Korchagina, E.V. (1995) *Otglagol'nye prilagatel'nye na -l- v istorii russkogo yazyka (XI-XVII vv.)* [Verbal adjectives with -l- stems in the history of the Russian language (11th–17th centuries)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
6. Kuz'min, I.V. (2003) *Istoriya leksiko-semanticheskikh grupp kvantitativnykh i lyuminal'nykh prilagatel'nykh v russkom yazyke XII-XX vv. v sistemno-yazykovom i funktsional'no-rechevom aspektakh* [The history of the lexical-semantic groups of quantitative and luminal adjectives in the Russian of the 12th–20th centuries in the system-linguistic and functional-verbal aspects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
7. Mzhel'skaya, O.S., Generalova, E.V. & Vasil'eva, O.V. (eds) (2004–2014) *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI-XVII vv.* [Dictionary of everyday Russian language of the Moscow Russia of the 16th–17th centuries]. Vols 1–6. St. Petersburg: Nauka.
8. Barkhudarov, S.G. et al. (eds) (1975–2015) *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Vols 1–30. Moscow: Nauka.
9. Vinogradov, V.V. (1972) *Russkiy yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian language (the grammatical doctrine of the word)]. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola.
10. Rodionova, A.E. (1997) *Semantika otsubstantivnykh otnositel'nykh prilagatel'nykh v sistemnom i kommunikativno-funktsional'nom aspektakh* [Semantics of denominative relative adjectives in the system and communicative-functional aspects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ufa. [Online] Available from: <http://cheloveknauka.com/semantika-otsubstantivnyh-otnositelnyh-prilagatelnyh-v-sistemnom-i-kommunikativno-funktsionalnom-aspektah#ixzz3jRhnlwZW>. (Accessed: 10th August 2016).
11. Nikitin, M.V. (1996) *Kurs lingvisticheskoy semantiki* [Course of linguistic semantics]. St. Petersburg: Nauchnyy tsentr problem dialoga.
12. Gaysina, R.M. (1988) [The problem of meaning and semantization of denominative relative adjectives]. *Teoriya yazyka i slovari* [Language theory and dictionaries]. Proceedings of the conference. Zvenigorod. 1–3 October 1987. Kishinev: Shtiintsa. pp. 87–93. (In Russian).
13. Burykin, A.A. (2005) *Iz istorii prilagatel'nykh, obrazovannykh ot imen chislitel'nykh v russkom yazyke (naimenovaniya mer vesa morzhovogo klyka v russkikh sibirskikh dokumentakh vtoroy poloviny XVII v.)* [From the history of adjectives formed from numerals in the Russian language (names of weights of walrus tusk in the Siberian Russian documents of the second half of the 17th century)]. In: Klubkov, P.A. (ed.) *Mysli o russkom yazyke: proshloe, nastoyashchee i budushchee* [Thoughts on the Russian language: past, present and future]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
14. Reytsak, A.K. (1963) *Germanizmy v leksike pamyatnikov russkoy delovoy pis'mennosti XVI-XVII vv.* [Germanisms in the vocabulary of Russian business writing monuments of the 16th–17th centuries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.
15. Gilazetdinova, G.Kh. (2010) *Orientalizmy v russkom yazyke Moskovskogo gosudarstva XV-XVII vv.* [Orientalisms in Russian of the Moscow state of the 15th–17th centuries]. Kazan: Kazan State University.
16. Sudakov, G.V. (2010) *Istoriya russkogo slova* [History of the Russian word]. Vologda: ITs VIRO.
17. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika-80: V 2 tomakh* [Russian grammar-80: In 2 volumes]. Moscow: Institute of the Russian Language, USSR AS.
18. Alimpieva, R.V. (1982) *Stanovlenie leksiko-semanticheskikh grupp tsvetovykh prilagatel'nykh v russkom yazyke pervoy poloviny XIX v.* [Formation of lexical-semantic groups of color adjectives in Russian in the first half of the 19th century]. In: Dubyago, A.I. (ed.) *Voprosy semantiki. Issl. po istoricheskoy semantike* [Issues of semantics. Research on historical semantics]. Kaliningrad: Kaliningrad State University.
19. Bragina, A.A. (1986) *Leksika yazyka i kul'tura strany* [The lexicon of language and culture of the country]. Moscow: Russkiy yazyk.
20. Bakhilina, N.B. (1975) *Istoriya tsvetooboznacheniy v russkom yazyke* [History of color terms in the Russian language]. Moscow: Nauka.

Sources

- A. Solov. m. – Liberzon, I.Z. (1990) *Akty Solovetskogo monastyrja 1572–1584 gg.* [Acts of the Solovetsky Monastery of 1572–1584]. In: *Akty sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Severa Rossii kontsa*

XV–XVI vv. [Acts of the socio-economic history of the Russian North of the end of the 15th and 16th centuries]. Leningrad: Nauka.

ASEI 1 – Grekov, B.D. (ed.) (1952) *Akty sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Severo-vostochnoy Rusi kontsa XVI – nachala XVII vv.* [Acts of the socio-economic history of the Russian North of the end of the 16th and early 17th centuries]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.

AKhBM II – Yakovlev, A.I. (ed.) (1945) *Akty khozyaystva boyarina B.I. Morozova* [Acts of the economy of Boyar B.I. Morozov]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.

V K II – Kotkov, S.I. (ed.) (1976) *Vesti-Kuranty 1642–1644 gg.* [Current news of 1642–1644]. Moscow: Nauka.

V K V – Vomperskiy, V.P. (ed.) (1996) *Vesti-Kuranty 1651, 1652, 1654, 1656, 1658, 1660 gg.* [Current news of 1651, 1652, 1654, 1656, 1658, 1660]. Moscow: Nauka.

Vologod. dok. – Sudakov, G.V. (1975) *Khrestomatiya po istorii vologodskikh govorov* [Readings on the history of Vologda dialects]. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute.

Kn. korm. Kir.-B. m. – Anon. (1851) *Kormovaya kniga Kirillo-Belozerskogo monastyrya* [Record book of the Kirillo-Belozersky Monastery]. *Zapiski Otd. rus. i slav. arkheologii Arkheolog. O-va.* 1:3. pp. 46–98.

MDBP – Kotkov, S.I., Oreshnikov, A.S. & Filippova, I.S. (1968) *Moskovskaya delovaya i bytovaya pis'mennost' XVII v.* [Moscow business and everyday writing of the 17th century]. Moscow: Nauka.

Rossiia i Vostok (Ind.) – Vafin, B.D. & Galiullin, K.R. (2012) *Rossiia i Vostok. Slovar' yazyka dokumentov po russko-indiyskim otnosheniyam XVII veka. Konkordans. Obratnyy slovoformoukazatel'. Chastotnyy slovoformoukazatel'* [Russia and the East. Dictionary of language of documents on Russian-Indian relations in the 17th century. Concordance. Reverse word form index. Frequency word form index]. Kazan: Kazan State University.

Sl. Mangaz. – Tsomakion, N.A. (1971) *Slovar' yazyka mangazeyskikh pamyatnikov XVII – pervoy poloviny XVIII v.* [Dictionary of language of Mangazeya monuments of the 17th – the first half of the 18th centuries]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical Institute.

Sl. Sibir. – Panin, L.G. (1991) *Slovar' russkoy narodno-dialektnoy rechi v Sibiri XVII – pervoy poloviny XVIII v.* [Dictionary of Russian folk dialect speech in Siberia in the 17th – the first half of the 18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.

Ulozh. 1649 g. – Anon. (1959) *Sobornoe ulozhenie tsarya Alekseya Mikhaylovicha. 1649 g.* [1649 Code of Tsar Alexei Mikhailovich]. In: *Pamyatniki russkogo prava* [Monuments of Russian law]. Vol. 6. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury.

УДК 811.161.1

DOI: 10.17223/19986645/45/3

Н.И. Данилина

ДИНАМИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕРИВАЦИОННО-АССОЦИАТИВНОГО МЕХАНИЗМА В ПРОЦЕССЕ ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТА (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

В статье описан ассоциативный эксперимент с предъявлением стимулов в лексико-деривационных контекстах, вписанных в связный текст, с целью моделирования восприятия речи в ситуации неполного понимания. Выявлено, что деривационный анализ способен выполнять разные функции: когнитивную, фразопорождающую, объяснительную; использование их определено возрастом и специальностью испытуемых. Применение деривационного ассоциирования ограничено свойствами стимула, контекста и текстопорождающей интенцией.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, текст, деривация.

Деривационно-ассоциативный эксперимент (ДАЭ) давно и прочно вошел в исследовательскую практику. Разные его виды получили обоснование и были многократно опробованы в работах Н.Д. Голева и его учеников [1–4]. Ценность методики ДАЭ для изучения системных отношений в лексике не вызывают сомнений. Другой аспект механизма деривации, активно исследуемый представителями упомянутого научного направления, – её роль в текстопорождении. В работах текстологической ориентации также используются экспериментальные методики, одна из которых – традиционный для психолингвистики клоуз-тест. В диссертации [2] методики ДАЭ и клоуз-теста оказались совмещены: испытуемым предъявлялся текст, сконструированный из лексико-деривационных контекстов. Эксперимент проводился с дошкольниками, поэтому текст (вместо отдельных контекстов) был вынужденной формой подачи стимулов. Однако мы полагаем, что полнотекстовая методика может составить самостоятельную разновидность ДАЭ. Она способна моделировать одновременно процесс и восприятия речи, отражением которого является ассоциативный механизм, и порождения, задаваемого прагматической установкой на получение адекватного текста. При этом сформированность речевых навыков и умений, уровень самоконтроля в процессе речепорождения, возможность и способность информантов осознанно выполнить «соавторскую» роль может составить один из параметров оценки экспериментального материала. Место механизма деривационного анализа в иерархии прогностических детерминант текста до сих пор изучалось только в аспекте переводческой деятельности, т.е. на материале речи взрослых носителей языка с соответствующим уровнем и характером образования [5]. Влияние социолингвистического (возрастного, образовательного и т.п.) фактора в ДАЭ также специально не рассматривалось. Представляет интерес и предъявление в качестве стимулов искусственных слов, ибо таким образом моделируется нередкая в опыте многих реципиентов ситуация неполного пони-

мания, возникающая, в частности, из-за разницы индивидуальных лексиконных субъектов общения. В данной статье мы ставим перед собой задачу повторить эксперимент Е.А. Аввакумовой с испытуемыми разного возраста и образования и при интерпретации результатов учесть взаимодействие различных факторов, влияющих на тип реакции.

Состав испытуемых: учащиеся 2А и 6А классов СОШ № 94 г. Саратова – по 25 чел.; студенты 1-го курса Саратовского медицинского университета (СГМУ) 29 чел., для которых русский язык является родным, и 23 чел., владеющих русским языком с 3–10 лет и обучавшихся в русских школах; студенты 1–2-го курса Саратовского университета (СГУ) 12 студентов направления «Английская филология», 10 – «Отечественная филология», 8 – «Мировая художественная культура»; филологи-преподаватели СГУ и СГМУ старше 30 лет – 21 чел. Выбор испытуемых определялся следующими соображениями. Начальная школа – вывод практического навыка морфемного и деривационного анализа на сознательный уровень, средняя школа – период наиболее активного изучения структуры слова в школьной программе, к семнадцати годам в целом заканчивается формирование языковой личности [6. С. 230]. В данный период, по нашему мнению, уже можно проследить различия между гуманитариями, для которых внимание к слову и тексту приоритетно, и представителями других специальностей. Общение с людьми, для которых русский язык не является родным, в некоторых коллективах составляет значительную часть коммуникативного процесса, поэтому при моделировании ситуаций восприятия речи следует учитывать и этих слушателей. Привлечение к участию в эксперименте представителей старшего поколения имеет целью проследить влияние на ассоциации различий в жизненном и профессиональном опыте информантов¹.

За основу экспериментального материала взят текст из [2. С. 66–67]. В него добавлены стимулы, обладающие дефектной членимостью (*сонатина*, *стеклярус*), высокой степенью идиоматичности семантики, относящиеся к пассивному лексикону современного горожанина или вовсе ему неизвестные (*бортник*, *старёвщик*), неузусный аналог дефектно членимых слов (*земличные*) и стимул *нетамыгранцы*, образованный по неузусной модели. В результате текст принял следующий вид:

*В одном сказочном городе жили коротышки. Были они очень забавные, потому что говорили иногда непонятные слова, но друг друга всегда понимали. Каждый занимался каким-нибудь делом: кто-то дом строил, кто-то деревья сажал, а кто-то на скрипке играл. Вот как-то раз шофер Баранкин работал у себя в гараже. И пришел к нему друг. «Что ты все здесь сидишь?» – спрашивает, – Вон летчик в небе уже давно». (1) «Раз он летчик, то пусть он... (2) А я **водитель**, значит, буду...», – с достоинством ответил Баранкин и стал щелкать выключателем. «Ты зачем **выключателем** щелкаешь?» – опять спрашивает друг. (3) «Как зачем? Чтобы...». «Ты вчера на своей машине по лесу ездил, а она у тебя гудымит и гудымит». Баранкин нисколько не удивился этому слову, ведь коротышки друг друга всегда пони-*

¹ За помощь в проведении эксперимента мы благодарим преподавателей СГУ Н.Г. Мальцеву и Е.А. Разумовскую и учителя СОШ № 94 М.И. Носачёву.

мали. Поэтому он ответил: «Как же ей не **гудыметь**? (4) Машины не могут не...». Баранкин сел в машину и поехал по городу. Едет и смотрит, что другие коротышки делают. Вот учитель – он учит. (5) Вот **каменищик** – он... (6) Вот **скрипач** – он... Его любимая вещь – (7) **сонатина**, это ... (8) Вот **бортник** – он... (9) Вот **красари** – они ... (10) Вот **Зонтарь** – он делает... и украшает (11) **стеклярусом**. Это... А вот стоят коротышки и слушают Загандёра, слушают и смеются. Потому что (12) на то он и **Загандёр**, чтобы ... (13) А вон **старьёвщик** навстречу едет на телеге. Его потому так называют, что он... (14) Вдруг появились на дороге **нетамыгранцы**. Они всегда... Баранкин затормозил. Тут Баранкин увидел своего друга Копалкина. Они поздоровались и привычно пошутили друг над другом. (15) «Тебя зовут **Баранкин**, потому что ты...». (16) «Тебя зовут **Копалкин**, потому что ты...». Копалкин сказал: (17) «Посмотри, каких **шишенят** я нашел. Я их потому так назвал, что это...» Баранкин посмотрел и порадовался за Копалкина: «Какие земличные шишенята!» (18) «Это они потому **земличные**, что...». Сели друзья в машину и они поехали всем рассказывать о шишенятах.

Данный текст зачитывался испытуемым, и предлагалось письменно заполнить лакуны. Число полученных реакций в нашем материале больше числа испытуемых, так как в некоторых случаях на один стимул одним информантом давалось несколько реакций, разделенных знаком /, каковые мы считали разными; реакции, записанные с использованием пояснений (*играют (меишают)*), мы рассматривали как единые.

В работах, посвященных проблеме ДАЭ, можно найти разные классификации реакций: от более или менее обобщенной [7. С. 25] до весьма дробной [3. С. 62–63]. Поскольку в задачи нашей статьи входит не классификация ответов, а изучение структуры ассоциативного поля и факторов, влияющих на её формирование, описание встретившихся в материале реакций будет предварять основное изложение и носить обобщенный характер.

Среди формально-семантических ассоциаций (ФСА) преобладает реагирование непосредственным производящим (или трактуемым как таковое). Например, *летчик – летает*; *бортник – мочет борт у корабля*; *старьёвщик – старьё собирает*. Гораздо реже встречается реагирование другими членами словообразовательного гнезда. Например, *выключатель – переключить*; *Копалкин – копуша, землекоп*; *старьёвщик – старинный*. Примеры перспективной деривации немногочисленны: *бортник – бортничествовать*; *красари – красарить, красаривать*; *загандёр – загандёрничать, загондёривать, загондёрывать*. Искусственные слова, реализующие деривационные потенции стимулов, появляются в нашем материале у испытуемых разных групп, но лишь для некоторых лексем и будут описаны в соответствующих местах. К ФСА мы относим и «ослышки» – формальные реакции на фонетически неправильно распознанный или расчлененный стимул. Таких примеров тоже немного: *бортник – убирает, собирает, бурит*; *старьёвщик – всегда стоит, делает сталь*; *нетамыгранцы – делают томографию на границе* (вероятно, стимул распознан как *нетомограfcны*, т.е. «не имеющие результатов томографии»); *красари – крыс ловят...*; *сонатина – сонеты для сна, нотная тетрадъ* («с нотами»). Последние примеры позволяют предположить установку

на языковую игру. Представлены в нашем материале и ФСА на суффиксальную часть стимула. Подобные реакции единично встретились для стимула *красари* (*слесари, косари*) и довольно многочисленны для стимула *ишшента*. К периферии ФСА можно отнести ассоциаты, содержащие синонимы или перифразы предполагаемого производящего, в том числе и неверно отражающие реальную мотивировку, ср. имплицитные реакции в классификации [3. С. 62]. Например, *водитель – шоферить; красари – рисуют на заборе* (ср. *красят забор*); *Копалкин – роешь ямы*. В целом ответы подобного типа в нашем материале нечасты.

Следующая степень отдаления реакций от ФСА представлена такими ассоциатами, которые имеют со стимулом устойчивые для данного языкового коллектива когнитивные связи, фиксируемые толковыми, ассоциативными и другими словарями, и актуализируют семы стимула, не отраженные в его внутренней форме. В случае с неузуальными стимулами ассоциированию подвергается предполагаемое производящее. Например, *водитель – ездить; стеклярус – бисер; бортник – добывает мёд; сонатина – музыкальное произведение; Копалкин – лопата, садовник, археолог*. Реакции подобного типа составляют в нашем материале значительный пласт для всех узуальных стимулов, а также для некоторых неузуальных. Такие реакции принято называть семантическими [7. С. 25], однако, чтобы отличить их от тех семантических, которые будут описаны далее, мы будем именовать их здесь системно-ассоциативными или системно ориентированными (СОА).

Следующая разновидность семантических реакций не фиксируется ассоциативными словарями, так как порождена не просто ДАЭ, а его текстовой формой. Мы имеем в виду заполнение лакун лексикой, семантически вписывающейся в контекст, но не связанной со словом-стимулом, ср. ассоциативные реакции в [3. С. 63]. Назовем такие реакции контекстно ориентированными (КОА). Примеры: *Ты зачем выключателем щелкаешь? Чтобы тебя напугать*; *Раз он летчик, то пусть он и летает в небе. А я водитель, значит, буду не в небе, а на земле работать*; *А вон старьёвщик навстречу едет на телеге. Его потому так называют, что он едет на телеге, но на них уже никто не ездит*. В таких ответах прослеживается реакция либо на те или иные вербальные составляющие контекста, либо на компоненты описываемой ситуации. Так, в примере со стимулом *старьёвщик* объект «телега» как компонент ситуации порождает ассоциацию «старомодно», данную в виде перифразы. В примере со стимулом *выключатель* отражена опосредованная реакция на описанное событие: щелчок выключателем – гаснет свет – становится темно – собеседнику страшно. Впрочем, восстановить ход мысли испытуемого не всегда удастся. Например, *каменищик – копает; нетамыграницы – в маленьких ботиночках*. Катализатором появления КОА служит невозможность по тем или иным причинам вычленив из стимула мотиватор (*загандёр*) или слабая синтаксическая позиция стимула в контексте (*выключатель*), и это делает по крайней мере часть таких ответов синонимами отказов. Однако сам факт появления КОА симптоматичен: он демонстрирует, с одной стороны, роль смыслового контекста и пресуппозиций в процессе восприятия речи, с другой – действие установки на текстопорождение (прагматический «запрет» на отказы).

В нашем материале встретился еще один тип реакций, неупоминаемый в работах по ДАЭ, – реагирование лексикой максимально обобщенного характера, часто не вписывающейся даже в семантический контекст. Такая лексика может быть отнесена, по сути дела, к любому стимулу, что видно из следующих примеров: *летчик, бортник, каменщик – занимается своим делом; Баранкин, бортник – хороший человек; стеклярус – что-то*. Такие реакции можно было бы назвать «нулевыми» или «асемантическими» (АСА). Все они синонимичны отказам. Причиной их появления, вероятно, является специфическое проявление фразопорождающей интенции: стремление заполнить синтаксические позиции при неспособности достаточно быстро подыскать «нужные заполнители» в своём индивидуальном лексиконе. «Нулевые» ответы встретились нам преимущественно в анкетах студентов, для которых русский язык неродной.

К периферии ассоциативной области принадлежат фонетические (формальные) реакции (ФА). Доля ФА в общем числе ответов существенна в анкетах медиков с неродным русским для стимулов *Копалкин (коптишь, колпак, палка)* и *нетамыгранцы (мигрируют, иммигранты)*, в анкетах школьников – только для стимула *нетамыгранцы (мытые, немые, немцы, иммигранты)*. Кроме того, фонетическое ассоциирование корня сопутствует большинству реакций на стимул *ишшенята*. Оригинальную разновидность ФА представляют аллитерация и рифма. В нашем материале они встретились в трех анкетах студентов-гуманитариев и одной преподавательской, в основном как сопровождение реакций другого типа: *сонатина – подставка для скрипки из сатина, скрипач – струны настраивает, зонтарь – золотые зонты, нетамыгранцы – делают томографию на границе; нетамыгранцы – танцуют танцы, Баранкин – бубликов едят, Копалкин – землю ковырялки; сонатина – сонеты для сна; сонатина – подлая скотина*.

Что касается протяженности реакций, то большинство выходов однословно (особенно у школьников и медиков) либо представляет собой двухсловное словосочетание. Более развернутые реакции, часто совмещающие ассоциаты разных типов, дают студенты-гуманитарии, преимущественно культурологи. Примеры: *нетамыгранцы – играют на дороге и мешают ехать; водитель – развозит людей по долам и весям; скрипач – радует людей мелодией своей скрипки; старьевщик – собирает старые вещи коротышек и дарит им вторую жизнь; стеклярус – маленькие и большие прозрачные бусины; Баранкин – баранку целыми днями крутишь, а по вечерам с ними чай пьёшь; Копалкин – знатно весь огород перекапываешь каждый год*. Доля развернутых реакций в ответах студентов-гуманитариев составляет 19,1%, тогда как в ответах других испытуемых – от 0% у второклассников до 10,4% у преподавателей. Можно предположить, что целью развернутого реагирования является создание качественного текста, в основе его лежит осознанное принятие испытуемыми соавторской роли. Об этом свидетельствует и наблюдаемая согласованность реакций в рамках одной анкеты. Например, *каменщик – строит новый домик, бортник – отесывает дерево, красари – огораживают новые домики каменщика; ишшенята – мышата, земличные – живут в норках*. В анкетах медиков, напротив, встречаются случаи противоречия соседних реакций как друг другу, так и, иногда, контексту. Например,

Баранкин – баран, Копалкин – отказ; Зонтарь – зонты, стеклярус – стеклычок.

Отдельно следует упомянуть о встретившемся в некоторых анкетах метаассоциативном компоненте. Это пометы :) и !, использованные в двух анкетах студентов-гуманитариев и один раз в анкете медика. Филолог маркирует искусственные слова и ассоциаты, которые не являются реальными производящими для стимула (*Баранкин – водитель:*)), сопровождая их альтернативами: *каменит:*) *Кладет кирпичи; скрипит:*) *Играет на скрипке; зонтари:*) *Зонты; бортует:*) *За пчелами ухаживает.* В анкете культуролога маркируются реакции, подчеркивающие нереальность, шуточность ситуации, в том числе и искусственные слова, но альтернатив не предлагается: *выключатель – устроить светомузыку!; загондёр – гундерить!; зонтарь – клубничные зонтики!; старьёвщик – известный антиквариамус!; Баранкин – курзяблик!; Копалкин – ральбанбо!; земличные – землянику любят!* В этой же анкете: *летчик – готовит пирог и купит конфет; водитель – есть баранки и свистеть в рогалик.* В анкетах преподавателей метаассоциативный компонент обычно представлен образованием искусственных глаголов в тех случаях, где мотиватор легко вычленим (*старьевать любит, баранишь, красарят, нетамыграют по вечерам*). Так, в одной анкете встретилось 8 неузальных или не соответствующих ситуации глаголов, некоторые с обозначенным ударением: *лётает, каменеет, скрипает, бортает, красАют, загундивать, старится, доигрываются* (из этой же анкеты: *сонатина – подлая скотина*). В другой анкете метаассоциативный компонент представлен комментариями, намеренно разрушающими прагматическую целостность текста: *...гудыметь. Это их прямое занятие; смеяться абсурдности его профессии; очень старый и к тому же любит винтаж; попал на букву К; у меня лингвокреативная деятельность такая; надобно же их как-нибудь определить* (из этой же анкеты: *ма-а-а-аленькая соната*). Отдельно упомянем две отсылки к прецедентным текстам: *бортник – бортанул бокра, шишенята – шит бул.* Метатекстовый компонент можно рассматривать как своеобразную «диалогизацию» ситуации общения: испытуемый не только воспринимает и продуцирует экспериментальный текст, но и хочет сообщить экспериментатору, что делает это осознанно, выбирая форму выражения, что ему нравится рефлексия над речью.

Обратимся к анализу соотношения разных типов реакций на тот или иной стимул в разных группах испытуемых и попытаемся выявить факторы, обуславливающие появление реакций того или иного вида. Предъявленные стимулы разделим на 6 групп: 1) узальные свободно членимые, входящие в активный лексикон всех испытуемых (*летчик, водитель, выключатель, скрипач*); 2) узальные свободно членимые, принадлежащие пассивному лексикону большинства испытуемых (*каменичик, старьевщик, бортник*); 3) узальные дефектно членимые, также принадлежащие к пассивному словарному запасу (*стеклярус, сонатина*); 4) неузальные свободно членимые (*зонтарь, красари, Баранкин, Копалкин*); 5) неузальные с уникальными морфами (*шишенята, земличные, загандёр*); 6) неузальные сложения (*гудыметь, нетамыгранцы*).

В первой группе наибольший процент ФСА у всех испытуемых дает стимул *лётчик*, тогда как стимулы *скрипач* и *водитель* демонстрируют «оттяжку» реакций в сторону СОА, а *выключатель* – КОА (см. табл. 1, 2). Здесь и далее числа в таблицах – это процент реакций того или иного типа.

Таблица 1

Группа	Стимул											
	<i>лётчик</i>						<i>скрипач</i>					
	ш2	ш6	СГМУ-н	СГМУ-р	СГУ	Взрос-лые	ш2	ш6	СГМУ-н	СГМУ-р	СГУ	Взрос-лые
ФСА экспл.	80	84	91,3	96,6	83,3	90,5	48	60	56,5	66,7	61,3	72,7
ФСА импл.	–	–	–	3,4	–	4,7	–	–	–	–	–	–
СОА	4	8	–	–	10	–	44	40	39,1	33,3	29	27,3
КОА	8	4	–	–	3,3	–	4	–	4,3	–	6,5	–
АСА	–	4	4,3	–	3,3	4,7	–	–	–	–	3,2	–
отказы	4	–	–	–	–	–	4	–	–	–	–	–

Таблица 2

Группа	Стимул											
	<i>водитель</i>						<i>выключатель</i>					
	ш2	ш6	СГМУ-н	СГМУ-р	СГУ	Взрос-лые	ш2	ш6	СГМУ-н	СГМУ-р	СГУ	Взрос-лые
ФСА экспл.	20	68	78,3	56,7	43,3	52,2	20	32	31,8	51,7	40	50
ФСА импл.	–	–	4,3	–	6,7	26,1	8	–	9	10,3	–	18,2
СОА	72	24	13	40	36,7	17,4	40	32	–	17,2	13,3	18,2
КОА	4	8	4,3	3,3	13,3	4,3	12	32	45,5	10,3	40	13,6
отказы	4	–	–	–	–	–	20	4	13,6	10,3	6,7	–

Слово *лётчик* высокочастотно (436 вхождений в устный подкорпус НКРЯ [8]), имеет высокочастотное производящее (*летать* 797, *лететь* 1080), толкуется через однокоренные слова («водитель самолета» [9]), ассоциация его с производящим глаголом зафиксирована в [10]. Альтернативные обозначения типичных действий именуемого лица (как того требует синтаксический контекст в эксперименте) в непрофессиональной речи отсутствуют. Совокупность перечисленных факторов ведет к тому, что реакции деривационного типа составляют для данного стимула подавляющее большинство. Преобладают реакции, содержащие непосредственное производящее: *летаёт* / *летит* (117). Встречаются и реакции с другими членами словообразовательного гнезда: *прилетит*, *полетит* (2), *взлетит*, *взлетит до небес*. Примеры недезивационных реакций: *пилотирует*, *пилотчик*; *военный*, *в небо выходит*, *разгоняет тучи*, *птица*.

Слово *скрипач* в словарях толкуется через своё производящее («музыкант, играющий на скрипке» [9]); оба слова не принадлежат к высокочастотным (64 и 123 вхождения в [8]). Ассоциация *скрипач* – *скрипка* зафиксирована в [10], но не является для стимула самой сильной. Лексема *скрипач* не отглагольна, типичное действие именуемого лица обозначается не однокоренным словом, однако опосредованная ассоциация «лицо – действие» зафиксирована в [10] (*играть* – на *скрипке*). Таким образом, неотглагольность стимула при контекстуальной необходимости обозначить действие провоцирует смещение реакций в сторону блока СОА, хотя процент деривационных выходов достаточно высок. Показательно,

что реакция *играет* чаще встречается у школьников и медиков (по 17), предпочитающих однословное реагирование. Остальные СОА содержат лексику *музыка: музыку творит, исполняет великолепную по звучанию музыку* и т.п. Что касается ФСА, то у всех испытуемых, кроме второклассников, преобладающей является *на скрипке играет* (61). У второклассников же доминирует мнимое производящее – глагол *скрипеть* (9), что может свидетельствовать о недостаточной закреплённости в сознании детей ассоциативного поля лексики *скрипач* и, как следствие, вариативное толкование её внутренней формы. Глаголы появляются и в ответах взрослых. Но здесь они свидетельствуют, скорее, об установке на языковую игру, что подтверждается наличием не только узувального *скрипит* (5 у медиков, 6 у гуманитариев), но и искусственных *скрипает* (2), *скрипучит, скрипачит* (только у филологов).

У лексики *водитель* связь с производящим *водить* не фиксируется словарями («тот, кто управляет самодвижущейся машиной» [9]), хотя оба слова обладают довольно высокой частотой употребления (243 и 342 вхождения в [8]). Анализ контекстов в НКРЯ показывает, что совместно со словом *водитель* из глаголов встречаются преимущественно *работать* (*работать водителем*) и *ехать / ездить* (последнее вообще частотнее, чем *водить*: 2125 вхождений в [8]). Таким образом, есть основания констатировать системно-ассоциативную связь наименования лица *водитель* с действием *ездить*, которая и проявилась в экспериментальном контексте, «оттеснив» деривационную связь с *водить* (особенно сильно – у второклассников): *ездить* (38), *ехать* (4), *ехать по проспекту*, *ехать на машине*, *ездить по дорогам*. Другие СОА: *возить людей* (3), *перевозить пассажиров*. Среди СОА следует отметить появление у школьников неглагольных ассоциатов, фиксируемых [10] (*шофёр, шофёром, в машине*, ср. также *водитель, водителем*), тогда как в старших возрастных группах подобные реакции отсутствуют. В блоке ФСА преобладают реакции, содержащие непосредственное производящее *водить / вести* (81): *водить* (68), *водить машину* (10). Самый высокий процент однословных ответов *водить* отмечен у студентов с неродным русским. Вероятно, этой категорией испытуемых не ощущается семантическая неполнота переходного глагола, употребленного без названия объекта действия. У преподавателей значительная часть ответов лежит в зоне реакций, имплицитно связанных с производящим: *шоферить* (2), *рулить* (3), *управлять авто*. Таким образом, снижению доли деривационных реакций на стимул *водитель* способствуют его собственные свойства: транзитивность, требующая двухсловного реагирования, и отсутствие словарной фиксации связей с производящим.

Стимул *выключатель*, несмотря на лексикографическую закреплённость связи с производящим («приспособление для выключения и включения электрического тока» [9]), даёт самый низкий в рассматриваемой группе процент ФСА, большое количество КОА и отказов. Такое положение обусловлено отсутствием у экспериментального контекста достаточной деривационной силы, см. методику подсчета в [4. С. 43–56]. Играет роль и лексический состав фразы: вопрос *зачем* в норме относится к действию (в нашем случае *щёлкаешь*), а не к предмету. Сама экспериментальная фраза не совсем неудачна с точки зрения описываемой ситуации: глагол несовершенного вида *щёлкать* подразумевает многократное действие, тогда как для включения или

Таблица 3

Группа	Стимул																	
	каменщик						старьевщик						бортник					
	ш2	ш6	СГМУ-н	СГМУ-р	СГУ	взр.	ш2	ш6	СГМУ-н	СГМУ-р	СГУ	Взр.	ш2	ш6	СГМУ-н	СГМУ-р	СГУ	Взр.
ФСА экспл.	40	60	21,7	65,5	54,8	34,8	56	68	60,9	69	83,3	87	20	44	26	48,3	38,7	28,7
ФСА импл.	–	8	4,3	–	6,5	8,7	–	–	4,3	10,3	6,7	8,7	–	–	4,3	–	–	–
СОА	16	12	43,5	24,1	29	56,5	–	–	8,7	3,4	–	4,3	20	16	21,7	17,2	19,4	47,6
КОА	36	8	4,3	6,9	6,5	–	20	15,4	8,7	6,9	6,7	–	–	–	4,3	6,9	22,6	9,5
ФА	–	–	–	–	–	–	8	–	–	–	–	–	–	–	4,3	–	–	–
АСА	–	8	8,7	–	–	–	4	–	4,3	–	–	–	4	20	4,3	3,4	19,4	4,8
Отказы	8	4	17,4	3,4	3,2	–	12	15,4	13	10,3	3,3	–	56	20	34,7	24,1	–	9,5

выключения электричества достаточно действия однократного (*щёлкнуть*), что вызывает переключение внимания испытуемых на факт многократности и попытки его объяснения, т.е. КОА (*проверить работоспособность, устроить светомузыку, вызвать помощь* и т.п., а также *щёлкнуло, щёлкать, пощёлкать*), а при невозможности подобрать таковое – отказы. Показательно, что студенты с неродным русским не дают даже СОА со словом *свет*, которые широко представлены у всех категорий информантов-носителей русского языка (*свет горел, было светло, кончилось электричество, видимость создать*). Минимальное количество КОА и отказов дали преподаватели. Они чаще других соотносили стимул не только со словом *свет*, но и с обозначениями объектов (*чтобы машина включилась, включить механизм*), используя при этом имплицитные связи (*завести мотор, чтобы машина ехала*).

Перейдём к анализу реакций на стимулы второй из выделенных групп (табл. 3). Самый высокий процент ФСА порождает *старьёвщик*, что обусловлено, наряду со свойствами самого стимула, мотивационной ориентацией контекста. «Оттяжка» реакций происходит, главным образом, в область КОА и отказов и свойственна преимущественно школьникам, незнакомым с названным явлением действительности. «Маркированным» компонентом описываемой ситуации оказывается объект «телега» (*на телеге, водит трактор с телегой*), эта лексема встретила в 11 из 15 КОА; впрочем, такие ответы можно трактовать и как имплицитно связанные с мнимым производящим *старомодно*. ФСА на стимул *старьёвщик* являются у разных информантов следствием двух разных процессов: воспроизведения толкования знакомого слова, у которого связь с мотиватором закреплена лексикографически («торговец старыми, подержанными вещами» [9]), и деривационного анализа незнакомого слова с прозрачной внутренней формой. Работа того или другого механизма легко опознаётся по выбору испытуемым мотиватора. Так, в ответах взрослых носителей русского языка преобладает слово *старьё* или словосочетание *старые вещи* (60,9% преподаватели, 58,1% студенты-гуманитарии, 47,9% медики): *старьё собирает и продаёт, скупает старые вещи* и т.п.; ответы с имплицитными отношениями: *собирает хлам, барахло собирает*. Однако и здесь не исключены ошибки: *коллекционирует старинные вещи*. Студенты, для которых русский язык неродной, и школьники на роль мотиватора выдвигают преимущественно прилагательное *старый* (36% 2 кл., 42,3% 6 кл., 39,1% студенты). Среди ФСА второклассников встретилось довольно много «ослышек»: *стоит* (4), *делает сталь*, ср. *ФА станёвщик, станёшь*, что свидетельствует о трудностях фонологического распознавания незнакомого слова. Часть ФСА филологов реализует установку на языковую игру – трактовку экспериментального задания как необходимость дать глагольный ответ: *старьит, старьевать любит, старится*.

В поле реакций на стимул *каменищик* так же, как в полях стимулов *водитель* и *скрипач*, обнаруживаются два «фокуса»: ФСА и СОА. Причина появления второго и в этом случае определяется свойствами стимула: неотглагольность имени деятеля при необходимости назвать характерное действие. Глаголом, имеющим опосредованную ассоциативную связь со словом *каменищик*, является *строить* (ср. *строитель – каменищик* (3) [10]). Он и представлен в большинстве СОА (29). Принадлежность стимула к пассивному

лексикону испытуемых и их неуверенность в знании значения данного слова ведут к деривационному реагированию путем объяснения производного через отношение к производящему, однако идиоматичность внутренней формы часто препятствует правильности трактовки субъектно-объектных отношений. Так, наряду с лексикографически верными ответами *камни кладет, кладет кирпичи, стену возводит* (ср. «рабочий, производящий кладку различных сооружений из камня или кирпича» [9]) в немалом количестве встречаются ответы типа *точит камни, добывает драгоценные камни, обжигает камни*, ср. реакции с имплицитными отношениями *высекает статую, обрабатывает минералы*. Другой разновидностью работы деривационного механизма становится появление в реакциях реальных (но не мотивирующих) или искусственных глаголов. Единично они отмечены в ответах детей (*камнит, каменьщит*), чаще – как языковая игра в ответах взрослых носителей русского языка: *каменеет* (2), *камнит* (3), *каменит* (2), *каменует, КАмючит*.

Поле реакций на стимул *бортник* имеет не два, а три «фокуса»: ФСА, СОА и АСА в совокупности с отказами (кроме реакций в группе гуманитариев), что естественным образом снижает долю ФСА. Лексема *бортник* не имеет системно-ассоциативных связей, кроме элементов опосредованного словарного толкования («тот, кто занимается бортничеством», бортничество – «примитивное пчеловодство в лесу, добывание меда диких пчел и простейший уход за ними» [9]). Её производящее *бортъ* неупотребительно в современном литературном языке: последняя по времени его фиксация в основном корпусе НКРЯ относится к 1937 г. [8]. Точное знание значения данного стимула ведет к системно-ассоциативному реагированию, а реакции других типов свидетельствуют об отсутствии слова в лексиконе испытуемых. Материал показывает, что слово *бортник* находится на периферии словарного запаса информантов: лексикографически верные ответы составили 28,6% у преподавателей, 12,9% у студентов-гуманитариев, 10,3 и 17,4% у медиков, 0% у школьников. В условиях появления незнакомого слова тактики реципиентов разделились. Часть гуманитариев (9) и медиков (3) отказываются от поиска значения и выдают реакции, которые просто не нарушали бы смысловую целостности контекста (*обрабатывает дерево, следит, собирает грибы и ягоды в нашем лесу* и др.). Отсутствие в этом случае обращения к морфемному составу слова объяснимо: ни значение «верхний край боковой стенки судна», ни значение «левый или правый край одежды» [9] не соответствуют описываемой в тексте ситуации. Некоторым удаётся вспомнить узусальный однокоренной глагол *бортничать* (4). Большинство испытуемых делают попытки вычленив производящее. Эта операция у одних информантов проходит формально, автоматически, у других – осмысленно. В первом случае в ответах появляются искусственные глаголы (как того требует синтаксический контекст): *бортует* (10), *бортирует* (3), *бортит* (2), *бортмит, бортает, бортанул, бортничествует*. Такие ответы особенно часты (31,3%) у медиков, для которых русский язык родной. К этому же виду реакций можно отнести и «ослышки»: *собирает, убирает* (2), *бурит, борит*, ср. реакцию с имплицитной связью *чистит*. В искусственных глаголах, отмеченных у филологов (5), можно усмотреть языковую игру, так как они представлены в анкетах, содержащих и другие «маркеры игры». В случае сознательного выбора воз-

можного мотиватора наблюдаются попытки объяснить его связь с производным; реакции в этом случае могут быть как деривационными, так и системно-ассоциативными по отношению к мнимому производящему. Такая тактика особенно типична для шестиклассников (32% ФСА, 12% СОА). Роль производящего приписывается лексеме *борт* в разных значениях. Примеры ФСА на мнимый мотиватор, в том числе с имплицитной связью: *красит и строит бортики, водит бортовой узик, портной, стоит на борту и спасает людей*. Примеры СОА: *шубы шьет, мореплаватель, делает корабли, ловит рыбу, делает воротники*. Второклассники и студенты, для которых русский язык неродной, чаще придерживаются тактики отказов.

Рассмотрим поля реакций на стимулы *сонатина* и *стеклярус* (табл. 4). Оба стимула низкочастотны (1 и 2 вхождения в устный подкорпус НКРЯ [8]), не встречаются в [10], в [9] толкуются через свои производящие: «небольшая, несложная по разработке соната», соната – «инструментальное музыкальное произведение, состоящее из четырех или трех различных по темпу и характеру частей»; «род крупного бисера – разноцветные короткие трубочки из стекла, нанизываемые на нитку», бисер – «бусинки со сквозным отверстием». Таким образом, для лексемы *стеклярус* устанавливается системно-ассоциативная связь со словом *бисер* (имплицитно также *бусины*), для лексемы *сонатина* – со словосочетанием *музыкальное произведение* (имплицитно, возможно, *музыка, мелодия*). Контексты, в которых предъявлены стимулы, не обладают свойствами ЛДК, поэтому невысокий процент ФСА предсказуем. Поля реакций отражают в данном случае позицию реципиента в условиях, приближенных к естественным.

Таблица 4

Группа	Стимул											
	<i>стеклярус</i>						<i>сонатина</i>					
	ш2	ш6	СГМУ-н	СГМУ-р	СГУ	Взрос-лые	ш2	ш6	СГМУ-н	СГМУ-р	СГУ	Взрос-лые
ФСА экспл.	68	64	26,1	41,4	32,3	33,3	–	12	–	3,4	3,3	23,8
СОА	–	12	8,7	10,3	41,9	23,8	–	24	39,1	20,7	36,7	42,9
КОА	20	16	21,7	34,5	25,8	28,6	72	52	34,8	55,2	43,3	23,8
АСА	–	–	13	–	–	4,8	–	–	–	–	10	4,8
ФА	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3,3	4,8
Отказы	12	8	30,5	13,8	–	9,5	28	12	26,1	20,7	3,3	–

Полученный материал отразил, в первую очередь, степень известности слов-стимулов участникам эксперимента. Школьникам и медикам с родным русским лексемы *сонатина* и *стеклярус* незнакомы, однако при наличии производящего в активном словаре (*стекло, стеклянный*) срабатывает деривационный механизм и возрастает доля ФСА; при отсутствии производящего в активном лексиконе (*соната*) преобладают КОА; в обоих случаях существенна доля отказов. Примеры: *стеклярус* – *стекло / стёкла* (30), *стекляшки, стёклышки* (3), *стекольщик* (2), *бисер* (2), *бусины*; *сонатина* – *соната* (3), *маленькая соната, музыкальное произведение* (3), *стиль музыки* (2), *мелодия* (3). Сходная тактика выявляется и у студентов с неродным русским, однако деривационный механизм срабатывает слабее и доля отказов больше. приме-

ры: **стеклярус** – стекло (2), стеклодув (2), стеклоделие, гирлянды, дизайн, что-то; **сонатина** – музыка (5), мелодия (3), инструмент (4), скрипка (2), палка, тайна. В лексиконе гуманитариев слова **стеклярус** и **сонатина** присутствуют, что ведет к распределению реакций между ФСА, СОА и КОА. Приблизительное знание значения стимулов порождает СОА: **стеклярус** – бисер (5), маленькие и большие прозрачные бусины; **сонатина** – музыкальное произведение (9), пьеса (3), его любимая музыка. ФСА представляют собой попытки, не всегда удачные, сформулировать значение слова с опорой на производящее: **стеклярус** – стеклянные бусины (2), изделия из стекол, прибор для выплавки стекла; **сонатина** – соната (3), маленькая соната (3). КОА составляют существенный пласт в ответах всех групп испытуемых. Семантически они сравнительно однородны. Для стимула **стеклярус** выделяется тематическая группа «украшение», эксплицитно задаваемая ближайшим контекстом, для стимула **сонатина** – тематическая группа «игра на скрипке», также определяемая контекстом. Примеры: **стеклярус** – украшение (9), красиво, сверкающие камушки, наклейки; **сонатина** – скрипка (24), музыкальный инструмент (12), инструмент (2), смычок (6), палка для скрипки (4), ноты, чехол для скрипки.

Обобщим тактики разных групп информантов в процессе восприятия узualmente стимулов. Школьники 2 класса на стимулы из своего активного словарного запаса (*лётчик*, *водитель*, *выключатель*) дали преимущественно СОА (для стимула *лётчик* СОА, по сути дела, совпадают с ФСА), что говорит о незначимости деривационных отношений для детей этого возраста. На стимулы малознакомые или незнакомые, но содержащие хорошо знакомую корневую морфему (*каменищик*, *старьёвщик*, *скрипач*, *стеклярус*) были предложены в основном ФСА, однако вследствие идиоматичности внутренней формы полученное деривационным путем «значение» слова не всегда совпадает с узualmente (*старьёвщик* «старый», *каменищик* «исследует камни», *скрипач* «скрипит»). К КОА второклассники прибегают в случае затруднений, возникающих с деривационными формулировками (*каменищик*), или при незнакомости корневой морфемы (*сонатина*). Преобладание отказов зафиксировано только для стимула *бортник*, значение которого не может быть выведено ни из внутренней формы (не все смогли вычленить даже мнимое производящее *борт*), ни из контекста.

Школьники 6 класса и медики, для которых русский язык является родным, предпочли в эксперименте ФСА как на хорошо знакомые стимулы, так и на мало знакомые и незнакомые, содержащие знакомый корень. Иногда деривационный механизм срабатывал даже при неизвестном корне, но стандартной словообразовательной модели (*бортник* – *бортует*), а также вопреки реальным мотивационным отношениям (*скрипач* – *скрипит*, *каменищик* – *каменит*). В случаях расхождения системных и деривационных ассоциаций (*водитель*, *скрипач*) в полях реакций появлялся дополнительный «фокус» СОА. Приоритет ФСА в ущерб СОА объясним у шестиклассников активной фазой изучения словообразовательных отношений в школьной программе, у студентов – аналогией к ближайшему контексту-образцу (*лётчик* – *летает*, *учитель* – *учит*). Отказы, хотя и не стали нигде преобладающей формой ответов, составили довольно значительный процент в полях стимулов, находя-

щихся на периферии индивидуальных лексиконов испытуемых (*сонатина, бортник, стеклярус*).

Тактика речевого поведения в эксперименте тех студентов, для которых русский язык не является родным, производит впечатление «наименьшего сопротивления»: там, где возможно, даются однословные ответы (70,9%), независимо от типа реакции. Так, для стимулов *лётчик, водитель, старьевщик* однословные реакции принадлежат к ФСА (*летает, водить, старый*), для стимулов *каменищик, сонатина* – к СОА (*строит, музыка*). Исключение делается для стимула *скрипач* (*играет, скрипит* и *играет на скрипке*). Для незнакомых слов (*стеклярус, бортник*) предпочитают отказы или АСА. На знакомый стимул *выключатель*, находящийся, однако, в слабой позиции, получены в основном КОА.

Для студентов-гуманитариев ФСА не стали в нашем эксперименте приоритетными. Они существенно преобладают только в мотивационно ориентированном контексте стимула *старьевщик* и там, где направление деривации поддерживается системными ассоциациями (*лётчик*). В полях реакций на остальные стимулы, как хорошо знакомые и прозрачные в отношении ВФ, так и дефектно членимые, наряду с деривационным отчетливо выделяется «фокус» СОА. КОА играют заметную роль в ответах на стимулы *бортник* и *сонатина*, периферийные в индивидуальных лексиконах, и стимул *выключатель*, находящийся в слабой контекстной позиции. Не исключено, что причина отказа от ФСА кроется в усвоенном со школьных времен «правило»: повторение однокоренных слов в том же или соседнем предложении – стилистическая ошибка. В то же время факт апелляции к этому «правилу» говорит об осознанном выборе средств выражения мысли, об активизации у испытуемых механизмов контроля речевого поведения.

Для филологов старшего поколения среди предъявленных стимулов не оказалось совершенно незнакомых, однако в большинстве случаев (*лётчик, скрипач, старьевщик, стеклярус*) приоритет был отдан ФСА, иногда (*водитель, выключатель*) – с широко представленными имплицитными отношениями. Очевидно, причина появления ФСА в этом случае иная, чем у детей: не попытка осмыслить значение малознакомого или незнакомого слова исходя из его внутренней формы, а профессиональная привычка формулировать значение слова с опорой на производящее. Именно опорой на словарное толкование, не содержащее мотиватора или содержащее мотиватор в слабой синтаксической позиции, можно объяснить наличие «фокуса» СОА в полях реакций на стимулы *бортник, каменищик, стеклярус*. В данном случае, как и в ответах студентов-гуманитариев, доминирует установка на контролируемое речепорождение, однако она принимает вид рефлексии не над текстом как коммуникативным целым, а над словом как единицей лексической системы. Невозможность отразить в ответе словообразовательное значение аффикса (*стеклярус, сонатина*) вела к появлению «фокуса» КОА.

Перейдем к анализу реакций на неузловые стимулы. Соотношение разных типов реакций на свободно членимые стимулы представлено в табл. 5, 6. Преобладание ФСА очевидно. Реакции на стимулы *Баранкин* и *Копалкин* у взрослых носителей русского языка демонстрируют некоторое смещение в сторону блока СОА (*любишь в песке возиться, не расстаешься с лопатой,*

любишь сажать, археолог, садовник, всё время что-то ищешь; круглый, плюшка, обжора, глупый), а у студентов-гуманитариев – также КОА (ты сын Баранкиных; большой, пушистый). Отсутствие подобной «оттяжки» у стимула *зонтарь* обусловлено синтаксическими свойствами контекста (структура фразы однозначно предполагает название предмета-результата действия). Представляет интерес довольно значительная доля отказов среди ответов на стимул *красари*. Не исключено, что она связана со слишком большим количеством возможных мотиваторов и, следовательно, с трудностью выбора.

Таблица 5

Группа	Стимул											
	<i>зонтарь</i>						<i>красари</i>					
	ш2	ш6	СГМУ-н	СГМУ-р	СГУ	Взрос-лые	ш2	ш6	СГМУ-н	СГМУ-р	СГУ	Взрос-лые
ФСА экспл.	68	92	60,9	93,1	93,5	95,2	84	64	56,5	72,2	79,3	61,9
ФСА импл.	–	–	–	–	–	–	–	–	8,7	–	–	4,8
СОА	–	–	4,3	–	–	–	–	16	4,3	3,4	6,9	–
КОА	12	–	–	–	3,2	4,8	4	16	4,3	–	3,4	–
ФА	8	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	9,5
АСА	4	4	8,7	6,9	3,2	–	–	4	8,7	3,4	10,3	9,5
Отказы	8	4	26,1	–	–	–	12	–	17,4	20,7	–	14,3

Таблица 6

Группа	Стимул											
	<i>Баранкин</i>						<i>Копалкин</i>					
	ш2	ш6	СГМУ-н	СГМУ-р	СГУ	Взрос-лые	ш2	ш6	СГМУ-н	СГМУ-р	СГУ	Взрос-лые
ФСА экспл.	88	96	69,6	70	71	79,2	92	92	58,3	82,8	75	72,7
ФСА импл.	–	–	4,3	–	3,2	4,2	–	–	–	3,4	3,6	4,5
СОА	–	–	4,3	23,3	16,1	16,7	–	4	–	6,8	14,3	13,6
КОА	–	–	13	–	9,7	–	–	–	12,5	–	7,1	–
ФА	–	–	–	–	–	–	–	4	20,8	–	–	9
АСА	8	–	8,7	3,3	–	–	–	–	4,2	3,4	–	–
Отказы	4	4	–	3,3	–	–	8	4	4,2	3,4	–	–

Рассмотрим особенности выделения мотиваторов разными группами информантов. Для стимула *зонтарь* предлагается только вариант *зонты* / *зонтики*. В отношении остальных стимулов предположения испытуемых расходятся. Для стимула *Копалкин* абсолютное большинство информантов признаёт мотиватором глагол *копать* и лишь немногие гуманитарии (8,3% преподавателей и 14,2% студентов) – глагол *копаться* «медленно делать»: *копуша, копаешься долго* (4). Для стимула *Баранкин* фиксируются три возможных мотиватора: *баран, баранка* «руль», *баранка* «бублик». Второклассникам и студентам с неродным русским метафора *баранка* «руль» незнакома, они выбирают преимущественно мотиватор *баран* (52 и 52,2%), который с формальной точки зрения не может являться производящим; очевидно, в языковой практике этих испытуемых данная лексема встречается чаще, чем *баранка* «бублик». Шестиклассники и преподаватели предпочитают мотиватор *баранка* «бублик» (48 и 33,3%): *на баранку похож, любишь баранки, пе-*

чѐшь баранки. Студенты-гуманитарии колеблются между мотивациями «бублик» и «фуль» (по 32,3%): *баранку целыми днями крутишь, а по вечерам с ними чай пѐшь*. В ответах студентов-медиков с родным русским все предполагаемые мотиваторы представлены примерно в равных долях. Кроме перечисленных, встретилось несколько индивидуальных осмыслений мотивационных отношений: *в бараньей шапке, пастух, кудрявкин, одет как смешарик Бараш*.

Особенно много возможных мотиваторов фиксируется для лексемы *красари*. Здесь можно выделить несколько видов семантической связи производящего с производным. Значение «лицо, производящее действие»: *красят* (42), *раскрашивают, украшают, красятся*; реакции с имплицитной связью: *рисуют, маляры*. Данный словообразовательный тип выделен в [11. С. 147] как непродуктивный. Значение «лицо по продукту деятельности» (продуктом в нашем случае выступает красота): *красиво косят, красоту наводят, красавиц наряжают*; реакции с имплицитной связью: *косметикой занимаются, делают мир лучше, цветочники*. Данный словообразовательный тип в [11. С. 188] рассматривается как продуктивный, ср. стимул *зонтарь*. Значение «лицо, характеризующееся признаком, названным производящим прилагательным»: *красивые* (12), *красавцы, красутки, красные*. Данный словообразовательный тип в [11] не фиксируется, однако в литературном языке можно найти несколько слов, образованных таким способом: *дикарь, главарь*, ср. *глухарь, сухарь*. Значение «лицо, испытывающее состояние, названное производящим глаголом»: *красуются* (16), *краснеют*; возможно, в эту группу следует включить искусственный глагол *красуют* (10). Данный словообразовательный тип в кодифицированном языке отсутствует. Выбор мотивации соотносится с возрастом и специальностью испытуемых. Так, словообразовательный тип с производящим прилагательным отмечен только у школьников (24% 2 кл., 28% 6 кл.); второклассники, выделившие в качестве производящего глагол, предпочли мотиватор *красить* (28%), шестиклассники – *красоваться* (16%). В ответах студентов стимул интерпретируется, за исключением единичных реакций, как отглагольный. При этом медики, для которых русский язык не является родным, из реальных производящих оказались способны вычленить только *красить* (34%), а при затруднениях образовывали искусственное *красовать* (13%). Медики, для которых русский язык родной, выделяли два реальных глагола: *красить* (24,1%) и *красоваться* (17,2%), – и искусственный *красовать* (13,8%). У гуманитариев сложностей с подбором мотивирующего глагола не возникло, предпочтение было отдано узуальному словообразовательному типу: *красить* – 48,3%, *красоваться* – 17,2%. Ответы преподавателей поровну (23,8%) распределились между узуальными словообразовательными типами с производящими *красить* и *красота*. Кроме того, в ответах информантов всех групп имеются «ослышки»: *ловят карасей* (2), *ловят рыбу* (2) – ассоциация на *караси, крыс ловят, ну и мышей по праздникам, следят за кротами, крессируют, плавают*. Есть и примеры перспективной деривации: *красарят* (5), *красарируют*.

Перейдем к анализу реакций на незузальные стимулы с дефектной членностью (табл. 7). В полях реакций на стимулы *ишшенията* и *земличные* преобладают ФСА, в поле стимула *загандёр* два «фокуса»: ФСА и КОА, причём

Таблица 7

Стимул																			
Группа	ишшенята						земличные						загандёр						
	ш2	ш6	СГМУ-н	СГМУ-р	СГУ	Взр.	ш2	ш6	СГМУ-н	СГМУ-р	СГУ	Взр.	ш2	ш6	СГМУ-н	СГМУ-р	СГУ	Взр.	
ФСА экпл.	56	88	73,9	79,3	77,4	81	60	80	65	79,3	90	78,3	20	24	34,8	41,4	53,3	35	
ФСА импл.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8,7	-	-	-	-	-	-	
СОА	-	-	4,3	-	-	4,8	4	-	-	10,3	3,3	13	-	-	-	-	-	-	
КОА	8	12	-	10,3	-	9,5	16	4	8,7	3,4	6,7	-	48	56	60,9	41,4	43,3	60	
ФА	36	-	-	3,4	16,1	4,8	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
АСА	-	-	8,7	-	6,5	-	4	-	4,3	-	-	-	-	4	-	-	-	-	
Отказы	-	-	13	6,9	-	-	12	16	21,3	6,9	-	-	32	16	4,3	17,2	3,3	5	

второй у большинства испытуемых является основным. Такая ситуация, по нашему мнению, связана с морфонологической структурой стимулов: у лексем *ишшянта* и *земличные* трансформация морфем может быть интерпретирована как усечение или наращение, что типично для словообразовательной морфонологии русского языка, тогда как в слове *загандёр* попытки вычленить узואльную корневую морфему требуют введения инфиксации или чередований, не характерных для русской морфонологической системы.

В структуре словоформы *ишшянта* неясна принадлежность отрезка *-ен-* корню или суффиксу. При первой трактовке получаем неузуальный корневой морф, соединенный с узואльным суффиксом невзрослости. В этом случае ФСА предполагает выражение семантики суффикса, эксплицитное или имплицитное, и интерпретацию корневого морфа как обозначающего живое существо. В нашем материале интерпретация корня основана в большинстве случаев на фонетических ассоциациях. Примеры: *щянта* (6), *щенки* (2), *мышата*, *маленькие ишшииллы* (2), *малыши* (2), *маленькие существа*. Противоречие между формальным требованием словообразовательного типа (одушевленность производящего) и неодушевленностью вычленяемого мотиватора *ишшики* у преподавателей и студентов-гуманитариев часто разрешается при помощи метафоры: *ишшикины дети* (5), *дети больших ишшек*. Суффикс *-ят(a)*, согласно [11. С. 215], может иметь переносные значения. В реакциях наших испытуемых таковыми стали значения уменьшительности, ласкательности и подобия, отсутствующие в узусе: *маленькие ишшики* (10), *ишшиечки* (2), *маленькие ишшиечки* (2), *щечочки*; *милые создания*, *смешные зверюшки*; *похожие на ишшики существа*, *колючие ишшикообразные объекты*, *ишшиковидные ишшики*, *похожи на ишшики* (3), *похоже на щенков*. Такой способ реагирования особенно широко представлен в ответах медиков, для которых русский язык родной. При второй трактовке констатируется неузуальный алломорф суффикса, что затрудняет идентификацию суффиксальной морфемы. В этом случае ФСА затрагивает только корневую морфему. Пренебрегают значением суффикса и реагируют только на корень (*ишшики*) чаще школьники (29), несколько реже – медики (21), единично – филологи (2). Гуманитарии, рассматривающие суффиксальный морф как неузуальный, предлагают разнообразные интерпретации мотивационных отношений: *под ишшиняком растут*; *под ишшиками лежат*; *езде собирают ишшики*; *зверё, которым я ишшики набил*. Таким образом, трактовка стимула как структуры «узואльный корень + аффикс, уникальный по форме и/или семантике» во всех группах испытуемых явилась преобладающей. Несколько раз стимул был интерпретирован как отглагольный с фонетической ассоциацией на корень: *ишшият*, *ишшишат*, *ишшишукуют*, *ишшишянт*. Встретились также ФА, не выражающие деривационных отношений: *ишшииллы* (10), *ежи*, *едят ишшины*.

Стимул *земличные* является неузуальным, но потенциальным словом в системе русского языка. С формальной точки зрения он мог бы быть образован от лексемы *землица*, относящейся к пассивному лексикону большинства испытуемых. Вследствие этого основным мотиватором для данного стимула в нашем материале явилось слово *земля*. Отношения производного к производящему интерпретировались при помощи разных глаголов: *в земле живут*, *на земле валялись*, *землёй пахнут*, *едят землю* и т.п. Только в одном ответе

мотиватором признано прилагательное: *цвет у них земляной*; возможно, тако-
вы же и реакции с имплицитными отношениями *серые* и *черные*. Мотиватор
земля порождает и СОА: *живут в норках, на кротов похожи, любят пол-
заться, растут под соснами, опали рано, грязные*. В тех ответах, где основой
ассоциирования стал суффиксальный морф, мотиватор интерпретировался
как *земляника* (13): *землянику любят* (2), *из земляники сделаны, вкусняшки
земляничные, едят землянику* (4), *розовые, как земляничка, сладкие* и т.п.

Наибольшие трудности вызвал у информантов поиск производящего или
мотиватора для слова *загандёр*. Из реальных глаголов были предложены *за-
гадывать* (3), ср. *загадки* (2), *загонять* (9), *гундеть / гундить* (7), *галдеть* (2),
загорать. Представляет интерес высокая частота мотиватора *загонять*, кото-
рый не соответствует узуальному словообразовательному типу существи-
тельных на *-ёр*, однако в современном молодёжном жаргоне имеет значение,
близкое к действию, производимому персонажем текста: «сочинять, приду-
мывать, шутя, говорить о чем-то невероятном» [12]. В то же время у филоло-
гов: *загонять музыку, загонять гвозди, загонять всех в угол*. Большинство
искусственных образований вписывается в продуктивный словообразова-
тельный тип {усеченная основа глагола + суффикс *-ёр*} со значением «лицо,
производящее действие», выделяемый в [11. С. 148]: *загондировать* (10), *за-
гондовать, загундывать, загондить / загандить* (6). Отстают от этого типа
гондарить, гундерить, гондонить, предполагающие приставочно-
суффиксальный способ образования. Перспективные дериваты: *загондёры-
вать / загондёривать* (3), *загондёрничать, загандирить, загондёрить*; воз-
можно, к этой же группе можно отнести *загандурить всех* (сложение с *ду-
рить*?). Таким образом, большинство «однокоренных» слов к стимулу *заган-
дёр* реализует узуальные продуктивные словообразовательные типы. Отступ-
ления делаются в пользу соответствия значения слова описываемой ситуа-
ции. КОА на стимул *загандёр* называют действия, каузирувавшие описывае-
мую ситуацию: *иутить* (14), *смешить* (25), *веселить* (11), *рассказывать
веселые / смешные истории / сказки* (4), *развлекать* и т.п.

Поля реакций на неuzuальные сложения представлены в табл. 8. Картина
получилась неодинаковой за счёт неравноценности деривационного потен-
циала контекстов. Синтаксическая структура контекста стимула *гудыметь*
допускает повтор заданного глагола, который и имеет место в ответах почти
половины испытуемых. Однако если исключить повтор, то ФСА преоблада-
ют над остальными в поле стимула *гудыметь* так же, как и в поле *нетамы-
границы*. Исключение составляют ответы школьников на стимул *нетамыграницы*,
который дети не смогли интерпретировать.

Таблица 8

Группа	Стимул											
	<i>нетамыграницы</i>						<i>гудыметь</i>					
	ш2	ш6	СГМУ- н	СГМУ- р	СГУ	Взрос- лые	ш2	ш6	СГМУ- н	СГМУ- р	СГУ	Взрос- лые
ФСА	—	8	47,7	82,7	83,3	81	32	42,2	20	48,2	23,3	40,9
КОА	36	52	17,4	13,8	3,3	14,3	24	11,5	16	10,3	6,7	9,1
Повтор	—	—	—	—	—	—	40	46,2	64	37,9	70	50
ФА	16	12	13	—	6,7	—	4	—	—	3,4	—	—
АСА	8	4	4,3	—	6,7	—	—	—	—	—	—	—
Отказы	40	24	17,4	3,4	—	4,8	—	—	—	—	—	—

Теоретически для двухкорневого стимула возможны три варианта восприятия с опорой на деривационные отношения: распознаётся только первое производящее (1), только второе (2), оба (3). В нашем материале для стимула *гудыметь* преобладающим оказался первый вариант (от 16 до 34,5%). В большинстве ответов (27) производящее *гудеть* оказалось представлено эксплицитно, но отмечены и реакции с имплицитным характером связи: *шуметь* (4), *издавать звуки* (2), *бибикать, жужжать на всю округу*. Вариант с вычленением только производящего *дымить* встретился 5 раз у медиков, 3 – у гуманитариев, 1 – у шестиклассников. Оба производящих (*гудеть* и *дымить*) сумели вычленить только два преподавателя и один шестиклассник. КОА формируют семантические группы «функционировать» и «функционировать с неисправностями»: *ездить / ехать* (6), *работать* (3), *двигаться, заводиться; ломаться* (4), *барахлить, всегда работать исправно*.

Мотиваторы стимула *нетамыгранцы* оказались хорошо распознаны взрослыми носителями русского языка, несколько хуже – теми, для кого русский язык не является родным. Среди детей только двое шестиклассников дали ФСА: *играют не там* и *нетамыгранят*. Основным вариантом ФСА стало вычленение обоих производящих: *не там играют* (47); реакции с частично или полностью имплицитным характером связи: *играют где хотят, играют в неположенном месте / местах* (3), *играют где попало, играют на дороге и мешают ехать, бегают где попало*. Что касается семантики КОА, то отмечается интересный факт: реакции взрослых либо нейтральны, либо положительно окрашены (*гуляют, поют, весёлые* и т.п.), а в реакциях детей преобладает отрицательная коннотация (*тупые, дикие, задерживают, грабят, нарушают ПДД* и т.п.). Вероятно, такую оценку породила неспособность увидеть мотиватор *играть*, который мог бы придать ассоциациям положительный «эмоциональный заряд». В результате ситуация была интерпретирована с опорой на жизненный опыт реципиентов, где появление на дороге незнакомцев не предвещает ничего хорошего. Взрослые оценивали описываемую ситуацию с опорой на текст как целое, поэтому предпочли «добрую сказку».

Сопоставление особенностей ФСА на стимулы *гудыметь* и *нетамыгранцы* позволяет заметить, что на успешность вычленения производящего влияет не место его в структуре сложного слова, а собственные свойства. Так, количество фиксаций в устном подкорпусе НКРЯ [8] составляет для *дымить* 27, а *гудеть* – 75; в [10] *гудеть* даёт реакции *шуметь* (7) и *машина* (4), тогда как *дымить* связывается преимущественно с *курить* (22). При наличии в кодифицированном литературном языке словообразовательного типа {основа страдательного причастия + суффикс *-ец*} со значением «лицо, названное по характерному действию» [11. С. 145] носителю языка легче вычленить в производном существительном основу производящего глагола, чем местоименный сомотиватор. Впрочем, для школьников нельзя полностью исключить и влияние порядка следования производящих основ в структуре композита: для стимула *нетамыгранцы* с трудно распознаваемым первым компонентом «фокус» поля реакций составили не ФСА ко второму компоненту, а КОА и отказы.

Таким образом, появление в речи неузualmente слов задействовало у наших информантов те же ментальные механизмы, что и появление слов узualmente, но малознакомых, находящихся на периферии языкового опыта, –

механизм деривационного анализа, а в случаях затруднений с его применением – ситуативное реагирование. Основной функцией деривационного механизма стало осмысление значения незнакомых слов. Особенности поиска испытуемыми возможных производящих для предъявляемых стимулов показали, что взрослые информанты следуют в своих реакциях узואльным словообразовательным типам, отступления представлены в основном в ответах детей. Закрепленность словообразовательных типов в языковой практике испытуемых выражается и в создании по ним искусственных образований, широко представленных в ответах на те стимулы, где выбор узואльного мотиватора связан с определенными трудностями (*красари, загандёр*). В этом случае можно говорить также о проявлении речепорождающей функции деривационного механизма, действующей на уровне словотворчества. Однако появление в речи собеседника незнакомых слов создаёт помехи в процессе общения, а умение избегать подобных помех – свойство хорошо развитой языковой личности, обладающей навыками речевого самоконтроля. Вероятно, поэтому реагирование искусственными словами чаще встречается в ответах нефилологов, у которых сформирован навык конструирования связных высказываний, но не достигнут уровень продукции коммуникативно адекватного текста. В ответах гуманитариев окказионализмам, как правило, сопутствуют маркеры игровой игры – попытка уравнивать свой коммуникативный статус со статусом экспериментатора и контролировать процесс общения. КОА давались испытуемыми преимущественно на стимулы с трудно вычленимыми корневыми морфемами (*загандёр и нетамыгранцы*).

Итак, полученный материал показал, что потребность в активизации механизма формально-семантического реагирования обусловлена возрастом и специальностью информантов, степенью владения системой языка и структурой индивидуальных лексиконов. В свою очередь, структура поля реакций на каждый конкретный стимул определяется свойствами контекста (деривационным потенциалом, необходимостью замещения синтаксических позиций) и системными свойствами самого стимула (закрепленностью связи производного с производящим в словарях, частотностью как стимула, так и его предполагаемого мотиватора).

У учащихся 2 класса навык деривационного анализа выработан ещё недостаточно, поэтому там, где возможно, предпочитается системно-ассоциативное реагирование. Деривационный анализ используется только как средство выявления значения незнакомых слов или таких, значение которых известно неточно. Эта тактика иногда приводит к ошибочным интерпретациям связи производящего с производным. Опорным элементом структуры стимула становится корневая морфема, семантика же суффикса и требования словообразовательных типов, как правило, игнорируются. При возникновении трудностей в определении корня используются информация, извлеченная из контекста, суппозитивное знание, фонетическое реагирование либо отказ от ответа. Для учащихся 6 класса деривационный анализ оказался в нашем эксперименте базовым механизмом реагирования. Он «плохо срабатывал» только для слов с трудно вычленимыми (для данной категории испытуемых) корневыми морфемами. Ограничение на ФСА накладывалось слабостью синтаксической позиции стимула в контексте. В то же время неполное владение

словообразовательной системой русского языка проявилось у шестиклассников в обращении к неузואальным словообразовательным типам при выборе производящих для неузואальных стимулов, а также в игнорировании семантики суф-фикса.

Стратегия медиков, для которых русский язык является родным, также определяется презумпцией формально-семантического реагирования. Процент выходов деривационного типа довольно высок даже в полях реакций на стимулы *выключатель* (слабый деривационный потенциал контекста) и *загандёр* (неузואальный корень). Однако прослеживается и одно важное различие: при возникновении в языковом опыте отдельных испытуемых противоречия между формальными требованиями словообразовательного типа и семантическим правдоподобием мотивировки студенты следуют грамматической аналогии, образуя несуществующие глаголы в соответствии с узואальными словообразовательными типами (*бортник* – *бортует*, *загандёр* – *загондировать*), а школьники опираются на знание действительности, подыскивая мотиватор из своего словарного запаса, даже вопреки общему содержанию текста (*бортник* – *борт чинит*, *загандёр* – *загорать*). Значительный процент КОА появляется у студентов при невозможности вписать стимул в узואальный словообразовательный тип.

Студенты, для которых русский язык не является родным, используют деривационный анализ только в реакциях на свободно членимые стимулы, как узואальные, так и неузואальные. Как свободно членимые интерпретируются этими информантами и стимулы *ишшенията*, *земличные*, *нетамыгранцы*, корни и суффиксы которых легко идентифицируются на морфемном уровне, а неузואальность некоторых алломорфов не замечается испытуемыми. Однако любое ослабление деривационно ориентирующего потенциала контекста ведет к снижению доли ФСА и к смещению «фокуса» поля реакций в область КОА или отказов. К этому же случаю можно отнести и реакции на стимулы *бортник* и *каменщик*: структура этих лексем противоречит актуализованному в контексте образцу «имя деятеля – производящий глагол», поэтому на знакомое слово *каменщик* преобладают СОА (*строит*), а на незнакомое *бортник* – отказы.

Стратегией речевого поведения студентов-гуманитариев стало стремление к созданию качественного текста, что проявилось как в структуре полей реакций, так и в некоторых специфических чертах самих ответов. Реагирование однокоренными словами придаёт тексту лексическое однообразие, поэтому соответствующие ответы выбираются испытуемыми только для тех узואальных стимулов, где они неизбежны (*лётчик*, *старьёвщик*). В полях реакций на другие узואальные стимулы ФСА конкурируют с СОА. Отсутствие у экспериментального контекста достаточного деривационного потенциала или незнание точного значения слова ведет к увеличению доли КОА. При реагировании на неузואальные стимулы происходит активизация механизма деривационного анализа. В выборе мотиватора из нескольких возможных гуманитарии руководствуются, прежде всего, требованиями узואальных словообразовательных типов, однако в случае возникновения затруднений или противоречий предпочтение чаще отдаётся осмысленным высказываниям, чем искусственным словам (*загандёр* – *загонять*, *гундеть*; *ишшенията* – *маленькие*

ишшки). Характерная черта реакций гуманитариев – развёрнутость: тенденция к заполнению сильных синтаксических валентностей глагола (*веселить коротышек, копаешь клумбы*), к использованию перифраз (*плевать дымом, землю Ковырялкин*), подробное объяснение семантической связи производящего с производным (*играют на дороге и мешают ехать*), стремление представить описываемую ситуацию в целом (*делает упражнения перед концертом, несёт колоду мёда из леса*). У отдельных информантов отмечается склонность к языковой игре.

Картина результатов эксперимента у филологов старшего поколения в целом сходна с картиной у студентов-гуманитариев, однако прагматические установки не совпадают. Внимание студентов обращено преимущественно к тексту как художественному целому, тогда как для преподавателей более значимы системные связи языковых единиц. Профессиональный опыт позволяет избежать лексического однообразия путём активизации системных связей стимула (синонимия, перифразы). Играет роль и разница индивидуальных лексиконов: со стороны преподавателей часто имеет место воспроизведение словарного толкования известных слов, а со стороны студентов – попытка осмыслить значение малознакомых слов с «прозрачной» внутренней формой. Преподаватели чаще, чем студенты, прибегают к языковой игре, причем игра направлена на внутреннюю форму слова, у студентов же обыгрываются преимущественно текст и стоящая за ним внеязыковая ситуация.

Таким образом, динамика функционирования деривационно-ассоциативного механизма носит следующий характер. У младших школьников деривационные связи языковых единиц еще недостаточно сформированы и не влияют на восприятие текста; ситуация эксперимента не рассматривается этими испытуемыми как сознательное речепорождение, их ассоциации близки к свободным. У детей 12–13 лет деривационные отношения находятся в фазе актуализации и выступают в роли средства интерпретации семантики малознакомых слов; в то же время усвоение словообразовательной системы языка ещё не завершено, о чём говорят ошибки в определении семантики аффиксов или её игнорирование, а также использование неузальных словообразовательных типов. Самоконтроль над процессом порождения речи не выходит за рамки заботы о правильности и осмысленности предложения; прагматическая установка на получение адекватного текста не накладывает ограничений на работу деривационного механизма. К 17–18 годам происходит полное овладение словообразовательными нормами языка, однако с расширением словарного запаса деривационно-ассоциативный механизм утрачивает у информантов активную когнитивную функцию. С этого возраста наблюдаются различия речепорождающих функций деривационного механизма, определяемые специальностью и личностными особенностями информантов. Медики ориентированы на продуцирование фраз, соответствующих нормам и образцам (роль деривации – создание необходимых заполнителей синтаксических позиций), студенты-гуманитарии – на создание текста как целостного художественного произведения (действие деривационных ассоциаций сознательно ограничивается), филологи старшего поколения актуализируют разнообразные системные связи лексических единиц, активно прибегая к языковой игре (деривационные ассоциации играют роль метатекстовых рефлексивов).

Литература

1. Голев Н.Д. Деривационные ассоциации русских слов: теоретический и лексикографический аспекты // *Вопр. лексикографии*. 2012. № 2. С. 5–25.
2. Аввакумова Е.А. Морфематические основания интуитивной орфографии русского языка (на материале эксперимента с детьми 6–7 лет): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. 170 с.
3. Бринев К.И. Внутренняя форма слова как носитель потенциала его деривационного функционирования: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2002. 144 с.
4. Доронина Н.И. Деривационные ассоциации слов русского языка: лексикографический и теоретический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999. 133 с.
5. Сайкова Н.В. Взаимодействие слова и текста в деривационном аспекте (на материале вторичных текстов разных типов): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. 163 с.
6. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2001. 304 с.
7. Голев Н.Д. Мотивационно-ассоциативный словарь русского языка: теоретические основания и лексикографическая концепция // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2011. № 3 (15). С. 17–30.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-spoken.html> (дата обращения: 02.02.2016).
9. *Словарь русского языка*: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988.
10. *Русский ассоциативный словарь* [Электронный ресурс]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 02.02.2016).
11. *Русская грамматика*. М.: Наука, Т. 1. 1980. 784 с.
12. *Словарь молодежного слэнга* [Электронный ресурс]. URL: <http://teenslang.su/content/ГН?novar=1> (дата обращения: 02.02.2016).

FUNCTIONING OF THE DERIVATIONAL-ASSOCIATIVE MECHANISM IN THE PERCEPTION OF THE TEXT (AN EXPERIMENTAL STUDY)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 45. 45–69. DOI: 10.17223/19986645/45/3

Natalia I. Danilina, Saratov State Medical University (Saratov, Russian Federation). E-mail: danilina_ni@mail.ru

Keywords: associative experiment, text, derivation.

The article presents an experiment on elicitation of real and novel words in lexical-derivational contexts within a coherent text. The informants were school children 8 and 12 y.o., medical students and linguistic students, university lecturers 30 y.o. and older (a total of 153 people). There were produced more than 2800 answers. The result of the experiment makes it possible to identify the place of derivational associations in the process of speech perception and to consider the impact of various systemic and sociolinguistic factors.

Age dynamics of derivation association is as follows. The younger pupils do not have enough derivational skills to affect the perception of the text. In children of 12–13 years of age derivational relations are being formed and act as a means of interpretation of semantics of both known and unknown words. At this age the word-formation system of individual language is not yet complete, which is attested by misinterpretation or neglect of affixal semantics, by the erroneous identification of the formal producing base, the use of occasional word-formation types. By the age of 17–18 the word-formation rules of the language have been mastered, but the derivational-associative mechanism loses its active cognitive function in line with the vocabulary expansion. Medical students as well as sixth graders use derivational response as their default strategy. However, when there is disagreement between the formal requirements of the word-formation type and semantic motivational plausibility, the students follow the grammatical analogy, forming innovative verbs according to usage-based word-formation types, and the children draw upon their knowledge of reality and search their vocabulary for a motivated word.

The difference in the responses according to their study major or special field observed with college-age informants. Medical students do not show interest in the background text, and more closely follow relevant standards and samples in their phrase elicitation. Humanities majors aim to create a coherent literary text. This tendency manifests itself in the structure of the reaction fields of art students, and in the following specific features: obligatory filling of strong syntactic valencies of the verb,

using a paraphrase, explaining the semantic connection of the derivative and the producing base, general reflection on the situation described. Experienced philologists attribute more meaning to a wide (not only derivation) variety of systemic word relations. Compared to students, the lecturers are more into language game, their game aimed a word form, while the students also make play around the entire text, and the extra-linguistic situation behind it.

References

1. Golev, N.D. (2012) Derivational associations of Russian words: theoretical and lexicographical aspects. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2. pp. 5–25. (In Russian).
2. Avvakumova, E.A. (2002) *Morfematische osnovaniya intuitivnoy orfografii russkogo yazyka (na materiale eksperimenta s det'mi 6 – 7 let)* [Morphematic bases of intuitive spelling of the Russian language (on the material of the experiment with children aged 6–7)]. Philology Cand. Diss. Barnaul.
3. Brinev, K.I. (2002) *Vnutrennyaya forma slova kak nositel' potentsiala ego derivatsionnogo funktsionirovaniya* [The inner form of the word as a potential of its derivational functioning]. Philology Cand. Diss. Kemerovo.
4. Doronina, N.I. (1999) *Derivatsionnye assotsiatsii slov russkogo yazyka: leksikograficheskiy i teoreticheskiy aspekty* [Derivational associations of Russian words: lexicographic and theoretical aspects]. Philology Cand. Diss. Barnaul.
5. Saykova, N.V. (2002) *Vzaimodeystvie slova i teksta v derivatsionnom aspekte (na materiale vtorichnykh tekstov raznykh tipov)* [The interaction of word and text in a derivation aspect (based on secondary texts of various types)]. Philology Cand. Diss. Barnaul.
6. Gorelov, I.N. & Sedov, K.F. (2001) *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow: Labirint.
7. Golev, N.D. (2011) Motivational and associative Russian dictionary: theoretical foundation and lexicographic conception. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (15). pp. 17–30. (In Russian).
8. The Russian National Corpus. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru/search-spoken.html>. (Accessed: 02nd February 2016). (In Russian).
9. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka: V chetyrekh tomakh* [Dictionary of Russian language: in four volumes]. Moscow: Russkiy yazyk.
10. *Russian Associative Dictionary*. [Online] Available from: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>. (Accessed: 02nd February 2016). (In Russian).
11. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
12. *Dictionary of Youth Slang*. [Online] Available from: <http://teenslang.su/content/GN?novar=1>. (Accessed: 02nd February 2016). (In Russian).

УДК 81-112

DOI: 10.17223/19986645/45/4

Л.П. Дронова, В.А. Берлан

СИНКРЕТСЕМИЯ И ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ

*В статье анализируется явление синкретсемии как выражение формами одного слова (одной лексемой) семантического отношения нескольких генетически связанных и сосуществующих значений. Это явление в основном рассматривалось историками языка на древнерусском материале. В данном случае обращения к диалектным фактам и фактам истории русского языка оказалось недостаточно вследствие того, что анализируемые словообразовательно-этимологические гнезда звукоподражательного характера сформировались на более глубоком историческом уровне, и только привлечение фактов других славянских языков прояснило сложившуюся картину формально-семантических отношений и разнонаправленности семантических изменений производных от *дрязг-/дрезг-/друзг-* и их соответствий в других славянских языках.*

Ключевые слова: *синкретсемия, звукоподражания, историческая лексикология, славянские языки.*

Понятие «синкретизм» широко известно применительно к характеристике начальных стадий человеческой культуры и рассматривается как следствие нерасчлененности (синкретичности) чувственного созерцания и логической деятельности мышления человека (Афанасьев, 1865; Веселовский 1913; Потеня, 1968; Леви-Брюль, 1994; Гуревич, 1990 и др.). В.Н. Веселовский, отмечая объективную природу нерасчлененности мировосприятия человека, писал: «...физиологическим синкретизмом и ассоциацией наших чувственных восприятий <...> мы постоянно воспринимаем впечатления слитного характера, природа которых раскрывается нам случайно или при научном наблюдении» [1. С. 63–65].

Проблема семантической синкретичности, понимаемой как свойственная древним языковым периодам нерасчлененность значений, была актуализирована в 1970-е гг. в работах лингвистов ленинградской/петербургской школы – в трудах В.В. Колесова, его соратников и учеников (В.В. Колесов, 1976, 1984, 1986, 1992, 1995; В.Н. Калиновская, 1986; З.М. Петрова, 1986; О.А. Черепанова, 1993; М.В. Пименова, 1994 и др.). В.В. Колесов так определяет явление синкретизма: «Синкретизм, понимаемый как «нерасчлененность», свойствен мифологическому сознанию, представляющему «вещь» как целостность со всеми ее атрибутами и функциями, включая также и «имя» вещи как ее сущность» [2. С. 145]. Исследование явления синкретсемии, ее разрешения проводилось преимущественно на материале древнерусских текстов. В исторической перспективе семантический синкретизм находит свое разрешение (разрушение), с одной стороны, в многозначности слова и активизации образования синонимических средств, с другой стороны, в словообразовании – в расширении ряда производных лексических единиц, за которыми постепенно закрепляется тот или иной компонент первоначально диффузного значения

(Л.П. Якубинский, 1953; Б.А. Ларин, 1975; Е.С. Кубрякова, 1978; В.В. Колесов, 1984, 1985 и др.). Так, например, исследование прилагательных, выражающих общую положительную и отрицательную оценку (Н.Г. Михайловская, 1980; М.В. Пименова, 1994, 1997), приводит к выводу, что начиная с XVII в. происходит расчленение синкретизма общеоценочного значения на уровне понятия, дифференциация частнооценочных значений (этической, эстетической, прагматической и др.) вследствие того, что начинает осознаваться ценностное различие разных сфер жизни человека.

Относительно синкретсемии прилагательных общей положительной и отрицательной оценки хотелось бы отметить один момент: как показывает более глубокий диахронический анализ, в данном случае мы имеем дело не столько с исходной синкретсемией (на уровне этимона), сколько с обобщающей функцией общеоценочных прилагательных, выражающих понятие «хороший» и «плохой» [3. С. 113–117]. Нам ближе точка зрения О.Н. Трубачева, полагающего, что «явление семантического синкретизма должно изучаться не как нечто раз и навсегда преодоленное языком и предполагаемое по большей части для праязыковых эпох, да и то на уровне гипотезы, а как характерная особенность словаря» [4. С. 68].

В данной статье мы хотим поддержать наблюдения петербургских коллег относительно того, что особенностью эволюции синкретсемии является ее «нелинейный» характер, что она «не является чисто механическим процессом, при котором новый этап наступает только после абсолютного завершения предшествующего. В каждый период развития языка разнообразные семасиологические категории (сигнификативная синкретсемия – совр. энантиосемия, гиперонимия; полисемия, омонимия, моносемия; структурно-синтагматическая синкретсемия – совр. фразеология) сосуществуют» [5. С. 10]. Материалом для достижения данной цели выбрано разрешение синкретсемии в ряде словообразовательных гнезд звукоподражательного происхождения.

В русском литературном языке известно слово *дрязги* (разг.) в значении ‘мелкие ссоры, пререкания’ и *дрязга* (прост., устар.) ‘сплетня, наговоры’, в словарях также отмечается как «прост., обл.» грамматически отличающаяся лексема *дрязг* в значении ‘мусор, отбросы; хлам’ [6. С. 807; 7. С. 405]. Формально-семантические отношения этих единиц языка вопросов не вызывают. Дialectы русского языка не знают слова *дрязги* и *дрязга* в значении ‘сплетня, наговоры’, как в литературном языке, но в диалектах это может быть обозначением человека, склонного к дразгам, черт его характера, действий: *дрязга* (перм., яросл., нижегор., тамб., пенз., волог.), *дрезга* (тамб.), *дрязгуша*, *дрезгуша*, *дрязгун*, *дрезгун* (тамб., нижегор.) ‘вздорный, сварливый человек, задир’, *дрязгий*, *дрязгливый* (ср.-урал.) ‘вздорный, сварливый, сплетник’, *дрязжать* (пошех. яросл.), *дрезжать* (пск.) ‘брюзжать, придирааться’, *дрязгунить* (Даль) ‘вздорить, придирааться, ворчать, брюзжать’. Известно диалектам и слово *дрязг* в значениях ‘сушняк, мелкий хворост, заглохший в чаще леса’ (пенз.), ‘мелкие хозяйственные домашние вещи’ (ср.-урал.), ‘мусор, отбросы’ (яросл., волог., твер., свердл.) и т.п. [8. С. 228].

Употребление слова *дрязг* в диалектах характеризуется фонетической вариативностью, более широкой, чем вышеприведенное *дрязга/дрезга*: *дрязг*

(яросл., вологод., тверск., свердл.), *дрезг* (забайк.) и *друзг* (сев.-зап., Даль) ‘мусор’; *дрягз* (пенз., самар., казан., юго-зап.) и *друзг* (хакас.) ‘хворост, валежник, сушняк; бурелом’; *дрягза* (пенз.) и *друзга* (смол.) ‘сушняк, сухой лист’ [8. С. 228]. Требуется специальное объяснение не только незакономерного чередования гласных в корне, но также неясные в семантическом отношении диалектные употребления слова *дрягза/дрезга* в значении ‘песчаная, жидкая грязь’, ‘мокрый снег сверху’ (Даль), *дрягза* ‘лесистая болотистая местность’ (яросл.), *дрягза* ‘топь, трясина, болото’ (влад., яросл.), ‘песчаная жидкая грязь’ (калуж.), ‘мокрый снег, слякоть’ [8. С. 228]. Что это: исконная омонимия или распавшаяся полисемия? Если распавшаяся полисемия, то чем объясняется такая разнонаправленность семантических изменений?

Обращение к историческим словарям русского языка не помогает решить возникшие вопросы, поскольку в древнерусско-церковнославянских текстах представлен еще более широкий круг семантики в формально соответствующих современным лексемам образованиях: *дрѣзга* ‘лес’, ‘туман, мгла’ (XI–XIII вв.) и ‘обломок, осколок’ (XVII в.), *дрягзъ* ‘чаша, заросли’(?), ‘хворост, прутья, валежник’ (XVII в.), *дряждѣный (дряжсьный)* (XII в.) ‘лесистый, заросший лесом’, *дряжсьняя* ‘непроходимые места’ (XVI в.), *дрягзнути* ‘мять, жевать; жадно есть’ (XVI в. ~ XI в.) [9. С. 736; 10. С. 366–367]. Кроме того засвидетельствована лексема *дрѣзда* ‘лес’ и ‘грязь, болото, трясина’ [9. С. 737].

Картину формальных и семантических отношений в значительной части проясняют свидетельства других славянских языков. Рассматриваемые русские образования *дрягз/дрезг* и им подобные входят в этимологическое гнездо слав. **drězga* и его назализованный вариант **dręzga* [11. С. 111, 113]. Имеющимся в семантической структуре рус. *дрягз/дрезг*, *дрягза/дрезга* значениям ‘мусор, отбросы; мелкий хворост, валежник, сушняк’ и другим близким им значениям соответствует семантика образований от **drězga* в западнославянских языках – чеш. стар. *drězha*, диал. *drizha* ‘щепка’; польск. *drzazga*, диал. *drzezga* – ‘щепка, заноза, осколок’, словин. *drăuzgă* ‘щепка, заноза’. Для древнерусских *дрягзъ*, *дрѣзга*, *дрѣзда* в значении ‘лес’ имеются родственные лексемы в южнославянском ареале: болг. диал. *дрезга* ‘густое мелколесье’, макед. диал. *дрезги* ‘низкие лесные заросли’, с.-хорв. *drežga*, *drijeska* ‘водяное растение’ (<**drězga*), ст.-слав. *дрѣзга* ‘лес, кустарник’ (<**dręzga*) [11. С. 111, 113–114].

Для полноты картины семантических отношений в рассматриваемой славянской лексике следует учесть и глагольные образования: др.-рус. *дрягзнути* ‘мять, жевать; жадно есть’, русск. диал. *дрезгаться* ‘дергать, переступать ногами (о животном); брыкаться, лягаться’, с.-хорв. *дрезгати* ‘дрожать, стучать’; словен. *drězgati* ‘мять, стискивать’, польск. диал. *dręzgać* ‘ломать, разбивать’ (<**dręzgati*), рус. диал. *дрезжать* ‘надоедать дребезжаньем’ (<**drěždžati*) и польск. диал. *dręzgi* ‘звон, бряцанье цепей’, ‘болтовня’ (<**dręzga*) [6. С. 111, 114]. Вряд ли можно согласиться с мнением Л.В. Куркиной, что первично в этом случае значение ‘лес’ (ср. выше примеры болг. диал., макед. диал., ст.-слав., др.-рус.) [12. С. 131]. Значительная часть отношений в этом семантическом поле славянских языков объясняется семантической филиацией ‘ломать(ся), издавая треск, шум’ → ‘обломок, мусор, мел-

кий хворост'. Такой вывод поддерживается и анализом дальнейших этимологических связей анализируемых словообразовательных гнезд: славянские *drězga, *dręzga по происхождению относятся к звукоподражательным (*drezg- < *dresk-) и входят в ряд подобных звукоподражательных производных с чередованием глухих/звонких от основ *tresk- *trosk-, *druzg (< *trusk) [10. С. 133–134]. Производные этих основ известны и в русском, и в других славянских языках: рус. *треск*, *трещать*, рус.-цслав. *троска* 'молния' (XI в.), польск. *trokot* 'треск', чеш. *troska* 'обломок, отход', рус. диал. *труска* 'треск, хруст, хворост', др.рус. *трускъ* 'треск', рус. *трусца*, пск. *треска* 'щепа, заноза', 'древесные осколки', укр. *тріска* 'тж', с.-хорв. *друзгати* 'давить, мять, размельчать', словен. *drūzgati* 'раздавливать, размельчать что-либо мягкое', чеш. *druzgati* 'дробить, размельчать', диал. *drúzgat* 'ломать хвоей', словц. *drúzgat* – 'ломать(ся) с хрустом, треском', блр. *друзгаць* – 'разбивать', польск. стар. *druzga* – 'осколки, куски, обломки'. Таким образом, семантическое развитие и именных, и глагольных образований рассматриваемых звукоподражательных основ идет по метонимическому типу от обозначения резкого звука (треск, шум) при ходьбе человека ('ломать(ся), издавая треск, шум') к обозначению того, что легко (под ногами человека) ломается с треском и шумом (валежник, хворост, тонкие сучья), того, что получается в результате (обломки, осколки, щепки), того, где имеются эти ломки при ходьбе человека предметы (лес, чаща). Физиологическим основанием восприятия в данном случае будет синкретичная зрительно-слуховая перцепция.

Похожее направление развития семантики отмечается и по данным других родственных языков, ср. лит. *treškėti* 'трещать, щелкать', *traškà* 'ломкость', *druzgėti* – 'распадаться на мелкие части', ср.-ирл. *drēsact* – 'шум, треск' и др. [13. С. 99–100, 110, 112; 11. С. 111, 133].

Относительно звукоподражательной природы производных праслав. *tresk- *trosk- есть и другое мнение: «...целый ряд праславянских и славянских глаголов, для которых обычно предполагается звукоподражательное происхождение, скорее имели изначально (во всяком случае, на индоевропейском уровне) знаменательные корни или основы. Таковы праслав. *trěskati 'трещать, пристально смотреть' (вместе с *torščiti > рус. *торошиться*, *таращить(ся)*, *тъгхати восходит к и.-е. *ter(e)- 'драть, обдирать'...» [14. С. 71]. Представляется, что одно другому не противоречит: в значении 'драть, обдирать' потенциально содержится указание на шум, треск как на то, что сопровождает действие (процесс) обдираания, и в ходе исторического развития семантики велика вероятность актуализации такой потенциальной семы. Чередования глухих и звонких согласных, незакономерные соотношения гласных в корне указывают на гнездо звукоподражательных образований, вероятно, более позднего праславянского, а не индоевропейского уровня.

Что касается семантики рус. диал. *дрязга* 'топь, трясина, болото' (влад., яросл.), 'песчаная жидкая грязь' (калуж.), 'мокрый снег, слякоть' и др.-рус. *дрѣзда* 'грязь, болото, трясина', 'лес', *дрѣзга* 'туман, мгла', то, вероятно, она также мотивирована звукоподражательностью, учитывая, что движение по топкому месту, болоту сопровождается резкими, «чавкающими» звуками (ср. словен. *drēzgati* 'мять, стискивать', *дрязгаться* 'пачкаться, грязниться, дрыз-

гаться'). Это предположение находит поддержку в принципах номинации болот в балтийских языках (ср. литов. *marmalūnė* 'вязкое болото', 'шум, гвалт', 'непорядок сумятица', *marmalūnas* 'большая грязь' и *maĩmalas* 'болотун' при ономатопеическом *murmėti* 'бормотать, ворчать' и др. [15. С. 169, 180]. В ареал данной модели номинации следует, видимо, включить и словен. *drežgalica*, *drozgalica* 'трясина' [12. С. 131]. Смежность значений 'лес', 'лесистая болотистая местность', 'трясина, болото' широко отражена на уровне семантической модели именно в восточнославянских и балтийских языках (ср. рус. смол. *болото*, блр. *балота* 'болото' и 'лес', *пушча* 'большой густой непроходимый лес', 'непроходимое болото' и лит. *lieknas* 'болотистый лесок' и др.) [16. С. 144–164; 17. С. 71–77; 15. С. 175]. Появление в древнерусском у лексемы *дрѣзга* значения 'туман, мгла', далекого от 'лес' и 'грязь, болото, трясина', можно объяснить как метафорический перенос: от обозначения болота, трясины через их характерный признак '(нечто) зыбкое, колеблющееся' к обозначению тумана. В данном случае физиологическим субстратом восприятия будет слуховая, зрительная и тактильная перцепция.

Таким образом, развитие семантики рассмотренных звукоподражательных образований целостно (через звуковое, зрительное и тактильное восприятие) отразило ситуацию ходьбы человека по лесу, топкому месту, сопровождающейся резкими звуками (треском сухих сучьев, «чавканьем» жидкой грязи) и – как результат – появлением обломков (валежника), щепок. Дальнейшее развитие значения 'осколок, обломок' пошло через обобщение зоны референции – 'мелкие, ненужные вещи' и через метафорическое развитие – 'мелкие, ненужные ссоры'. Целостность ситуации в языковом представлении реализовалась серией метонимических и метафорических переносов, это и определило разнонаправленность развития семантики, представленную нередко в семантической структуре одного и того же слова (ср. др.-рус. *дрѣзга* 'лес', 'обломок, осколок' и 'туман, мгла', где, вероятно, значение 'туман, мгла' = 'нечто зыбкое, колеблющееся, подобно болоту, трясине').

Литература

1. Веселовский В.Н. Из истории эпитета // Собр. соч. СПб., 1913. Т. 1. С. 58–85.
2. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
3. Дронова Л.П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 256 с.
4. Трубачев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1976. С. 147–179.
5. Пименова М.В. Семантический синкретизм и синкретсемия в древнерусском языке. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 16 с.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981. Т. 1.
7. Большой академический словарь русского языка / глав. ред. К.С. Горбачевич. М.: Наука; СПб.: Наука, 2006. Т. 5. С. 405.
8. Словарь русских народных говоров / глав. ред. Ф.П. Филин. Л.: Наука, 1972. Вып. 8.
9. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. М.: Знак, 2003. Т. 1.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1977. Вып. 4.
11. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1978. Вып. 5.
12. Куркина Л.В. Названия болот в славянских языках // Этимология 1967. М., 1969. С. 129–144.

13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1973. Т. 4.
14. Варбот Ж.Ж. Из семантического анализа в этимологии // Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 69–75.
15. Невская Л.Г. Балтийские названия болот в сопоставлении со славянскими (семасиологические наблюдения) // Балто-славянские исследования. М.: Наука, 1974. С. 155–182.
16. Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М.: Наука, 1969.
17. Мокиенко В.М. Семантические модели славянской топонимической терминологии: местные географические термины // Вопр. географии. 1970. № 81. С. 71–77.

SYNCRETSEMY AND ONOMATOPOEIC NOMINATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 45. 70–76. DOI: 10.17223/19986645/45/4

Lyubov P. Dronova, Vlada A. Berlan, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lpdranova@mail.ru / berlan240895@gmail.com

Keywords: syncretsemy, onomatopoeia, historical lexicology, Slavic languages.

The problem of semantic syncretism understood as indivisibility of values characteristic of ancient linguistic periods was updated in the 1970s by linguists of the Leningrad / St. Petersburg School, in the works by V.V. Kolesov, his colleagues and students. In historical perspective, semantic syncretism finds its resolution (destruction), on the one hand, in the word's polysemy and active formation of synonyms; on the other hand, in word formation: in the growing number of derivatives of lexical units that gradually fix this or that component of the original diffusive meanings (L.P. Yakubinsky, B.A. Larin, E.S. Kubryakova, V.V. Kolesov et al.).

The method of analysis of syncretsemy resolution was basically developed by historians of language based on Old Russian material within historical lexicology. In this article the authors consider the case of syncretsemy resolution at a deeper historical level, using reconstruction on the material of cognate languages. This approach to syncretsemy analysis has been chosen, because in this case reference to dialectal facts and the facts of the history of the Russian language was insufficient: the analyzed derivational-etymological word families of onomatopoeic type were formed at a deeper historical level, and only of the use of the facts of other Slavic languages could clarify the picture of the formal semantic relations and diverse semantic changes of derivatives of derivational-etymological word family of Slavic *drězg-, *dręzg-, *druzg-.

The analysis has shown that the development of the semantics of the considered onomatopoeic formations holistically (through sound, visual and tactile perception) reflected the situation of man's walking in the woods, carr accompanied by sharp sounds (crackling of dry twigs, mud "champing") and, as a result, by the appearance of pieces of brushwood, chips. Further development of the meaning "splinter, chip" went through the generalization of the reference zone of "small, unnecessary things" and through metaphorical development: "small, unnecessary quarrels". The integrity of the situation in the linguistic representation was expressed in a series of metonymical and metaphorical transfers, which determined the different directions of the semantics development often represented in the semantic structure of the same word (cf. Old Rus. *drāzga* "forest", "chip, splinter", "fog, haze", where the meaning "fog, haze" derived from "something unsteady, staggering like a bog, morass").

References

1. Veselovskiy, V.N. (1913) Iz istorii epiteta [From the history of the epithet]. In: Veselovskiy, V.N. *Sobr. soch.* [Works]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. Nauk.
2. Kolesov, V.V. (2002) *Filosofiya russkogo slova* [Philosophy of the Russian word]. St. Petersburg: YuNA.
3. Dronova, L.P. (2006) *Stanovlenie i evolyutsiya modal'no-otsenочноy leksiki russkogo yazyka: etnolingvистический аспект* [Formation and evolution of the modal-evaluative lexicon of the Russian language: ethno-linguistic aspect]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Trubachev, O.N. (1976) *Etimologicheskie issledovaniya i leksicheskaya semantika* [Etymological research and lexical semantics]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy* [Principles and methods of semantic research]. Moscow: Nauka.

5. Pimenova, M.V. (2000) *Semanticheskiy sinkretizm i sinkretsemya v drevnerusskom yazyke* [Semantic syncretism and syncretsemy in the Old Russian language]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
6. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981) *Slovar' russkogo yazyka: V chetyrekh tomakh* [Dictionary of Russian language: in four volumes]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
7. Gorbachevich, K.S. (ed.) (2006) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Great Academic Dictionary of the Russian Language]. Vol. 5. Moscow; St. Petersburg: Nauka.
8. Filin, F.P. (1972) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 8. Leningrad: Nauka.
9. Sreznevskiy, I.I. (2003) *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka: v 3 tt.* [Materials for the dictionary of Old Russian language: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Znak.
10. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1977) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian of the 11th–17th centuries]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
11. Trubachev, O.N. (ed.) (1978) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 5. Moscow: Nauka.
12. Kurkina, L.V. (1969) [Names of marshes in the Slavic languages]. *Etimologiya 1967* [Etymology 1967]. Proceedings of the International Symposium “Problems of Slavic Etymological Research in Connection with the General Problems of Modern Etymology”. 24–31 January 1967. Moscow: Nauka. (In Russian).
13. Vasmer, M. (1973) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Vol. 4. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.
14. Varbot, J.J. (2012) Iz semanticheskogo analiza v etimologii [From semantic analysis in etymology]. In: Varbot, J.J. *Issledovaniya po russkoy i slavyanskoy etimologii* [Research on Russian and Slavic etymology]. Translated from French. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
15. Nevskaya, L.G. (1974) Baltiyskie nazvaniya bolot v sopostavlenii so slavyanskimi (Semasiologicheskie nablyudeniya) [Baltic bog names in comparison with Slavic (semasiological observation)]. In: Sudnik, T.M. (ed.) *Balto-slavyanskije issledovaniya* [Balto-Slavic studies]. Moscow: Nauka.
16. Tolstoy, N.I. (1969) *Slavyanskaya geograficheskaya terminologiya. Semasiologicheskie etyudy* [Slavic geographical terminology. Semasiological studies]. Moscow: Nauka.
17. Mokienko, V.M. (1970) Semanticheskie modeli slavyanskoy tel'mograficheskoy terminologii: mestnye geograficheskie terminy [Semantic models of Slavic bog name terminology: local geographical terms]. *Voprosy geografii*. 81. pp. 71–77.

УДК 81'27=512.31

DOI: 10.17223/19986645/45/5

Г.А. Дырхеева

ЖИВАЯ РЕЧЬ В БУРЯТИИ: К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ (СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

Статья посвящена проблеме изучения языковой ситуации в Бурятии, а именно речевым формам, функционирующим в Республике Бурятия. Показана степень изученности состояния устных языковых форм в виде краткого обзора проведенных научных исследований. Особое внимание обращено на наиболее разработанный в бурятоведении диалектологический раздел языкознания, на такую специфическую для региона особенность, как бурятско-русское двуязычие, а также на появление работ, связанных с изучением социолектов и региолектов. Отмечается необходимость расширения источниковедческой базы для исследования функционирования устных языковых форм.

Ключевые слова: Бурятия, языковая ситуация, диалекты, бурятско-русское двуязычие, социолекты, региолекты.

Одной из фундаментальных социолингвистических проблем является проблема языковой ситуации, а именно коммуникативная система языкового общения в том или ином социуме. Определение языковой ситуации так же, как и большинство социолингвистических определений (билингвизм или двуязычие, интерференция, языковая компетенция и т.д.), касающихся функционирования языка на различных социальных уровнях, относится к аксиоматическим, или классическим, общепринятым определениям. Так, например, согласно Л.Б. Никольскому языковая ситуация – это «совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и в этнической общности» [1. С. 79–80]. Однако в последние годы данное понятие рассматривается как более сложный концепт, включающий ряд компонентов: языковую общность, языковую традицию, языковую компетенцию, речевую практику, ценностные ориентации, юридический статус и функциональный статус языка [2]. Анализ языковой ситуации предполагает выявление как внутриязыковых закономерностей, состояния языка (компоненты его социально-коммуникативной системы), так и изучение влияния общественно-культурных процессов, а в последние годы (в России) и законодательно-правовых тенденций. При этом предполагается вовлечение в исследование максимального числа пересекающихся структур: социальных, языковых, психологических, исторических, политических, юридических и экономических. Таким образом, в настоящее время шкала описания конкретной языковой ситуации намного расширилась и включает множество параметров и факторов.

Основная масса работ по изучению языковой ситуации в Бурятии до 80-х гг. XX в. была посвящена исследованию взаимодействия бурятского и русского языков – основных языков, функционирующих в регионе ([3–11] и др.). В данных работах преимущественно рассматривается внутренний, лин-

гвистический аспект данной проблемы: анализ соотношения структур и структурных элементов двух языков, их взаимодействие и взаимопроникновение на всех языковых уровнях, особенности влияния русского языка на бурятский, сопоставительное изучение языков в учебных целях для обучения второму (русскому) языку и т.д. Одной из первых работ, посвященных взаимодействию языков на уровне лексики, стала вышедшая в 1927 г. статья А.Н. Боржоновой [12]. Основное внимание в статье обращено на слова, заимствованные из русского языка в дореволюционный период. Как отмечает автор, таких слов было немного. Поскольку они адаптировались, приводились в соответствие звуковой системе бурятского языка, многие из них уже в тот период воспринимались как исконно бурятские. Активный период пополнения бурятской лексики за счет русизмов до 70–80-х гг. в целом оценивался бурятоведами как достаточно продуктивный для бурятского языка, поскольку адаптированная лексика обогащала его, усиливала выразительные средства [13, 14].

Внешний аспект проблемы, касающийся особенностей социального статуса бурятского языка, влияния экстралингвистических факторов на его развитие или, наоборот, ассимиляцию, фактически либо не затрагивался, либо авторы приводили статистические данные по результатам переписей населения, освещали социально-экономические, этнолингвистические и исторические предпосылки развития бурятско-русского двуязычия, констатировали, что в Бурятии интенсивно развивается двуязычие и в этих условиях общественные функции бурятского литературного языка переходят к языку межнационального общения. При этом основной упор делался на достижения бурят в освоении русского языка.

По постановке задач и исполнению к социолингвистическим можно отнести работы А.А. Дарбеевой [15] и А.Р. Бадмаева [16]. Исследование А.А. Дарбеевой посвящено типологии бурятско-русского двуязычия. Выделение ею четырех типов двуязычия связано с особенностями преподавания русского языка носителям бурятского языка. А.Р. Бадмаев участвовал в организованном в 1967–1968 гг. Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР под руководством В.А. Аврорина социолингвистическом обследовании, целью которого было выявление особенностей языковой ситуации у коренных народов Сибири. Основная задача исследования, которое проводилось коллективом Института языкознания, – изучение состояния развития двуязычия с русским языком в функции второго языка. Основные выводы и рекомендации касались повышения качества владения русским языком. А.Р. Бадмаев констатировал, что процесс взаимодействия бурятского и русского языков проходит очень динамично, очевидна тенденция к увеличению группы бурятско-русских билингвов среди сельских бурят, роль русского языка в сельской местности возрастает, хотя, по его данным, родным признали бурятский язык 98,7 % респондентов.

В связи с актуализацией в последние десятилетия проблемы национально-языкового возрождения, принятием в начале 90-х гг. XX в. в ряде республик РФ законов о государственных языках увеличилось число работ, посвященных именно внешнему аспекту проблемы. С этого периода ведется регулярный мониторинг языковой ситуации в Бурятии относительно бурятского

языка, находящегося в состоянии активного языкового сдвига и отнесенного в Красной книге к группам исчезающих и потенциально исчезающих языков. К наиболее известным работам последнего времени относятся коллективная монография Г.А. Дырхеевой, Б.Ж. Будаева, Т.П. Бажеевой [17], монографии Г.А. Дырхеевой [18], Т.П. Бажеевой [19], Д.Б. Сундуевой [20], Э.В. Хилхановой [21]; коллективные монографии «Языковая личность...» [22] и «Бурятский язык в поликультурном пространстве» [23], сборник «Двуязычие в Бурятии: новые аспекты изучения» [24] и др. Однако при этом сегодня практически отсутствуют работы, посвященные речевому узусу, конкретной фиксации реального состояния функционирования живой речи в данном регионе.

В связи с этим цель статьи – актуализировать проблему изучения современной речевой среды в плане выявления соотношения форм существования языка, его функционально-стилистических разновидностей. Соответственно, первоочередная задача на данном этапе – показать степень изученности особенностей функционирования речевых форм в Бурятии.

Изучение живой речи всегда было одним из наиболее актуальных направлений лингвистики во все времена. Однако общеизвестно, что оно затруднено как в теоретическом, так и в практическом плане. И если современные технические возможности позволяют фиксировать и анализировать специфические особенности какого-либо вида речевых характеристик, то, к сожалению, пока существуют различия в степени теоретического осмысления категорий и закономерностей функционирования и развития форм существования разных языков.

Как и во многих других регионах, в Бурятии сегодня можно констатировать отсутствие крупных исследований в этом направлении, в частности в бурятоведении. Среди разделов языкознания, занимающихся разговорной речью, наиболее изученной является диалектология. История бурятской диалектологии, ее проблематика достаточно подробно описаны И.Д. Бураевым. В статье [25] он выделяет четыре этапа ее развития, которые в основном различались особенностями сбора материалов. Как отмечает автор, наиболее активный и системный характер диалектологические экспедиции приобрели на четвертом этапе, в конце 1950-х–1960-х гг. прошлого века, когда было разработано специальное руководство по сбору материалов по говорам бурятского языка и когда эти обследования стали фронтальными. Основной практической задачей в этот период было создание атласа бурятских диалектов, который, как известно, не был подготовлен, хотя материалов было накоплено уже достаточно. Очевидно, что часть материалов нашла свое отражение в научных публикациях преимущественно в виде статей. Несомненно также, что анализ собранного материала способствовал дальнейшему теоретическому осмыслению диалектного членения бурятского языка, классификации его говоров и диалектов. Так, авторы главы «Бурятский язык и диалекты» в работе [26. С. 227–250] И.Д. Бураев и Л.Д. Шагдаров отмечают, что бурятский язык подразделяется на четыре диалектные группы: хоринская, эхирит-булагатская, аларо-тункинская, цонголо-сартульская. Данное мнение на сегодня является общепринятым. Достаточно полно описанными являются хамниганский [27], цонгольский [28], и нижнеудинский говоры [29].

Историю изучения русских говоров Бурятии также можно было бы представить в виде нескольких этапов. Как и бурятские говоры и диалекты, наиболее активно они стали изучаться в XX в., при этом одной из основных задач исследователей было выявить их происхождение, сопоставляя с другими русскими говорами России, установить, соответственно, тип, на основании чего проанализировать историю заселения Сибири. Общеизвестным является выделение двух типов русских говоров Бурятии: старожильческих сибирских и семейских говоров ([30, 31] и др.).

Как известно, язык находится в постоянном развитии, и диалекты не являются исключением. Однако в связи с общеизвестными переменами в стране фактически не уделялось внимание особенностям трансформации диалектов и говоров, их месту в языковой ситуации региона в период 80-х гг. XX в. – начала XXI в. Отсутствие финансирования вынудило свернуть программы по их изучению, и оказалось практически невозможно некоторые из них восстановить.

Об актуализации интереса к диалектам в последнее время, в частности, говорит появление газеты «Нютагай хэлэн/диалекты», которая, как отмечают киоскеры, расходуется «как горячие пирожки». В газете публикуются разнообразные материалы (поздравления, песни, стихи, жизненные истории, кулинарные рецепты, объявления, воспоминания и др.), представленные носителями разных говоров бурятского языка. Диалектологическая тема неоднократно поднималась на заседаниях комиссии при Правительстве Республики Бурятия по реализации закона «О языках народов Республики Бурятия», на которых выдвигались предложения о создании отдельных грамматик для некоторых диалектов и даже высказывались пожелания о смене диалектной основы бурятского литературного языка.

Выбор в 1936 г. хоринского диалекта в качестве основы для литературного бурятского языка до сих пор оспаривается носителями других диалектов. Современный бурятский литературный язык многими его носителями отождествляется с хоринским диалектом, хотя очевидно, что литературный язык обычно обособляется, отвлекается от своей диалектной основы, приобретает собственные строгие нормативные формы и постепенно начинает развиваться самостоятельно. Носители, например, эхирит-булагатских, аларо-тункинских диалектов не могут читать периодику и книги на бурятском литературном языке, не всегда понимают носителей других диалектов, что отчасти способствует переходу на русский язык общения.

Актуализация диалектологической тематики во многом обусловлена критическим состоянием бурятского языка, сокращением числа его носителей¹, активным развитием бурятско-русского двуязычия². В настоящее время бурятский языковой ландшафт характеризуется наличием литературного бурятского языка, в основе которого лежат диалект хоринских бурят, старомонгольский язык, бурятский фольклор, а также ряда говоров, которые в основ-

¹ По данным переписи 2002 г. бурятским языком в республике владели 81,4 % бурят, 0,7% русских, 10,2% татар, 95,8 % сойотов, 19,6 % эвенков, 0,4 % украинцев. Существенное снижение доли владеющих бурятским языком наблюдается в 2010 г. не только среди русских – 0,4 %, татар – 6,6%, 92,3% сойотов, 4,2% эвенков, 0,2% украинцев, но и среди самих бурят (43,6%) [32].

² О динамике развития бурятско-русского двуязычия см. [33].

ном функционируют в бытовой сфере, и разговорного языка, занимающего промежуточное положение между бурятским литературным языком, диалектами и русским языком. Однако объем общественных функций, выполняемых бурятским языком, незначителен¹, сфер социально-культурной жизни, в которых бурятский язык употребляется достаточно интенсивно, немного, социальная база литературного бурятского языка постепенно сокращается.

В целом можно сказать, что в советское время по ряду причин (обширный регион проживания бурят, скрытое недовольство в связи с тем, что за основу взят не их собственный диалект, недостатки образовательной системы и др.) нивелирования диалектных различий фактически не произошло и для речи отдельных представителей интеллигенции, носителей различных диалектов характерно осознанно развитое явление диглоссии, причем не только диглоссии «бурятский литературный язык – бурятский диалект», но и «бурятский язык (в виде диалекта или литературной формы языка) – русский язык (в просторечной или литературной форме)». К тому же замедленный темп стандартизации приводит к тому, что в каждом диалекте происходят стихийные видоизменения, причем наиболее подверженными созданию новых форм слов и заимствований являются западные и южные говоры. Можно предположить, что на западные говоры больше влияет русский язык, а на южные – монгольский. К сожалению, этот процесс активно не изучается и не контролируется. Цели экспедиционных исследований, проводившихся в 60–80-х гг. прошлого века отделом языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, в основном были направлены на изучение особенностей говоров, а вопросы их развития в условиях иноязычного влияния затрагивались недостаточно.

В настоящее время соотношение бурятский – русский язык характеризуется тем, что оба языка имеют одинаковый юридический статус, но функциональные возможности бурятского языка значительно ниже и достаточно не развиваются. Бурятско-русское двуязычие в основном характеризуется функциональным распределением языков, когда русский язык соотносится с нетрадиционными для бурят сферами деятельности, а родной используется в повседневно-бытовом общении.

Можно отметить, что, как и во многих многонациональных регионах страны, в Бурятии имеется свой достаточно выраженный региональный вариант разговорной русской речи, который сложился в результате взаимодействия бурятского и русского языков и их диалектов, функционирующих на данной территории. Это, в частности, проявляется в так называемой «манере» говорить. Русская речь бурят, претерпевшая в последнее столетие значительную трансформацию, в свою очередь влияла на речь коренных русских жителей, что не могло не отразиться даже на ее интонационных особенностях. К сожалению, данные явления не исследовались и также требуют изучения.

В последние годы не ведется и активное изучение проблем внутриязыкового взаимодействия двух контактирующих языков, хотя, очевидно, что любой этап развития языка представляет интерес, а тем более в условиях лингвистической неоднородности. Безусловно, трудно рассмотреть все аспекты

¹ О динамике развития бурятско-русского двуязычия см. [33].

данной проблемы. Поэтому здесь можно попытаться рассмотреть не только отдельные общие проблемы бурятского языкознания, но и конкретные вопросы коммуникативного приспособления во время речевого общения.

Наблюдения над речевой практикой бурят свидетельствуют, что в их речи встречаются практически все варианты кодового взаимодействия: заимствования, вкрапления, смешения кодов и переключения кодов, причем выбор языка у них чаще не мотивирован, смена языков в процессе общения обычно не осознана. Несомненно, что наибольший научный интерес представляет такое билингвистическое явление, как переключение кодов. Например, во фразах *‘А мүнөө һая ерээд* (как приеду), по госцене все отдам’ или *‘Но иигээд хэлээд* (так сказать), к концу месяца хүү (все) будет готово’ половина высказываний состоит из русской части, половина – из бурятской, а внутри каждой из них могут быть вставлены отдельные слова из взаимодействующего языка. Вероятно, эти случаи можно отнести к спонтанному смешению кодов, когда переключение не зависит от ситуации, языковой компетенции говорящих. Местом переключения могут быть как синтаксические границы фраз, так и границы между именем и обстоятельственным оборотом, подлежащим и сказуемым, сказуемым и локативом и т.д. По мнению Э.В. Хилхановой, «переключение кодов с бурятского на русский язык происходит при выражении различных функционально-семантических типов модальности. При анализе транскриптов аудиозаписей естественных диалогов нами зафиксирован ряд языковых единиц, которые говорящие стабильно выражали на русском языке, т.е. при их появлении в речи происходило регулярное переключение кода с бурятского языка на русский. Это единицы, в которых выражалась информация, являвшаяся дополнительной к основной, пропозициональной информации» [34. С. 116].

Можно сказать, что бурятская разговорная речь характеризуется активным проникновением всех видов русской речи, проникновением во все социальные слои бурятского населения. При этом наблюдается пересечение социальных, психологических и лингвистических структур носителя языка и групп носителей. Очевидно, что такой тип речи чаще результат недостаточной культуры родной речи, отсутствия нормализующего влияния бурятского языкознания, школы, общества. Перспектива его дальнейшего существования во многом зависит от социальных условий развития языка.

В связи с этим можно сказать, что одна из задач бурятского языкознания – выявление социальной маркированности языковых единиц, их соотносительности с определенными социальными группами, слоями, соответствий между типологией речевых высказываний и классификационными характеристиками речевых социальных факторов, участвующих в коммуникативном процессе. Подобные исследования предполагают изучение показателей приоритета использования того или иного языка по различным параметрам: сферы общения с учетом субъективных характеристик, намерений выбора языка, степени владения языком, психологического восприятия языков, мотива выбора языка. Необходимо выявить лингвистические критерии классификации сфер общения, а также факторы, влияющие на формирование языковой среды.

Пока слабо определившимися и, соответственно, изученными являются такие разговорные явления, как просторечие, социолекты, жаргоны.

Понятие 'социолект' является относительно новым в лингвистике, в некоторой степени оно соотносится с ранее определенными 'жаргоном' и 'арго'. «Социальный диалект представляет собой совокупность языковых особенностей (прежде всего лексических и фразеологических), присущих какой-либо социальной группе – профессиональной, сословной, возрастной и т.п. – в пределах данного национального языка» [35. С. 205–206]. Как и по другим речевым формам, по социолектам в бурятоведении имеется немного работ. Более или менее полное описание молодежного социолекта этнической Бурятии представлено в работе Б.Б. Аюшеева [36], где анализируется русская речь студентов бурятской национальности. Анализ речевого поведения билингвов малых социальных общностей основан на материале внелитературных лексических единиц русского языка.

Для большинства специалистов в области изучения живой речи очевидно также выделение такого объекта, как язык региона, когда проводятся сопоставления стилистического уклада языка и типов культуры. Многонациональные регионы типа многоэтнической Бурятии в этом плане, несомненно, представляют большой интерес. Однако и здесь имеются большие пробелы, что, возможно, объясняется спецификой и трудоемкостью сбора полевого материала. По нашему мнению, наиболее значительный и интересный анализ регионального языка представлен в работе Д.Б. Сундуевой [37], причем так же, как и в работе Б.Б. Аюшеева, с учетом бурятско-русского языкового взаимодействия. Ею применялись, помимо анкетирования, методы опроса, включенного наблюдения, исследование речевых явлений с помощью интервьюирования, цель которого – выяснить некоторые вопросы переключения кодов в речевом поведении билингвов. Полустандартизированное интервью позволило автору собрать записи текстов малого фольклорного жанра и образцы разговорной речи представителей различных поколений, однако основное внимание в работе уделено молодежному жаргону и профессиональному жаргону мелких предпринимателей.

Сопоставление лексического материала, полученного в результате анкетирования среди молодежи, с семантической структурой «исходных» единиц, организованных системой русского национального языка, позволило Д.Б. Сундуевой сделать следующие выводы: «1) ассоциативные семы в структуре значения внелитературных единиц заметно редуцируются, доминирует общая денотативная ситуация. Наблюдается тенденция к семантическому равновесию между нейтральными и экспрессивно окрашенными единицами языка, выравниванию их понятийных планов; 2) обращает внимание наличие единиц внелитературного характера, построенных на смешении элементов русского и бурятского языков... Представляется проблематичной возможность связи смешанной словообразовательной модели со свойствами национального характера. Однако безусловная связь между бытованием в языке рассмотренных словообразовательных моделей и спецификой национального менталитета, отражением мира, которое санкционируется буддийской культурой, очевидна» [38. С. 147].

На активизацию исследований в области региональной лингвистики указывает выход таких сборников, как «Языковая картина мира Байкальского региона» [34], «Языковая культура Восточного Забайкалья» [39].

В целом наблюдения за устной речью в Бурятии показывают, что наиболее устойчивыми из разговорных форм являются диалекты. Социолекты и региолекты – более подвижные формы, характеризующиеся преимущественно специфическими наименованиями, во многом они зависят от внешних факторов, изменения социального окружения, социолекты более характерны для городского населения. Однако и в современных диалектах сегодня происходят большие изменения, связанные с общеизвестными процессами интернационализации, глобализации и урбанизации, миграционными процессами, взаимовлиянием языков, влиянием на них СМИ, повышением образовательного уровня и, соответственно, укреплением позиций литературного языка.

Таким образом, современный речевой ландшафт республики характеризуется богатством и разнообразием, и перед языковедами Бурятии стоят проблемы изучения функционирования и взаимодействия языков, диалектов, социолектов, региолектов, просторечия и т.д., анализа социолингвистических корреляций в различных частях этнической Бурятии, факторов, влияющих на переключение с одного языкового кода на другой и др. Необходимо не просто зафиксировать и описать современное состояние устных языковых форм, но и при наличии архивных записей и материалов сравнить и изучить степень их трансформации. Несомненно, что одной из конечных целей является создание баз данных, корпусов различных форм живого языка. Наличие новых методов и технических средств фиксации [40] позволяет существенно расширить программы сбора материала и ускорить их обработку. Возникает также необходимость учета новых подходов к их описанию и анализу.

Поскольку состояние языка зависит от состояния общества и так же, как общество определяет развитие языка, так и языковая практика может влиять на общество, необходимо это общество лингвистически образовывать, не только прививая интерес к родному языку, но и информируя о тенденциях его развития, об опасностях, грозящих ему, контролируя таким образом и речевую среду.

Литература

1. Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика. (Теория и проблемы). М.: Наука, 1976. 168 с.
2. Михальченко В.Ю. О принципах создания «Словаря социолингвистических терминов» // Методы социолингвистических исследований. М., 1995. С. 191–204.
3. Бертагаев Т.А. Влияние русского языка на развитие смысловой системы литературного бурятского языка // Сб. тр. по филологии. Вып. 1. Улан-Удэ, 1948. С. 31–77.
4. Малакишинов П.И. К вопросам сопоставительной фонетики русского и бурят-монгольского языков. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1952. 55 с.
5. Баранников И.В. Методика преподавания русского языка в бурят-монгольской начальной школе: пособие для учителей. Улан-Удэ, 1956. 383 с.
6. Матхеев Б.В. О некоторых особенностях бурятских согласных в плане сопоставления с русским консонантизмом // Учен. зап. Бурят. пед. ин-та им. Д. Банзарова. 1959. Вып. 18. С. 227–239.

7. Цыдендамбаев Ц.Б. Влияние русского языка на развитие бурятского // Тр. БКНИИ. Улан-Удэ, 1959. Вып. 1. С. 100–111.
8. Золхоев В.И. Взаимовлияние звуков в потоке речи (на материале бурятского и русского языков) // Тр. Иркут. ун-та. Сер. языкознание. 1965. Т. 86, вып. 2. С. 5–9.
9. Дондуков У.-Ж.Ш. Влияние русского языка на развитие и обогащение лексического состава бурятского языка. Улан-Удэ, 1974. 100 с.
10. Цыденжапов Ш.-Н.Р. Влияние русской фразеологии на развитие фразеологической системы бурятского языка // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978. С. 76–78.
11. Шагдаров Л.Д. О возрастании роли русского языка в развитии национально-русского двуязычия в Бурятии // Исследования по бурятской филологии. Улан-Удэ, 1978. С. 3–10.
12. Боржонова А.Н. К вопросу о влиянии русского языка на бурятский // Бурятоведческий сборник. Иркутск, 1927. Вып. 3–4. С. 17–30.
13. Цыдендамбаев Ц.Б. К взаимовлиянию русского и бурятского языков // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978. С. 49–54.
14. Шагдаров Л.Д. Развитие бурятского национального языка и двуязычия // Культура Бурятии в условиях развитого социализма. М.: Наука, 1983. С. 191–211.
15. Дарбеева А.А. Бурятско-русское двуязычие // Развитие национально-русского двуязычия. М., 1976.
16. Бадмаев А.Р. Языковая ситуация у бурят // Вопросы языка и литературы народов Сибири. Новосибирск, 1974, С. 3–9.
17. Дырхеева Г.А., Будаев Б.Ж., Бажеева Т.П. Бурятский язык: современное состояние (социолингвистический аспект). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 142 с.
18. Дырхеева Г.А. Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 188 с.
19. Бажеева Т.П. Социальный и языковой аспекты формирования раннего (детского) бурятско-русского и русско-бурятского двуязычия. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 151 с.
20. Сундуева Д.Б. Бурятско-русское двуязычие в Агинском Бурятском автономном округе: социолингвистический аспект. Чита: Чит. гос. ун-т, 2005. 182 с.
21. Хилханова Э.В. Факторы коллективного выбора языка и этнокультурная идентичность у современных бурят (дискурс-аналитический подход). Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2007. 205 с.
22. Языковая личность в современном мире (региональный аспект). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 110 с.
23. Бурятский язык в поликультурном пространстве (социолингвистическое исследование) / Г.А. Дырхеева, Н.Б. Даржаева, Ц.Ц. Бальжинимаева и др. Улан-Удэ, 2009. 232 с.
24. Двуязычие в Бурятии: новые аспекты изучения. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 147 с.
25. Бураев И.Д. Основные этапы исследования бурятских диалектов и их классификация // Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР. 1988. С. 3–26.
26. Буряты / отв. ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2004. 633 с.
27. Дамдинов Д.Г. Язык олонских хамниган (историко-лингвистическое исследование): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 1995. 59 с.
28. Будаев Ц.Б. Цонгольский говор бурятского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1962. 30 с.
29. Рассадин В.И. Становление говора нижнеудинских бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 160 с.
30. Козина О.М. Говоры старообрядцев Бурятии – семейских: генезис, диалектный тип. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 166 с.
31. Эрдынеева Э.Д. Русские говоры Бурятии (лексикологический и социолингвистический аспекты). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1992. 124 с.
32. Национальный состав и владение языками; гражданство. М.: НИЦ «Статистика России», 2004. 946 с. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. / Федеральная служба гос. статистики; Т. 4, кн. 1).
33. Дырхеева Г.А. Бурятский язык как компонент социально-коммуникативной системы Российской Федерации // Национальные языки в эпоху глобализации: Россия – Монголия. М., 2011. С. 197–257.

34. Хилханова Э.В. Некоторые лингвистические следствия и механизмы переключения кодов в речи бурят-билингвов // Вестн. Чит. гос. ун-та, 2007. № 6 (51). С. 114–121.
35. *Словарь социолингвистических терминов*. М.: Ин-т языкознания РАН, 2006. 312 с.
36. Аюшеев Б.Б. Студенческий жаргон как социальный диалект этнической Бурятии: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2006. 155 с.
37. Сундуева Д.Б. Бурятско-русское двуязычие в Агинском Бурятском автономном округе: социолингвистический аспект. Чита: Чит. гос. ун-т, 2005. 182 с.
38. *Языковая картина мира Байкальского региона: материалы регион. науч.-практ. конф., Улан-Удэ, 27 мая 2009 г.* Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. 258 с.
39. *Языковая культура Восточного Забайкалья* / Д.Б. Сундуева, С.Е. Баянова, Л.М. Любимова, Е.А. Валикова, Р.Г. Жамсаранова. Чита: ЧитГУ, 2007. 135 с.
40. *Третья Международная конференция по полевой лингвистике: тезисы и материалы*. М.: Ин-т языкознания РАН, 2009. 192 с.

COLLOQUIAL SPEECH IN BURYATIA: ON THE STUDY OF THE PROBLEM (A SOCIO-LINGUISTIC APPROACH)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 45. 77–88. DOI: 10.17223/19986645/45/5

Galina A. Dyrkheeva, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: an5dag1@mail.ru

Keywords: Buryatia, dialects, Buryat-Russian bilingualism, sociolect, regiolect.

The article is devoted to the study of the problem of the language situation in Buryatia, namely, to the speech forms functioning in the Republic of Buryatia. The degree of the study of the condition of oral language forms in the form of a short review of the existing research is shown. Special attention is paid to the dialectology section of linguistics which is mostly developed in Buryat linguistics. It is noted that Buryat dialects were most actively studied in the 1950s–1960s, when a special guideline for collecting dialectological material was developed. Unfortunately, at the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries research on dialects was curtailed for economic reasons. In recent years, the growth of interest in the roots, native dialect and language is observed, which is connected in part with the deterioration of the situation with the Buryat language, reduction of the number of its native speakers.

The language situation in the republic concerning the situation with the Buryat language, the Buryat-Russian bilingualism began to be most actively studied at the end of the 1980s and the beginning of the 1990s. Most authors note that the number of the social functions of the Buryat language was significantly reduced; there are not many spheres of socio-cultural life in which the Buryat language is used rather intensively; the social basis of the literary Buryat language is gradually reduced. It is possible to say that today the Buryat conversational speech is characterized by active penetration of all types of the Russian speech, penetration into all social groups of the Buryat population.

Research on the specific and rather new phenomena and concepts of sociolect and regiolect stands out from the works devoted to the features of the modern language situation in Buryatia, to the analysis of regional speech features. In the conclusion, the need for extension of the source study basis for research of oral language forms functioning is noted.

References

1. Nikol'skiy, L.B. (1976) *Sinkhronnaya sotsiolingvistika. (Teoriya i problemy)* [Synchronous sociolinguistics. (Theory and problems)]. Moscow: Nauka.
2. Mikhal'chenko, V.Yu. (1995) O printsipakh sozdaniya "Slovara sotsiolingvisticheskikh terminov" [On the principles of the creation of the "Dictionary of Sociolinguistic Terms"]. In: Mikhal'chenko, V.Yu. (ed.) *Metody sotsiolingvisticheskikh issledovaniy* [Methods of sociolinguistic research]. Moscow: Institute of Linguistics, RAS.
3. Bertagaev, T.A. (1948) Vliyanie russkogo yazyka na razvitie smyslovoy sistemy literaturnogo buryatskogo yazyka [The impact of the Russian language on the development of the semantic system of the literary Buryat language]. In: Tsyendambaev, Ts.B. (ed.) *Sbornik trudov po filologii* [Collection of works on philology]. Vol. 1. Ulan-Ude: Burmangiz.

4. Malakshinov, P.I. (1952) *K voprosam sopostavitel'noy fonetiki russkogo i buryat-mongol'skogo yazykov* [The issues of comparative phonetics of Russian and Buryat-Mongolian languages]. Ulan-Ude: Burmongiz.
5. Barannikov, I.V. (1956) *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka v buryat-mongol'skoy nachal'noy shkole. Posobie dlya uchiteley* [Methods of teaching of the Russian language in the Buryat-Mongolian primary school. Handbook for teachers]. Ulan-Ude: Buryatmongol'skoe knizhnoe izdatel'stvo.
6. Matkheev, B.V. (1959) O nekotorykh osobennostyakh buryatskikh soglasnykh v plane sopostavleniya s russkim konsonantizmom [Some features of the Buryat consonants in terms of comparison with the Russian consonants]. *Uchenye zapiski Buryatskogo pedagogicheskogo instituta im. D. Banzarova*. 18. pp. 227–239.
7. Tsydendambaev, Ts.B. (1959) Vliyanie russkogo yazyka na razvitie buryatskogo [The impact of the Russian language on the development of the Buryat language]. *Trudy BKNII*. 1. pp. 100–111.
8. Zolkhoev, V.I. (1965) Vzaimovliyanie zvukov v potoke rechi (na materiale buryatskogo i russkogo yazykov) [Interference of sounds in the flow of speech (on the material of Buryat and Russian languages)]. *Trudy Irkutskogo universiteta. Seriya yazykoznanie*. 86:2. pp. 5–9.
9. Dondukov, U.-Zh.Sh. (1974) *Vliyanie russkogo yazyka na razvitie i obogashchenie leksicheskogo sostava buryatskogo yazyka* [The impact of the Russian language in the development and enrichment of the lexical composition of the Buryat language]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
10. Tsydenzhapov, Sh.-N.R. (1978) Vliyanie russkoy frazeologii na razvitie frazeologicheskoy sistemy buryatskogo yazyka [The impact of Russian phraseology on the development of the phraseological system of the Buryat language]. In: *Vzaimovliyanie yazykov v Buryatii* [Mutual influence of languages in Buryatia]. Ulan-Ude.
11. Shagdarov, L.D. (1978) O vozzrastanii roli russkogo yazyka v razviti natsional'no-russkogo dvuyazychiya v Buryatii [The growing role of the Russian language in the development of national-Russian bilingualism in Buryatia]. In: Buraev, I.D. (ed.) *Issledovaniya po buryatskoy filologii* [Research on Buryat philology]. Ulan-Ude: [s.n.].
12. Borzhonova, A.N. (1927) K voprosu o vliyani russkogo yazyka na buryatskiy [On the influence of the Russian language on the Buryat language]. *Buryatovedcheskiy sbornik*. 3–4. pp. 17–30.
13. Tsydendambaev, Ts.B. (1978) K vzaimovliyanuyu russkogo i buryatskogo yazykov [On the mutual influence of Russian and Buryat languages]. In: *Vzaimovliyanie yazykov v Buryatii* [Mutual influence of languages in Buryatia]. Ulan-Ude.
14. Shagdarov, L.D. (1983) Razvitie buryatskogo natsional'nogo yazyka i dvuyazychiya [The development of the Buryat national language and bilingualism]. In: Naydakov, V.Ts. (ed.) *Kul'tura Buryatii v usloviyakh razvitogo sotsializma* [Culture of Buryatia under developed socialism]. Moscow: Nauka.
15. Darbeeva, A.A. (1976) Buryatsko-russkoe dvuyazychie [Buryat-Russian bilingualism]. In: Desheriev, Yu.D. et al. *Razvitie natsional'no-russkogo dvuyazychiya* [The development of national-Russian bilingualism]. Moscow: Nauka.
16. Badmaev, A.R. (1974) Yazykovaya situatsiya u buryat [The language situation of the Buryats]. In: Ubryatova, E.I. (ed.) *Voprosy yazyka i literatury narodov Sibiri* [Issues of language and literature of the peoples of Siberia]. Novosibirsk: [s.n.].
17. Dyrkheeva, G.A., Budaev, B.Zh. & Bazheeva, T.P. (1999) *Buryatskiy yazyk: sovremennoe sostoyanie (sotsiolingvisticheskiy aspekt)* [The Buryat language: current status (a sociolinguistic aspect)]. Ulan-Ude: BSC SB RAS.
18. Dyrkheeva, G.A. (2002) *Buryatskiy yazyk v usloviyakh dvuyazychiya: problemy funktsionirovaniya i perspektivy razvitiya* [The Buryat language in bilingualism: problems of functioning and development prospects]. Ulan-Ude: BSC SB RAS.
19. Bazheeva, T.P. (2002) *Sotsial'nyy i yazykovoy aspekty formirovaniya rannego (detskogo) buryatsko-russkogo i rusko-buryatskogo dvuyazychiya* [Social and linguistic aspects of the formation of early (child) Buryat-Russian and Russian-Buryat bilingualism]. Ulan-Ude: BSC SB RAS.
20. Sundueva, D.B. (2005) *Buryatsko-russkoe dvuyazychie v Aginskom Buryatskom avtonomnom okruge: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Buryat-Russian bilingualism in the Aga Buryat Autonomous Area: a sociolinguistic aspect]. Chita: Chita State University.
21. Khilkhanova, E.V. (2007) *Faktory kolektivnogo vybora yazyka i etnokul'turnaya identichnost' u sovremennykh buryat (diskurs-analiticheskiy podkhod)* [Factors of collective choice of language and ethnocultural identity in modern Buryats (a discourse-analytical approach)]. Ulan-Ude: East-Siberian State Academy of Culture and Arts.

22. Bazheeva, T.S. (2006) *Yazykovaya lichnost' v sovremennom sotsiume (regional'nyy aspekt)* [Language personality in modern society (a regional aspect)]. Ulan-Ude: BSC SB RAS.
23. Dyrkheeva, G.A. et al. (2009) *Buryatskiy yazyk v polikul'turnom prostranstve (sotsiolingvostoricheskoe issledovanie)* [The Buryat language in a multicultural space (a sociolinguistic historical research)]. Ulan-Ude: BSC SB RAS.
24. Dyrkheeva, G.A. (ed.) (2002) *Dvuyazychie v Buryatii: novye aspekty izucheniya* [Bilingualism in Buryatia, new aspects of the study]. Ulan-Ude: BSC SB RAS.
25. Buraev, I.D. (1988) Osnovnye etapy issledovaniya buryatskikh dialektov i ikh klassifikatsiya [The main stages of the study of Buryat dialects and their classification]. In: Shagdarov, L.D. (ed.) *Razvitie i vzaimodeystvie dialektov Pribaykal'ya* [Development and interaction of Near-Baikal dialects]. Ulan-Ude: BB SB USSR AS.
26. Abaeva, L.L. & Zhukovskaya, N.L. (eds) (2004) *Buryaty* [The Buryats]. Moscow: Nauka.
27. Damdinov, D.G. (1995) *Yazyk ononskikh khamnigan (istoriko-lingvisticheskoe issledovanie)* [The language of the Onon Khamnigans (a historical and linguistic research)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Ulan-Ude.
28. Budaev, Ts.B. (1962) *Tsongol'skiy govor buryatskogo yazyka* [Tsongol dialect of the Buryat language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.
29. Rassadin, V.I. (1999) *Stanovlenie govora nizhneudinskikh buryat* [Development of the Nizhneudinsk Buryat dialect]. Ulan-Ude: BSC SB RAS.
30. Kozina, O.M. (2006) *Govory starobryadtsev Buryatii – semeyskikh: genezis, dialektnyy tip* [Semei dialects of Old Believers of Buryatia: Genesis, dialect type]. Ulan-Ude: BSC SB RAS.
31. Erdyneeva, E.D. (1992) *Russkie govory Buryatii (leksikologicheskii i sotsiolingvisticheskiy aspekt)* [Russian dialects of Buryatia (lexicological and sociolinguistic aspects)]. Ulan-Ude: BSC SB RAS.
32. Federal State Statistics Service. (2004) *Natsional'nyy sostav i vladenie yazykami; grazhdanstvo* [Ethnic composition and languages; citizenship]. Moscow: NITs "Statistika Rossii".
33. Dyrkheeva, G.A. (2011) Buryatskiy yazyk kak komponent sotsial'no-kommunikativnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii [The Buryat language as a component of social and communicative system of the Russian Federation]. In: Bitkeeva, A.N. & Mikhail'chenko, V.Yu. (eds) *Natsional'nye yazyki v epokhu globalizatsii: Rossiya – Mongoliya* [The national language in the age of globalization: Russia – Mongolia]. Moscow: Tezaurus.
34. Khilkhanova, E.V. (2007) Nekotorye lingvisticheskie sledstviya i mekhanizmy pereklyucheniya kodov v rechi buryat-bilingvov [Some linguistic results and code switching mechanisms in a speech of bilingual Buryats]. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta – Chita State University Journal*. 6(51). pp. 114–121.
35. Mikhail'chenko, V.Yu. (ed.) (2006) *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of sociolinguistic terms]. Moscow: Institute of Linguistics, RAS.
36. Ayusheev, B.B. (2006) *Studencheskiy zhargon kak sotsial'nyy dialekt etnicheskoy Buryatii* [Student jargon as a social dialect of ethnic Buryatia]. Philology Cand. Diss. Ulan-Ude.
37. Sundueva, D.B. (2005) *Buryatsko-russkoe dvuyazychie v Aginskom Buryatskom avtonomnom okruge: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Buryat-Russian bilingualism in the Aga Buryat Autonomous Area: a sociolinguistic aspect]. Chita: Chita State University.
38. Egodurova, V.M. et al. (eds) (2009) *Yazykovaya kartina mira Baykal'skogo regiona* [Language picture of the world of the Baikal region]. Proceedings of the regional conference. Ulan-Ude. 27 May 2009. Ulan-Ude: Buryat State University.
39. Sundueva, D.B. et al. (2007) *Yazykovaya kul'tura Vostochnogo Zabaykal'ya* [The language culture of East Transbaikalia]. Chita: Chita State University.
40. Institute of Linguistics, RAS. (2009) *III Mezhdunarodnaya konferentsiya po polevoy lingvistike. Tezisy i materialy* [III International Conference on Field linguistics. Abstracts and materials]. Moscow: Institute of Linguistics, RAS.

УДК 81'23

DOI: 10.17223/19986645/45/6

Ж.Б. Жалсанова

ОБРАЗ «ДАРХАНА / КУЗНЕЦА» В БУРЯТСКОЙ КУЛЬТУРЕ (ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ)

Статья посвящена анализу образа «дархана / кузнеца» в языковом сознании представителей бурятской культуры. В работе рассмотрены психолингвистическое и лексикографическое значения слова «дархан», выявлено функционирование его словарных значений. На основе проведенного анализа языковых образов носителей билингов со знанием бурятского и русского языков и бурят с родным русским языком выявлены общие черты и специфика культа кузнеца в условиях бурятско-русского двуязычия в Республике Бурятия.

Ключевые слова: этнопсихолингвистика, языковое сознание, свободный ассоциативный эксперимент, психолингвистическое значение, лексикографическое значение, образ дархана / кузнеца.

Этнопсихолингвистика – одно из направлений в психолингвистике, которое изучает национально-культурную специфику языкового сознания. Под языковым сознанием мы вслед за Е.Ф. Тарасовым подразумеваем совокупность структур сознания, в формировании которых были использованы социальные знания, связанные с языковыми знаками, а также образы сознания, овнешняемые языковыми средствами, отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей. Образы языкового сознания интегрируют в себе языковые знания, формируемые самим субъектом, преимущественно в ходе речевого общения, и чувственные знания, возникающие в сознании в результате переработки перцептивных данных, полученных от органов чувств в предметной деятельности [1. С. 9]. Сознание человека наполнено образами, в каждой культуре имеющими неповторимые особенности, собственный характер и состоящими в определенных отношениях с другими образами. Через их систему складывается канон восприятия реальности – комплекс культурных репрезентаций.

Один из методов исследования языкового сознания – ассоциативный эксперимент [2. С. 130] – дает возможность выявить системность содержания образа сознания, стоящего за словом в той или иной культуре, и системность языкового сознания носителей культуры как целого, т.е. его этнокультурную специфику. Получаемое в результате проведения такого эксперимента ассоциативное поле слова-стимула – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов [3. С. 261–263].

Материалом для исследования служат данные бурятского ассоциативного словаря [4] и толковых словарей бурятского языка [5, 6]. Бурятский ассоциа-

тивный словарь был составлен в ходе свободного ассоциативного эксперимента с регистрацией первого ответа. Цель эксперимента заключалась в выявлении этнической составляющей гендерных стереотипов в бурятской и русской культурах. Испытуемым был предъявлен список стимулов, раскрывающих стереотипы МУЖЕСТВЕННОСТЬ (мужчина / эрэ хүн, отец / эсэгэ, муж / үбгэниинь, глава семьи / гэр бүлын толгой, хозяин / эзэн, защитник / хамгаалагша, охотник / ангуушан, **кузнец** / **дархан**, дедушка / үбгэн баабай, брат / аха, дүү хүбүүн, мальчик, парень, сын / хүбүүн) и ЖЕНСТВЕННОСТЬ (женщина / эхэнэр, жена / һамган, мать / эхэ, хозяйка / эзэн эхэнэр, хранительница очага / гал гуламтын эзэн, красавица / дангина, подруга / хани басаган, бабушка / хүгшэн эжы, девочка / жаахан басаган, девушка, дочь / басаган, сестра / эгэшэ, дүү басаган, теща / хадам эхэ), с просьбой зафиксировать ассоциации на родном языке, возникающие в связи со стимулом.

Эксперимент был проведен в г. Улан-Удэ (Республика Бурятия) в следующих учебных заведениях: Бурятский государственный университет, Восточно-Сибирский государственный технологический университет, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия, Бурятский республиканский педагогический колледж, музыкальный колледж им. П.И.Чайковского. В эксперименте приняли участие 600 человек (студенты в возрасте 17–25 лет) – 3 группы испытуемых по 200 человек – 100 мужчин и 100 женщин:

- буряты, для которых бурятский язык является родным, русский язык – вторым, в эксперименте они обозначены как «буряты 1, б1»;
- буряты, считающие русский язык родным языком и не владеющие бурятским языком, – «буряты 2, б2»;
- русские, проживающие в Республике Бурятия, – «русские, р».

В целом в эксперименте было получено и проанализировано 15 400 реакций: буряты 1 – 5 000, буряты 2 – 5 200, русские – 5 200, количество отказов составило 260.

В данной статье мы попытаемся выявить «психолингвистическое значение слова» (термин И.А. Стернина, А.В. Рудаковой) «**ДАРХАН** / **КУЗНЕЦ**» в бурятской культуре. Психолингвистическое значение слова определяется как упорядоченное единство всех семантических компонентов, которое актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, это реально функционирующее в языковом сознании носителей языка значение слова [7. С. 176]. Как считают И.А. Стернин и А.В. Рудакова, психолингвистическое значение слова шире, чем лексикографическое, зафиксированное в толковых словарях. Инструментом для выявления психолингвистического значения слова может выступать свободный ассоциативный эксперимент, на основе которого составляются ассоциативные словари.

В настоящее время в Республике Бурятия наблюдается ситуация бурятско-русского двуязычия не в пользу бурятского языка [8. С. 191]. Несмотря на усилия СМИ и национальной школы, в бурятском языке наблюдается интерференция со стороны русского языка, бурятский язык уступает русскому как основному языку общения в республике. Культ **кузнеца** в бурятской культуре издавна связан с религией, интересным представляется выявить,

каков этот реальный образ в языковом сознании носителей культуры в условиях доминирования русского языка.

Рассмотрим ассоциативные реакции бурят на стимул **ДАРХАН / КУЗНЕЦ**.

Буряты 1 (61) **ДАРХАН**

уран 32, хүн 16, түмэр 12, бэрхэ 11, шадалтай 10, модон 9, алтан гартай, дархална, б, бөө, гартаа уран, эрэ 5, аба, алтан, баабай, Һайн 4, барилгааша, модошон, түмэр, үбгэн 3, абга, ажал, ажалишан, алха, дархашан, дацан, сохино, столяр, таабай, хүбуун, хүшэтэй 2, абаха, абгай, алтан гар, барилга, баряаша, болохо, бригада, бурхан, бэлигтэй, гар гүй, гэр, гэр баряаша, зураха, зураашан, зүүдхэлнүүд, ном, подкова, стол, табиба, талан, үүдэн, хадааһан, хара, харуул, хоришогор, хүдэлмэришэн, хүдэлнэ, шулуун, шэнэ гэр, эдээн 1; 200 + 60 + 3 + 30 (Первая цифра указывает общее число реакций на слово-стимул, вторая – число разных реакций, третья – число отказов испытуемых, четвертая – число единичных реакций, т.е. число ответов с частотой 1.)

Буряты 2 (62) **КУЗНЕЦ**

молот 26, подкова 22, железо 14, металл 12, счастье 11, кузница, счастье 7, мастер, работа, работник, труд, украшение 6, металл, меч 5, дархан 4, наковальня, рабочий, сильный, своего счастья, сила, сталь 3, ковать, ковка, огонь, молоток, ремесло, ремесленник, умелый, шаман 2, Вася, горячий, женщина, закаленный, искусный, ковка мечей, клещи, ковальня, корова, красное железо, красный, кувалда, кует, лошадь, мельница, мечник, молоток, олово, он, оружие, очень нужный, песня «КИШ», «Пираты Карибского моря», работага, рабочий, седло, специальность, старый, талантливый, творец, топор, трава, тяжесть, Фома; 200 + 63 + 0 + 34

Русские (р) **КУЗНЕЦ**

молот 25, подкова 24, железо 22, счастье 13, кует 10, счастья 8, работа 6, металл, наковальня, сила, труд 5, кует, ковать, сильный 4, кузница, мастер, меч, огонь 3, Вакула, Гефест, золотые руки, ковка, молодец, молот, молоток, мужик, мужчина, оружие, профессия, работник, рабочий, ремесло, хороший 2, балбес, богатырь, Вуттон, в кузнице, в поле, давно, дичь, железный, здоровый мужик, изделие, искусство, ковка, копыто, купец, лошадь, месть, мощь, ножницы, работага, своего счастья, силач, специальность, сталь, старый, творец, трудяга, умелый 1; 200 + 60 + 1 + 27

Для анализа ассоциативных реакций мы используем классификацию «семантический гештальт» Ю.Н. Караулова, которая отражает внутреннюю семантическую организацию ассоциативного поля и характеризует поле как полную единицу знания о мире. Описывая важнейшее отношение «язык – действительность», «семантический гештальт» базируется на причастности каждой реакции к тому или другому стереотипному свойству данного референта в данном языке и выстраивается путем естественной семантической классификации входящих в поле ассоциатов. Семантический гештальт складывается обычно из нескольких зон (их число колеблется в пределах 7 ± 2), которые объединяют типичные для данного языкового сознания признаки

предмета или понятия, соответствующего имени поля (т.е. стимулу) [9. С. 220].

1. Персоналии – слова-реакции, обозначающие персоналии, лица, ассоциируемые со словом-стимулом.

2. Реалии – слова-реакции, обозначающие предметы, конкретные и абстрактные понятия, животных, ассоциируемые со словом стимулом.

3. Признаки – слова-реакции, обозначающие постоянные (интегральные) признаки: физиологические характеристики, физические данные, внешность.

4. Оценки – слова-реакции, обозначающие оценочные характеристики (дифференциальные признаки): черты характера, характеристики умственных способностей.

5. Эмоции – слова-реакции, обозначающие эмоциональные состояния и чувства.

6. Количество – слова-реакции, обозначающие количество.

7. Место – слова-реакции, обозначающие местонахождение.

8. Время – слова-реакции, обозначающие время.

9. Деятельность – слова-реакции, обозначающие деятельность, процесс, действия, ассоциируемые со словом-стимулом.

10. Отказ.

На основе данной классификации были проведены следующие процедуры:

- распределение реакций по семантическим зонам в ассоциативном поле;
- подсчет количества реакций в каждой зоне для выявления приоритетных семантических зон;
- описание и интерпретация содержания образов сознания в русской и бурятской культурах;
- выявление сходства и установление образов в языковом сознании русских и бурят.

Согласно классификации ассоциаций «семантический гештальт» реакции распределились следующим образом (рис. 1).

Рассмотрим ядерную часть ассоциативного поля **Дархан** (полужирным шрифтом выделено слово-стимул, курсивом – слова-реакции; в скобках указана частотность реакции).

Самая репрезентативная группа «Реалии» (буряты 1 – 22,5 %, буряты 2 – 64,5 %, русские – 56 %) – здесь собраны реакции, которые связаны со стимулом и составляют элементы пропозиции [10. С. 220]. В этой семантической зоне располагаются самые частотные реакции бурят 2 и русских – *молот* (б2 26, р 25), *подкова* (б2 22, р 24). *Кузнец* работает с *железом* (б2 14, р 22) / *түмэр* (б1 12), *сталью* (б2 3, р 1), *наковальней* (б2 3, р 5), *огнем* (б2 2, р 3), изготавливает *оружие* (б2 1, р 2), *меч* (б2 5, р 3), *украшения* (б2 6) / *зүүдхэлнүүд* (б1 1). *Кузнец* – это *ремесло* (б2, р 2), *специальность* (б2, р 1), *профессия* (р 1). Буряты 2 и русские респонденты вспоминают поговорку «Каждый человек кузнец *своего счастья*» (б2 14, р 9).

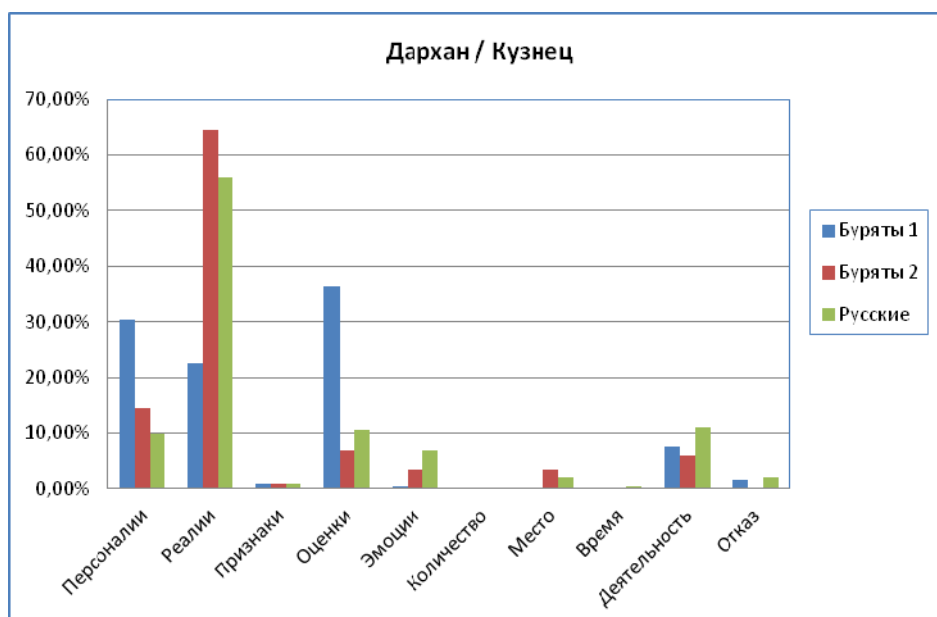

Рис. 1

У бурят 1 **дархан** работает с *алтан* 'золотом' (4), *модон* 'деревом' (9), занимается *барилга* 'строительством' (1) – *дацан* 'дацан, ламаистский храм' (2), *гэр* 'дом', *шэнэ гэр* 'новый дом' (1), *бригада*, *үүдэн* 'дверь, ворота', *стол*, *хадааһан* 'гвоздь' (1), *харуул* 'рубанок', *шулуун* 'камень' (1). Буряты 2 назвали следующие ассоциации: *клещи*, *олово*, *песня «КИШ»*, *травя*, *фильм «Пираты Карибского моря»* (1), *тяжесть*, *кувалда*, *мельница*, *седло*, *топор* (1). У русских респондентов выявлены реакции: *изделие*, *искусство* (1), *копыто*, *ножницы* (1). В связи с **кузнецом** были названы следующие животные: *лошадь* (62, р 1), *корова* (62 1).

В ядерной части ассоциативного поля **Дархан** находится и семантическая зона «Персоналии»: буряты – 30,5 %, буряты 2 – 14,5 %, русские – 10 %. В этой группе присутствует тип связи номинация. Для всех групп респондентов **кузнец** – *ремесленник* (62 2), *работник* (62 6, р 3), *рабочий* (62 3, р 2) / *хүдэлмэришэн* (61 1), *ажалишан* (61 2), для бурят 1 **дархан** – это *хүн* 'человек' (16), для бурят 2 (6) и русских (3) – *мастер*.

Русские респонденты говорят о **кузнец** *Вакуле* (1) (персонаж повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством»), *Гефесте* (2) (бог огня в греческой мифологии), *Вуттоне* (1) (персонаж произведения Д. Толкиена «Кузнец из большого Вуттона»). **Кузнец** – *богатырь* (1), *мужик* (2), *здоровый мужик* (1). Буряты 2 называют имена *Вася*, *Фома* (1), **кузнец** – это *он*, *мечник* (1), видимо, изготавливает мечи.

Для бурят 1 **дархан** – это *эрэ* 'мужчина' (5), *баабай* (4), *аба* (2) 'отец', *үбгэн* 'старик; муж' (3), *таабай* 'дед, дедушка', *абга* 'брат отца, родной дядя (по линии отца)', *хүбүүн* 'сын; мальчик; парень' (1). Кузнечное ремесло в бурятской культуре обычно передавалось по наследству. **Дархан** занимает

ся не только металлом, но и деревом – *барилгааша* ‘строитель’, *модошон* ‘плотник’ (3), *столяр* (2), *гэр баряаша* ‘строитель дома’ (1), *зураашан* ‘художник’ (1).

Интересны реакции у бурят 1 и 2 **дархан** – *бөө* (5) / *шаман* (2), *бурхан* ‘божество’ (1), эти реакции свидетельствуют о культе кузнеца в бурятской культуре. Этот культ связан с еще более архаичным культом огня, игравшим важную роль в верованиях и обрядах древних монголов [10. С. 76]. Почитание кузнеца в процессе эволюции культа прошло через три этапа: а) кузнец – почитаемый как божество, демиург; б) кузнец – медиатор, посредник между своими божествами-покровителями и людьми; в) кузнец – изгой, относимый обществом к низшему сословию, к «нечистым». В языковом сознании современных бурят, как мы видим, отразились первые два этапа, кузнец как божество и как посредник, т.е. шаман.

Семантическая зона «Оценки» также располагается в ядерной части ассоциативного поля **Дархан**: буряты 1 – 36,5 %, буряты 2 – 7 %, русские – 10,5 %. Здесь присутствуют реакции, которые указывают коннотацию. Большой процент реакций в этой семантической зоне у бурят 1, для них **дархан** – *уран* ‘искусный’ (32), *бэрхэ* ‘опытный, умелый, искусный’ (11), *алтан гартай* ‘с золотыми руками’ (6), *гартаа уран* ‘с умелыми руками’ (5). Общая ассоциация у респондентов – *сильный* (62 3, р 4) / *шадалтай* (61 10), *хүшэтэй* (61 2), **кузнец** – *силач* (р 1), у него есть *сила* (62 3, р 5). Буряты 2 и русские дают положительную оценку – *работяга, трудяга, молодец* (1). Для бурят **кузнец** – *бэлигтэй* ‘разумный, мудрый; даровитый, одаренный, талантливый’ (1).

Рассмотрим периферийную часть ассоциативного поля **Дархан**.

Семантическая зона «Деятельность»: буряты 1 – 7,5 %, буряты 2 – 6 %, русские – 11 %. Все респонденты дали ассоциации *работа* (р, 62 6), *труд* (62 6, р 5) / *ажал* (61 2). **Кузнец** занимается *ковкой* (62 2, р 1), *кует* (62 1, р 10), *должен ковать* (62 2, р 4). Для бурят 1 **дархан** *дархална* ‘мастерит что-л.’ (6), *сохино* ‘бьет’ (2), *табиба* ‘поставил’ (1), *должен зураха* ‘рисовать’ (1), *абаха* ‘брат’ (1).

Семантическая зона «Эмоции»: буряты 1 – 0,5 %, буряты 2 – 3,5 %, русские – 7 %. У респондентов в связи с **кузнецом** возникает ассоциация *счастье* (62 7, р 13), эта реакция *талаан* ‘счастье, удача’ у бурят 1 единична. С образом **кузнеца** в русской свадебной символике связаны представления о крепком и прочном браке, который он должен сковать для жениха и невесты, как сковывают железо [11. С. 297]. Кузнец является постоянным персонажем любовных (приворотных) заговоров. Русские также упомянули *мечь* (1).

Семантическая зона «Место» (тип связи – локация): буряты 2 – 3,5 %, русские – 2 %. **Кузнец** работает в *кузнице* (62 7, р 3) или *в поле* (р 1). Кузница, находившаяся чаще всего на окраине русского селения, играла роль «мужского клуба»: возле нее собирались мужики, не только наточить плуг или подковать коня, но и обсудить местные новости, а то и выяснить отношения [11. С. 295].

Семантическая зона «Признаки» относится к периферийной части ассоциативного поля **Дархан**: буряты 1 – 1 %, буряты 2 – 1 %, русские – 1 %. Для этой зоны характерна предикация в узком смысле – описание признака предмета. Для бурят 2 и русских **кузнец** – *старый, железный, красный* (1), у бу-

рят 1 выявлена реакция *хара* 'черный', что связано с культом дархана в бурятской культуре. Кузнецы делились на «черных» и «белых», как и шаманы [10. С. 78]. Это, по-видимому, связано с цветовой символикой народов Центральной Азии, в которой белый цвет считался сакральным, священным, а черный содержит негативную оценку и является символом зла, несчастья.

Семантическая зона «Время» имеется только у русских (0,5 %) – *давно* (1).

Общее число реакций, %

КУЗНЕЦ	Буряты 1	Буряты 2	Русские
Персоналии	30,5	14,5	10
Реалии	22,5	64,5	56
Признаки	1	1	1
Оценки	36,5	7	10,5
Эмоции	0,5	3,5	7
Количество	–	–	–
Место	–	3,5	2
Время	–	–	0,5
Деятельность	7,5	6	11
Отказ	1,5	–	2

Рассмотрим значение **дархан**, данное в бурятско-русском словаре С.М. Бабушкина: 1. кузнец, мастер, умелый, искусный мастер; 2. искусный, умелый; *алташа дархан* золотых дел мастер, ювелир; *бууша дархан* ружейник; *модошо (или модоной) дархан* плотник; *мүнгэшэ дархан* мастер по серебру; *түмэршэ дархан* кузнец, слесарь [5. С. 85–86].

В словаре Л.Д. Шагдарова, К.М. Черемисова, который на сегодняшний день является наиболее полным изданием, дается подробная словарная статья [6. С. 261]. **Дархан** (түмэршэ дархан, модошо дархан) – это 1) кузнец, мастер, умелец, искусный мастер; *гар дархан* ремесленник; *алташа дархан* золотых дел мастер, ювелир; *бууша дархан* оружейник; *модошо (или модоной) дархан* плотник; *модошо дархаар хүдэлмэрихэ*; *нарин дархан* столяр-краснодеревщик; *мүнгэнишэ дархан* мастер по серебру, серебряник; *түмэршэ дархан* кузнец; *түмэрэй дархан* кузнец; *түмэршэ, модошо дархад* кузнецы и плотники; *хилбэридээ бэрхэ дарханууд* чеканщики; *ханын дархан* мастер по изготовлению решеток для юрт; *эмэлээй дархан* мастер по изготовлению сёдел; *хилүүршэ дархан* резчик по дереву; *булагша дархан* мастер росписи по дереву; *сагади ба хара дарханууд* «белые» и «черные» кузнецы; 2) *дархан саган тэнгэри* шаманский бог кузнечного ремесла (покровитель рода «белых» кузнецов, имелись покровители и «черных» кузнецов); *дархан удха* генеалогия шамана-кузнеца; 3) (мн. *дархад*) ист. *дархан* вольный, лично свободный (не связанный повинностями).

Сравним лексикографическое и психолингвистическое значения слова **дархан**. Первое значение – общее, отраженное в словарях, – это *ремесленник, мастер, работник*, занимающийся *ковкой*, работающий в *кузнице* с *наковальной*, имеющий инструменты – *молот, молоток*, представлено в свободном ассоциативном эксперименте у бурят 1 и бурят 2. **Дархан** занимается *железом, металлом*, изготавливает *оружие, мечи, подковы*. У бурят 2 (64,5 %) (как

и у русских респондентов 56 %) наиболее полно отражена семантическая зона «Реалии», для сравнения у бурят 1 – 22,5 %.

Отличительным является тот факт, что в языковом сознании бурят 1, как и в лексикографических словарях, **дархан** является еще *плотником, столяром, строителем*, обрабатывает не только железо и металл, но и *камень, дерево рубанком, строит дома*, делает *двери, сёдла*, такие реакции отсутствуют у бурят 2. Для бурят 1 **дархан** работает с золотом как *ювелир, художник*, возможно, и как мастер росписи по дереву, у бурят 2 имеется реакция *украшение* (6). В бурятском языковом сознании (буряты 1, 2) отсутствует лексикографическое значение *чеканищик, мастер по серебру, резчик по дереву*. Как мы видим, первое словарное значение слова **дархан** присутствует в языковом сознании бурят 1 и бурят 2, но с сужением области занятий.

Буряты 1 (36,5 %) уделяют большое внимание «оценке» **дархана**, первая по наполняемости семантическая зона, для сравнения буряты 2 – 7 %, русские – 10,5 %. Как и в словарных статьях, **кузнец** – *умелый* (самая частотная реакция у бурят 1 (32), *искусный мастер с золотыми руками*).

Второе словарное значение *дархан саган тэнгэри* «шаманский бог кузнечного ремесла» было выявлено в ходе ассоциативного эксперимента как у бурят 1, так и у бурят 2. Но это значение находится на периферии ассоциативного поля, респонденты дали ассоциации, связанные с данным понятием: буряты 1 – *‘бөө’ шаман* (5), *‘дацан’ буддийский храм* (2), *бурхан ‘боге, божестве’* (1), *‘хара’ черный* (1), буряты 2 – *шаман* (1). Согласно представлениям шаманистов, древней религии бурят, помимо мира людей существуют другие миры, населенные духами. Шаманы выступают как посредники между миром людей и миром духов [12. С. 28–29]. Белые шаманы почитали духов предков рода, в то время как черные совершали моления духам шаманских предков. Черные шаманы обозначались как *хара бөө*, что указывало на их сильную магическую силу. Разные миры взаимосвязаны и взаимопроницаемы, поэтому духи могут влиять на жизнь, здоровье и благополучие людей. Функция шаманов заключалась в возвращении, установлении гармонии в природе между мирами. И белые и черные шаманы занимались налаживанием нарушенных отношений, и те и другие умели предсказывать. В XVII в. среди бурят-шаманистов распространяется буддийское течение ламаизм, который ассимилирует шаманские представления, культы и обряды, в том числе связанные с **дарханом**. Это объясняет наличие таких реакций в эксперименте.

Третье значение слова **дархан** «вольный, лично свободный (не связанный повинностями)», которое зафиксировано в бурятско-русском словаре, на сегодняшний день отсутствует в языковом сознании бурят. Хотя в истории культуры бурят и монголов это значение существовало в качестве этнонима рода-племени, соционима страты «свободных», сословия «вольных от податей» членов общества [13. С. 9].

Выводы

1. Свободный ассоциативный эксперимент дает возможность выявить реально функционирующее *психолингвистическое* значение слова в национальной культуре.

2. Психолингвистическое значение слова не всегда шире, чем лексикографическое, зафиксированное в толковых словарях. В нашем случае значение слова «**дархан**» в бурятской культуре сужается. Сейчас в языковом сознании бурят 1 и 2 функционирует первое словарное значение слова **дархан** – *кузнец, ремесленник, мастер, работающий с металлом, оружием, а также с золотом*. У бурят 1 зафиксировано значение *плотник, столяр, строитель, обрабатывающий камень и дерево*. Но *чеканищик, мастер по серебру, резчик по дереву* не выявлено ни у одной из групп. Что касается второго значения, связанного с шаманизмом, *дархан саган тэнгэри* ‘шаманский бог кузнечного ремесла’, оно присутствует в языковом сознании бурят 1 и 2 на периферии ассоциативного поля, что говорит о сохранившихся религиозных воззрениях бурят. Для бурят 1 очень важна оценка **дархана**, они относятся к нему с большим уважением, а буряты 2 называют предметы, связанные с кузнецом. Это подтверждает то, что кузнечный культ в бурятской культуре, включающий в себя почитание горна, меха, наковальни, кузнечных инструментов, оборудования и самого кузнеца, получивший широкое распространение среди монгольских народов с древнейших времен, сохранился до нашего времени. Третье значение *дархан* вольный, лично свободный (не связанный повинностями) не выявлено.

3. Образ **дархана** в языковом сознании бурят 1 и бурят 2 имеет общие черты, но всё же образ **кузнеца** в языковом сознании бурят 2, не владеющих бурятским языком, говорящих только на русском, имеет гораздо больше сходств с образом **кузнеца** в русской культуре, чем с образом **дархана** бурят 1. Это связано со снижением функционирования бурятского языка, который, к сожалению, уступает русскому как языку повседневного общения и для многих этнических бурят является единственным родным языком.

Литература

1. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2003. С. 7–22.
2. Белянин В.П. Психолингвистика. М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2005. 232.
3. Тарасов Е.Ф., Тарасова М.Е. Исследование ассоциативных полей представителей разных культур // Ментальность россиян / под общ. ред. И.О. Дубова. М., 1997. С. 253–277.
4. Жалсанова Ж.Б. Этническая составляющая гендерного стереотипа в языковом сознании русских и бурят: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. Прил. 1. Ассоциативные словари. С. 189–212.
5. Бабушкин С.М. Бурятско-русский и русско-бурятский словарь. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004. 566 с.
6. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. Т. 1. 635 с.
7. Стернин И.А., Рудакова А.В. Проблемы создания психолингвистического толкового словаря русского языка // Вопр. психолингвистики. 2012. С. 174–183.
8. Дырхеева Г.А. Бурятско-русское двуязычие: социальная стратификация (к проблеме изучения) // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2012. Спецвыпуск С. С. 190–193.
9. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2010. 332 с.
10. Абаева Л.Л. Арёальная характеристика кузнечного культа в традиционной обрядности бурят // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов. Улан-Удэ, 1988. С. 76–102.
11. Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре: иллюстр. энцикл. / Д.Б. Баранов, О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб.: Искусство-СПб, 2005. 688 с.

12. Галданова Г.Р. Бурятский шаманизм: прошлое и настоящее // Сибирь: этносы и культуры. Улан-Удэ, 1998. С. 5–46.

13. Дашиева Н.Б. Кузнечный культ бурят: историко-культурные истоки // Вестн. Вост.-Сиб. гос. акад. культуры и искусств. 2013. № 1 (4). С. 7–19.

THE CONCEPT “DARKHAN / SMITH” IN THE BURYAT CULTURE (THE PSYCHOLINGUISTIC MEANING)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 45. 89–99. DOI: 10.17223/19986645/45/6

Zhargalma B. Zhalsanova, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: komma2001@yandex.ru

Keywords: ethnopsycholinguistics, language consciousness, associative experiment, psycholinguistic meaning, lexicography word meaning, concept *darkhan / smith*.

The article is devoted to the analysis of the associative field “darkhan / smith” in the language consciousness of the Buryat people. Data for the analysis are the results of an associative experiment, one of research methods of language consciousness, which gives a possibility to reveal the systemacity of the content of an image of consciousness behind the word in culture, its ethnocultural specifics. With the leading role of the Russian language as a language for communication in the Republic of Buryatia, it was interesting to find out the common and specific features in the image “darkhan” in the language consciousness of the bilingual Buryat people and of the Buryats with Russian as a native language. The associative reactions classification “semantic Gestalt” by Yu.N. Karaulov is used for the analysis; it reflects the internal semantic organization of the associative field and characterizes the field as a complete unit of knowledge of the world.

The article deals with the analysis of the lexicographic meanings of the word “darkhan” [smith]. Data of the Buryat-Russian dictionaries by S.M. Babushkin, L.D. Shagdarov and K.M. Cheremisov are attracted for the analysis; these are the most unabridged editions nowadays. In this work the functioning of the dictionary meanings of the word “darkhan” in the language consciousness of the bilingual Buryat people and the Buryats with native Russian is described.

The psycholinguistic and lexicographic meanings of the word “darkhan” are considered in the article. The psycholinguistic word meaning (term of I.A. Sternin and A.V. Rudakova) is understood as an ordered unity of all semantic components which staticizes a separate word in the consciousness of native speakers; it is a word meaning actually functioning in the language consciousness of native speakers. The result of the analysis has shown that the psycholinguistic word meaning is not always broader than lexicographic, recorded in explanatory dictionaries, as I.A. Sternin and A.V. Rudakova state. The meaning of the word “darkhan” in the Buryat culture is narrowed. One of the reasons of this process is the weak position of the Buryat language as the daily main language of communication in the Republic of Buryatia. At present, the first dictionary meaning of the word “darkhan”, “a smith, a handicraftsman, a craftsman working with metal, weapon and also with gold”, functions in the language consciousness of the Buryat. The bilingual Buryat people have the meaning “a carpenter, a joiner, a builder working with stone and wood”. But the word meaning “a chiseller, a craftsman working with silver, a woodcarver” is not identified in any of the groups.

References

1. Tarasov, E.F. (2003) Mezhhkul'turnoe obshchenie – novaya ontologiya analiza yazykovogo soznaniya [Intercultural communication: a new ontology analysis of linguistic consciousness]. In: Ufimtseva, N.V. (ed.) *Etmokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya* [Ethnocultural specificity of language consciousness]. Moscow: Institute of Linguistics, RAS.
2. Belyanin, V.P. (2005) *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow: Flinta: Moscow Psychological and Social Institute.
3. Tarasov, E.F. & Tarasova, M.E. (1997) Issledovanie assotsiativnykh poley predstaviteley raznykh kul'tur [Associative field study in different cultures]. In: Dubov, I.O. (ed.) *Mental'nost' rossiyan* [Mentality of Russians]. Moscow: Imidzh-kontakt.

4. Zhalsanova, Zh.B. (2009) *Etnicheskaya sostavlyayushchaya gendernogo stereotipa v yazykovom soznanii russkikh i buryat* [Ethnic component of gender stereotype in language consciousness of the Russians and the Buryats]. Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Babushkin, S.M. (2004) *Buryatsko-russkiy i russko-buryatskiy slovar'* [The Buryat-Russian and Russian-Buryat dictionary]. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya.
6. Shagdarov, L.D. & Cheremisov, K.M. (2006) *Buryatsko-russkiy slovar'* [The Buryat-Russian dictionary]. Vol. 1. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya.
7. Sternin, I.A. & Rudakova, A.V. (2012) Problemy sozdaniya psikholingvisticheskogo tolkovogo slovary russkogo yazyka [Problems of creating a psycholinguistic explanatory dictionary of the Russian language]. *Voprosy psikholingvistiki – Issues of Psycholinguistics*. 16. pp. 174–183.
8. Dyrkheeva, G.A. (2012) Buryat-Russian bilingualism: social stratification (to the problem of study). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – BSU Bulletin*. Special Issue C. pp. 190–193. (In Russian).
9. Karaulov, Yu.N. (2010) *Assotsiativnaya grammatika russkogo yazyka* [Associative Russian grammar]. 2nd ed. Moscow: LKI.
10. Abaeva, L.L. (1988) Areal'naya kharakteristika kuznechnogo kul'ta v traditsionnoy obryadnosti buryat [Areal characteristics of the smith cult in the traditional rites of the Buryats]. In: Basaeva, K.D. & Nimaev, D.D. (eds) *Kul'turno-bytovye traditsii buryat i mongolov* [Cultural and community traditions of Buryatia and Mongolia]. Ulan-Ude: BB SB USSR AS.
11. Baranov, D.B. et al. (2005) *Muzhiki i baby: Muzhskoe i zhenskoe v russkoy traditsionnoy kul'ture. Illyustr. Entsiklopediya* [Men and women: Men and women in the Russian traditional culture. Illustrated encyclopedia]. St. Petersburg: Iskustvo-SPB.
12. Galdanova, G.R. (1998) Buryatskiy shamanizm: proshloe i nastoyashchee [Buryat shamanism: Past and Present]. In: Sokolova, Z.S. et al. (eds) *Sibir': etnosy i kul'tury* [Siberia: ethnic groups and cultures]. Ulan-Ude: East-Siberian State Academy of Culture and Arts.
13. Dashieva, N.B. (2013) The blacksmith's cult of Buryats: historical and cultural roots. *Vestnik Vostochno-Sibirskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv*. 1(4). pp. 7–19. (In Russian).

УДК 811.161.1

DOI: 10.17223/19986645/45/7

И.А. Крылова, Н.А. Тулякова

СЛОВО «ЛЕГЕНДА» В РЕЧЕВОМ УПОТРЕБЛЕНИИ И В СЛОВАРНОМ ОТРАЖЕНИИ: ЗАИМСТВОВАНИЕ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ, ИДЕОЛОГИЯ

*В статье представлены результаты диахронического анализа значений слова **легенда** на материале толковых словарей и данных Национального корпуса русского языка. Рассматривается вхождение слова в русский язык, изменение его значений и их иерархии, исследуется частотность употребления слова в различных значениях на протяжении последних ста лет. Делается вывод о том, что структура значений слова **легенда** претерпела существенные изменения, связанные с рядом лингвистических и экстралингвистических факторов.*

Ключевые слова: слово, значение, лексикография, корпус, идеология.

Введение

Изучение слов, относящихся к метаязыку, представляет интерес для современной лексикологии, поскольку употребление этих слов в общем языке и метаязыке демонстрирует частичные семантические несовпадения. К таким словам относятся, в частности, жанровые обозначения (*песнь, сказка, повесть*), которые нередко включаются в состав названий литературных произведений. Даже однократное употребление их автором в названии ставшего известным текста может повлиять на распределение значений впоследствии. Являясь названием литературного жанра¹, слово *легенда* иногда входит в названия и подзаголовки художественных текстов, в прецедентные тексты, что влияет на его восприятие, толкование и употребление в общем языке. В то же время наряду с некоторыми другими жанровыми обозначениями (*сказка, миф*) слово *легенда* активно употребляется в общем языке [2], развивая отличные от терминологического значения, что приводит к размыванию границы между терминологическим и общим употреблением слова. Этим обусловлен выбор слова *легенда* в качестве объекта исследования.

В настоящей статье, выполненной в рамках лексикографического и корпусного анализа, представлены результаты анализа слова *легенда* на материале толковых словарей XIX–XXI вв. и данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [3] за XIX–XXI вв. Учитывалось употребление слова в общем языке; собственно терминологические значения, трактуемые некоторыми словарями как омонимы ('музыкальная пьеса', 'надпись на монете' и т.д.), не подвергались анализу. Кроме того, при анализе данных НКРЯ не принимались во внимание литературоведческие работы, так как в них денотат слова *легенда* часто является предметом рассмотрения, что влияет на использование слова. Поскольку анализу подвергалось слово в синхронии и диахро-

¹ Подробнее о жанре литературной легенды см. в работе [1].

нии, статистика его употребления в разных значениях представлена по десятилетиям.

Цель статьи – рассмотреть путь развития значений слова *легенда* в русском языке и определить, насколько совпадает реальное употребление слова в языке и его лексикографическое описание в различные периоды. Для достижения этой цели мы изучим историю вхождения этого слова в русский язык и обратимся к данным исторических словарей русского и европейских языков; выделим факторы (лингвистические и экстралингвистические), повлиявшие на изменение значений и употребления слова в речи; рассмотрим способы лексикографического описания этого слова в толковых словарях XIX–XXI вв. и сопоставим данные толковых словарей с реальным употреблением слова (по материалам НКРЯ). Предпринятое исследование позволит представить жизнь данного слова не только через призму лексикографического взгляда, зачастую ограниченного идеологией, объемом словаря, определенной методологией описания, но и в его реальном функционировании, нередко противоречивом и контекстуально зависимом. Рассмотрение в совокупности данных НКРЯ и словарей может показать новый объем слова, имеющего несомненное значение в литературоведении и других гуманитарных дисциплинах.

Поскольку количество значений слова *легенда* и способ их описания в словарях существенно различаются, приведем сначала все выделенные на материале НКРЯ значения, чтобы в дальнейшем обращаться к ним¹.

1. Житие святого, каноническое или апокрифическое (далее – ‘Житие’). *Переночевал в странноприимной и тут выслушал от какого-то переходящего богомольца легенду о успении святого Афанасия в сидячем положении* (Т.Г. Шевченко. Близнецы).

2. Записанный текст мифологического характера; мифологический сюжет (далее – ‘Миф’). *Вспоминается древняя и вечно юная античная легенда о человеке, дерзнувшем летать* (Н. Галимон. Он из семьи Крылатых // «Огонек». 1959. № 31).

3. Фольклорный жанр, близкий к преданию; текст, относимый к такому жанру (далее – ‘Устное предание’). *Сказки, легенды и всякого рода предания хранятся в устах старушек...* (Н.А. Добролюбов. Черты для характеристики русского простонародья).

4. Устный народный рассказ на христианскую тематику (далее – ‘Религиозный рассказ’). *Легенды были поучительным развлечением, и рассказывание их было делом благочестивым* (А.Н. Пыпин. Русские народные легенды).

5. Литературный жанр или текст, принадлежащий к этому жанру (далее – ‘Литературный текст’). *Невольно вспомнилась легенда Лескова о стальной блохе и тульском Левше* (А.М. Хирьяров. Около Л.Н. Толстого).

6. Устный или записанный рассказ о событиях, кажущихся невероятными (далее – ‘Молва’). *Между учениками ходила легенда о том, что палача выкупали в холодной воде* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа ташкентцы. Картины нравов).

¹ Динамику частотности употребления слова в разных значениях в XX в. и первом десятилетии XXI в. см. в таблице в конце статьи.

7. Слава, известность, окружающие какое-либо событие или особенность характера (обычно употребляется во множественном числе) (далее – ‘Слава’). *О его учености, о независимости суждений, о широте взглядов, необычных для наших учебных заведений, ходили легенды* (М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь).

8. Стереотипное, поверхностное, часто неверное представление о ком-либо, чем-либо (далее – ‘Стереотип’). *Я часто недоумевала, как могла создаться легенда об его будто бы угрюмом, мрачном характере...* (А.Г. Достоевская. Воспоминания).

9. Перен. Человек, известный своими достижениями в какой-либо области; знаменитый человек (далее – ‘Известный человек’). *В мире российского мотоспорта Колесников – легенда...* (С. Ляшкевич. Философия Мотофристайла // «Русский репортер», 2013).

10. Хорошо известный рассказ о каком-либо значительном событии или явлении (действительном или вымышленном); само такое событие или явление (далее – ‘Известный рассказ’). *Если б какое-нибудь событие из современной жизни нравилось мне, например, хоть так, как нравится мне легенда о Жанне Д’Арк, я б написал отличную повесть* (А.В. Дружинин. Дневник). *...Он еще на футбольном поле совершает то, что сделалось легендой...* (Ю.К. Олеша. Книга прощания).

11. Вымышленная биография, первоначально разведчика (далее – ‘Вымышленная биография’). *По легенде, которая была для нее составлена в дополнение к паспорту на чужое имя, она бывала в Смоленске в детстве, вместе с матерью...* (К. Симонов. Живые и мертвые).

12. Что-либо поэтическое, прекрасное, возвышенное, противоположное реальной действительности (далее – ‘Поэзия’). *От Гоголя последних лет [идет] русский символизм с его попытками из грубых кусков жизни сотворить сладостную легенду, со взглядом на нашу жизнь, как на знак «мировых»* (А. Воронский. Гоголь).

13. Ложь, неправда, выдумка (далее – ‘Вымысел’). *...Все рассказы о его посещениях не более, как легенды* (Г.А. Гершуни. Из недавнего прошлого).

Происхождение слова, его употребление в европейских языках и вхождение в русский язык

Анализ функционирования слова *легенда* в русском языке невозможен без обращения к его эквивалентам в западноевропейских языках, из которых оно предположительно вошло в русский язык и с которыми сохраняло связь благодаря литературным контактам и формированию жанра литературной легенды. Поэтому кратко рассмотрим, как это слово употреблялось в немецком, французском и английском языках, с которыми русский язык тесно контактировал в начале XIX в. В европейских языках первое значение этого слова связано с его латинским происхождением и относится к жизнеописаниям святых. Активное собирание фольклорного материала, начавшееся в XVII в., и взаимодействие фольклора, светской и религиозной культуры привели к тому, что слово *легенда* стало употребляться в разных сферах. У него стали развиваться новые значения, и слово начало использоваться как синоним к различным типам повествования.

Так, в англоязычной лексикографии начала XIX в. у слова *legend* фиксируется терминологическое значение 'житие святого, прежде читавшееся во время литургии'. Помимо этого, существовали следующие значения: 'нелепая история о святых'; 'любое воспоминание или рассказ'; 'невероятный, неправдоподобный рассказ' [4]. Очевидно, что последние два значения являются отчасти антонимичными, так как в третьем актуализируется сема достоверности, а в четвертом противоположная ей сема неправдоподобия. Общей же для всех значений служит, таким образом, сема удивительности, необычности предмета рассказа, которая заставляет рассказчика запомнить событие и рассказывать о нем; в то же время ее следствием является то, что в правдивость рассказа не верят.

Французская лексикография фиксирует слово *légende* начиная с конца XVII в. Сопоставление различных изданий «Dictionnaire de l'Académie française» позволяет проследить изменения в трактовке слова. Так, в 1694 г. зафиксировано лишь два значения – 'рассказ о жизни святого' и 'надпись на монете' [5]. В 1762 г. добавляется еще одно значение, отсутствующее в русском и в английском языках: 'длинное, скучное перечисление' [6]. Аналогично определяет слово и «Dictionnaire critique de la langue française» [7]. К 1835 г. первое значение претерпевает изменения, так как тип повествования, обозначаемый этим словом, трактуется более широко: 'книга, содержащая рассказы о жизни святых' [8]. В то же время слово, очевидно, бытует в более высокой сфере, чем в английском языке.

Немецкие словари фиксируют значения слова *legende*, типичные и для английского, и для французского языков. В словаре, составленном братьями Гримм (1854), фиксируются два омонима (рассказ и надпись на монете). В первом омониме разграничиваются несколько значений: жития святых, рассказ в более широком смысле, но имеющий религиозное содержание; длинное подробное перечисление чего-либо (как и во французском, ныне утраченное значение); сомнительный рассказ [9. Т. 6. С. 535].

В русском языке слово *легенда* появилось достаточно недавно по сравнению с другими индоевропейскими языками. Согласно М. Фасмеру оно пришло либо из новонаемецкого *Legende*, либо непосредственно из среднелатинского *Legenda* [10. Т. 2. С. 473]. Первоначальное значение слова – 'собрание литургических отрывков для ежедневной службы'. Однако слово в этом значении было и раньше хорошо известно образованным людям, связанным с церковью, например, по латинскому тексту *Legenda aurea* Якова Ворегинского (XIII в.) [11], который никогда не переводился на русский язык. Очевидно, латинское слово входило в культурный фон, но, вероятно, в связи с католической традицией жизнеописаний святых.

Древнерусский корпус, а также «Словарь русского языка XI–XVII вв.» [12], «Словарь Академии Российской» [13], «Словарь русского языка XVIII в.» [14] не фиксируют слова *легенда*. По всей видимости, в русской православной традиции термин *легенда* применительно к биографиям святых употреблялся редко, вместо него использовались слова *житие*, *четьи*. Доминирование в литературе религиозной традиции над светской может отчасти объяснить тот факт, что в русский язык слово *легенда* входит примерно в середине XIX в. Это подтверждает «Этимологический словарь» А.В. Семенова

[15], отмечающий, что слово появилось в русском языке в первой половине XIX в., чуть позже возникло производное прилагательное *легендарный* (в 1845 г.).

Хотя слово *легенда* впервые фиксируется лишь в «Толковом словаре живого великорусского языка» в 1865 г., в языке первой половины XIX в. оно употребляется активно, в том числе русскими писателями в заглавиях, подзаголовках произведений и других паратекстуальных элементах: «Легенда» («Жил на свете рыцарь бедный») (А.С. Пушкин, 1829)¹, «Легенда» (А.И. Герцен, 1835), «Беглец. Горская легенда» (М.Ю. Лермонтов, 1836), «Из старинной легенды» (из эпиграфа к «Сорочинской ярмарке», Н.В. Гоголь, 1840). Это говорит о том, что русский язык был готов к вхождению слова.

Чтобы рассмотреть жизнь этого слова после вхождения его в язык, необходимо учитывать процессы, которые происходили в русском языке в это время. Первая треть XIX в. (30–40-е гг.) – период активного заимствования лексики из иностранных языков, ее усвоения, популяризации и широкого употребления. Новые слова конкурировали с уже известными русскими, способствуя семантической дифференциации языковых средств: «...многие из новозаимствованных слов если и не выражали вполне новых понятий, давали все-таки часто возможность рельефнее выделить и подчеркнуть такие смысловые оттенки, которые только потенциально содержались в значении известных уже русских слов» [17. С. 30].

Легкость адаптации слова *легенда* в русском языке связана с тем, что оно является интернационализмом. Одним из стимулов вхождения слова в язык послужила зарубежная и переводная литература. Например, слово *legend* часто используется в названиях глав книги *The Alhambra* (1832) Вашингтона Ирвинга, которого русские читатели знали по переводам (прежде всего на французский) [18]. Примечательно, что в переводах этой книги на русский до 1840 г. (выполненных в основном с французского, в котором *legend* заменено на *histoire/conte*) слово *легенда* не употребляется (жанровое наименование заменялось на *повесть*, *рассказ* или вовсе опускалось). Начиная с 1840-х гг., когда переводы стали выполняться с английского, стабильно и даже преувеличенно по сравнению с оригиналом используется слово *легенда*.

Согласно словарю В.И. Даля (1863–1866 гг.) в русский язык слово вошло, имея два основных значения: ‘священное предание, поверье о священном событии, относящемся к Церкви веры; четия, четья’ и ‘вообще предание о чудесном событии’ [19]. Таким образом, слово *легенда* имело как собственно «церковные» значения, так и развившееся из них светское. Тогда же его начали использовать писатели по отношению к текстам религиозного характера (А.И. Герцен, Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой).

Однако материалы НКРЯ, относящиеся к 1850-м гг., корректируют картину словоупотребления. В значении ‘житие’ слово *легенда* встречается, например, у А.С. Пушкина: «Если [вдохновенье] все еще его несет вдохновением, то присоветуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о Киевских чудотворцах; прелесть простоты и вымысла!» (А.С. Пушкин. Письмо к П.А. Плетневу. 14 апреля 1831 г.); «Едва спаслась латинская грамота; в пыли

¹ Об истории названия см. в работе [16].

книгохранилищ монастырских монахи соскобляли с пергамента стихи Лукреция и Виргилия и вместо их писали на нем свои хроники и легенды» (А.С. Пушкин. О поэзии классической и романтической). Второе значение, зафиксированное Далем, в НКРЯ встречается чаще (вероятно, по причинам технического характера). Помимо двух указанных значений слово *легенда*, как свидетельствует НКРЯ, имело следующие значения: 'устное предание'; 'молва'; 'известный рассказ'. Кроме того, один раз встретилось и только появившееся переносное значение 'известный человек': *Я, по милости вашей, падрэ, живая легенда нашей прекрасной родины и служу синьору Ашилю справочною книгою* (Е.П. Ростопчина. Палаццо Форли).

Таким образом, в слове *легенда* можно выделить основные семы: 'повествование', 'чудесное, нарушающее обыденный ход вещей событие' и 'событие, имеющее неясную степень достоверности, но представляющееся достоверным'.

Во второй половине XIX в., отчасти в связи с выходом в свет книги А.Н. Афанасьева «Народные русские легенды» (1859) и развернувшейся вокруг нее дискуссией, слово еще более прочно утверждается в языке. К началу XX в. словари выделяют у слова уже несколько значений. Интересна разработка этого слова в «Словаре иностранных слов» А.Н. Чудинова [20. С. 455]: «1) в римско-католической церкви, книга для ежедневных чтений; 2) церковное или религиозное предание о каком-либо чудесном событии; 3) повествование о святых и мучениках; 4) вообще предание о чудесных событиях; 5) надписи на медалях и монетах, делаемые вокруг; 6) музыкальное произведение на легендарные темы, а также небольшие инструментальные пьесы; 7) вообще недостоверный, фантастический рассказ о чем-либо; выдумка». Как видно, в «Словаре иностранных слов» полно представлена разработка значений, связанных с религией. Вероятно, Чудинов ориентировался на европейскую традицию использования слова и в соответствии с ней выстраивал иерархию значений, следуя историческому принципу организации статьи. Первые три значения относятся к церковной сфере, остальные четыре являются уже светскими. Кроме значения 'предание о чудесных событиях', появляется также общеупотребительное 'недостоверный, фантастический рассказ о чем-л., выдумка', которое еще не отмечается Далем.

В материалах НКРЯ этого времени неоднократно встречались и другие значения, а именно 'стереотип': *...Надо покончить с пользующейся правами неоспоримости легендой, будто русское студенчество целой головой выше заграничного* (А. Изгоев. Об интеллигентной молодежи); 'слава': *О ее безумствах и расточительности ходили легенды* (Кончина М.В. Дальской (1912.03.07) // «Петербургская газета», 1912); 'известный рассказ': *Какой кошмар вышел у него из жизни человека и из радостной легенды о воскресшем Лазаре?* (М.А. Волошин. Леонид Андреев и Федор Сологуб); 'вымысел': *Все рассказы о его посещениях не более как легенды* (Г.А. Гершуни. Из недавнего прошлого (1908)).

К концу XIX в. слово *легенда* полностью ассимилировалось в русском языке. Оно адаптировалось в морфологическом и словообразовательном плане, создало свое гнездо: прилагательное (*легендарный*), наречие (*легендарно*), существительное, образованное от прилагательного (*легендарность*). Отме-

тим также слова этого гнезда *легендарий* ('собираатель легенд') и *легендарииум* ('собрание легенд'), которые в XX в. изменили свое значение. В семантическом плане слово развивает переносные значения и удерживает терминологические.

Укреплению терминологического значения 'устное предание' способствовало включение его в состав названий литературных произведений: «Некрещеный поп. Невероятное событие (легендарный случай)» Н.С. Лескова (1878), «Легенда» А.И. Куприна (1906), «Легенда о царе и декабристе» В.Г. Короленко (1911) и др. Взаимодействие терминологического значения (обозначение жанра) с общеупотребительным привело к определенным трудностям в толковании слова в словаре общего типа. Ситуация осложняется существованием ряда близких по значению терминов: *миф*, *сказка*, *сказание*, *предание*, *басня*.

В плане коннотативного значения отметим, что слово имело нейтральную или положительную окраску. В материалах НКРЯ слово *легенда* демонстрирует атрибутивную сочетаемость, которая указывает на сферу бытования (*острожная, народная*) и на ее оценку (*прекрасная, чудная, живая, известная*). Глагольная сочетаемость (*слагается, складывается, повествует, гласит, овеивает, ходит в народе, сохраняется*) свидетельствует о том, что слово часто использовалось в возвышенном, приподнятом контексте. Из этого складывается имплицитная положительная оценка слова и понятия.

Идеологическая перестройка после революции 1917 г.

Смена государственного строя и связанная с ним смена идеологии отразились на жизни слова *легенда* в языке и отражении его в словаре. Преследование Церкви после революции 1917 г. привело к практически полному исчезновению церковной сферы из жизни общества. Эта ситуация нашла отражение и в языке: лексика духовной культуры либо исчезала из языка, либо получала искаженное толкование или идеологические пометы. Толковые словари XX в. демонстрируют структурную перестройку толкования лексики, связанную с изменением иерархии значений. Связь слова с религиозными текстами постепенно порывается.

Наиболее ярко идеологические веяния времени отражены в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова, в предисловии к которому указано, что выпускаемый словарь – это «попытка отразить процесс переработки словарного материала в эпоху пролетарской революции, полагающей начало новому этапу в жизни русского языка, и вместе с тем указать установившиеся нормы употребления слов» [21. Т. 1. Стб. X]. Пропагандируемые советские ценности заняли высокое место на аксиологической шкале, а религиозные вытеснялись на периферию как отжившие. Соответственно, и лексика, удобная идеологии, получала положительную оценку в словаре, а неудобная толковалась негативно, путем искажений и подмен, маркирования соответствующими пометами и конкретизаторами [22, 23].

Н.А. Купина [24. С. 29.] отмечает, что «интерпретация лексики, относящейся к религиозной сфере, сопровождается особыми идеологическими маркерами: фантастический, мистический, неистинный, недостоверный». Поскольку в слове *легенда* исторически присутствует религиозный компонент, в

толкование в словаре Ушакова был введен соответствующий маркер (прилагательное *фантастический*) [25]: «1. Поэтическое фантастическое сказание религиозного содержания. || Всякий фантастический рассказ, поэтическое предание о каком-н. событии. *Легенды старого замка. Средневековые легенды.* 2. Вымысел, выдумка; то, что кажется невероятным. *Это – легенда, не заслуживающая доверия. Про него ходили целые легенды.*».

В первом значении сема ‘чудесное’ преобразована в ‘фантастическое’, в результате чего религиозное содержание лишается положительной коннотации. Указание на оттенок значения (‘о каком-н. событии’) проводит четкую границу между реальным событием и «религиозным мифом». Второе значение, в XIX в. находившееся на периферии, смещается к основному и поддерживает его. Речение *легенда, не заслуживающая доверия* вводит слово в негативно окрашенный контекст.

Материалы НКРЯ, как и словарь Ушакова, отразили дух времени. Прежде всего, уравнилась доля употребления слова в значениях ‘молва’ (преимущественно в контексте современности) и ‘поэзия’. Доля употреблений слова в значении ‘житие’ значительно сократилась. Интересно, что в значении ‘вымысел’ слово употребляется редко, хотя в словаре выходит в центр.

Помимо этого, развиваются несколько новых значений, не фиксируемых в словарях и в материалах НКРЯ прежних десятилетий. Так, слово *легенда* употребляется в достаточно абстрактном значении, в котором можно выделить сему ‘возвышенное, героическое, противоположное реальности’: *И все наше время станет сказкою, легендой...* (И.А. Бунин. Окаянные дни). Заглавие романа Ф.К. Сологуба «Творимая легенда» (1907), ставшего своего рода прецедентным текстом, дало толчок к началу фразеологизации этого выражения.

В то же время наблюдается и противоположная тенденция. Слово, ранее имевшее положительную коннотацию, приобретает негативно окрашенные значения, появляясь в идиостиле партийных вождей. Так, Л.Д. Троцкий многократно использует слово в значении ‘зловредный вымысел’: *легенда* сопровождается атрибутами *глупейшая, вздорная*, демонстрирует сочетаемость с глаголами, входящими в семантическое поле ‘сражение’: *нанести решительный удар легенде, нанес неисцелимую рану легенде* (Л.Д. Троцкий. Моя жизнь).

Таким образом, слово *легенда* существенно расширяет свою сочетаемость, употребляясь в контрастных контекстах. На одном полюсе располагаются выражения *поэтическая, гениальная, красивая легенда, слагаются легенды*, на другом – *готовенькая, нелепая легенда, легенда досужих умов, сострять легенду. Ореол легенд* (Л.А. Кассиль. Кондуит и Швамбрания) соседствует с *паранджой легенд* (М. Ромм. Штурм Пика Сталина).

Академическая лексикография

При анализе слова необходимо обращение не только к его реальному употреблению (Корпус), но и к толковым словарям, которые и отражают жизнь слова, и моделируют ее, выполняя а то же время дидактическую функцию и демонстрируя при помощи иллюстративного материала возможные, а иногда и желательные образцы словоупотребления. Сопоставление данных

Корпуса и словарей позволит охарактеризовать жизнь слова с большей полнотой и объективностью.

Академические толковые словари XX в. отражают семантическую неоднозначность слова *легенда*, обусловленную наличием в нем смы 'чудесное, нарушающее обыденный ход вещей'. В связи с «необычностью» рассказа он может восприниматься как недостоверный, но при этом иметь в своей основе как реальные исторические события, так и вымышленные, а чаще всего их комбинацию. Поэтому окружение слова позволяет акцентировать либо достоверность, либо недостоверность информации. Толковые словари отмечают то один, то другой, то оба смысла, в зависимости от установки (нередко идеологической). Академические словари советского периода пытаются совместить обе возможности толкования, не отражая сему 'чудесное': «1. Сказочное или историческое предание о каком-либо событии, лице. 2. Вымышленный, приукрашенный рассказ о чем-либо. || Перен. Выдумка, нечто невероятное» [26. Т. 6. Стб. 101].

«Словарь русского языка» (МАС, 1957–1960) приводит следующие значения слова: «1. Основанное на устных преданиях, опоэтизированное сказание об историческом или вымышленном лице, событии и т.п. || Вымышленный, приукрашенный рассказ о ком-, чем-л. 2. О чем-л. невероятном, о выдумке, вымысле. 4. Вымышленные сведения о разведчике, предопределяющие его поведение, поступки» [27. Т. 2. С. 168].

В качестве первого значения¹ вновь выступает терминологическое. Последующие толковые словари закрепили это место за термином: «Поэтическое предание о каком-н. историческом событии» [28], «Основанное на устных преданиях опоэтизированное сказание о каком-л. лице или событии, обычно воспринимаемое как достоверное (первонач.: житие святого)» [29. Т. 9], «Поэтическое фантастическое сказание, предание о каком-л. событии или лице» [30. С. 267].

Возможность колебания степени достоверности в значениях 'молва' и 'известный рассказ' фактически приводит к контекстуальной энантиосемии: «это не правда, а легенда»; «это не ложь, а историческая легенда». В связи с этим исчерпывающее толкование указанных значений крайне затруднено, что хорошо видно при сопоставлении словарных статей.

Во второй половине XX в. полисемия продолжает развиваться, причем новые значения возникают в русском языке более активно, чем в западноевропейских языках. Массовая культура и журналистика, склонные популяризировать определенные имена и события, способствовали закреплению значения 'известный человек' (в русском, английском, немецком языках). В то же время значения 'вымышленная биография' и 'стереотип' свойственны только русскому языку.

Анализ материала демонстрирует расхождение лексикографического описания лексемы и ее реального словоупотребления (НКРЯ). Например, словари не фиксируют некоторые употребительные значения, а также неточно отражают их иерархию. Кроме того, очевидно значительное влияние идеологии на словарные толкования. Это заложено в семантике слова, так как

¹ Имеется в виду первый омоним.

в большинстве значений денотатом является текст, достоверность которого представляет собой интерес для участников коммуникации.

Современная ситуация

К концу XX в. аксиологический вектор изменил свое направление, и это коснулось слова *легенда*, которое к этому времени практически утратило значение 'житие'. Тогда как в словаре Ушакова *легенда* имеет отрицательный компонент в толковании и негативное речение на 2-е значение, современные словари дают нейтральные толкования и положительные речения (*живая легенда, героическое прошлое*). «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова на первое место выводит именно историческую основу легенды, а значение 'вымысел, выдумка, кажущаяся невероятной' в этом словаре вообще отсутствует: «1. Поэтическое предание о каком-н. историческом событии. *Средневековые легенды*. 2. перен. О героических событиях прошлого (книжн.). *Человек из легенды* (человек со славным прошлым). *Живая л.* (о человеке с героическим славным прошлым). 3. Вымышленные сведения о себе у того, кто выполняет секретное задание (спец.). *Л. резидента*» [31. С. 321].

«Большой академический словарь русского языка» [29. Т. 9] перегруппирует значения, выделенные «Словарем современного русского литературного языка», и разводит историческое и вымышленное происхождение легенды на два значения: «1. Основанное на устных преданиях опоэтизированное сказание о каком-л. лице или событии, обычно воспринимаемое как достоверное (первонач.: житие святого). 2. Вымышленный, приукрашенный рассказ о ком-, чем-л.; что-л. неправдоподобное, невероятное, выдуманное. ◇ Ходили (ходят) легенды о ком-, чем-л. ~ Входить/войти в легенду. Приобретать широкую известность (о ком-чем-л. необыкновенном, исключительном). 3. Вымышленная биография разведчика, предопределяющая его внешний вид, образ жизни, поведение и т.п. // Вымышленная биография кого-л.»

Необходимо отметить, что словари перестают фиксировать значение 'житие', не приводя его даже как специальное.

Вторая половина XX в. обогатила слово значением 'вымышленные биографические сведения о разведчике, способствующие успешному выполнению задания' [28]. Впервые это значение появляется в МАС. Подробно оно описано в Контрразведывательном словаре [32. С. 152], где помимо информации для агентов содержится немало интересной информации для лингвистов, в частности о реализации этого слова в речи: *легенда прикрытия, защитная легенда, легенда-биография, основная и запасная легенды, закрепление легенды* ('подтверждение ее правдоподобности'), *уязвимость легенды* ('объективная возможность ее раскрытия в процессе проверки').

Значение 'вымышленная биография' дало словообразовательное гнездо: *легендировать* ('создать/создавать легенду'), *легендированный, легендирование, легендироваться, залегендироваться*. Интересно управление глагола: *легендировать кого*, например: *легендировать агента*. Эта лексика используется в силовых структурах до сих пор, например: *легендированный агент, легендированное прикрытия, легендированные вводные* (направленные на внутреннюю проверку).

Отметим, что это значение и в XXI в. оказалось семантически активным и распространилось из разведки в сферу маркетинга и рекламы, например: *посетить офис по легенде* (под видом журналиста). Особенно активно здесь производное слово *легендированный* в значении ‘осуществляемый с помощью легенды’: *легендированный сбор информации* (в деловой разведке), *легендированный контакт с сотрудниками организации*, *легендированное интервью с конкурентом*.

«Словарь рекламных терминов» приводит новое значение слова *легенда* – ‘эффект восприятия, основанный на сопоставлении аудиторией миссии, целей и реальной работы личности или организации’ [33]. Думается, что под *легендой* здесь понимается ‘определенный образ продукта или услуги’ (*вложить деньги в легенду*), а *легендирование* можно толковать как ‘создание определенного образа, имиджа бренда’ (*легендирование бренда*). Вот как об этом рассуждают персонажи В. Пелевина: «Я не понял, что это значит: “У всякого брэнда – своя легенда”. – Легенда? Это у нас так переводят выражение “brand essence”. То есть концентрированное выражение всей имиджевой политики. Например, легенда “Мальборо” – страна настоящих мужчин» (В. Пелевин. Generation П).

Данные НКРЯ свидетельствуют о том, что частотность словоупотреблений во многом зависит от экстралингвистических факторов. Например, *легенда* в значении ‘известный человек’ к 2000 г. употребляется в несколько раз чаще, чем в 1950-е гг., что связано с популяризаторской деятельностью СМИ. Скачок зафиксирован и для значения ‘вымышленная биография’. Кроме того, увеличивается количество употреблений слова в значении ‘слава’, а также развивается связанное с ними значение ‘стереотип’ (прежде всего о какой-либо нации). В то же время активность употребления значений ‘устное предание’ и ‘молва’, типичных для середины XX в., несколько снижается. Далее, употребление во множественном числе доминирует. Очевидно, можно говорить об устойчивом сочетании *легенды ходят о чем-л.* в значении ‘быть широко известным’ (о каком-либо событии, черте характера). Слово в этом сочетании фактически утрачивает семы ‘рассказ’ и ‘установка на восприятие’.

Заключение

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что структура значений слова *легенда* в русском языке претерпела существенные изменения, выразившиеся в изменении их иерархии, а также появлении новых значений. Со времени вхождения в русский язык в XIX в. до начала XXI в. слово употребляется все активнее и во все более разнообразных контекстах. Идеология и другие экстралингвистические факторы оказывают существенное влияние на употребление слова в речи и разработку его в словарях. Реальное функционирование слова не всегда отражается в словаре в полной мере: словари фиксируют не все существующие значения слова, выделяют значения, фактически отсутствующие в реальности, по-разному выстраивают иерархию значений, выделяя различные значимые семы. Противоречия в толкованиях в различных словарях указывают на нюансы употребления слова, с трудом поддающиеся однозначной интерпретации в словаре.

Соотношение употреблений значений слова *легенда* в 1900–2009 гг.¹
(по материалам НКРЯ)

Значение	1900–1909	1910–1919	1920–1929	1930–1939	1940–1949	1950–1959
Житие	4	1	3	0	1	1
Миф	4	8	2	13	6	7
Устное предание	20	26	27	28	31	31
Религиозный рассказ	3	1	4	0	2	0
Литературный текст	9	1	3	1	3	0
Молва	25	16	23	23	21	18
Слава	6	4	6	3	2	5
Стереотип	9	14	9	13	12	10
Известный человек	0	2	0	1	1	1
Известный рассказ	6	8	10	9	8	7
Вымышленная биография	0	0	1	2	0	5
Поэзия	9	6	7	6	9	12
Вымысел	6	10	5	2	5	2

Продолжение таблицы

Значение	1960–1969	1970–1979	1980–1989	1990–1999	2000–2009
Житие	1	0	3	0	1
Миф	7	2	4	9	5
Устное предание	31	15	19	13	20
Религиозный рассказ	0	0	0	0	0
Литературный текст	0	1	0	3	0
Молва	18	29	30	29	15
Слава	5	8	10	4	7
Стереотип	10	7	6	10	3
Известный человек	1	6	6	9	19
Известный рассказ	7	6	5	7	14
Вымышленная биография	5	11	3	8	4
Поэзия	12	7	10	7	6
Вымысел	2	7	4	2	5

Изучение употребления слова и его лексикографического представления вносит существенный вклад в осмысление лексики с неоднозначной семантической структурой, а также слов, претерпевших идеологическое давление и соответствующие трансформации. Результаты исследования могут быть учтены при составлении словарей, а также в исследованиях, посвященных семантике, стилистике и лингвистической прагматике.

Литература

1. Тулякова Н.А. Литературная легенда: жанровые идентификаторы и жанрообразующие признаки // Вестн. Рос. гос. гуманит. ун-та. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. № 2. С. 33–44.
2. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Новый частотный словарь русской лексики [Электронный ресурс]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>. (дата обращения: 19.06.2016).
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru. (дата обращения: 21.06.2016).

¹ В таблице представлены процентные соотношения употреблений различных значений слова *легенда*. Из каждого десятилетия было отобрано по 100–120 вхождений слова.

4. *Webster's Dictionary 1828* – Online Edition [Электронный ресурс]. URL: <http://websters-dictionary1828.com/Dictionary/legend> (дата обращения: 22.06.2016).
5. *Dictionnaire de l'Académie française*, 1st edition (1694) [Электронный ресурс]. URL: <http://artflsrv02.uchicago.edu/cgi-bin/dicos/pubdico1look.pl?strippedhw=L%C3%89GENDE> (дата обращения: 16.06.2016).
6. *Dictionnaire de l'Académie française*, 4th edition (1762) [Электронный ресурс]. URL: <http://artflsrv02.uchicago.edu/cgi-bin/dicos/pubdico1look.pl?strippedhw=L%C3%89GENDE> (дата обращения: 16.06.2016).
7. *Dictionnaire critique de la langue française* / par J.-F. Féraud. Marseille: Mossy, 1787–1788.
8. *Dictionnaire de l'Académie française*, 6th edition (1835) [Электронный ресурс]. URL: <http://artflsrv02.uchicago.edu/cgi-bin/dicos/pubdico1look.pl?strippedhw=L%C3%89GENDE> (дата обращения: 16.06.2016).
9. *Deutsches Wörterbuch* / J. Grimm, W. Grimm. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1885.
10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Терра, 2008.
11. *Топорова А.В.* К вопросу о жанре «Золотой легенды» Иакова Ворагинского // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2015. Т. 74, №2. С. 47–53.
12. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М.: Наука, 1981.
13. *Электронное издание Словаря Академии Российской 1789–1794 гг.* [Электронный ресурс]. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ESAR/SAR/PDFSAR/Framesetpdf.htm> (дата обращения: 21.06.2016).
14. *Словарь русского языка XVIII века* / гл. ред. Ю.С. Сорокин. СПб.: Наука. С.-Петербург. отделение, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 21.06.2016).
15. *Этимологический словарь русского языка* / Сост. А.В. Семенов. М.: ЮНБЕС, 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/semenov/Legenda-1042.html> (дата обращения: 09.07.2016).
16. *Дмитриева Н.Л.* Стихотворение Пушкина «Легенда» («Жил на свете рыцарь бедный»): Источниковедческие разыскания // Вече: Альманах русской философии и культуры. СПб., 1996. Вып. 5. С. 91–101.
17. *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М.; Л.: Наука, 1965.
18. *Proffer C.R.* Washington Irving in Russia: Pushkin, Gogol, Marlinsky // *Comparative literature*. 1968. Vol. 20, No 4. P. 329–342.
19. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. М.: Общество любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1863–1866. Ч. 2., 1865 [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/dal/Legenda-14594.html> (дата обращения: 09.07.2016).
20. *Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи* / сост. под ред. А.Н. Чудинова. СПб., 1894.
21. *От редакции* // Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 12.06.2016).
22. *Скляревская Г.Н.* К вопросу о прагматической информации в словаре: возможны ли прагматические пометы? // Лингвистическая прагматика в словаре: Виды реализации. Способы описания: сб. ст. СПб., 1997. С. 6–13.
23. *Скляревская Г.Н.* Современный толковый словарь живого русского языка: Обоснование концепции. Пробные словарные статьи. СПб.: СПбГУ, 2004.
24. *Кутина Н.А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: ЗУУНЦ, 1995.
25. *Толковый словарь русского языка: в 4 т.* / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 12.06.2016).
26. *Словарь современного русского литературного языка: в 17 т.* / под ред. В.И. Чернышёва. М.; Л., 1948–1965. Т. 6.
27. *Словарь русского языка: в 4 т.* / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.
28. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2010.

29. *Большой академический словарь русского языка* / гл. ред. К.С. Горбачевич. Т. 9. М.: СПб.: Наука, 2005–2016.
30. *Толковый словарь ключевых слов русского языка* / под общ. рук. Г.Н. Складневской. СПб., 2014.
31. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1999.
32. *Контрразведывательный словарь* / под ред. В.Ф. Никитченко. М.: Высш. краснознаменная школа Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР им. Ф.Э. Дзержинского, 1972.
33. *Словарь рекламных терминов* [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/advert/Legenda-84.html> (дата обращения: 21.06.2016).

THE WORD “LEGEND” THROUGH SPEECH AND DICTIONARY REPRESENTATION: BORROWING, FUNCTIONING, IDEOLOGY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 45. 100–115. DOI: 10.17223/19986645/45/7

Irina A. Krylova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: i_krylova@mail.ru

Natalia A. Tuliakova, National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: n_tuljakova@mail.ru

Keywords: lexeme; meaning; lexicography; corpus; ideology.

The diachronic analysis of the word *legend* representation in explanatory dictionaries and in the National Corpus of the Russian language indicates that the word *legend* entered the Russian language recently compared to other Indo-European languages. It first appeared in monolingual dictionaries in the mid-19th century. At this stage, the word had two main meanings: ‘a sacred narrative, tradition of a sacred event, related to the Church’ and ‘an oral tradition of a miraculous event’ (Dahl’s dictionary), the latter being more frequently used. By the early 20th century the word had developed several meanings, both commonly used (‘fiction’) and terminological ones (‘musical piece’, ‘inscription on a medal’). The dictionaries of the 20th century, starting with Ushakov’s dictionary, reveal a structural transformation in the word definition which resulted from the change in the hierarchy of meanings: the word’s religious context weakened, and the terminological meaning ‘poetical tale’ started to predominate.

In the second half of the 20th century the word acquired new meanings: ‘a spy’s fictitious biography’, and the existing meanings ‘stereotypical idea of somebody’ and ‘a famous person’ continued to be actively used. In the early 21st century the word began to occur in the spheres very different from the initial ones – in marketing and advertising.

The analysis demonstrates some discrepancy between the word’s lexicographic representation and its actual usage revealed in the Corpus. For example, the dictionaries fail to mention some meanings and construe the meanings hierarchy in a different manner. The analysis also indicates a significant influence of ideology upon dictionary entries, which is partly due to the word’s semantics allowing to highlight either the verisimilitude (Ozhegov’s dictionary) or the inauthenticity (Ushakov’s dictionary) of the narrative.

The Corpus data shows that the frequency of meaning usage depends much on extralinguistic factors. The word *legend* started to be used with the meaning ‘a famous person’ considerably more often in the second half of the 20th century, which may be attributed to the mass media role. Meanwhile, the usage of the meaning ‘oral tradition’ gradually decreases.

The undertaken research of the lexeme *legend* demonstrates the impact which extralinguistic and linguistic factors have on the word’s entering a language, developing and losing some meanings, and the way these processes are reflected in explanatory dictionaries.

References

1. Tuliakova, N.A. (2015) Legend in literature: Genre indicators and formative features. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya.*

Kul'turologiya. Vostokovedenie – RSUH/RGGU Bulletin. History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies. 2. pp. 33–44. (In Russian).

2. Lyashevskaya, O.N. & Sharov, S.A. (n.d.) *Novyy chastotnyy slovar' russkoy leksiki* [New frequency dictionary of Russian lexicon]. [Online] Available from: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>. (Accessed: 19th June 2016).

3. The Russian National Corpus. [Online] Available from: www.ruscorpora.ru. (Accessed: 21st June 2016). (In Russian).

4. *Webster's Dictionary*. (1828) Online Edition. [Online] Available from: <http://webstersdictionary1828.com/Dictionary/legend>. (Accessed: 22nd June 2016).

5. *Dictionnaire de l'Académie française* [Dictionary of the French Academy]. (1694). 1st ed. [Online] Available from: <http://artflsrv02.uchicago.edu/cgi-bin/dicos/pubdicollook.pl?strippedhw=L%C3%89GENDE>. (Accessed: 16th June 2016).

6. *Dictionnaire de l'Académie française* [Dictionary of the French Academy]. (1762). 4th ed. [Online] Available from: <http://artflsrv02.uchicago.edu/cgi-bin/dicos/pubdicollook.pl?strippedhw=L%C3%89GENDE>. (Accessed: 16th June 2016).

7. Féraud, J.-F. (1787–1788) *Dictionnaire critique de la langue française* [Critical Dictionary of the French Language]. Marseille: Mossy.

8. *Dictionnaire de l'Académie française* [Dictionary of the French Academy]. (1835). 6th ed. [Online] Available from: <http://artflsrv02.uchicago.edu/cgi-bin/dicos/pubdicollook.pl?strippedhw=L%C3%89GENDE>. (Accessed: 16th June 2016).

9. Grimm, J. & Grimm, W. (1885) *Deutsches Wörterbuch* [German Dictionary]. Leipzig: Verlag von S. Hirzel.

10. Vasmer, M. (2008) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Vol. 4. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Terra.

11. Toporova, A.V. (2015) K voprosu o zhanre “Zolotoy legendy” Iakova Voraginskogo [On the genre of the “Golden Legend” by Jacobus de Voragine]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 74:2. pp. 47–53.

12. Filin, F.P. (ed.) (1981) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian of the 11th–17th centuries]. Moscow: Nauka.

13. The electronic edition of the Dictionary of the Russian Academy, 1789–1794. [Online] Available from: <http://it-claim.ru/Projects/ESAR/SAR/PDFSAR/Framesetpdf.htm>. (Accessed: 21st June 2016). (In Russian).

14. Sorokin, Yu.S. (ed.) (2000) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of Russian of the 18th century]. St. Petersburg: Nauka. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>. (Accessed: 21st June 2016).

15. Semenov, A.V. (2003) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian language]. Moscow: YuNVES. [Online] Available from: <http://enc-dic.com/semenov/Legenda-1042.html>. (Accessed: 09th July 2016).

16. Dmitrieva, N.L. (1996) Stikhotvorenie Pushkina “Legenda” (“Zhil na svete rytsar' bednyy”). *Istochnikovedcheskie razyskaniya* [Pushkin's poem “The Legend” (“There Lived a Poor Knight”). Source studies]. In: Zamaleev, A.F. (ed.) *Veche: Al'manakh russkoy filosofii i kul'tury* [Veche: Almanac of Russian philosophy and culture]. Vol. 5. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

17. Sorokin, Yu.S. (1965) *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30-90-e gody XIX veka* [The development of the vocabulary of the Russian language in the 1830s–1890s]. Moscow; Leningrad: Nauka.

18. Proffer, C.R. (1968) Washington Irving in Russia: Pushkin, Gogol, Marlinsky. *Comparative Literature*. 20(4). pp. 329–342. DOI: 10.2307/1769981

19. Dahl, V.I. (1865) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 ch.* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols]. Vol. 2. Moscow: O-vo lyubiteley ros. slovesnosti, uchr. pri Imp. Mosk. Un-te. [Online] Available from: <http://enc-dic.com/dal/Legenda-14594.html>. (Accessed: 09th July 2016).

20. Chudinov, A.N. (ed.) (1894) *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka: Materialy dlya leksicheskoy razrabotki zaimstvovannykh slov v russkoy literaturnoy rechi* [Dictionary of foreign words included in the Russian language: Materials for the lexical development of loan words in the Russian literary language]. St. Petersburg: V.I. Gubinskiy.

21. Ushakov, D.N. (ed.) (1935) *Ot redaktsii* [From the Editor]. In: *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Vol. 1. Moscow: Sov.

- entsikl.: OGIZ. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>. (Accessed: 12th June 2016).
22. Sklyarevskaya, G.N. (1997) K voprosu o pragmaticheskoy informatsii v slovare: vozmozhny li pragmaticheskie pomety? [On the pragmatic information in the dictionary: Are pragmatic marks possible?]. In: Sklyarevskaya, G.N. (ed.) *Lingvisticheskaya pragmatika v slovare: Vidy realizatsii. Sposoby opisaniya* [Linguistic pragmatics in the dictionary: Forms of implementation. Description of methods]. St. Petersburg: Institute of Linguistic Studies, RAS.
23. Sklyarevskaya, G.N. (2004) *Sovremennyy tolkovyy slovar' zhivogo russkogo yazyka: Obosnovanie kontseptsii. Probynye slovarnye stat'i* [Modern explanatory dictionary of the Russian language: the validity of the concept. Sample entries]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
24. Kupina, N.A. (1995) *Totalitarnyy yazyk: Slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian Language: Vocabulary and verbal reactions]. Ekaterinburg; Perm: ZUUNTs.
25. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Moscow: Sov. entsikl.: OGIZ. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>. (Accessed: 12th June 2016).
26. Chernyshev, V.I. (ed.) (1954) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vols]. Vol. 6. Moscow; Leningrad: USSR AS.
27. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: V chetyrekh tomakh* [Dictionary of Russian language: in four volumes]. Moscow: Russkiy yazyk; Poligrafresursy.
28. Krysin, L.P. (2010) *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow: Eksmo.
29. Gorbachevich, K.S. (ed.) (2010) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Great Academic Dictionary of the Russian Language]. Vol. 9. Moscow; St. Petersburg: Nauka.
30. Sklyarevskaya, G.N. (ed.) (2014) *Tolkovyy slovar' klyuchevykh slov russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of key Russian words]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Faculty of Philology.
31. Ozhegov, S.I. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik.
32. Nikitchenko, V.F. (ed.) (1972) *Kontrrazvedyvatel'nyy slovar'* [Counterintelligence Dictionary]. Moscow: Vysshaya krasnoznamennaya shkola Komiteta Gosudarstvennoy Bezopasnosti pri Sovete Ministrov SSSR im. F.E. Dzerzhinskogo.
33. *Dictionary of Advertising Terms*. [Online] Available from: <http://enc-dic.com/advert/Legenda-84.html>. (Accessed: 21st June 2016). (In Russian).

УДК 81-13

DOI: 10.17223/19986645/45/8

Н.Б. Лебедева

ОПЫТ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ НА ОСНОВЕ ЭКСПЕРИМЕНТА «ТРИ ДИКТАНТА С ВИЗУАЛЬНЫМ ИЗУЧЕНИЕМ ТЕКСТА»¹

В статье обосновывается положение о том, что возможно выделение орфографических личностей в качестве разновидности языковой личности. За основу типологии берется зрительный канал (правополушарная стратегия) пишущего вкупе с мотивационно-психологическими характеристиками. Типология проводится на данных, полученных экспериментальным путем на основе работы испытуемых над текстом диктанта, который рассматривается в статье как вид письменно-речевой деятельности и форма эксперимента.

Ключевые слова: естественная письменно-речевая деятельность, типы орфографической языковой личности, психолингвистический эксперимент.

В данной статье мы исходим из следующей установки: «русская орфография рассматривается как собственно языковая сфера, которая устроена во многих существенных отношениях по типу других языковых сфер и должна, следовательно, изучаться по тем же принципам» [1. С. 20]. Актуальное в наши дни понятие языковой личности также может быть распространено на субъекта орфографической деятельности, а это значит, что правомерна постановка вопроса о типах орфографической языковой личности (термин впервые употреблен Н.Д. Голевым в работе [1. С. 23]).

Особенность изучения орфографической деятельности в российской науке заключается в том, что оно проводилось (и за некоторым исключением проводится до сих пор) лишь в рамках лингводидактики. Но и в теоретических, и в прикладных работах лингводидактического подхода просматриваются многие положения общелингвистического характера, хотя преобладает, безусловно, собственно прикладной – дидактический – аспект. Одна из линий активных «орфографических» дискуссий по поводу общего подхода к принципам обучения орфографии имеет отношение к нашему предмету исследования, поэтому мы остановимся на нем подробнее.

В начале XX в. возобновился спор, восходивший к 40-м гг. предыдущего столетия, о двух стратегиях в преподавании русской орфографии – «грамматической» и «антиграмматической». Победило первое направление, но результаты этой «победы» нельзя считать удовлетворительными, и поэтому этот спор актуализировался в конце XX в., плавно перейдя в XXI столетие.

Суть этого спора заключается в следующем.

Во-первых, стоял вопрос о соотношении в обучении орфографии, с одной стороны, левополушарных (как мы бы сейчас сказали) методических прие-

¹ Статья выполнена при поддержке фонда РГНФ. Проект № 15-04-00311.

мов, т.е. основанных на сознательном, логико-понятийном мышлении, а именно на знании правил («грамматическая» стратегия), а с другой – право-полушарных методических приемов, опирающихся на зрительные (визуальные), слуховые (аудиальные), механические (кинестетические) каналы и вырабатывающих автоматизм написания на основе полученных навыков («антиграмматическая» стратегия). Последние, разумеется, обходятся без опоры на активное участие сознательного начала.

Во-вторых, у лингвистов, педагогов и дидактиков, признающих второе методическое направление (в особенности у немецких грамматистов, мнение которых высоко ценилось русскими лингвистами), спор велся вокруг дилеммы – «слух» или «зрение» является ведущим каналом в освоении орфографии [2. С. 12–13]. Опора на зрительный канал предполагала переписывание в качестве основного методического приема.

Предлагался, в частности К.Д. Ушинским [3. С. 212] и его последователями, и третий, компромиссный, путь: «...сознательность и автоматизм по этой теории не противопоставляются друг другу как взаимоисключающие явления, а рассматриваются как характерные черты различных стадий формирования навыка» [2. С. 9]. Этот путь заключается в совмещении «рассудочного» и «механического» направлений – «образование навыка через «сознание правил». Стала крылатой фраза «практика, руководимая грамматикой» [4. С. 423]. К.Д. Ушинский указывал, что ограничение обучения только грамматикой «не развивает в дитяти дара слова», а «отсутствие грамматики не дает дару слова сознательности» [4. С. 424]. Ядро такого подхода – опора на «чутье языка», «словесный инстинкт» и его развитие. Но затем последователи Ушинского стали акцентировать внимание именно на усвоении и применении правил в ущерб развитию автоматизма, усиливать «принцип обучения орфографии на грамматической основе» [2. С. 36]. В 30–50-х гг. XX в. на различных площадках активно велись дискуссии о методах обучения орфографии, в которых побеждал грамматический подход (см.: «В 1935 г. в Центральном научно-исследовательском институте педагогики состоялось научное совещание по вопросам обучения орфографии, где выступил с докладом О.П. Афанасьев, выдвинувший “на первое место в деле усвоения письма значение грамматических знаний”...» [5. С. 238]).

Как уже указывалось выше, результат этой «победы» никого не устроил, орфографическая грамотность населения оставляет у всех «чувство глубокого неудовлетворения», поэтому опять возникает вопрос о причинах такого положения дел, появляется стремление обратиться к правополушарным, в частности визуальным, стратегиям в обучении орфографической грамотности. Но, как мы считаем, для этого необходимо провести большую экспериментальную работу по исследованию типов языковых (орфографических) личностей с целью выявления значимости зрительного канала в письменноречевой деятельности. Заметим, что лингводидактический выход данного исследования является лишь одним из возможных результатов, обладающих признаком «практической ценности». Основная же задача данной статьи – вписаться в проблематику лингвоперсонологии, которая предполагает как одну из важнейших задач создание ряда типологий языковых личностей на

разных основаниях. Далее будет представлен опыт работы по поиску значимости визуального канала.

Для решения поставленных задач был проведен эксперимент, включающий ряд приемов, цель которых – актуализация у испытуемых зрительного образа слова в тексте диктанта и определение возможностей формирования на этой основе орфографического языкового чувства (восприятия, внимания, кратковременной памяти), что должно дать материал для выявления определенных типов орфографических личностей, а именно типов пишущих людей, способных опираться на зрительный канал. В основу данного эксперимента легли следующие гипотетические положения.

Во-первых, как мы выше отметили, в отечественной лингводидактике принята такая система обучения орфографии, которая опирается на «левополушарное», понятийно-логическое мышление, другими словами – на грамматические правила. Ученик (а следовательно, и любой пишущий) ставится в позицию, когда он при написании должен не столько думать о смысле излагаемого, передача которого и является целью речевой, в том числе и письменно-речевой, деятельности (а это и есть актуализация правого полушария), сколько постоянно переключать свое внимание на другие центры коры больших полушарий, в которых заложены алгоритмы выведенных учеными-лингвистами орфографических правил (актуализация левого полушария). По данным психологии, при актуализации одних центров (например, левополушарных, отвечающих за расчлененное, абстрагированное мышление, а следовательно, «за грамматику») другие центры (правополушарные, отвечающие за чувственное, целостное восприятие, следовательно, за зрительный образ слова) затормаживаются. Совмещение работы обоих полушарий является определенным насилием над психикой человека и как минимум не способствует усвоению орфографического облика слова. Тем более когда человек пишет и постоянно контролирует свою грамотность, вспоминая алгоритмы, основанные на грамматических правилах, он уже не может думать о смысловой стороне письма, которая и является, по существу, целью письменно-речевой деятельности: люди (в реальной жизни, а не на экзаменах, диктантах и контрольных уроках) пишут не для того, чтобы проявить свою орфографическую грамотность, а чтобы выразить свои мысли, чувства и намерения, свое отношение к предмету речи. Как тут опять не вспомнить слова К.Д. Ушинского: «Если молодой человек в 15–16 лет, выражая свои мысли или чувства, думает о грамматической правильности своих выражений и воздерживается от ошибок, то можно сказать с убеждением, что в этом юноше духовная жизнь очень мало возбуждена, что в нем не зародилось никаких серьезных увлекающих его интересов и что, говоря попросту, он туп и мало обещает в будущем. Вот почему иной тупоумнейший писарь пишет безукоризненно правильно, а Гете и Пушкин делают орфографические ошибки всю свою жизнь; вот почему также крайне несправедливо видеть в грамматических ошибках признаки неподготовленности молодого человека к университетскому образованию» [6. С. 392–393].

В советской лингводидактике было распространено пренебрежительное отношение к правополушарной, образной (зрительной, слуховой, двигательной) памяти как механической, фиксирующей случайные, несущественные

связи явлений и преувеличивалось значение понятийно-логической памяти как отражающей существенные связи. Исследования же показали, что указанные особенности образной памяти не должны быть причиной для игнорирования ее практической пользы в усвоении орфографии. Но даже в тех работах, которые пытаются ориентироваться на зрительные каналы восприятия слова (правополушарные центры), традиционно используют прием «логической последовательности операций, связанных с применением правил», так как «зрительный диктант способствует более глубокому осмыслению правил» [7. С. 8]. Представляется, что фактическая цель такой работы даже не сама орфографическая грамотность, а именно усвоение правил! Методологической основой этого подхода является утверждение, что «чувственное познание и абстрактное мышление органически связаны между собой» [5. С. 3], но, заметим, то, что «связано», еще не тождественно, а следовательно, находится в определенных, в том числе и противоречивых, отношениях, не учитывать которые некорректно.

Во-вторых, требование «применять правила» при написании вступает в противоречие с другими закономерностями речевой деятельности, которая, как и любая деятельность, на 90% состоит из автоматических действий, основанных на бессознательных навыках. Требование выведения этой деятельности на уровень осознания приводит к «эффекту сороконожки», которая после вопроса, как она ходит, не сумела сделать ни одного шага, поскольку осознанность действия способна блокировать его автоматизм. Автоматизм предполагает интуитивное, а не рациональное написание, интуитивную грамотность, задача развития которой не была поставлена в российской науке.

В-третьих, эффективность ориентации орфографической теории на зрительный образ слова, на образную память доказана успешным существованием других орфографических систем, таких как английская (содержащая больше «исключений», чем «правил», и тем не менее весьма легко усваиваемая даже людьми, говорящими на самых различных языках), китайская (проверенная традицией нескольких тысячелетий) и пр.

В-четвертых, при постоянном декларировании «индивидуального подхода» к ученику именно этот подход в отечественной школе не осуществлялся, во многом из-за того, что не была создана (и такая задача не ставилась) типология орфографических и/или психо-орфографических личностей и не были выработаны специальные методические приемы, рекомендуемые для применения к различным типам орфографической личности.

В настоящей статье выдвигается гипотеза, в соответствии с которой в основу такой типологии могут лечь, в частности, различное соотношение преимущественно левополушарного и правополушарного мышления, а также другие ментально-психические и собственно психологические характеристики, коррелирующие с типичными видами орфографической деятельности. Как представляется, весьма плодотворным приемом может быть установление типов корреляции между языком, мышлением и мотивационно-волевыми характеристиками пишущих, выявление на этой основе типов орфографических личностей, что при желании может иметь и практическую проекцию их в лингводидактическую сферу. Такова общая цель представленного в данной

статье эксперимента, в котором в качестве испытуемых выступили студенты¹.

Ниже предлагается ряд методических приемов, комбинирующих три аспекта восприятия графического (зрительного) образа слова:

а) психофизиологический аспект: опора преимущественно на чувственные (а именно зрительные), правополушарные центры отдельно от понятийно-логических, левополушарных, правил;

б) ментально-психический аспект: активизация целенаправленного внимания на графический облик слова;

в) мотивационно-психологический аспект: выраженная мотивация запоминания графического образа слова.

Проведенный эксперимент подготавливает материал для следующих перспективных целей: выявление орфографических типов личности как разновидности языковой личности и, возможно, в дальнейшем разработка методических приемов в целях усвоения орфографии, рекомендуемых для каждого типа.

Технологические приемы, проверяемые в эксперименте, направлены на воспроизведение испытуемыми текста в форме диктанта. Диктант в нашем случае не выполняет функцию тренировочного или проверяющего вида работы, а выступает в качестве одного из видов письменно-речевой деятельности. В данной статье приводится технология выявления психо-орфографических личностей на примере одного опыта, названного «Три диктанта с визуальным изучением текста». Он состоит из 5 шагов и двух приемов – приема внутренней актуализации внимания (в первом и втором шаге) и приема внешней актуализации (в третьем и четвертом шаге). Шаги и приемы состоят из процедур (более частных действий).

Шаг 1: диктовка текста в обычном режиме (Д-1), цель – выявление естественной грамотности на данном фрагменте текста, внутренняя актуализация трудных для написания случаев.

Шаг 2 состоит из трех процедур: а) диктант забирается преподавателем (или закрывается); б) преподаватель сообщает, что после визуального изучения текста написанного диктанта еще раз будет диктовка этого же текста, цель этого шага – активизация мотивации к целенаправленному вниманию; в) визуальное изучение текста написанного диктанта по раздаточному материалу, цель – внутренняя актуализация трудных случаев через соотнесение графического образа слова с теми образами, которые актуализировались при написании диктанта, обнаружение ошибок в своем диктанте, фиксация в памяти графического образа трудных для написания слов.

Шаг 3 состоит из двух процедур: а) вторая диктовка этого же текста (Д-2), цель – предоставить пишущему возможность использовать фиксированный в памяти графический образ слов, внешняя актуализация трудных для написания случаев; б) проверка преподавателем диктантов, цель – сопоставление двух написаний с анализом и выводами по определению эффективности приема, выявление психо-орфографических типов личности.

¹ Данная статья развивает положения, высказанные нами в работе [9].

Шаг 4: а) раздаются проверенные преподавателем диктанты; б) преподаватель сообщает, что после визуального изучения проверенных диктантов будет еще одна диктовка этого же текста, цель – усиление мотивации активного целенаправленного внимания; в) визуальное изучение внешне актуализированных, т.е. отмеченных преподавателем, ошибок.

Шаг 5 – диктовка этого же текста (Д-3), диктант сдается для проверки преподавателю.

Диктанты проверяются экспериментатором, результаты интерпретируются в двух аспектах: 1) делается вывод об эффективности приема; 2) уточняются орфографические типы языковой личности.

Ниже приводятся таблицы и пример анализа диктантов четырех испытуемых (студентов 1-го курса филологического факультета) – Люды Е., Вики В., Оли К., Тани Т., интерпретированные как 4 типа орфографических личностей. Это далеко не все возможные типы, работа по их выявлению и описанию должна продолжаться. Взяты для примера результаты двух «сильных» и двух «слабых» в орфографическом отношении студенток, с предварительной интеллектуально-психологической характеристикой, учитывающей общий уровень интеллекта и волевой организации.

В таблицах отражаются следующие параметры. В первом столбце – номер «ошибочного написания» по порядку; во втором столбце – слова с ошибками, допущенными при первой диктовке (Д-1); в третьем столбце – слова с ошибками, допущенными при второй диктовке (Д-2), в четвертом столбце – слова с ошибками, допущенными при третьей диктовке (Д-3). Место ошибочного написания выделено.

1) Люда Е. Интеллектуально-психологическая характеристика: хорошо успевающая студентка с преимущественно логико-понятийным (левополушарным) мышлением, критическим складом ума, развитой волевой сферой.

Таблица 1. (Люда Е.)

№	ошибки Д-1	Д-2	Д-3
1	(не)кстати	–	+
2	сума(с)шедший	+	+
3	поклАение	–	+
4	(ниже)подписавшиеся	–	+
5	непрЕходящие	+	+
6	(нЕ) что иное, как	+	+
7	квинтЭссенция	–	+
8	(по)просту	–	–
9	вглубь	+	+
10	фЕЕрический	+	+
ИТОГО:		5 +, 5–	9+, 1–
Эффективность приемов		50%	90%

2) Вика В. Интеллектуально-психологическая характеристика: хорошо успевающая студентка с преимущественно образным мышлением, с довольно развитой волевой сферой, без особой критичности ума.

Таблица 2. (Вика В.)

1	(не)кстати	+	+
2	(не)безызвестное	+	+
3	придаНым	–	+
4	(ниже)подписавшиеся	+	+
5	непрЕходящие	+	+
6	нЕ что иное, как	+	–
7	квинтЭссенция	+	+
8	вперемеШку	+	+
9	замешЕно	–	+
10	скРУпулезно	+	+
ИТОГО:		8+, 2–	9+, 1–
Эффективность приемов		80%	90%

3) **Оля К.** Интеллектуально-психологическая характеристика: слабо успевающая студентка, с некоторым преобладанием правополушарного мышления, с неплохими волевыми качествами.

Таблица 3. (Оля К.)

1	придаНым	–	+
2	непрЕходящие	–	–
3	н(Е) что иное, как	–	+
4	квинтЭссенция	+	+
5	беСпристрастный	+	–
6	скРУпулезный	–	+
7	спаяНо	–	+
8	фантазмАгория	+	+
9	прЕувеличено	–	+
10	инспиРировать	–	–
ИТОГО:		3+, 7–	7+, 3–
Эффективность приемов		30%	70%

4) **Таня Т.** Интеллектуально-психологическая характеристика: слабо успевающая студентка с недостаточно сформированной ментально-психической и волевой сферами.

Таблица 4. (Таня Т.)

1	(не)кстати	–	+
2	нЕчасто	–	–
3	небезЫзвестно	–	+
4	(ниже)подписавшиеся	+	+
5	нОстальгия	–	+
6	непрЕходящие	–	–
7	н(Е) что иное, как	–	+
8	подлинНый	–	–
9	интЕЛЛИгентный	–	–/+
10	некАзистый	–	–
ИТОГО:		1+, 9–	5,5+, 5,5–
Эффективность приемов		10%	50%

Выводы

1. Прием **внутренней актуализации** (визуальное изучение текста после диктовки) имеет эффективность от 10 до 80%, прием **внешней актуализации** (исправленные преподавателем и выделенные красным цветом ошибки)

ки) – от 50 до 90%. Таким образом, эффективность внешней актуализации несколько выше, чем внутренней актуализации. Объяснение этого видится и в том, что учащийся может быть уверен в орфографической правильности им написанного, а подчеркивание учителем разубеждает его в этом, из чего следует, что внешний стимул в принципе сильнее внутреннего, и, наконец, в привычке со школьных лет реагировать на красный цвет, примененный учителем.

2. Намечаются следующие орфографические типы языковой личности.

Первый тип (Люда Е.): визуальный канал средней силы, преобладание логико-понятийного мышления (левополушарного) (50% исправленных ошибок после визуального изучения диктанта, 90% – после проверки преподавателем).

Второй тип (Вика В.): сильный визуальный канал, образное (правополушарное) мышление (80% исправленных ошибок после визуального изучения диктанта).

Третий тип (Оля К.): слабо развитое логико-понятийное мышление и чуть более развитое образное мышление (30% исправленных ошибок после визуального изучения диктанта, 70% – после проверки экспериментатором).

Четвертый тип (Таня Т.): слабо развитые ментальная, психофизиологическая и волевая сферы. Слабый визуальный канал не компенсируется слабой волевой сферой, призванной реализовать мотивационные процессы и активизировать направленное внимание (10% исправленных ошибок после визуального изучения диктанта, 50% – после проверки экспериментатором).

3. Особый интерес представляет сравнение языковых личностей первого и второго типов. При том что обе испытуемые весьма сильные в плане успеваемости, но у орфографической личности первого типа (Люда Е.) преобладает логико-понятийное мышление, а у второго (Вика В.) – образное, видимо, поэтому внутренняя актуализация у Вики В. выше, чем у Люды Е. Внешняя актуализация у обеих испытуемых одинаково высока, что мы относим на счет развитости мотивационно-волевой сферы. Таким образом, опора на визуальный образ слова у лиц второго типа более ярко выражена, чем у первого типа.

4. Сопоставление испытуемых третьего и четвертого типов дает основания сделать такой вывод: третий тип (Оля К.) с более развитыми зрительным каналом (образное мышление) и ментально-психологической сферой проявляет более высокую актуализацию – и внешнюю, и внутреннюю, чем четвертый тип, имеющий все показатели в наименьшей степени. Следовательно, недостаточное внимание к графическому, зрительному образу слова, неумение его видеть и запечатлевать в сочетании со слабой силой остальных факторов является причиной недостаточной орфографической грамотности.

5. Группы испытуемых по указанному признаку можно назвать орфографическими личностями, т.е. языковыми личностями в аспекте орфографической деятельности.

6. Эти выводы имеют лингводидактическую значимость: при обучении орфографической грамотности разных орфографических личностей должны применяться разные методические приемы.

Литература

1. Голев Н.Д. Антиномии русской орфографии. 2-е изд., испр. М., 2004. 160 с.
2. Богоявленский Д.Н. Психология усвоения орфографии. М., 1966. 151 с.
3. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. М., 1945. 514 с.
4. Ушинский К.Д. Сочинения. М., 1950, Т. 8. кн. 1. 776 с.
5. Науменко С.В. Орфографическое строительство 30–50-х гг. XX века // Кириллица – латиница – гражданка / отв. ред. Т.В. Шмелева. 2009. С. 225–239.
6. Ушинский К.Д. Собрание сочинений. М., 1988. Т. 4. 447 с.
7. Чиркова Л.И. Роль зрительного диктанта в формировании орфографического навыка: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1991.
8. Лебедева Н.Б. Орфографические типы языковой личности (на материале эксперимента) // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты: материалы науч.-практ. конф. Барнаул, 2002. С. 36–45.

EXPERIENCE OF TYPOLOGIZATION OF ORTHOGRAPHICAL PERSONALITIES ON THE BASIS OF THE EXPERIMENT “THREE DICTATIONS WITH THE VISUAL STUDY OF THE TEXT”

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 45. 116–125. DOI: 10.17223/19986645/45/8

Natalia B. Lebedeva, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: nlebedevab@yandex.ru

Keywords: natural writing-speech activity, types of orthographical linguistic personalities, psycholinguistic experiment.

The article proves that it is possible to identify orthographical personalities as a kind of linguistic personality. The concept of linguistic personality, which is relevant nowadays, can be applied to the subject of orthographical activities, which means that the question about the types of orthographical linguistic personalities is raised appropriately.

At the beginning of the 20th century, the dispute, dating back to the 1840s, about two strategies in teaching the Russian orthography – “grammar” and “antigrammar” – was resumed. The first research line won, but the results of this “victory” were not satisfactory, and therefore this dispute was resumed at the end of the century and going to the new 21st century.

This article presents an experience of the research of the significance of the visual channel. To solve these problems an experiment was conducted among the subjects involving a number of techniques with the purpose of actualization of the visual image of the word in the text of a dictation and the determination of the possibilities of formation on this basis of the orthographical linguistic feeling (perception, attention, short-term memory), which provides the material to identify certain types of orthographical personalities, namely, types of people who write relying on the visual channel.

The visual channel (right hemisphere strategy) of the writing person coupled with the motivational-psychological characteristics is taken as a basis for typology. The typology is applied to the data obtained experimentally on the basis of work on the text of a dictation by the subjects. The dictation is considered in this article as a kind of writing-speech activity and as a form of experiment.

The article proposes a series of methodological techniques that combine three aspects of perception of the graphic (visual) word image: a) psychophysiological aspect: based primarily upon sensory (specifically visual), right hemisphere centers separately from the conceptual-logical, left hemisphere, rules; b) mental-psychical aspect: activation of focused attention on the graphic image of the word; c) motivational-psychological aspect: expressed motivation for memorizing the graphic image of the word.

The following orthographical types of the linguistic personality can be identified. The first type is the visual channel of average power, the predominance of the logical-conceptual thinking (left hemisphere). The second type is a strong visual channel, visual (right hemisphere) thinking. The third type is poorly developed logical-conceptual thinking and a little more developed creative thinking. The fourth type is the underdeveloped mental, psychophysiological and volitional sphere. Weak visual channel is not compensated by the weak volitional sphere designed to implement motivational processes and to activate direct attention.

References

1. Golev, N.D. (2004) *Antinomii russkoy orfografii* [Antinomies of Russian spelling]. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS.
2. Bogoyavlenskiy, D.N. (1966) *Psikhologiya usvoeniya orfografii* [Psychology of mastering spelling]. Moscow: Prosveshchenie.
3. Ushinskiy, K.D. (1945) *Izbr. ped. soch.* [Selected works on pedagogy]. Moscow: RSFSR APS.
4. Ushinskiy, K.D. (1950) *Sochineniya* [Works]. Vol. 8. Book 1. Moscow: RSFSR APS.
5. Naumenko, S.V. (2009) *Orfograficheskoe stroitel'stvo 30-50 gg. XX veka* [Orthography development of the 1930s–1950s]. In: Shmeleva, T.V. (ed.) *Kirillitsa – latinitsa – grazhdanitsa* [Cyrillic – Latin – Civic alphabets]. Veliky Novgorod: Yaroslav the Wise Novgorod State University.
6. Ushinskiy, K.D. (1948) *Sobranie sochineniy* [Works]. Vol. 4. Moscow: USSR AS.
7. Chirkova, L.I. (1991) *Rol' zritel'nogo diktanta v formirovanii orfograficheskogo navyka* [Visual dictation role in the formation of spelling skills]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
8. Lebedeva, N.B. (2002) [Orthographic language personality types (in the experimental material)]. *Estestvennaya pis'mennaya russkaya rech': issledovatel'skiy i obrazovatel'nyy aspekty* [Natural written Russian speech: research and educational aspects]. Proceedings of the conference. Barnaul: Altai State University. pp. 36–45. (In Russian).

УДК 81'42

DOI: 10.17223/19986645/45/9

О.А. Ружа

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА: ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ РАССКАЗА И.А. БУНИНА «СОСНЫ»

В статье исследуется лексическая организация текста на материале рассказа И.А. Бунина «Сосны». Через функционирование слова в тексте и его отношения с «текстовыми соседями» выявляется специфика звуковой и пространственно-временной структуры текста, осуществляется выход на фрагмент авторской языковой картины мира. Детали, актуализированные в рассказе посредством ключевых слов и образов (сосны, круг, обряд), несут глубокий символический смысл, а ключевыми темами являются темы смерти и вечной жизни, их важность подчеркивается не только на языковом уровне, но и на уровне композиции.

Ключевые слова. художественный текст, лексическая организация текста, ключевые слова, семантическое поле, картина мира, языковая личность, рассказ И.А. Бунина «Сосны».

На сегодняшний день изучение текста остается одной из актуальных и интереснейших задач современной лингвистики. Модели и методики анализа художественного текста неоднократно предлагались разными исследователями ([1–7] и др.), но специфика, многогранность, глубина предмета изучения не позволяют остановиться и выбрать одну модель. Каждое новое обращение к тексту дает возможность обнаружить новые пути и методы его анализа, не говоря уже об открытиях новых смыслов, о вкладе в изучение идиостиля творца и его языковой личности.

Исследование текста через слово, репрезентирующее наиболее важные смыслы, эксплицирующее детали, является одним из возможных в текстологии (см. например, работы [1, 5, 9, 10, 11] и др.). Слово как единица языка и речи уже само по себе имеет сложную многослойную структуру, а попадая в условия контекста, тем более художественного, оно семантически варьируется. Важным понятием исследований текстовых модификаций и взаимодействий слова является лексическая структура [5, 10, 11], или тематическая сетка [12], – «отправная точка в характеристике лингвистической структуры текста, поскольку слово, функционируя в тексте как словоформа, обладает способностью интегрировать морфологические, семантические, прагматические, коммуникативные свойства» [11. С. 52]. Одной из главных характеристик слова как единицы лексической организации текста является наличие у него множества «соседей» по разным осям семантического пространства, а следовательно, и множества текстообразующих связей.

Лексическая структура текста во многом не просто отражает его организацию, но и является репрезентантом мировидения автора, так как в ней воплощается тезаурус конкретной языковой личности ([13, 14] и др.). Рассмотрим специфику авторского мировидения, нашедшего непосредственное отражение в художественном пространстве, выполнив детальный анализ лекси-

ческой структуры текста. Для этого обратимся к рассказу И.А. Бунина «Сосны», написанному в 1901 г. [15. С. 331–341].

Оценка бунинского творчества современниками была неоднозначной, от принятия «"спокойной" поэзии Бунина», того, как он «с удивительным искусством возводит прозу в сан поэзии» [16], до резкой критики, упреков в пессимизме [17]. Но уже тогда говорилось об обращении писателя к теме вечности, связи времен и миров, «он (Бунин. – О.Р.) знает, что неиссякаемы родники вселенной и неугасима лампада человеческой души» [16], у Бунина «мир властвует над человеком», его философия заключается в том, чтобы читатель смотрел и переживал [18]. Исследователи бунинского наследия в XX и XXI вв. во многом продолжают и дополняют идеи современников И.А. Бунина, говоря о бунинском ощущении «надындивидуальности "Я" и его причастности к бессмертию», о «мотиве собственной неразрывной связи со Всебытием» (термин, употребляемый Буниным) [19]. По мнению Л.А. Смирновой, «Бунина... прежде всего волнуют вечные проблемы – смысл жизни, счастье, любовь, смерть» [20]. Характеризуя прозу И.А. Бунина о деревне, исследователи отмечают, что создается ощущение, будто «Бунин воссоздал дисгармоничный мир, а в нем не менее противоречивого человека. Тем не менее проза писателя оставляет удивительно светлое впечатление. Бунин поклонялся сращенности крестьян с землей, с русской природой. Пейзажная живопись приобретала в его произведениях особое значение. Часто бунинские мужики и бабы просто не замечают окружающую их поэзию. Автор тем не менее связывает человека и природу теснейшими узами» [20].

Рассказ И.А. Бунина «Сосны», выбранный в данной статье для анализа, отличается вписанностью в тематику и стилистику остальных бунинских произведений о деревне, но уже современники отмечали его непохожесть на остальное творчество писателя. Кроме того, на примере этого рассказа интересно изучить специфику текстовой структуры, попытаться описать принцип ее организации.

Лексическая структура анализируемого рассказа достаточно сложна. Представить ее можно в виде семантического поля с лексемой *сосны* в ядре. Являясь ключевым словом текста: вынесена в заглавие, организует структурно и семантически текстовое пространство рассказа, – заглавная лексема не отличается частотностью употребления (в тексте встречается всего шесть раз), но она находит семантическую поддержку в различных текстовых «соседях». К ним можно отнести слова и словосочетания тематической группы (далее – ТГ) **лес**: *лес* (13), *ельник* (4), *бор* (3), *просека* (3), *дебри* (2), *елочка* (2), *ели*, *чаща елей*, *сосновый лес*, *еловые леса*, *снежная лесная страна*, *густая зеленая стена хвой* (1), а также *лесной* (6), *еловый* (2), *сосновая тесина* (1).

Представленные экспликативы отличаются некоторой неоднородностью и позволяют вычленировать четыре основных смысла ключевого слова *сосны*: 1) сосна как **дерево** («вечнозеленое хвойное дерево с длинными иглами и округлыми шишками» [21]): *сосны*, *елочка*; 2) сосны (форма мн.ч.) как **лес** («множество деревьев, растущих на большом пространстве с сомкнутыми кронами» [21]): *сосны*, *бор*, *дебри*, *чаща*, *ельник*, *мачтовый сосновый лес*, *дружина*; 3) сосны как элемент, из которого изготавливают гроб, – **сосновый тес**: *тес*, *сосновая тесина*, *доски*, *белый большой гроб из нового тесу*; 4) **час**

ти дерева: *стволы, веточка, побеги, кроны, вершины, пышные зелёные вещи.* Сосны как ключевой, смыслообразующий элемент рассказа через лексические экспликативы и отношения между ними получают двойственную характеристику с позиций расчлененности и целостности создаваемого символа.

В контексте мировой культуры, сосна – это одно из самых древних деревьев, известных человеку. Видимо, отсюда и начинается ее сакральность. По данным «Энциклопедии символов, знаков, эмблем» [22], сосна – это «символ долголетия и бессмертия, стойкости и преодоления неблагоприятных обстоятельств». Во времена Античности сосна являлась символом вечности, а ее шишка обозначала духовное возрождение. Гроб же, «изготовленный из сосны, символизирует продолжение жизни и после физической смерти» [22].

В целом сосну можно рассматривать как проекцию мирового дерева и креста. «Зимой, когда все лиственные деревья «умирают», только ель и сосна способны выполнять медиативную функцию, присущую всем деревьям вообще как ипостасям Мирового Древа» [23]. Кроме того, по мнению исследователя, семантика «вечно живого» дерева со временем изменилась в семантику «вечно мертвого» дерева, т.е. в свою противоположность. «Неизменность внешнего вида и кажущаяся бесплодность способствовали установлению четкой ассоциации сосны и ели с миром предков, мертвых и нечистой силы» [23].

В тексте рассказа ключевое слово *сосны* помимо четырех выявленных выше смыслов развивает огромное количество дополнительных, не менее важных смысловых линий, реализующихся в элементах смежных семантических полей. В результате получается разветвленная тематическая сетка текста с одним центральным ядром – лексемой *сосны* и несколькими дополнительными по отношению к семантическому полю данной лексемы и самостоятельными в собственных полевых структурах ядрами: *тишина / звук, снег, смерть, круг, крест, обряд, сказка* и т.д.

Остановимся на отдельных, наиболее интересных с точки зрения экспликации смысла, узлах полученной структуры. Так, начинается текст с *тишины занесенного снегом дома и шумной лесной вьюги*, т.е. с двух фрагментов картины мира: звукового и пространственного.

В начале рассказа актуализируются два пространства, противопоставленные друг другу: пространство дома / избы и пространство леса. Причем одно пространство включено в другое, подчинено ему: дом находится в лесу, у просеки, и он не защищен от стихии, гуляющей вокруг: *Вдруг ветер со всего размаху хлопает сенной дверью в стену и, как огромное стадо птиц, с шумом и свистом проносится по крыше*, – ветер может беспрепятственно хлопнуть дверью, а значит, частично проникать внутрь пространства человека, тем самым разрушая защитную функцию жилища. Дом, поглощенный стихией, подвластный ей, утонувший в ней, ощущается рассказчиком кораблем, попавшим в шторм: *В темных пустых комнатах, через которые я прохожу, мутно сереют окна. От налетающих вихрей они то светлеют, то темнеют*, – совсем как в корабельной каюте в качку. То есть дом – это некое замкнутое пространство, в котором человек спрятался от стихии, но это пространство время от времени подвергается внешнему воздействию, причем на-

столько сильному и настойчивому, что частично утрачивает свою замкнутость и способность к защите. Пространство же леса воспринимается рассказчиком как некий мир, *снежная лесная страна* со своими законами. Кроме того, этот мир очень живой и властный, не зря он получает со стороны автора следующую характеристику: *сосны... высоко **царят** над всем окружающим*. Величие, царственность, таинственность (*его **таинственно-светлые и темные дебри***), возвышение над всем окружающим и расположение вокруг деревни – пространства человека – приближают сосны к некоему божеству, к чему-то сакральному и недоступному.

Как уже было сказано, два выделенных пространства противопоставлены друг другу. Среди критериев противопоставления – **тишина** дома и **ее отсутствие** вовне, **шум** леса, сосен. Тишина и звук – это особенно важный смысловой узел в текстовой структуре бунинских «Сосен», так как его экспликативы особенно разнообразны. Всего насчитывается около 50 развернутых метафорических контекстов, отражающих звуковой фрагмент текстовой структуры рассказа. Вторая специфическая черта микрополя *тишина* – звук заключается в распределении экспликативов по тексту в соответствии с тремя частями рассказа.

В первой части компоненту *сосны/лес* (всему внешнему лесному миру) соответствует компонент *звук*, причем этот звук очень сильный: ***шумная** лесная вьюга снаружи; **высокие** жалобные ноты ветра; **хлопает**; лес **гудит**, точно ветер дует в **тысячу** золотых арф заглушенных стенами и вьюгой; вдруг ветер со всего размаху **хлопает** сенной дверью в стену и, как **огромное стадо птиц, с шумом и свистом** проносится по крыше; сосны... отвечают урагану **столь угрюмой и грозной октавой**, что в просеке делается **страшно; шум и стук; шум** метели за окном; **гул** леса **вырывается из шума** вьюги, как **гул органа; жалобно-радостный визг**.*

Первая часть особенно наполнена звуками бушующего леса, причем прослеживается такая закономерность: в начале рассказа буря в лесу – это стихия, хаос, из которого сознание человека вычленяет отдельные звуки, эта стихия воздействует на человека: *ветер реет... **завораживая сонным** звоном в лампе, похожим на замирающее нытье комара; певуче и глухо говорит **во мне** голос старика-пастуха...* Человек в доме – замкнутом пространстве, окруженном вьюгой и лесом, их звуками, подчиняется воздействию именно внешнего мира в связи с тем, что этому воздействию уже подверглось само домашнее пространство. В результате герой-рассказчик как бы переносится в третье пространственное измерение: не то сна, не то воображения, не то сказки. К концу первой части, когда герой подходит к избе Митрофана, т.е. приближается к месту, где свершилось нечто сакральное: переход человека из бытия в небытие, в какой-то иной мир, – лесной хаос упорядочивается (***гул** леса **вырывается из шума** вьюги, **как гул органа***), как бы подчиняется настроению рассказчика и атмосфере Митрофановой избы, в которой читают над покойным псалтирь. Получается, что библейский текст в данном случае способен воздействовать не только на человека, он к тому же имеет какую-то связь с внешним миром – соснами, так как орган как музыкальный инструмент католических храмов ассоциативно относит нас к божественной тематике.

Мир дома, человека в первой части – это мир тишины, изредка прерываемой тихими, довольно гармоничными звуками: *тишина занесенного снегом дома; в комнате тихо и тепло; ровно, чуть вятно звенит в ней (лампе) выгорающий керосин, монотонно и неясно, точно под землей баюкает кто-то ребенка; напев, шумы и стуки; поет в душе жалобная песня; слышу, как чья-то рука шарит; спрашивает осторожным шепотом; отвечает, меняя голос на громкий и естественный, зевая, бормочет; вместо ответа; в каком ухе звенит?; невуче и глухо говорит во мне голос старика-настуха; собаки жалобно взвизгивают сквозь сон; шум и стук; читает псалтирь*. По отношению к дому картина меняется по сравнению с лесной: тишина сменяется тихими звуками и постепенно перерастает в шум и стук, но пока отдаленный и довольно организованный (пение, чтение псалтыря) или объяснимый с точки зрения человека, а значит, не страшный.

Вторая часть характеризуется тишиной леса (*Какое великолепие и спокойствие!; Вот так тишина!; Солнце поднимается, и все тише становится в просеке*), изредка нарушаемой естественными звуками природы (*Две галки звонко и радостно сказали что-то друг другу; Галка засмеялась от удовольствия, но тотчас же смолкла*) и организованной деятельностью человека (*скрипя сапогами по замерзшему снегу на крыльце; голоса наши раздаются как-то странно; скрипучие ворота; долго гремит досками; слышу замирающий скрип его шагов*). Рассказчик сам отмечает странность человеческих голосов. Скрип шагов и деятельность Митрофанова брата не нарушают гармонии тихого морозного утра: практически все звуки эксплицированы одинаково – скрип, который в итоге замирает, или же они кратковременны. Птицы в рассказе персонифицируются – *радостно говорят и смеются*, это лишь подчеркивает торжественную атмосферу утра и контраст с прошедшей ночью.

После обеда звуки вне дома возобновляются, но теперь они иные (*полозья визжат, как поросенок*), нарушают только что восстановившуюся в мире гармонию.

В Митрофановой избе со вчерашнего вечера практически ничего не меняется, там все определяет таинство свершающегося перехода человека из одного мира в другой: *шепотом переговариваются; А покойник под коленкором лежит в этой напряженной тишине и слушает, как плаксиво и жалостно читает псалтирь Тимошка; с умилением говорит*. После посещения *тихой* избы Митрофана рассказчик отмечает изменения в звуковой организации дня: *День этот кажется долог в мертвой тишине*. Встреча с покойным оставила отпечаток на восприятии повествователем окружающего мира: после *напряженной тишины, приглушенного шепота и плаксиво-жалостного чтения псалтыря* окружающая тишина определяется как *мертвая*, и лишь какое-то время спустя этот маркер исчезает: *В деревушке – ни звука...*

Наконец, третья часть – это гармония звука и тишины, но достигается она не сразу: сначала *снег пел и визжал под санями, когда я бежал на лыжах в село*. Здесь сразу смешиваются две звуковые характеристики: с одной стороны, – *пение* как организованный, ритмичный звук, приятный человеческому слуху, с другой – *визг*, оценивающийся как неприятный, резкий, высокий

звук. Данная пара характеризует эмоциональное состояние человека, испытывающего двойственное чувство: благоговение перед смертью и страх ее.

Далее звук становится несколько иным, более разнообразным, он в основном порождается человеком: *И когда она (церковь) наполнилась сдержанным говором, стуком шагов и паром от дыхания, когда с трудом опустили тяжелый разлтый гроб на пол, торопливым простуженным голосом заговорил и запел священник; Он, наперебой с дьячком, в полчаса справил службу и только «со святыми упокой» пропел не спеша и стараясь придать своему голосу трогательные оттенки...; протяжное пение; побряхтывая от мороза.* Звуки этого фрагмента текста также двойственны с точки зрения их порождения и восприятия: с одной стороны, человек всячески сдерживает себя, стараясь не производить громкого звука, это связано с таинством смерти, нахождением в церкви, именно поэтому у голоса появляется характеристика *трогательный*. Однако внешняя обстановка, мороз заставляют человека спешить, суетиться, отсюда ряд звуков типа *побряхтывание, стук шагов* и определение голоса как *торопливого, простуженного*.

В финале рассказа (конец третьей части) звук не исчезает совсем, но кардинально меняется: *...где-то высоко над головой тянул сдержанный, глухой и глубокий гул: так шумит под вечер в отдалении море, когда оно скрыто за горами; Траурные сороки с резким стрекотанием, игриво качаясь в воздухе, перелетали над ними; Отдаленный, чуть слышный гул сосен сдержанно и немолчно говорил и говорил о какой-то вечной, величавой жизни...* Как видно из представленных фрагментов, звук опять воспринимается двояко: с одной стороны, с уходом человека в лесу стало тихо, то есть исчезли все неестественные, неприродные звуки. После окончания службы лес как бы вытесняет человека с поляны-кладбища: *глубокая тишина царила теперь на лесной полянке; беззвучно кружились в воздухе морозные остинки.* С другой стороны, на фоне тишины отчетливо слышно, как сосны, бушующие в начале рассказа, задающие тон внешнему миру-лесу, атмосфере дома, восприятию текста читателем, в конце гудят, как море, величественно и царственно. Важны такие распространители, как *сдержанный, глухой, глубокий* (в повторе *сдержанно, немолчно*). Сосны в рассказе – активное начало. Кроме них, осмеливаются нарушать тишину – стрекотать – только траурные сороки (птица – один из образов посредников в мифологии, а сорока помимо этой функции выполняет еще одну – распространяет молву [24]). Стрекотание сорок – единственное, что напоминает о печальном, с точки зрения человека, событии, это становится понятным через маркер *траурные* в описании этих птиц. Завершает рассказ *глухой, глубокий, сдержанный* гул сосен, о котором в последнем абзаце упоминается дважды. Повтор подчеркивает идею того, что именно соснам поручена самая важная роль в тексте: донести идею сакральности смерти и вечности, величия какой-то неизвестной человеку жизни.

Эта же идея раскрывается в тексте посредством других смысловых элементов, в том числе мифопоэтических, заложенных И.А. Буниным в образ сосен. Возвращаясь к первой части рассказа и самому началу нашего анализа, где речь шла о двух пространствах, можно отметить еще один значимый смысловой центр «Сосен», о котором мы уже вскользь упоминали: на проти-

востоянии двух миров, мира дома рассказчика и мира сосен, а точнее, на их взаимодополнении друг друга строится еще один мир – мир сказки, былины: *«Чем не сказочный бор?»* – думаю я, прислушиваясь к шуму леса за окнами и к высоким жалобным нотам ветра, налетающего вместе с снежными вихрями на крышу.... Этот мир нельзя отнести к миру реальности, так как он существует только в воображении рассказчика, это его ощущение того, что творится за стенами дома, его ассоциации. Реальность здесь тесно переплетается с фантазиями: воображаемый путник бродит по вполне реальному лесу и натывается на реальную Платоновку, но ее настоящие хижины представляются подобием черной сторожки Бабы-яги. И дальше мотив сказки через песню в воспоминаниях сливается с мотивом сна, и герой сам оказывается в зыбком мире без границ: *Я не слушаю, я наизусть знаю рассказы о всех метелях, которые помнит Федосья. Я машинально ловлю ее слова, они странно переплетаются с тем, что я слышу внутри себя. «Не в том царстве, не в том государстве, – певуче и глухо говорит во мне голос старика-пастуха, который часто рассказывает мне сказки, – не в том царстве, не в том государстве, а у самом у том, у каком мы живем, жил, стало быть, молодой вьюноша...»*.

В тексте все компоненты взаимосвязаны, вытекают друг из друга, тем самым образуя более тесное единство смысловых линий рассказа. Одним из таких связующих компонентов является **круг**. Он существует в рассказе на разных уровнях и выражен то имплицитно, то эксплицитно. Так, первый уровень – это уровень композиции. Трехчастная структура текста начинается и заканчивается соснами, причем здесь можно увидеть еще и зеркальное отражение: в начале лес – это шумная стихия, а дом – пространство тишины, в середине рассказа тишина и шум относительно равномерно распределяются по «деятельности» человека и природы/сосен, в конце же с шумом ассоциируется больше человек, а вот в природе наступает тишина. Сама лексема *круг* (точнее, корень *-круг-*) появляется в тексте несколько раз: *путник кружится; сосны царят над всем окружающим; темный волнистый круг, кинутый на потолок лампой; мачтовые сосны, высоко поднявшие на своих глинисто-красноватых голых стволах зеленые кроны, тесной дружиной окружали с трех сторон пригорок; беззвучно кружились в воздухе морозные остинки, а также крутящаяся мгла. Круг* – это символ единства, бесконечности и законченности, высшего совершенства [24].

Круг – это солярный символ, что обусловлено не только формой, но и характером движения солнца. «Годовое круговое движение солнца по отношению к оси мирового древа конституирует круговое пространство по горизонтали (в горизонтальной проекции дерево отмечает пуп земли в минимуме и окружность, отделяющую внутренний круг от внешнего пространства, в максимуме), а суточное круговое движение солнца определяет вертикальную плоскость мирового древа» [25]. В рассказе появляются и образ мирового древа, и образ солнца, сающегося за соснами: *1) И сосны, как хоругви, замерли под глубоким небом; 2) Когда же я выхожу из избы на улицу, солнце прячется между стволами сосен за частый ельник, теряя свой блеск.* В первом примере описывается утро. Стволы сосен, какое-то время заслоняющие восходящее солнце, вызывают в сознании рассказчика образ хоруг-

ви, которая связывает сосны одновременно и с церковным началом, так как это полотно с изображением Христа, образ, и вообще с любой торжественной обстановкой, так как апеллирует к знамени. Важно также, что сосны как самое активное начало в рассказе как бы заставляют солнце блекнуть, садиться, об этом не говорится прямо, но подразумевается (см. пример 2).

Одной из основных функций круга является разграничение внутреннего и внешнего пространства [25]. В рассказе эта функция также реализуется: сосны окружают деревню, разделяя пространство человека и леса. Митрофан же, как *Следопыт, настоящий лесной крестьянин-охотник*, является неким посредником между этими мирами.

Кроме того, круг связывается с защитой. Эта геометрическая фигура служит для отображения непрерывности развития мироздания, времени, жизни, их единства. Именно символ круга частично примиряет читателя со смертью, заставляет иначе взглянуть на это событие, так как он имеет связь с вечностью, о которой речь идет в конце рассказа.

Сакральность, таинственность свершающегося обряда подчеркивается и образом креста, который является одним из наиболее распространенных символов, «нередко функционирующих как символ высших сакральных ценностей» [24]. В рассказе «Сосны» крест находит свою текстовую реализацию в образах сосен (Мирового древа) и могильного креста. «В отличие от круга и квадрата, главная идея которых в качестве мифологических знаков состоит в разграничении внутреннего и внешнего пространства, крест подчеркивает идею центра и основных направлений, ведущих от центра (изнутри вовне)...», крест «иерархизирует и сакрализует все пространство, определяя в нем линии и направления связей и зависимостей» [24]. Кроме того, крест «часто выступает как модель человека» [24]. В рассказе этот образ удваивается, усиливается: во второй части мы видим брата Митрофана, уносящего на плече сосновую тесину: *Следы лаптей похожи на медвежьи, а сам Антон идет приседая, приноравливаясь к колебаниям доски, и тяжелая зыбкая доска, перегнувшись через его плечо, мерно покачивается в лад с его движениями*. Происходит наложение креста-дерева на крест-человек, добавляя еще одну возможность направления, уже в трехмерном пространстве. Здесь также появляется образ маятника – как проекция вечности, причем идея вечности подается в данном случае не только через сосны – сосновую тесину, но и посредством человека, ведь доска *мерно покачивается* именно в лад движениям Антона.

Обряд также можно считать одним из смысловых центров рассказа. Кружащий в дебрях путник и рассказчик, пробирающийся через снежную пелену, схожи с героями сказок, проходящими обряд инициации, тем более что классически за сказочным лесом закрепились функции границы между мирами. В этом смысле Митрофан сам может быть рассмотрен как проходящий инициацию для того, чтобы иметь возможность перейти в иной мир, или как проводник, посвящающий рассказчика в таинство смерти.

Наконец, в рассказе присутствует похоронный обряд. Причем его описание может быть воспринято двояко. В этом плане важны: дешевые атрибуты обряда (*кадило в руках священника было почти пусто, дешевый ладан, брошенный в еловые уголья, издавал запах лучины*), характеристика и детали

одежды священника (*священник, повязанный по ушам платком, был в больших валенках и в старом мужицком полушубке, поверх которого торчала старая риза*), служба, справленная из-за холода в полчаса. Священник только «со святыми упокой» *пропел не спеша и стараясь придать своему голосу трогательные оттенки, – печаль о бренности всего земного и радость за брата, отошедшего, после земного подвига, в лоно бесконечной жизни, «иде же праведные упокоиваются»*. Все описание доказывает ценность не внешней оболочки, а содержания, сути свершившегося события. К концу рассказа у читателя, как и у рассказчика, остается только осознание важности и торжественности того события, которое обычно человеком воспринимается как печальное, негативное, горестное. Отчасти этому способствует отношение Митрофана к своей участи:

– *За траву не удержишься!* – говорил он мне, снисходительно улыбаясь, когда я советовал ему съездить в больницу.

Этому настроению подчиняется и рассказчик:

...*И кто знает, – не прав ли был он?*

«Умер, погиб, не выдержал, – значит, так надо!» – думаю я... *ы иметь возможность перейти в иной мир...*

Стоит обратить внимание на то, что в тексте рассказа ни разу не появилась лексема *кладбище*. Митрофана похоронили на лесной полянке: *Напутствуемый протяжным пением, гроб с мерзлым покойником вынесли из церкви, пронесли его по улице и за селом, на пригорке, опустили в неглубокую яму, которую и закидали мерзлой глинистой землей и снегом. В снег воткнули елочку и, покряхтывая от мороза, торопливо разошлись и разъехались*.

Глубокая тишина царила теперь на лесной полянке, по которой торчали из сугробов несколько низких деревянных крестов.

О том, что эта лесная полянка является кладбищем, читатель догадывается только по крестам, торчащим из сугробов, и по длинному земляному *бугру могилы, пересыпанному снегом*. Этот бугор казался *то совсем обыкновенной кучей земли, то значительным – думающим и чувствующим*. И, глядя на него, я долго силился поймать то неуловимое, что знает только один бог, – тайну ненужности и в то же время значительности всего земного.

Это неуловимое сакральное, божественное знание, зачастую недоступное человеку или доступное лишь малой толикой, в рассказе несут сосны. Наполнение лексемы *сосны* столь глубоким смыслом отчасти продиктовано восприятием сосны как проекции мирового древа, связью сосны в мировой культуре со смертью – отсюда их сакральное знание о таинстве смерти, и одновременно ненужности и значимости земного бытия.

Произведенный анализ лексической организации рассказа позволяет говорить о круге как структурном принципе построения текста. Этот принцип воплощается в следующем: повторам лексем с корнем *-круг-* (*круг, кружить, окружать...*); специфике звуковой организации текста, заключающейся в цикличности, многообразии лексических экспликаторов звукового фрагмента картины мира, гармоничном чередовании звука и тишины в рассказе, логичном соотношении этих компонентов с миром сосен/природы и человека, равномерном распределении их по частям рассказа. Также этот принцип организации лексической структуры текста поддерживается кольцевой композицией

и многочисленными лексическими повторами, например элементов с числом три, репрезентантов звука и тишины, сказочного фрагмента картины мира.

Подробный анализ лексического уровня рассказа позволил выявить мелкие детали, которые могут быть потеряны при ином рассмотрении, аргументировать выводы опорой на слово. В результате мы получаем информацию о картине мира автора, его отношении к заявленным в произведении проблемам. К специфике бунинского мировидения можно отнести своеобразное отношение к проблеме смерти, нашедшее свое освещение в рассказе. Привлекая ключевые культурные символы (Мировое древо, круг, крест и т.д.), автор растворяет их в тексте рассказа, наделяет новыми смыслами. Тема природы – излюбленная тема бунинской лирики – вновь находит свое воплощение в прозаическом тексте, и снова жизненная философия автора выражается в пейзажных зарисовках. Здесь природа у И.А. Бунина, как и всегда, органически связана с психическим миром героев, Митрофана и рассказчика, она вносит некую оптимистичную ноту в духовный мир человека, погруженного в грустные размышления о своей жизни. Так, идея смерти в произведении постепенно вытесняется идеей вечности жизни, возникают вопросы о смысле бытия, о некоем знании, недоступном человеческому разумению, чувство тревоги, страха окончательно снимается, и у читателя остается только ощущение тихого печального благоговения.

Литература

1. Виноградов В.В. О языке художественной прозы: избр. тр. М.: Наука, 1980. 360 с.
2. Винокур Г.О. О языке художественной литературы / сост. Т.Г. Винокур. М.: Высш. шк., 1991. 448 с.
3. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 4-е изд., стер. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
5. Сулименко Н.Е. Текст и аспекты его лексического анализа. М.: Наука: Флинта, 2008. 396 с.
6. Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 534 с.
7. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 1994. 210 с.
8. Колианский Г.В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. 149 с.
9. Черняк В.Д. Синонимы в перспективе художественного текста // Семантические и эстетические модификации слов в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Л.: Изд-во Ленингр. пед. ин-та, 1988. С. 40–48.
10. Степанова В.В. Лексическая структура текста: (Парадигматика и синтагматика) // Проблемы лингвистической семантики. Череповец, 1996. С. 13–19.
11. Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / под ред. Н.С. Болотновой. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2001. 331 с.
12. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. М.: Высш. шк., 1991. 140 с.
13. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: УРСС, 2002. 264 с.
14. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
15. Бунин И.А. Сосны // Бунин И.А. Стихотворения. Антоновские яблоки. Рассказы и повести. М., 1996. С. 331–341.
16. Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей.: в 3 вып. Вып. 1. М., 1906–1910; 2-е изд. М., 1908–1913 [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/bunin/aihenv_bunin.html (дата обращения: 14.07.2016).

17. Воровский В.В. Литературные наброски (о И.А. Бунине) // Мысль. 1911. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/bunin/vorovskiy_bunin.html (дата обращения: 14.07.2016).
18. Ходасевич В.Ф. О. Бунине. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2: Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922–1939. М.: Согласие, 1996 [Электронный ресурс]. URL: http://hyperlib.libfl.ru/viewurl.php?url=/files/archive/texts/H/Hodasevich_V_F_O_Bunine/Hodasevich_V_F_O_Bunine.htm (дата обращения: 10.06.2016).
19. Мальцев Ю.В. Бунин. М.: Посев, 1994. 432 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/1864928/> (дата обращения: 07.04.2016).
20. Смирнова Л.А. Иван Алексеевич Бунин. М.: Просвещение, 1991. 192 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/BUNIN/bunin2.txt> (дата обращения: 14.03.2016).
21. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН. Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988.
22. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М., 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://sigils.ru/symbols/> (дата обращения: 10.09.2012).
23. Кургузова Н.В. Архаические оппозиции ритуального пространства русской свадьбы (на материале свадебной лирики). М., 1997 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kurguzova1.html> (дата обращения: 17.09.2012).
24. Мифы народов мира: энциклопедия. М., 1980 [Электронный ресурс]. URL: <http://enc.mail.ru/> (дата обращения: 11.05.2013).
25. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М., 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://sigils.ru/symbols/> (дата обращения: 10.09.2012).

ON THE LEXICAL ORGANIZATION OF THE TEXT (READING EXPERIENCE OF I.A. BUNIN'S STORY "THE PINE TREES")

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 45. 126–138. DOI: 10.17223/19986645/45/9

Olga A. Ruzha, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: off_17@mail.ru

Keywords: cognitive linguistics, picture of the world, concept, perceptual concept, linguistic personality, house.

Today, the study of the text is one of the important and interesting tasks for linguistics (N.E. Sulimenko, L.G. Babenko, N.S. Bolotnova et al.). The study of the text through the word that represents the most important senses, explicates details is possible in textual criticism. The word has a complicated multilayer structure, and semantically varies in the artistic context. One of the main characteristics of the word as a unit of the lexical organization of the text is the fact that it has "neighbors" on different axes of the semantic space. The lexical structure of the text largely reflects not only its organization, but also the author's worldview. Bunin's story "The Pine Trees", written in 1901, is characterized by its inclusion in the theme and style of the writer's other short stories; yet researchers note its difference from the rest of Bunin's works. The aim of this work is to study the specifics of the text structure, to identify its types, to study the author's idiosyncrasy based on Bunin's "The Pine Trees".

The lexical structure of the story is complex. It can be represented as a semantic field with the word *pine* as the kernel; it is the key word of the text. Its "textual neighbors" are the words and phrases of the thematic group "forest". The presented explicators allow identifying four basic senses of the key word *pine*: 1) a pine tree; 2) pines (plural form) as a forest; 3) pine as a material the coffin is made of: pine planks; 4) a part of a tree. Pines as the key semantic element of the story through its lexical explicators and relations between them are ambiguously characterized in terms of integrity and segmentation of the created symbol. The rich cultural symbolic subtext of pines allows reconstructing the sound and spatio-temporal patterns of the text, significant for the understanding of the basic idea.

The analysis of the lexical organization of the story shows that a circle is the structural principle of the text; it is expressed in repetitions of words with the root *-krug-* [-circle-], in numerous lexical repetitions, in the specificity of the cyclically organized sound space of the text and in the circular plot structure.

As a result of the detailed analysis of the lexical level of the text, information was received about the author's picture of the world, his attitude to the problems stated in the text. A feature of Bunin's

view of the world is his specific attitude to the problem of death verbalized in the story. The theme of nature, a favorite theme of Bunin's lyric works, finds its expression in the prose text; the author's philosophy of life is presented in the landscape sketches. Nature in Bunin's works, as always, is organically connected with the mental world of the characters; it is a kind of an optimistic note in the spiritual world of the person lost in the melancholic reflections on their life.

References

1. Vinogradov, V.V. (1980) *O yazyke khudozhestvennoy prozy. Izbrannye trudy* [On the language of fiction. Selected works]. Moscow: Nauka.
2. Vinokur, G.O. (1991) *O yazyke khudozhestvennoy literatury* [On the language of fiction]. Moscow: Vysshaya shkola.
3. Shcherba, L.V. (1957) *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works in the Russian language.]. Moscow: State educational and pedagogical publishing house of the Ministry of Education of the RSFSR.
4. Gal'perin, I.R. (2006) *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. 4th ed. Moscow: KomKniga.
5. Sulimenko, N.E. (2008) *Tekst i aspekty ego leksicheskogo analiza* [Text and aspects of its lexical analysis]. Moscow: Nauka: Flinta.
6. Babenko, L.G., Vasil'ev, I.E. & Kazarin, Yu.V. (2000) *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta* [Linguistic analysis of literary text]. Ekaterinburg: Ural State University.
7. Bolotnova, N.S. (1994) *Leksicheskaya struktura khudozhestvennogo teksta v assotsiativnom aspekte* [The lexical structure of a literary text in the associative aspect]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
8. Kolshanskiy, G.V. (1980) *Kontekstnaya semantika* [Contextual semantics]. Moscow: Nauka.
9. Chernyak, V.D. (1988) Sinonimy v perspektive khudozhestvennogo teksta [Synonymy in the perspective of a literary text]. In: Sulimenko, N.E. (ed.) *Semanticheskie i esteticheskie modifikatsii slov v tekste* [Semantic and aesthetic modification of words in the text]. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute.
10. Stepanova, V.V. (1996) Leksicheskaya struktura teksta (Paradigmatika i sintagmatika) [Lexical structure of the text (paradigmatics and syntagmatics)]. In: *Problemy lingvisticheskoy semantiki* [Problems of linguistic semantics]. Cherepovets: Cherepovets State Pedagogical Institute.
11. Bolotnova, N. S. et al. (2001) *Kommunikativnaya stilistika khudozhestvennogo teksta: leksicheskaya struktura i idiosil'* [Communicative stylistics of art text: lexical structure and idiostyle]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
12. Arno'd, I.V. (1991) *Osnovy nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Basics of research in linguistics]. Moscow: Vysshaya shkola.
13. Karaulov, Yu.N. (2002) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: URSS.
14. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and human world]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
15. Bunin, I.A. (1996) Sosny [The Pine Trees]. In: Bunin, I.A. *Stikhotvoreniya. Antonovskie yabloki. Rasskazy i povesti* [Poems. Antonovsky apples. Stories and novels]. Moscow: Pressa.
16. Aykhenval'd, Yu.I. (c. 1906) *Siluety russkikh pisateley. V 3 vypuskakh* [Silhouettes of Russian Writers. In 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauchnoe slovo. [Online] Available from: http://dugward.ru/library/bunin/aiheny_bunin.html. (Accessed: 14th July 2016).
17. Vorovskiy, V.V. (1911) Literaturnye nabroski (o I.A. Bunine) [Literary sketches (I.A. Bunin)]. *Mysl'*. 4. [Online] Available from: http://dugward.ru/library/bunin/vorovskiy_bunin.html. (Accessed: 14th July 2016).
18. Khodasevich, V.F. (1996) O Bunine [Bunin]. In: Khodasevich, V.F. *Sobranie sochineniy: V 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Soglasie. [Online] Available from: http://hyperlib.libfl.ru/viewurl.php?url=/files/archive/texts/H/Hodasevich_V_F_O_Bunine/Hodasevich_V_F_O_Bunine.htm. (Accessed: 10th June 2016).
19. Mal'tsev, Yu.V. (1994) *Bunin*. Moscow: Posev. [Online] Available from: <http://www.stud-files.ru/preview/1864928/>. (Accessed: 07th April 2016). (In Russian).
20. Smirnova, L.A. (1991) *Ivan Alekseevich Bunin*. Moscow: Prosveshchenie. [Online] Available from: <http://lib.ru/BUNIN/bunin2.txt>. (Accessed: 14th March 2016). (In Russian).

21. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka: V chetyrekh tomakh* [Dictionary of Russian language: in four volumes]. Moscow: Russkiy yazyk.
22. Kuklev, V. (1999) *Entsiklopediya simvolov, znakov, emblem* [Encyclopedia of symbols, signs, emblems]. Moscow: Lokid. [Online] Available from: <http://sigils.ru/symbols/>. (Accessed: 10th September 2012).
23. Kurguzova, N.V. (1997) *Arkhaicheskie oppozitsii ritual'nogo prostranstva russkoy svad'by (na materiale svadebnoy liriki)* [Archaic ritual space oppositions of Russian wedding (based on the wedding lyrics)]. Moscow. [Online] Available from: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kurguzova1.html>. (Accessed: 17th September 2012).
24. Tokarev, S.A. (1980) *Mify narodov mira: Entsiklopediya* [Myths of the Peoples of the World: an encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. [Online] Available from: <http://enc.mail.ru/>. (Accessed: 11th May 2013).
25. Kuklev, V. (1999) *Entsiklopediya simvolov, znakov, emblem* [Encyclopedia of symbols, signs, emblems]. Moscow: Lokid. [Online] Available from: <http://sigils.ru/symbols/>. (Accessed: 10th September 2012).

УДК 81'373.7, 811.111, 811.112.2, 811.161.1
DOI: 10.17223/19986645/45/10

Н.П. Соболева

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНТЕКСТУАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ

Статья посвящена сопоставительному анализу аспектов узуального и окказионального функционирования ФЕ в контексте социальных и коммерческих слоганов для товаров, услуг и полнометражных кинофильмов на русском, английском и немецком языках с целью выявления основных тенденций в контекстуальной реализации фразеологизмов с учетом лингвокультурологического подхода. Количественный анализ практического материала, основанный на сопоставлении, осуществляется в вертикальном и горизонтальном срезах.

Ключевые слова: фразеологическая единица, слоган, окказиональное использование, культурно-национальная специфика.

1. Введение

Фразеология представляет собой особую область языкознания, в рамках которой наиболее тесным образом переплетаются язык, культура, история и картина мира того или иного этноса. Фразеологизмы в своей способности отражать действительность характеризуются образно-ситуативной мотивированностью. Иными словами, фразеологические единицы (ФЕ) преломляют фрагменты реальности посредством образного и экспрессивно-оценочного восприятия важных для этноса явлений. Согласно определению В.Н. Телии «<...> средством воплощения культурно-национальной специфики фразеологизмов служит образное основание (в том числе и включающее в себя культурно-маркированные реалии), а способом указания на эту специфику является интерпретация образного основания в знаковом культурно-национальном «пространстве» данного языкового сообщества» [1. С. 215].

Фразеологизмы, являясь своеобразными проводниками в ту или иную культуру, часто фигурируют в языке рекламы, который предполагает узуальное и окказиональное использование ФЕ в качестве вербального средства аттракции реципиентов. Целью настоящего исследования является сопоставительный анализ особенностей узуального и окказионального использования ФЕ в контексте социальных и коммерческих слоганов для товаров, услуг и полнометражных кинофильмов на русском, английском и немецком языках для выявления основных тенденций в контекстуальной реализации фразеологизмов с учетом лингвокультурологического подхода. Сопоставительный характер данной работы, реализованной на материале слоганов на трех языках, а также комплексный подход к анализу практического материала обуславливают актуальность исследования.

В качестве материала было рассмотрено 18 тысяч слоганов на русском, английском и немецком языках. Описание анализируемого материала строит-

ся в виде таблицы, где по вертикали располагаются контекстуальные конфигурации, а по горизонтали – языки, в рамках которых реализуется анализ (см. табл. 1, 2). Количественный анализ слоганов для коммерческой и социальной разновидностей рекламы, основанный на сопоставлении, осуществляется в вертикальном (см. табл. 1) (все контекстуальные конфигурации рассматриваются в рамках одного языка) и горизонтальном (см. табл. 2) (каждая контекстуальная конфигурация отдельно рассматривается в трех языках) срезах.

2. Контекстуальная реализация ФЕ в рекламных слоганах

2.1. Процентное соотношение узуального и окказионального употребления ФЕ

Фразеологизмы, используемые в рекламных кампаниях, редко употребляются без семантических или структурно-семантических преобразований, отсюда возникает повышенный интерес ученых к данной проблеме: анализ контекстуального использования ФЕ проводится исследователями в данной области на различном языковом материале. В.Г. Костомаров в рамках очерков о современной русской стилистике в один ряд с другими (художественными, научными и т.д.) ставит язык рекламы, в частности рекламных слоганов. Исследователь отмечает, что, несмотря на различную культурную ценность, слоган, как и любой текст, обладает теми же признаками: связностью, завершенностью, информативностью и пр.. По словам В.Г. Костомарова, «Содержательная целостность и завершенность подобных текстов такова, что иной раз служит их облагораживанию и вхождению в культуру» [2. С. 40].

Важно отметить, что текст рекламы часто сопоставляется с текстом художественных произведений. Последний являет собой богатый материал для лингвистического анализа. Особый интерес представляют статистические данные, отражающие процентное соотношение узуального и окказионального употребления ФЕ в литературных произведениях. А. Начисчионе приводит в качестве примера работы Д. Лоренса и Д. Чосера. Согласно результатам анализа около 30% фразеологизмов, реализуемых в литературных произведениях именитых писателей, подвергаются стилистическим трансформациям [3. С. 24].

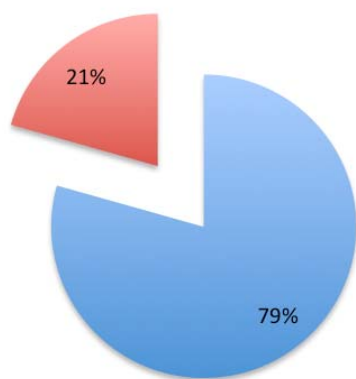
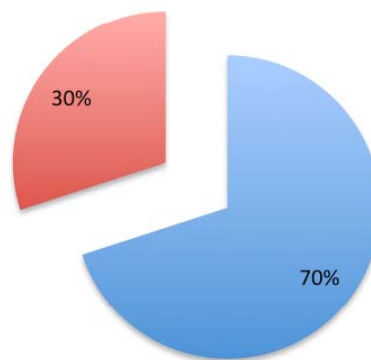

Рис. 1. Соотношение узуальной конфигурации и окказиональной конфигурации первой и второй степени в коммерческой рекламе

Рис. 2. Соотношение узуальной конфигурации и окказиональной конфигурации первой и второй степени в социальной рекламе

В рамках проведенного нами исследования социальные и коммерческие слоганы с использованием ФЕ демонстрируют стойкую тенденцию к реализации контекстуальных трансформаций, в том числе осложненных стилистических приемов, и это несмотря на малую протяженность рекламного текста. Особенно показательно сравнение языка рекламы и художественной литературы: в рамках последнего на узуальное использование ФЕ приходится около 70%, а на окказиональные трансформации – 30% тогда как в рекламных слоганах ситуация обратная: около 30 и около 70% соответственно (рис. 1, 2).

2.2. Контекстуальная реализация ФЕ как средство, способное оживить накопленный опыт

Функции и цели слогана огромны и разнообразны, они не могут быть реализованы без определенного синтаксического построения фразы, а также без определенных лексических и других речевых средств. Поэтому копирайтеры стремятся привлечь внимание потребителя различными способами: используя семантико-стилистические свойства слов, структурные особенности предложения, фонетико-интонационные, а также графические средства. В условиях жесткой конкуренции СМИ, стараясь привлечь потребителя всеми возможными способами, для описания объекта рекламы пользуются наиболее яркими и запоминающимися выражениями. Это влечет за собой широкое использование фразеологического материала: образность устойчивых словосочетаний уже содержит устоявшуюся эмоциональную окраску; мысль, сформулированная с помощью ФЕ, лучше воспринимается, так как фразеологизмы известны практически любому человеку; в связи с широкой известностью фразеологизмов их легко трансформировать и изменять, поэтому копирайтеры нередко прибегают к приему трансформации ФЕ.

Копирайтеры пользуются различными приемами, в частности прибегают к трансформации фразеологических единиц. Такая тенденция к модификации устойчивых сочетаний стала стратегической в рамках рекламной коммуникации, поскольку ФЕ способна оживлять накопленный опыт: «Слова, фразеологизмы и афоризмы имеют, наряду с номинативной, еще и кумулятивную функцию – фиксации, хранения и передачи немалого объема информации о постигнутой обществом действительности» [4. С. 195]. Таким образом, рек-

ламные слоганы, содержащие в себе трансформированные фразеологизмы, в том числе коммуникативные ФЕ, легко находят путь к сознанию адресата.

Однако есть существенное отличие слогана, имеющего противоположно направленный от паремии вектор развития. В статье «Рекламный слоган как трансформация культурных стереотипов» В.В. Бегун пишет: «Если паремия вырастает из опыта, то рекламный слоган сам создает опыт. Рекламный слоган, в отличие от традиционной паремии, не имеет проверенных временем ценностных корней. Но, заимствуя у паремии ее структуру, остов, легко узнаваемую схему, рекламный слоган добивается того, что формальное подобие рождает иллюзию содержательной близости» [5. С. 35]. Существует опыт, что слоганы входили в категорию фразеологизмов, использовались как основа для следующего поколения рекламных текстов и модифицировались.

Такой прием является достаточно продуктивным в сфере рекламы, о чем свидетельствует тот факт, что копирайтеры нередко прибегают к созданию слоганов по уже известной структурной модели. Так, например, с возникновением рекламы визуальной, к которой также относится реклама на плакатах, связано создание рекламного текста «One drive is worth a thousand words» («Одна поездка вместо тысячи слов») для фирмы «Форд». Слоган стал своеобразной производной от лозунга «One Look is Worth a Thousand Words» («Один взгляд вместо тысячи слов») менеджера по рекламе Фреда Р. Барнарда (Fred R. Barnard), который в 1921 г. стоял на пороге эпохи визуальной рекламы. Создатель краткого рекламного текста напечатал его на журнальном развороте, при этом не дополнив текст изображением. Этот акт стал персональным призывом Ф.Р. Барнарда использовать визуальный образ в рекламе для достижения ее эффективности. Позже менеджер по рекламе изменил свой прежний слоган на «Chinese Proverb: One Picture Is Worth Ten Thousand Words» («Китайская пословица гласит: одно изображение вместо десяти тысяч слов»). В дальнейшем по аналогичной структурной модели («A (One) X is worth a thousand (million) words») был создан не один рекламный слоган [6. С. 79], а в языке закрепились устойчивая единица «picture is worth a thousand words».

2.3. Окаzionaliальные конфигурации первой и второй степени в рекламных слоганах

ФЕ в контексте рекламы могут быть реализованы как узуально, так иokkaзионально. А.В. Кунин в своих исследованиях предложил четыре типа конфигураций, которые образуют фразеологизм и его актуализатор. К первым двум типам относится узуальная конфигурация первой и второй степени. Принципиальное отличие между ними заключается в усилении экспрессивности ФЕ в рамках узуальной конфигурации второй степени посредством «позиционных стилистических приемов» [7. С. 244]. Ко вторым двум разновидностям относитсяokkaзиональная конфигурация первой и второй степени.

В рамкахokkaзиональной конфигурации первой степени происходит не только усиление экспрессивности, но и возможен ряд изменений в значении и структуре ФЕ. Это достигается посредством использования таких стилистических приемов, как двойная актуализация, вклинивание, замена, разорванное использование, эллипсис, добавление и т.д. Двойная актуализация действительно играет большую роль в языке рекламы: наряду с заменой ком-

понента двойная актуализация является одним из частотных стилистических приемов, который может также сочетаться с другими разновидностями окказиональной трансформации. Тем не менее не все стилистические преобразования могут быть реализованы на материале рекламных слоганов: так, например, разорванное использование ФЕ свойственно диалогической речи; в монологической речи прием подразумевает использование вводных конструкций, что не характерно для языка рекламы.

Окказиональная конфигурация второй степени представляет собой преобразования, реализуемые с помощью сложных стилистических приемов, в том числе конвергенции – единовременного использования нескольких стилистических приемов. Несмотря на малую протяженность рекламного текста, мы не можем говорить об отсутствии осложненных стилистических приемов: проведенный анализ показал, что на практике реализуются приемы расширенной фразеологической метафоры, фразеологического насыщения контекста и др.

Таблица 1. Узуальная и окказиональная конфигурации в коммерческой и социальной рекламе в вертикальном срезе

	коммерческая реклама		
Окказиональная конфигурация 1 степени	русский	английский	немецкий
двойная актуализация	26%	34%	19%
замена	35%	30%	47%
усечение	17%	6%	18%
расширение	2%	10%	0%
перестановка	9%	2%	1%
Окказиональная конфигурация 2 степени	русский	английский	немецкий
фразеологическая аллюзия	0%	0%	4%
расширенная метафора	2%	8%	3%
конвергенция, фразеологическое насыщение контекста	9%	10%	8%
Окказиональная конфигурация 1, 2 степени	81%	75%	82%
Узуальная конфигурация	19%	25%	18%

	социальная реклама		
Окказиональная конфигурация 1 степени	русский	английский	немецкий
двойная актуализация	31%	25%	6%
замена	31%	33%	44%
усечение	25%	13%	31%
расширение	6%	4%	0%
перестановка	6%	4%	0%
Окказиональная конфигурация 2 степени	русский	английский	немецкий
фразеологическая аллюзия	0%	13%	0%
расширенная метафора	0%	4%	0%
конвергенция, фразеологическое насыщение контекста	0%	4%	19%
Окказиональная конфигурация 1, 2 степени	89%	65%	64%
Узуальная конфигурация	11%	35%	36%

В слоганах для коммерческой и социальной разновидностей рекламы на русском, английском и немецком языках используются такие стилистические приемы окказиональной конфигурации первой степени, как двойная актуализация, замена компонента/компонентов ФЕ (субституция), усечение компонентного состава ФЕ (эллипсис), расширение компонентного состава ФЕ (добавление, вклинивание) и перестановка компонентов ФЕ. Окказиональная конфигурация второй степени в кратких рекламных текстах представлена следующими стилистическими приемами: расширенная фразеологическая метафора, фразеологическая аллюзия, конвергенция и фразеологическое насыщение контекста (см. табл. 1, 2).

Таблица 2. Узуальная и окказиональная конфигурации в коммерческой и социальной рекламе в горизонтальном срезе

	коммерческая реклама		
Окказиональная конфигурация 1 степени	русский	английский	немецкий
двойная актуализация	31%	38%	31%
замена	28%	22%	50%
усечение	36%	12%	52%
расширение	17%	83%	0%
перестановка	71%	14%	14%
Окказиональная конфигурация 2 степени	русский	английский	немецкий
фразеологическая аллюзия	0%	0%	100%
расширенная метафора	14%	57%	29%
конвергенция, фразеологическое насыщение контекста	31%	31%	38%
Узуальная конфигурация	28%	37%	35%

	социальная реклама		
Окказиональная конфигурация 1 степени	русский	английский	немецкий
двойная актуализация	42%	50%	8%
замена	25%	40%	35%
усечение	33%	25%	42%
расширение	50%	50%	0%
перестановка	50%	50%	0%
Окказиональная конфигурация 2 степени	русский	английский	немецкий
фразеологическая аллюзия	0%	100%	0%
расширенная метафора	0%	100%	0%
конвергенция, фразеологическое насыщение контекста	0%	25%	75%
Узуальная конфигурация	8%	54%	38%

Проведенный нами анализ практического материала показал примерное численное равенство слоганов с использованием ФЕ в коммерческой рекламе на трех языках, тогда как социальные слоганы с ФЕ на английском языке количественно преобладают. Кроме того, существует стойкая тенденция к реализации контекстуальных трансформаций, обусловленных как интра-, так и экстралингвистическими факторами.

Так, повышенный интерес к стилистическим приемам двойной актуализации (38%) и расширенной фразеологической метафоры (57%) на английском языке (в горизонтальном срезе) можно объяснить многовековой традицией англоязычного населения творческого обыгрывания языка, языковой игры, которая отмечается многими исследователями.

Например, «*Success didn't go to his head, it went to his neighbor*»¹ – оригинальный слоган к фильму «*Envy*» («Черная зависть»), 2003 г., США [8]. Основой слогана послужила номинативная ФЕ со структурой подчинительного словосочетания «go to one's head», которая в русском языке имеет экспрессивный разговорный аналог «ударить в голову», используемый в значении «помрачить рассудок». В данном примере мы наблюдаем обыгрывание части ФЕ «<...> didn't go to his head – went to his neighbor» за счет использования расширенной метафоры, а также добавления отрицания («didn't»).

«*Roll up your sleeves*»² – слоган для социальной кампании, направленной на привлечение внимания к акции донорской сдачи крови, проводимой организацией по оказанию гуманитарной помощи в США «American Red Cross», 1972 г. [9]. Данный краткий рекламный текст был создан с использованием номинативно-коммуникативной ФЕ «to roll up one's sleeves», которую можно интерпретировать как в прямом, так и в переносном значении: в первом случае фразеологизм имеет значение «засучить рукава», во втором – «приготовиться к усердной работе». Здесь мы наблюдаем прием двойной актуализации, когда имеет место не только использование ФЕ в ее переосмысленном значении, но и в прямом: слоган для социальной рекламной кампании призывает общественность в прямом смысле «засучить рукава» и стать добровольными донорами крови в специально отведенный для данной акции день.

В немецкоязычных коммерческих и социальных слоганах одним из наиболее частотных в горизонтальном срезе является прием усечения компонента/компонентов ФЕ (52 и 42% соответственно): повышенное внимание к приему усечения компонентного состава со стороны немецких копирайтеров может отражать общие для немецкого языка тенденции к экономии немецких языковых средств и, соответственно, сокращению:

«*Ich fühl mich wohl in meiner Haut*»³ – слоган для фирмы-производителя продукции по уходу за кожей «Florena» [9]. В основу краткого рекламного текста положена ФЕ «sich nicht wohl in seiner Haut fühlen», имеющая русскоязычный аналог «чувствовать себя не в своей тарелке» в значении «быть стесненным, скованным». В данном примере мы наблюдаем усечение отрицания «nicht» в середине ФЕ. Кроме того, обыгрывание компонента ФЕ «Haut» («кожа») подчеркивает результат действия рекламируемого продукта: благодаря данному крему потребитель «находится в гармонии с собой и со своей кожей».

«*Vielleicht macht Geld glücklich. Aber wer weiß schon, was Glück ist?*»⁴ – слоган к полнометражному фильму «*Neben der Spur*», Германия, 2008 г., драма [8]. В основу краткого рекламного текста положена коммуникативная ФЕ «Geld allein macht nicht glücklich», которая используется в значении «не в деньгах счастье». В данном примере мы наблюдаем следующие преобразования: усечению подверглись наречие «allein» («только», «исключительно») и отрицательная частица «nicht». Кроме того, создатели слогана расширили

¹ База слоганов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kinopoisk.ru/>

² База слоганов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slogans.de/>

³ База слоганов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slogans.de/>

⁴ База слоганов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kinopoisk.ru/>

контекст предложения с помощью добавления наречия «vielleicht» («возможно, вероятно»), что привело к появлению семантического оттенка гипотетической модальности, которая усиливается благодаря добавлению риторического вопроса «Aber wer weiß schon, was Glück ist?» («Кто знает, что такое счастье?»). Таким образом, благодаря приему усечения сочетание слов было приближено к нуждам коммерческой рекламной кампании, а модифицированное значение ФЕ, положенной в основу слогана, заранее дает представление о сюжете фильма.

В коммерческой рекламе на русском языке широко представленным в горизонтальном срезе является прием перестановки компонентов, который составил 71% от всех случаев его использования в трех языках. Это обусловлено синтаксическими особенностями русского языка, в частности свободным порядком слов и, следовательно, возможностью варьировать положение компонентов в предложении.

Рассмотрим слоган «*Из воды сухим не выйти*»¹ к фильму «No Country for Old Men» («Старикам тут не место»), 2007 г., США [8]. Номинативная ФЕ «выйти сухим из воды» в результате структурно-семантического преобразования приобрела необходимую семантику за счет вклинивания отрицательной частицы «не», а инверсия сделала эмфатическое ударение на образности, заложенной во ФЕ.

Еще один пример, который иллюстрирует прием перестановки компонентов, – слоган для рекламы лакокрасочных изделий «*Не место красит человека, а человек место*»² [10]. Краткий рекламный текст создан с использованием коммуникативной ФЕ «не место человека, а человек место красит». В данном случае мы наблюдаем перестановку компонента-глагола «красит», благодаря которой обыгрывается не только переосмысленное, но и прямое значение слов, входящих в состав фразеологизма: подразумевается, что человек в буквальном смысле слова красит место краской – рекламируемой продукцией.

3. Выводы

В результате исследования мы пришли к выводу, что в слоганах коммерческой и социальной рекламы на трех языках реализуются следующие стилистические приемы окказиональной конфигурации первой степени: двойная актуализация, замена компонента/компонентов ФЕ (субституция), усечение компонентного состава ФЕ (эллипсис), расширение компонентного состава ФЕ (добавление, вклинивание) и перестановка компонентов ФЕ. Окказиональная конфигурация первой степени была реализована в 68% случаев в коммерческой рекламе и в 60% – в социальной. Окказиональная конфигурация второй степени в языке рекламы представлена такими стилистическими приемами, как расширенная фразеологическая метафора, фразеологическая аллюзия, конвергенция и фразеологическое насыщение контекста. Окказиональная конфигурация второй степени составила 11% от всех конфигураций в коммерческой рекламе и 10% – в социальной. Узуальное использование ФЕ было реализовано в 21% случаев в коммерческой и в 30% в социальной рекламе.

¹ База слоганов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kinopoisk.ru/>

² База слоганов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.textart.ru/>

Говоря о количественном соотношении стилистических приемов по языкам в горизонтальном срезе, важно отметить, что в коммерческой рекламе прием двойной актуализации чаще всего встречается в слоганах на английском языке (38%). Такой повышенный интерес к данному стилистическому приему объясняется национальными особенностями: английский юмор называют тонким, поскольку значительное количество шуток, анекдотов и острот построено на двусмысленности той или иной фразы или же каламбура. Интерес к данному приему обусловлен как национальными особенностями, так и эффективностью использования двусмысленности восприятия ФЕ в качестве риторического и стилистического приемов в сфере коммерческой рекламы. Кроме того, такие приемы, как расширение компонентного состава ФЕ и расширенная фразеологическая метафора, также активно представлены на материале англоязычных коммерческих слоганов и составили 83 и 57% соответственно.

В слоганах на немецком языке чаще других используются приемы усечения и замены компонента/компонентов ФЕ: в коммерческой рекламе приемы составили около 50% от всех примеров на трех языках. Замена действительно является частотным приемом, а повышенное внимание к приему усечения компонентного состава со стороны немецких копирайтеров может отражать общие для немецкого языка тенденции к экономии немецких языковых средств и, соответственно, сокращению. Кроме того, в коммерческих слоганах на немецком языке представлен такой осложненный прием, как фразеологическая аллюзия.

Интересным результатом анализа практического материала послужили данные относительно стилистического приема перестановки компонентов ФЕ. Необходимо отметить повышенный интерес отечественных копирайтеров к данному приему: в коммерческой рекламе прием перестановки компонентов составил 71% от всех случаев его использования в трех языках. Это обусловлено синтаксическими особенностями русского языка, в частности свободным порядком слов и, следовательно, возможностью варьировать положение компонентов в предложении.

Показательным по результатам проведенного исследования является то, насколько частотно представлены стилистические преобразования, реализованные на материале коммерческой и социальной разновидностей рекламы: окказиональная конфигурация первой и второй степени была зафиксирована в 79% случаев в коммерческой рекламе и в 70% – в социальной. Для сравнения: узуальное использование ФЕ было реализовано в 21% случаев в коммерческой и в 30% в социальной рекламе. Это свидетельствует об активном процессе трансформации фразеологизмов в языке рекламы по сравнению с языком художественной литературы, где ФЕ, используемых узуально, в среднем около 70%, что иллюстрирует обратную ситуацию.

4. Заключение

Таким образом, фразеологизмы в рекламных слоганах редко функционируют без стилистических преобразований: творческое использование ФЕ в рекламном слогане служит эффективным способом аттракции потенциального потребителя, поскольку рекламный текст, содержащий модифицированные фра-

зеологизмы, отличаются образность, экспрессивность, высокая читаемость и запоминаемость, оригинальность, выразительность и пр. Благодаря лаконичности, семантической емкости, воспроизводимости в готовом виде в речи, устойчивости, общеизвестности носителю языка, а также другим аспектам ФЕ представляет собой находку для творцов кратких рекламных текстов, которые используют стилистические преобразования фразеологизмов для того, чтобы приблизить их семантику к нуждам и целям рекламной кампании.

Тем не менее проведенный нами анализ практического материала показал, что выбор в пользу того или иного стилистического приема определяется не только прагматикой рекламной кампании, но и закреплённой во фразеологизмах культурной информацией, структурой языка, а также ментальностью его носителя. Образность, заложенная во ФЕ, свидетельствует о своеобразии национально-специфической картины мира и мышления носителей того или иного языка, которые, в свою очередь, находят отражение в рекламном тексте.

Фразеологизм, рассматриваемый вне контекста, является не чем иным, как статичным образованием. Однако границы фразеологии на этом не заканчиваются; напротив, семантика ФЕ раскрывается лишь в практическом, контекстуальном употреблении, в частности в языке кратких рекламных слоганов. Стилистические изменения фразеологизмов не только стимулируют обновление метафорической мысли, но и способствуют языковому изменению и развитию в целом.

Литература

1. Телия, В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
2. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
3. Naciscione A. Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010. 239 p.
4. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послесловием Ю.С. Степанова. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
5. Бегун В.В. Рекламный слоган как трансформация культурных стереотипов // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. № 1 (7). С. 31–37.
6. Mieder W. Proverbs: A Handbook / W. Mieder. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 2004. 305 p.
7. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. 3-е изд., стер. Дубна: Феникс+, 2005. 488 с.
8. База рекламных слоганов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kinopoisk.ru/>
9. База рекламных слоганов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slogans.de/>
10. База рекламных слоганов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.textart.ru/>

LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECTS OF THE CONTEXTUAL USE OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN ADVERTISING SLOGANS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 45. 139–149. DOI: 10.17223/19986645/45/10

Nina P. Soboleva, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: NPSoboleva@kpfu.ru

Keywords: phraseological unit, advertising slogan, occasional use, cultural and national identity.

The paper aims at a comparative analysis of aspects of usual and occasional use of phraseological units (PUs) in the context of social and commercial slogans for products, services and feature-length films in Russian, English and German in order to identify the main trends in the contextual implementation of PUs by reference to a linguoculturological approach. The practical material for the analysis was 18 thousand slogans in Russian, English and German. Description of the analyzed material is presented in the form of a table, where contextual configurations are arranged vertically and languages at issue are placed horizontally. The quantitative analysis of the material under study based on comparison is carried out in the vertical (all the cases of contextual use of PUs are considered within one language) and horizontal (each contextual configuration is considered separately in three languages) sections.

Phraseology is a special area of linguistics within which language, culture, history and world view of a particular ethnic group are most closely intertwined. Phraseological units being conductors into a particular culture often function in the language of advertising, which implies the use of usual and occasional phraseological units as verbal means of recipients' attraction. The comparative nature of the research which covers the analysis of slogans in three languages and a multifaceted approach to the analysis of the practical material under study determine the relevance of the study.

As a result of the carried out research the author came to a conclusion that there is an active process of transformation of PUs in the language of advertising in comparison with the language of fiction literature. The analysis of the practical material under study has shown that the choice in favor of a particular stylistic device is determined not only by the pragmatics of an advertising campaign, but also by cultural information, structure of language and mentality fixed in PUs. Imagery embedded in PUs stipulates for the uniqueness of the nation-specific picture of the world and thinking of native language speakers which, in turn, are also reflected in the advertising text.

Intense interest towards the use of stylistic patterns of pun and extended phraseological metaphor in English can be explained by the centuries-old tradition of the English-speaking population to creatively play upon the language and words, which is noted by many researchers. The German-language taglines illustrate the frequency of the usage of ellipsis, which reflects a common tendency of the German language towards the realization of linguistic economy and corresponding reduction. Permutation is widely used in the Russian-language taglines due to the syntactic peculiarities of the Russian language, its relatively free word order and, consequently, the ability to vary the position of the constituents within the sentence.

References

1. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvo-kul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
2. Kostomarov, V.G. (2005) *Nash yazyk v deystvii: Ocherki sovremennoy russkoy stilistiki* [Our language in action: Essays on modern Russian stylistics]. Moscow: Gardariki.
3. Naciscione, A. (2010) *Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
4. Vereshchagin, E.M. & Kostomarov, V.G. (2005) *Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy* [Language and culture. Three linguistic country study concepts: lexical background, speech behavioral tactics and sapient-theme]. Moscow: Indrik.
5. Begun, V.V. (2010) Advertising slogans as cultural stereotypes transformation. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 1 (7). pp. 31–37. (In Russian).
6. Mieder, W. (2004) *Proverbs: A Handbook*. Westport, Connecticut: Greenwood Press.
7. Kunin, A.V. (2005) *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [Course of modern English phraseology]. 3rd ed. Dubna: Feniks+.
8. Advertising slogans database. [Online] Available from: <http://www.kinopoisk.ru/>. (In Russian).
9. Advertising slogans database. [Online] Available from: <http://www.slogans.de/>. (In German).
10. Advertising slogans database. [Online] Available from: <http://www.textart.ru/>. (In Russian).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.0+930.27+908

DOI: 10.17223/19986645/45/11

В.А. Есипова

ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ И РЕЦЕПЦИЯ ТЕКСТА: ТОМСКИЙ ЧИНОВНИК XIX В. А.М. ГОРОХОВ И ЕГО НАСТАВЛЕНИЕ ДЕТЯМ¹

Статья посвящена рассмотрению рукописи «Залог, или Нравственное зеркало», написанной томским чиновником А.М. Гороховым в 30-е гг. XIX в. Текст рукописи представляет собой наставление Горохова детям; он ранее не публиковался и хранится в виде автографа в фонде ОРКП НБ ТГУ. Выявлены источники, которыми пользовался Горохов, методы его работы с текстом. Показано, что рукопись позволяет реконструировать круг чтения томского чиновника, его литературные интересы, представления о книге и чтении.

Ключевые слова: история литературы, рукописи, Сибирь, А.М. Горохов.

Неотъемлемой частью реконструкции литературного процесса в Сибири является анализ существовавших в регионе читательских практик. Этот аспект трудно поддается анализу в первую очередь в связи с отсутствием достаточного массива источников для исследования читательской рецепции как отдельных произведений, так и литературного процесса в целом. Действительно, любой литературный текст адресован прежде всего читателю. За читательским откликом можно следить по рецензиям в литературных журналах, эпистолярным и мемуарным источникам, но это зачастую документы, вышедшие из столичной образованной среды, близкой к литературным кругам. Для исследования провинциального читателя данных не так много; в какой-то мере их можно извлечь из рукописных сборников и журналов, бытовавших в провинции, в том числе и в Сибири, в XVIII – начале XX в. При этом именно в провинции присутствовал тот самый «массовый читатель», который составлял основу круга подписчиков «толстых» журналов, а следовательно, и экономическую основу существования многих отечественных литераторов. Однако восприятие этим «массовым читателем» явлений современного ему литературного процесса изучено крайне мало.

В этой связи привлекает внимание рукопись томского чиновника А.М. Горохова «Залог, или Нравственное зеркало», хранящаяся в отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРКП НБ ТГУ) [1]. Она была написана в 30-е гг. XIX в. в Томске и представляет собой наставление Горохова его детям; текст

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ и Администрации Томской области в рамках научного проекта №16-14-70001 (а/р).

не предназначался автором к публикации. Истории рукописи и биографии ее автора был посвящен ряд публикаций В.П. Бойко [2, 3].

Автор текста – Александр Михайлович Горохов – родился в 1769 г. в Петербурге. Он занимал разные административные должности в Иркутске, Бийске, Каинске, Енисейске, Нарыме и Томске. Завершил службу в 1820-х гг. в Томске в должности советника и чиновника особых поручений, дослужившись до 8-го класса согласно Табели о рангах. В Томске хорошо известен один из его сыновей – Философ Александрович Горохов, «Томский герцог», один из самых состоятельных людей Сибири, история быстрого восхождения и стремительного падения которого неоднократно публиковалась (см.: [4. С. 140, 177–180, 188–189; 5] и др.).

Рукопись носит авторское заглавие – «Залог, или Нравственное зеркало», указывающее на предметы, которые могут служить руководством в жизни...». Она представляет собой обширный блок на 274 листах, форматом в 2⁰ (фолио). Автор пронумеровал листы в первой и второй части рукописи отдельно (8 нн., 2 – 154, 2 нн., 1 – 100). Рукопись написана преимущественно на бумаге производства Вятских фабрик, что характерно для Сибири XIX в. Весь текст написан одним и тем же почерком: это беглая, крупная скоропись XIX в., с отдельными элементами XVIII в.

Украшение рукописи весьма скромно. Поля на всех листах прочерчены чернилами. На титульном листе, под заголовком, вклеена небольшая круглая иллюстрация, явно вырезанная из книги. Это гравюра на меди, в круглой линейной рамке, она раскрашена от руки цветными карандашами и представляет собой пейзаж с изображением реки, лодки и гуляющих людей. На л. 60 об. наклеено изображение собаки, вырезанное из желтой фольги. Вероятно, аналогичное по технике исполнения изображение бабочки имело место также на л. 170 об., однако в настоящее время оно утрачено, и предположить, что там было помещено, можно лишь по следам клея и краски.

Основа крышек полукожаного переплета – самодельный картон, склеенный из фрагментов делопроизводственных документов XVIII в., сверху крышки оклеены зеленой бумагой. Уголки и корешок коричневой кожи, на корешке – слепое тиснение. Также на корешке имеется ярлык из красной бумаги, на котором рукой Горохова написано «Зерцало». На верхней крышке также наклеен ярлык из розовой бумаги, вырезанный в форме сердечка; на нем А.М. Горохов написал: «Зерцало или...» (далее текст затерт).

Особо следует сказать о записях и пометах на полях и форзацах рукописи; они позволяют восстановить ее историю. Прежде всего, следует обратить внимание на печать, черный оттиск которой имеется на л. 272 об. На печати изображен гербовый щит, разделенный диагональной полосой, направленной в левый верхний угол; на полосе затерта, но все же читается фамилия «Горохов». Изображения в правом верхнем и левом нижнем углах щита не просматриваются, поскольку плохо пропечатаны. Щит увенчан дворянским шлемом, над которым помещено изображение льва с пальмовой ветвью в лапах, развернутого влево. По сторонам щита пышный намет, а под щитом расположены изображения двух орденов на лентах (крестообразного и круглого). Известно, что Горохов являлся кавалером ордена Владимира 4-й степени; знак этого ордена имел как раз крестообразную форму. Орден Владимира

4-й степени вручался лицам, имевшим не ниже 7-го класса в табели о рангах (надворный советник, подполковник, капитан второго ранга), а также им награждались за 35-летнюю беспорочную службу¹. Что касается второго орденского знака, также на ленте, но имеющего круглую форму, пока не удалось установить, что это за орденский знак.

Интересно, что герб целым рядом деталей напоминает герб дворян Тарховых, описание которого помещено в Общем гербовнике дворянских родов [8. С. 72–73]. На гербе Тарховых есть некоторые детали, которые не просматриваются на печати в рукописи Горохова; кроме того, на нем, разумеется, отсутствует надпись «Горохов» на ленте, протянутой поперек щита. Вместе с тем типологическое сходство гербов позволяет предполагать возможное родство Горохова с семьей Тарховых – не исключено, что по женской линии. Однако в настоящий момент недостаточно материалов, чтобы полностью подтвердить или опровергнуть это предположение. Отметим также, что на л. 274 об. имеется рисунок, выполненный пером от руки и в общих чертах воспроизводящий печать с л. 272 об. Рисунок печати воспроизведен крайне приблизительно, но в центре изображения довольно отчетливо видна надпись «А. Горох...».

На ряде листов читаются писцовые записи, извещающие о ходе работ. Из них становится ясно, что Горохов создавал «Зерцало» как минимум в два этапа. Так, на л. 166 об. читаем: «Набело переписывать это начал июня с 10 числа, кончил июля 5-го дня 1837 года в Томске. К сему следует еще особое прибавление и здесь же, № 3»; на л. 272 об.: «Было кончено июня 27-го дня 1839 года. А далее еще прибавки». Многочисленные дополнения к тексту сделаны Гороховым как на полях или между строк, так и на вклеенных листах (л. 3, 10 об., 15, 15 об., 21 об., 29, 37 об., 43 об., 44, 49 об. и мн. др.).

Горохов обсуждал написанное и передавал рукопись для прочтения авторитетным, с его точки зрения, людям. Об этом имеются свидетельства: так, на л. 1 об. читается письменный отзыв о рукописи Агапита, первого епископа Томского и Енисейского; в левом верхнем углу А. Гороховым помечено: «К нему представил 5 августа, а он обратился 10 сентября 1839 года». Агапит написал, в числе прочего, следующее: «...благонамеренный и усиленный труд попечительнейшего отца о детях нельзя было не прочесть, и притом не без особенного к тому внимания».

В тексте рукописи и на полях имеются также многочисленные карандашные пометы и комментарии к тексту, выполненные рукой еп. Агапита. Часть дополнений к тексту была сделана Гороховым в ответ на пожелания епископа. Например, на л. 72 Агапит поддерживает рассуждения автора о морали праведников репликой «Достойно замечания». На л. 110, когда Горохов высказывает мнение, что «должна быть признана лучшею та книга, которая

¹ «Ст. 386. Императорский орден св. равноапостольного князя Владимира установлен в награду подвигов, совершаемых на поприще государственной службы, и в воздаяние трудов, для пользы общественной подъемлемых. Ст. 387. Орден св. Владимира разделяется на 4 степени, из коих две первые именуются степенями большого креста.... Четвертая степень. Крест такой же, но меньшей величины; носится в петлице на ленте шириной в полвершка. На кресте, жалуемом за тридцатипятилетнюю службу, на поперечных концах с обеих сторон серебряная надпись: 35 лет. [6. Ст. 386, 387]. См. также [7].

представляет истину под приятными формами», что это «зеркало, в которое мы смотримся, часто не видя себя». Епископ Агапит с ним не согласен: «Не так – надобно иначе думать – друг мой». А.М. Горохову были дороги замечания епископа; он даже составил их полный перечень и подклеил его к форзацу рукописи (л. I).

Также на л. 274 об. на нижнем поле читается: «С особенным удовольствием прочитал. Протоиерей Созонт Куртуков». Созонт Иванович Куртуков (1775–1834?) являлся священником в церквях Барнаула и Тюмени; установлен факт его знакомства с таким известным духовным лицом, как Макарий (Глухарев) [9; 10. С. 11]¹. Очевидно, мнение Созонта Куртукова было важным для А.М. Горохова.

О том, каким образом рукопись оказалась в фонде НБ ТГУ, позволяют судить оттиски печатей, имеющиеся на форзаце; это печать Томского этнолого-археологического музея ТГУ от 1924 г. за №108; там же печать музея истории материальной культуры ТГУ от 28 декабря 1948 г. за № 50. Известно, что книги из Музея истории материальной культуры ТГУ были переданы в НБ 26 мая 1954 г. [11. Л. 1–5], среди них была и представительная коллекция рукописей и кириллических изданий из собрания Тобольского церковного древлехранилища. Рукопись Горохова не несет на себе следов пребывания в Тобольском древлехранилище; остается предположить, что уже в 1920-е гг. она была кем-то передана в университет, однако детали этого процесса в настоящий момент неизвестны. Первичное описание рукописи и нумерацию листов выполнила первая заведующая ОРКП НБ ТГУ Л.А. Панова.

Особенность текста рукописи заключается в обилии явных и скрытых цитат и ссылок на литературные и фольклорные произведения, которые были знакомы А.М. Горохову; цитаты он использовал для обоснования своих взглядов. Так, он упоминает, что «когда-то давным-давно читывал стародавние истории и так называемые небылицы в лицах: о Бове королевиче, о Петре златых ключах, о царе Кучуме, Царь-девице, о Яге бабе и тому подобные смышлености и замысловатости» (л. 213). Также он упоминает, что пробует «играть на скрипке или напевать дрожащим голосом старинные были и духовные песни» (л. 34 об.). К сожалению, других деталей о своем знакомстве с этими текстами Горохов не приводит, поэтому судить о нем можно лишь поверхностно, констатируя сам факт такого знакомства.

Особое место среди источников, привлекавшихся А.М. Гороховым, занимает Библия, включая книги как Ветхого, так и Нового Завета. Автор часто ссылается на нее и делает обширные выписки из Посланий апостольских, Книги премудростей Соломона, Книги премудростей Иисуса, сына Сирахова и др. Так, из Пятикнижия Моисеева (Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие) Горохов использует две книги: Исход и Второзаконие. Из книги Второзакония им приводится прямая цитата (л. 54–54 об.); она служит для обоснования мотивов написания «Зерцала»: «Да помянешь весь путь, им же проведе тебе Господь Бог твой...». Текст из книги Исход пересказывается (л. 151, вставка на полях) – это известный сюжет о явлении ангела Моисею в

¹ В 1830 г. С.И. Куртуков – барнаульский соборный протоиерей, в 1830 г. он встречался там с о. Макарием (Глухаревым), направлявшимся из Тобольска в Алтайскую духовную миссию.

горящем терновом кусте. Из остальных ветхозаветных книг по одному разу цитируются Псалтырь (л. 178, псалом 144) и первая книга Царств (л. 177 об. – 178). Дважды обращается Горохов к тексту книги Екклесиаста (л. 54 об., 56), причем во втором случае он ошибочно указывает, что известная цитата «все видимое есть суета» и что «ничего нового нет, было прежде, есть ныне и будет впредь, ибо род минет и род приходит, вся словеса о сем трудны, и не может никто глаголати» взята из книги премудрости Соломона. Неоднократно обращается Горохов к тексту книги Иисуса, сына Сирахова: это небольшие цитаты (л. 40, 69 об., 79, 95 об.), а также две довольно обширные серии выписок (л. 144 и 155 об. – 156 об.). В последнем случае это подборка выписок на очень интересующую Горохова тему: взаимоотношения в семье вообще и между родителями и детьми в частности («Делом и словом чти отца твоего, да найдет ти благословение от него», «Всем сердцем твоим прослави отца твоего, и матерни болезни не забуди», «Дщи мудра почтет отца своего, а несрамляющаяся печаль отцу», «Гнев велик – жена пьянива, и стыда ея не имать покрыти» и др.). Также активно Горохов использовал текст книги Притчей Соломоновых (л. 69, 140, 144, 163 об.). На л. 154 об. – 155 об. читается целая серия выписок из этого текста, также посвященная вопросам семейных взаимоотношений («Слушай, сыне, отца Твоего наказание (учения), да мудр будеши на последок твой», «Злословий отца или мать, угашает светильник свой, зеницама же очию своею узрит тьму, и напоследок не благословится» и др.), а также о грехе пьянства («Невинно вино, проклято есть пьянство», «Не буди винопийца, всяк бо пьяница и любодей обнищают» и др.). К книге Премудростей Соломона Горохов обращался реже: цитаты из нее встречаются только одни раз, вместе с комплексом выписок из книги Притчей Соломоновых (л. 144–145).

Книги Нового Завета Горохов использует не так активно. В тексте имеются цитаты из трех (из известных четырех) канонических Евангелий: две небольшие цитаты из Евангелия от Матфея (л. 56, 127) и одна цитата из Евангелия от Марка (л. 56). Несколько больше цитат из Евангелия от Луки (л. 124 об., 125 об., 151 об.), а также пересказ известной притчи о талантах, зарытых в землю (л. 4–5). Послания апостольские также привлекали внимание Горохова весьма фрагментарно: он использует исключительно послания апостола Павла. Так, в рукописи цитируются послание к римлянам (л. 124 об., 151 об.), к филиппийцам (л. 136), к галатам (л. 140), к фессалоникийцам (л. 200) и к ефесянам (л. 200). Необходимо отметить, что во всех случаях это не цитаты непосредственно в тексте, а выписки на клейках, позже добавленных к рукописи. Возможно, Горохов обратился к тексту Посланий апостола Павла уже после того, как основной текст был закончен, и подбирал дополнительную аргументацию своей точки зрения.

Текст рукописи позволяет оценить знакомство А.М. Горохова с русской и зарубежной литературой. Так, Горохову были известны произведения русских поэтов XVIII в. Г.Р. Державина («Духовные оды» и др.) и А.Д. Кантемира (Сатира I). Например, рассуждая о том, что случается множество «бедствий и зол, которые обыкновенно бывают следствием дурного употребления богатства, дарованного нам слепым случаем» (л. 43 об.), Горохов вспоминает и цитирует стихотворение Державина «К первому соседу» (Горохов ссылает-

ся на него как на «стишок Державина, сказанный Голикову»). В рукописи приводится лишь фрагмент стихотворения:

Сибирские горы серебра
И дождь золотой к тебе лиется...
Блажен, кто поутру проснется
Так счастлив, как был вчера.
Непостоянство доли смертных
В прменах вкуса счастья их;
Среди утех своих несметных
Желают утех иных.
Придут, придут часы те скучны,
Когда мысли и руки тучны
Перестанут прибыли считать.

Отметим, что при первой публикации в «Санкт-Петербургском вестнике» [12. С. 108] произведение появилось под заглавием «Ода к моему соседу господину N»; заглавие «К первому соседу» появилось в более поздних публикациях. Стихотворение обращено к курскому купцу М.С. Голикову, одно время проживавшему в Сибири и являвшемуся одним из соучредителей компании, позже получившей название Русско-Американской, вместе с И. Шелеховым и И.Л. Голиковым.

Также Горохов цитирует стихотворение Державина «Видение мурзы» (л. 59 об. – 60), впервые опубликованное в «Московском журнале» [13. С. 8]:

Блажен, кто доволен
В сем свете жребием своим,
Обилен, здоров, покоен, волен,
И счастлив лишь сбой самим.
Кто сердце чисто, совесть праву
И твердый нрав хранит в свой век
И всю свою в том ставит славу,
Что он лишь добрый человек.

Отметим, что пояснения Державина, фактически данные им в этом стихотворении по поводу обвинений его в лести императрице в связи с одой «Фелице», отказ его от мысли стать «советником при троне» (в отличие от прозаического плана стихотворения «Видение мурзы», составленного в 1783 г.) и изложенные в этой связи взгляды на жизнь довольно близки тому, что проповедует Горохов. Как и Державин, Горохов не являлся политическим бойцом, но высоко ставил гражданское служение отечеству и личную честность и искренность.

Очень важен для Горохова мотив равнодушия к богатству материальному – в противовес богатству духовному. Аргументируя свою позицию, он приводит цитаты еще из двух произведений Державина: стихотворения «Фелице» (л. 122 об.):

Почувствовать добра приятство,
Такое есть души богатство,
Какого Крез не собирал
и стихотворения «Меркурию» (л. 258 об.):
Сбирать, завидовать измлада
Я не привык и не хочу.

Богатство ль старику награда?
Давно с презреньем я топчу
Его всю прелесть равнодушно.

Как известно, последнее стихотворение появилось, когда в 1794 г. Державин был назначен президентом коммерц-коллегии против его желания.

Рекомендуя детям «не сходить со стези истины и уклоняться от несправедливости», Горохов демонстрирует знакомство с драматическими произведениями Державина. В качестве негативного примера, которому не следует подражать, им приводится краткая комическая цитата из песни Торопа из «Добрыни», произведения, которое сам Державин называл «театральным представлением с музыкой» (л. 89):

Где дружат, там пса оправят –
Прав! Напишут в три пера,
А налягут – вмиг задавят
И слона, и комара.

Произведение А.Д. Кантемира Горохов цитирует только один раз; он приводит фрагмент «Сатиры I», причем перефразированный (л. 212 об.):

Рукопись
Ум незрелый, плод **небольшой** науки,
Покойся, не понуждай к перу мои руки,
Не писав, летящи дни века **проводит**,
Можно и славу достать, хоть творцом не **слыть**.
Ведут к ней нетрудные в наш век пути **многих**,
На которых смелые не запнутся ноги.
Смотри! Смеются, кто в **трудах** над столом
гнется,
И уверяют, что, пяля в книгу глаза **большого**
уваженья не добьется.

Публикация [14. С. 57]
Ум незрелый, плод **недолгой** науки,
Покойся, не понуждай к перу мои руки:
Не писав, летящи дни века **проводити**
Можно и славу достать, хоть творцом не **слыти**.
Ведут к ней нетрудные в наш век пути **многи**,
На которых смелые не запнутся ноги.
Всех неприятнее тот, что босы проклали
Девять сестер. Многи на нем силу потеряли,
Не дошед; нужно на нем потеть и учиться,
И в тех трудах всяк тебя как мору чужится,
Смеется, **гнушается**. Кто над столом гнется,
Пяля в книгу глаза, **большинх** не добьется.

Басни И.А. Крылова используются Гороховым при подборе положительных примеров для детей. Так, он цитирует басню «Старик и трое молодых» (л. 18–18 об.):

Из детства я к трудам привык,
А если от того, что делать начинаю,
Не мне лишь одному я пользы ожидаю,
То признаюсь, за труд такой еще
Охотнее берусь.

Той же цели служат и цитаты из басен «Ворона и лисица» (л. 90 об., вставка на полях): «...сколько раз твердили миру, что лесть гнусна, вредна. Но только все не впрок, и в сердце льстец всегда отыщет уголок»; а также «Две бочки» (л. 59 об.): «Кто про свое дело кричит всем без умолку – в том, верно, мало толку».

Однако был знаком Горохов и с произведениями Крылова, относящимися к совершенно другому жанру. Так, он перефразирует «Подражание псалму

17-му» (л. 133), говоря о невозможности познать божество человеческим разумом:

Рукопись
Довольно с нас, чтоб Бога знать любить,
То знает, что без него не может быть.

Публикация [15. С. 263]
Чтоб бога знать, быть должно богом;
Но чтоб любить и чтить его,
Довольно сердца одного.

Тема страстей и грехов человеческих чрезвычайно волновала Горохова; он неоднократно обращается к ней, увещевая детей не поддаваться им. В качестве аргумента он использует, в числе прочего, творчество П. Сумарокова. Так, рассуждая о тщеславии и гордости, Горохов ссылается на оду «К человеку» (л. 96 об. – 97):

Игрушки счастья и судьбины,
С дурным посредственной смесью,
Кусок одушевленной глины,
Оставь свою смешную спесь!
Почти владыкой ты себя природы ставишь
Сегодня гордою пятой –
Ты землю, презирая, давишь,
Но завтра... Будешь сам давим землею той.

Однако Горохов не только цитирует произведения П.П. Сумарокова, но и сочиняет собственные тексты «по их мотивам». Так, в рукописи читается аллюзия на одну из эпиграмм Сумарокова (л. 159 об.):

Рукопись
Какой-то писака славную поэму сочинил,
И всех читателей **этим** прослезил,
Но я вам в 5 пуд **сочиненья** сбрыкал!
Но от **него** один лишь **сам я** и плакал.

Публикация [16. С. 151]
Битобе славную поэму сочинил.
И всех читателей **он ею** прослезил.
А ты, Глупонов, нам в пять пуд **поэму** сбрыкал,
Но от **твоей** один лишь **только цензор** плакал.

Таким образом Горохов иронизирует над своим «Залогом», имея в виду его изрядный объем и одновременно выражая скрытое опасения о том, что дети так и не соберутся дочитать до конца этот обширный труд.

Но надежда быть понятым все же оказалась сильнее; снова обращаясь к детям, Горохов все же выражает уверенность, что родные ознакомятся с его текстом, что сделает более приятным конец его жизни. В качестве аргумента он приводит цитату из И.М. Долгорукова: «Вы не поверите, что я даже наизусть затвердил стих Долгорукова» (л. 42–42 об.). В данном случае имеется в виду стихотворение «Ответ на приветствие В. С...п», которое приводится Гороховым фрагментарно, но очень близко к тексту:

Рукопись
Ах, природа возвещает,
Скоро мне заснуть пора.
Предтечу в гости посылает,
Стучится старость у двора!

Публикация [17. С. 146]
Но, ах! Природа возвещает,
Что скоро мне заснуть пора,
Предтечу в гости посылает,
Стучится старость у двора

В ответ на замечания – видимо, довольно частые – о том, что родственники Горохова (а именно сын Филолог) обладали существенным богатством,

Горохов также приводит очень близко к тексту выдержку из стихотворения Долгорукова «Мой театр» (л. 59):

Рукопись	Публикация [17. С. 103]
Меня поносят, слышу, строго, Зачем сижу я дома и тешу я себя. Кричат: он видно нажил много, И честь, и совесть погубя! Прошу покорно всех нахалов – Мой дом прийти ревизовать, Моих завидных капиталов Наличность осязать. И, сделав обыск самый верный, Увидеть ясно без очков, Что мой достаток беспримерный – Нарост на языке лжецов.	Меня поносят, слышу, строго, Зачем так тешу я себя; Кричат: он видно нажил много, И честь, и совесть погубя! Прошу покорно всех нахалов Мой дом прийти ревизовать, Моих завидных капиталов Наличность мяжку осязать!.. И сделав обыск самый верный, Увидят ясно без очков, Что мой достаток беспримерный Нарост на языке лжецов.

Пренебрежение к богатству и материальному благополучию также иллюстрируется Гороховым цитатой из «Камина в Москве» Долгорукова (л. 30 об.): «Коль сыт одним – на что три блюда? Коль кафтан – на что их пять? К чему потребна денег гряда? Умрешь – с собой ведь не взять...».

Религиозность Горохова уже была показана выше на примерах цитирования им книг Ветхого и Нового Завета. Однако привлекала его внимание и поэзия, содержащая соответствующие мотивы. Так, в рукописи есть две обширные цитаты из стихотворения В.И. Соколовского «Мироздание» (л. 133 – вклеенный лист и л. 200):

Кто мудрый – может разгадать
Немые тайны сотворенья
И непостижимые виденья –
Словами смертных передать?
Кто, упиваясь тщетою,
Дерзнет безумною мечтою
Вникать в святые чудеса?
Кто заповедное судьбами –
Увидит бренными очами?
Слепцам закрыты небеса...
Мы рвемся в сумрачную даль,
Но тесны смертного пределы,
И что ж с тобой, безумец смелый?
Души могильная печаль (л. 133).

Рукопись (л. 200)	Публикация [18. С. 34]
Затеплем святостью сердца, Увлажним души мы слезами, И благодарными мольбами – Испросим милость у отца: Пусть дух бессмертного провиденья, Нам будет кормчим в море бед, И Богу вновь дадим обет Любви и веры, и смиренья!	Затеплем святостью сердца, Увлажним души мы слезами И благодарными мольбами Испросим милость у Отца; Путь Дух бессмертный Провиденья Нам будет кормчий в море бед. И Небу вновь дадим обет: Любви, и Веры, и Смиренья!

Большое место в рукописи занимает проблема старения и смерти. Подводя жизненный итог, Горохов указывает детям на бренность всего сущего, ничтожность человека перед лицом Бога. Для иллюстрации он использует по-

эму В.И. Соколовского «Хеверь», которую достаточно близко к тексту цитирует (л. 197 об.):

Рукопись	Публикация [19. С. 44–45]
Века идут, проходят поколения, Шумящие народные семьи – Скрываются и тонут в забытьи, И новое особое мнение. В свою черду приносит каждый век; И с каждым днем меняет человек – Все выводы, свои соображенья , И то, что он сегодня счел благим, То завтра же, как басня перед ним, Но чувства? – они без измененья .	Века идут, преходят поколения Шумящие народные семьи Скрываются и тонут в забытьи, И новые, особенные мнения В свою черду приносит каждый век, И с каждым днем меняет человек Все выводы своих соображений , И то, что он сегодня счел благим, То завтра же, как басня перед ним, Но чувства, друг , — они без изменений .

Отношения родителей и детей – еще одна очень важная для Горохова тема. Вероятно, в наибольшей степени его волновала судьба сына Философа – скорее всего, именно ему адресованы пассажи о бренности материального богатства. Вряд ли сын очень уж прислушивался к отцу, что вызывало непонимание между ними. В тексте «Залога» содержатся прямые призывы взять в качестве образца его, Александра Горохова, правильную жизнь и спокойную старость; в одном из таких случаев приводится цитата из «Горя от ума» А.С. Грибоедова (л. 44 об.):

Рукопись	Публикация [20. С. 13]
На сей раз не надо детям образца, Когда в глазах пример отца. Смотрите на него, не хвастает сложенъем Однако был бодр, свеж и дожил до седин, Свободен ныне и себе он господин, Скромным известен поведением.	Не надобно иного образца, Когда в глазах пример отца. Смотри ты на меня: не хвастаю сложенъем, Однако бодр и свеж, и дожил до седин, Свободен, вдов , себе я господин... Монашеским известен поведением!

Неточности в цитировании в данном случае могут быть объяснены не только цитированием по памяти или необходимостью преобразовать текст под конкретные жизненные обстоятельства, которые представлялись важными Горохову (например, замена в последней строке «монашеским» на «скромным»). Пока трудно в точности установить, использовал ли Горохов публикацию «Горя от ума» или один из многочисленных списков, которые были в ходу в первой трети XIX в., поэтому ряд разночтений может быть объяснен особенностями имевшегося в его распоряжении списка.

«Зерцало» содержит также и ряд практических рекомендаций детям о поведении в свете. Горохов придает большое значение умению вести беседу, к месту пошутить. Признает он назидательную роль сатиры, которая «приносит иногда пользу более всякого нравоучения», и подкрепляет свою мысль цитатой из «Евгения Онегина»:

(л. 91, вклейка, фрагмент главы 6):

Приятно дерзкой эпиграммой
Взбесить оплошного врага,
Приятно зреть, как он упрямо,
Склонив бодливые рога,
Невольно в зеркало глядится
И узнавать себя стыдится.

Приятней, если он, друзья,
Завоет сдуру: Это... Я....

С точки зрения Горохова, способность обращаться в свете включает и умение общаться с самыми разными людьми, даже в том случае, если взгляды их совершенно противоположны. Для описания подобных отношений он приводит две строки из главы 2 (л. 215 об.):

Они сошлись – вода и камень,
Стихи и проза, лед и пламень ...

Предостерегает Горохов своих детей и от ложной дружбы, которая часто встречается в свете; для ее характеристики он использует стихотворение А.С. Пушкина «Дружба» (л. 71):

Ныне дружба *часто* как «легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обман, тщеславие безделья
Иль покровительства позор.

Важным для автора «Залога» была также способность с достоинством принимать любые испытания, поскольку «нередко и самое несчастье обращается в нашу пользу»; здесь ему пригодились стихотворение В.Л. Пушкина «К лире» (л. 100):

Рукопись	Публикация [22. С. 657]
К пользе и несчастье дает	Но к пользе и несчастье
Нам Бог терпеть;	Дает нам рок терпеть;
Когда пройдет ненастье –	Когда пройдет ненастье,
Приятней солнце зреть.	Приятней солнце зреть.

Существенное место в системе ценностей Горохова занимают взаимоотношения супругов. Для убедительности он вновь обращается к отрицательным примерам, которые черпает из главы 4 «Евгения Онегина» (л. 81–81 об.):

Ревнивый муж не клад! Я этого не скрою –
А каково-то жить с ревнивою женою?.

Что может быть на свете хуже
Семьи, где бедная жена –
Грустит о недостойном муже
И днем и вечером одна.
Где скучный муж, ей цену зная
(Судьбу однако ж проклиная),
Всегда нахмурен, молчалив,
Сердит и холодно-ревнив.

Горохов неоднократно сетует на свою многословность, неумение передать словами накопленный богатый опыт. Он готов «вывернуть свою голову, как походную сумку, наизнанку, чтоб вытряхнуть из нее разом все, что хранится в ней запасом о знании света и о замечаниях моих. Да невозможно, к тому же мне Пушкина подстрекает ум: пиши» (л. 174 об., вклейка):

Рукопись	Публикация [21. С. 3]
... плоды своих дум, Останься тверд, спокоен и угрюм. Признательность всегда за подвиг благородный! А награда в самом тебе , ты сам свой высший суд, Всех строже оценишь свой труд!	Поэт! Не дорожи любовью народной. Восторженных похвал пройдет минутный шум; Услышишь суд глупца и смех толпы холодной, Но ты останься тверд, спокоен и угрюм. Ты царь: живи один. Дорогою свободной Иди, куда влечет тебя свободный ум, Усовершенствуя плоды любимых дум, Не требуя наград за подвиг благородный. Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд; Всех строже оценить умеешь ты свой труд. Ты им доволен ли, взыскательный художник? Доволен? Так пускай толпа его бранит И плюет на алтарь, где твой огонь горит, И в детской резвости колеблет твой треножник.

Таким образом, гражданский пафос стихотворения «Поэту» оказывается при цитировании практически нивелирован: Горохов воспринимает этот текст лишь как призыв продолжать свой труд, адресованный исключительно детям.

Возможно, что Горохов был знаком и с «Маленькими трагедиями» Пушкина: на л. 195, говоря о различных грехах, он описывает и грех скупости; этот фрагмент перекликается с текстом «Скупого рыцаря»: «Взгляните на скупца: он умирает от жажды изобильного источника, ибо скупые застрахованы от всех других страстей. Любовь к золоту преобладает над всеми его чувствами, слово «издержки» возмущает его душу, раздирает его сердце на тысячу частей, и только о милых своих денюжках говорит он с умилением, оставшись наедине со своей скупостью».

Что касается творчества М.Ю. Лермонтова, то фрагменты перефразированного стихотворения «В альбом (из Байрона)» помещены Гороховым на титульный лист его рукописи и могут быть рассмотрены как своеобразный эпиграф ко всему тексту «Залога» в целом:

Рукопись	Публикация [23. С. 81]
Как одинокая гробница Вниманье путника зовет, Так эта бедная страница Пусть милый взор ваш привлечет	Как одинокая гробница Вниманье путника зовет, Так эта бедная страница Пусть милый взор твой привлечет.
И если, после многих лет, Прочтете вы , как мечтал не поэт, И вспомните , как вас любил он, То вспомните , что его уж нет, Что сердце здесь свое похоронил он.	И если после многих лет, Прочтешь ты , как мечтал поэт, И вспомнишь , как тебя любил он, То думай , что его уж нет, Что сердце здесь похоронил он.

Эта цитата указывает на хорошее знакомство А.М. Горохова с современной ему литературой, так как вольный перевод стихотворения Байрона был опубликован практически одновременно с началом работы Горохова над его записками.

Продолжая тему переводов, отметим немного перефразированный фрагмент перевода из монолога Фауста, опубликованного в пушкинском «Современнике» (л. 181 об.):

Рукопись	Публикация [24. С. 301]
Жертвовать мечтам Своей выгодой смешно и безрассудно. И, чтоб в науке счастья не подражать глупцам, Рассудку, здравому постичь его нетрудно: За славой не гонись, не трать напрасных слов, Но к делу будь всегда готов.	Поверь мне, жертвовать мечтами Своею выгодой смешно и безрассудно. В науке счастья не подражай глупцам; Рассудку здравому постичь ее не трудно, За славой не гонись, не трать напрасных слов, Но к делу будь всегда готов.

Горохов цитирует стихи многих поэтов первой трети XIX в.: Е.Н. Шаховой (л. 1), И. Ключникова (л. 6), В.И. Красова (л. 6), И. Козлова (л. 47), А.А. Бестужева-Марлинского (л. 82 об., вклейка), Е.А. Баратынского (л. 86 об.), Георгия Задонского (л. 100 об., вклейка), Н.В. Кукольника (л. 182), Ф.Н. Глинки (л. 189 об.), Л.А. Якубовича (л. 212 об.), А.В. Тимофеева (л. 234 об.), К.М. Айбулата (л. 259), Ф.Н. Слепушкина (л. 259 об.), Э.И. Губера (л. 264). Отметим, что пока не все цитаты в рукописи Горохова идентифицированы, так что этот список может пополниться. Кроме того, часть текстов сочинена им самостоятельно, например посвящение жене (л. 273–274).

Что касается литературной критики, в рукописи неоднократно приводится мнение Ф.В. Булгарина (л. 11 об., 67 об., 71 об., 74, 89). Горохов во многом солидарен с ним: и в вопросе об оценке современного читателя, «покупающего книги понаслышке», и по поводу современной молодежи, позволяющей себе «думать немного, но говорить обо всем», и о различии между талантом рассказчика и талантом писателя.

Знакомство А.М. Горохова с зарубежной литературой, насколько об этом позволяет судить текст «Залога», менее обширно. Однако при этом присутствуют некоторые знаковые имена, которые обязан был знать любой образованный человек того времени. Например, в связи с рассуждением о важности веры в Бога упоминания удостоился «языческий писатель Плутарх, опровергающий лживые доводы сластолюбца Эпикура» (л. 249 об.). В этой же связи Горохов ссылается на Сократа и Пифагора (л. 140 об., вклейка), приводя характеристики Бога как верховного существа. Говоря о роли супружества в жизни человека, он цитирует анонимного «греческого мудреца» (л. 85) и «римские законы» (л. 85 об.), где предлагается личное имение каждого из супругов почитать общим.

Упомянется в рукописи также «старинный трубадур Рюдель» (л. 174). Рюдель, Джауфре, сеньор де Блаи – провансальский трубадур, (ок. 1100 – после 1148), участник второго крестового похода. Он известен тем, что сложил ряд прекрасных песен в честь графини Годьерны Триполитанской, о которой узнал со слов паломников. Чтобы встретиться с предметом своей любви, Рюдель отправился в Триполи, где и скончался на руках графини. Она повелела похоронить его с почестями, а сама постриглась в монашки. До наших дней дошло всего семь стихотворений Рюделя, четыре из них с нотами. Легенда о любви Рюделя и графини Триполитанской была очень популярна в европейской литературе XIX–XX вв. Этот сюжет лег в основу поэтической драмы Э. Ростана «Далекая принцесса», на этот же сюжет М. Врубелем создано мозаичное панно на фасаде московской гостиницы «Метрополь» и т.д. Интересно, что Горохов уподобляет себя Рюделю в первых строках третьей части «Зерцала», начатой им почти через год после окончания предыдущей

части рукописи; это уподобление он объясняет тем, что «Он опять принялся за свое». Таким образом, в этом образе отклик со стороны Горохова нашла не лирическая составляющая истории, а лишь упорство Рюделя в достижении поставленной цели.

Если говорить об авторах Нового времени, упоминается Ж.Ж. Руссо (л. 174, вставка): Горохов сетует, что не может, «подобно Руссо... переливать чувств своих в мысли, а мысли в красноречие». Цитат из произведений Руссо при этом в рукописи нет.

Резюмируя, можно, сказать, что Горохов был весьма неплохо знаком с отечественной литературой XVIII – первой трети XIX в., преимущественно с поэтическими текстами. Однако проза привлекала с его стороны меньшее внимание, как и зарубежная литература, за исключением отдельных античных и средневековых авторов. Возможно, причина кроется в незнании Гороховым иностранных языков; но при этом отметим, что не особенно часто цитирует он и переводы. В целом его знакомство с зарубежной литературой основано, вероятнее всего, на классической гимназической программе, русскую же литературу он действительно любил и знал.

Отметим, что не все свои умозаключения Горохов подкреплял цитатами. В первую очередь к таким темам относится все глубоко личное: так, практически не содержится цитат в его автобиографическом рассказе в начале рукописи; отсутствуют цитаты и в его лирическом обращении к жене, которое располагается в конце «Залога».

Привлекают внимание методы работы А.М. Горохова с текстом. Он крайне редко воспроизводит текст стихотворений полностью; наиболее часто встречается комбинация из стихотворных фрагментов, извлеченных из различных произведений. Например, на л. 263 об. – 264 об. помещена обширная подборка, включающая фрагмент стихотворения Э.И. Губера «На кладбище», текст стихотворения Л.А. Якубовича «За днями дни текут» и еще три не идентифицированных пока стихотворных фрагмента. В рукописи все они составляют единый текстовый массив:

«Спрашиваю тебя, летучее время:
Волшебник крылатый, скажи мне,
Каким потаенным путем
Уносишь ты радость, тоску и утраты
В незримом полете своем?
Скажи же мне, время на царственных крыльях,
Далеко ли у родных память умчишь обо мне,
Об этих порывах, об этих усилиях,
Об этих слезах в тишине?
Или без вниманья, широким размахом,
Ты память обо мне за собой унесешь,
Засыплешь все думы забвения прахом
И в бездну веков заметишь?..»
И тогда так: «Приветствую тебя, последнее жилище
Усопших братьев, забытые от людей!
Приют таинственный – угрюмое кладбище,
Где жажду я обнять оплаканных друзей!
Что в жизни этой нам, тоскливой, скоротечной,
В которой скорбь и плач нам измеряют дни,
В ней истина мертва, как отдых бесконечный –
Лежащих, тлеющих здесь в сумрачной тени.

Скоро, скоро и я, друзья, без горьких слез прощанья,
 Расстанусь навсегда с обителью живых!
 Я лишний на земле... что мне в стране изгнанья?
 В ней найдешь немного и друзей прямых».
 И хотя «Тих и темен бедный дом,
 Но в нем усну я долгим сном.
 Гроб не выдаст мертвеца –
 Не отдаст моих костей –
 В посмеяние людей» [25. С. 53]¹.
 «Жизнь наша бойка и скор ее полет
 Имя – звук оставит только
 Но и тот, увы, от времени замрет».

А дети мои, я уверен, не забудут своего отца. Известно, что
 «За днями дни текут обычной чередой;
 Что день, то ближе мы к могиле и покою –
 К покою? Как узнать, таится что во мгле?
 Загробны таинства открыты ли земле?
 Но жить, жить буду я, в другой хоть оболочке:
 Как зрелый сок плода находится в цветочке,
 И в червячке сокрыт воздушный мотылек,
 И в недрах гор бежит невидимый поток» [26. С. 86].

Эта подборка приведена почти в самом конце рукописи; здесь Горохов задается вопросом о природе творчества, о причинах, побуждающих человека «сочинять и составлять что-нибудь целое». Он не оценивает себя высоко как сочинителя, а причины составления такого обширного текста видит в том, что хотел «излить свои чувства на память детям», «и потому, чтобы быть занятым».

Яркий пример еще одной компиляции представляет титульный лист рукописи, который содержит фрагменты из стихотворения М.Ю. Лермонтова (разобранные выше), а также стихотворения Е.И. Шаховой. Отдельных слов заслуживает последний пример. Получается, что Горохову потребовалось «адаптировать» женские стихи, с чем он несколько неуклюже, но все же справился. Сравним с оригиналом:

Рукопись	Публикация [27. С. 117]
Непрочной славы суета	Непрочной славы суета
Меня не льстит очарованьем,	Меня не льстит очарованьем,
Не жду вниманья от чужих людей,	Не жду вниманья от людей,
Но я писал с упованьем,	Но я писала с упованьем,
Чтоб на устах родных , о книге моей	Чтоб на устах родной моей
Улыбку сорвать одобренья,	Улыбку видеть одобренья,
И за успехи похожего на вдохновенье –	И за успехи вдохновенья
Внимать души их привет;	Внимать души ее привет;
Как будто и я был поэт	Я дочь ей... я для ней поэт!

¹ В оригинале:

Тих и темен бедный дом;
 В нем усну я долгим сном:
 Гроб не выдаст мертвеца
 В руки праздного глупца,
 Не отдаст моих костей
 В посмеяние людей.

Как видно, Горохов комбинирует, соединяет между собой фрагменты текстов разных авторов, а порой добавляет к ним и свои собственные поэтические опыты. Несмотря на то, что в рукописи неоднократно говорится о том, что Горохов не считает себя сочинителем, видимо, его все же волновала тема творчества и сочинительства, а стихотворение Шаховой показалось ему подходящим, чтобы «примерить» на себя образ поэта.

И в компиляциях, и в единичных цитатах упоминания имен авторов встречаются далеко не всегда. Горохов указывает на авторство преимущественно в случае, когда приводит небольшую цитату или фразу (так, он ссылается на Г.Р. Державина, А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова); в случае же обширной цитаты или комбинации цитат указание на автора, как правило, отсутствует. Не исключено, что составление компиляции он понимал как своеобразный творческий акт, а потому считал себя в какой-то мере и ее автором. Не следует исключать и возможность того, что он просто не помнил имен поэтов, строки которых приводил, или же просто не считал нужным их указание в рукописи, цель которой была заявлена как исключительно приватное поучение для детей.

Вероятнее всего, Горохов использовал для цитирования книги или журналы, имевшиеся у него под рукой. Действительно, в некоторых случаях кажется, что переделать текст таким образом, как в приведенном только что примере со стихотворением Шаховой, можно лишь имея текст публикации перед глазами. Однако нельзя исключать и цитирования по памяти; выше была уже приведена цитата, где Горохов сам говорит о том, что стихи Долгокурова он заучил наизусть.

Также рукопись Горохова позволяет установить, в какие сроки вновь вышедшие произведения поступали в Томск. Существует мнение, что в XIX в., до строительства железной дороги, имели место трудности с доставкой книг и журналов в отдаленные регионы Российской империи; это считается одним из факторов оторванности Сибири от общерусского литературного процесса. Однако рукопись Горохова позволяет если не опровергнуть это мнение, то поставить вопрос о том, насколько велики были эти сроки в действительности. Так, судя по записи самого Горохова, первую часть «Залога» он закончил в июне 1837 г., а переписал набело 5 июля 1937 г. Вторая часть была начата 22 декабря 1837 г., а окончена 27 июля 1839 г. Во второй части, среди прочего, цитируется апрельский номер (№4) пушкинского «Современника» за 1838 г. (в частности, стихотворение Л.А. Якубовича «За днями дни текут»). Таким образом, можно заключить, что временной промежуток между публикацией журнала и его прочтением в Томске составлял порядка года. При этом необходимо учитывать, что за это время журнал был доставлен в Томск, Горохов его прочел и поместил цитату из него в свою рукопись, т.е. фактический срок получения журнала был еще меньше.

В тексте рукописи Горохова есть также размышления о книгах и чтении. Так, в самом начале он оговаривает, что помещает в рукопись «все то, что на опыте испытал, видел, думал, или из начитки книг понимал» (л. 3). Обширный фрагмент, содержащий похвалу книге, содержится на л. 109 об. – 110; автор говорит о том, что «никакое другое удовольствие в жизни не может быть так питательно для всех вкусов, как чтение». Лучшей книгой он считает

ту, «которая представляет истину под приятными формами», что это «зеркало, в которое мы смотримся, часто не видя себя». Горохов сравнивает книги с «прелестными существами». Вот фрагмент из его похвалы книге: «Признаюсь, что я и сам возвышаюсь духом, когда читаю священные книги, люблюю красотою языка церковного, мало нам доступного. Но люблю и светские сочинения, соединяющие в себе чистую нравственность с прелестью воображения и красотою слога. В свете весьма часто друзья с переменной счастья, вместо утешения, умножают скорбь сердечную, удаляясь от того, кого обольщали личиной дружбы. Книги же остаются с нами и в дни скорбные, они служат к услаждению скучных часов. Истинно, что чтение книг, служа невинной забавой и для любителей свет, отводят от игры, распутства, от клеветы от суетных забот честолюбия... Но читать наскоро хорошую книгу есть то же, что проехать на почтовых лошадях через город, богатый дарами природы и произведениями искусства: ум не получит никакой пользы ни от того, ни от другого» (л. 110 об. – 111).

Вместе с тем он категорически против того, чтобы чтением занималась женщина, тем более – «без разбора» (л. 110). Позволим себе обширную цитату: «Но чего добивается читающая женщина? Ума? Спаси, Господи, люди твоя, в том числе меня, раба твоего, от начитанного ума женского! Это ад – для природного здравого рассудка! Сердце! Сердце! Вот лучший женский ум! Как сказала одна из них: читающая женщина уже более не женщина, это профессор в чепце, семинарист в желтой шали. Для чего она читает? Чтобы подавать свое мнение? И вот она спорит, переспоривает, горячится, шумит, визжит! ... Одним словом, нет пощады от начитанной женщины. Она говорит о всем и всегда, она все читала, все знает. Не найдете в ней вы только малого незнания, которое так быстро сближает образованного мужчину с женщиной».

С точки зрения Горохова, неправа и молодежь, полагающаяся только на чтение книг и не слушающаяся советов старших (л. 207 об. – 208): «И это именно оттого, что многие из них все знания свои почерпают из книг и воображают, что прочитав их несколько, они сделались умнее отцов своих! И очень редко, разве которые учатся собственными опытами, умеют ценить лета и почитать старость».

Не вызывают доверия у Горохова анонимные «современные романы», которые «действуют не столько на ум, сколько на воображение» (л. 241), а лучшей книгой он считает священное писание, которое является «источником всех утешений» (л. 240 об.). Образ книги часто используется Гороховым для сравнения: так, людей в свете он уподобляет «книгам в шкафах за стеклом в богатом переплете, где видим одно их заглавие» (л. 71), а сам свет характеризует как «живую книгу – книгу пеструю, занимательную, но не всякому дается ее мудреная грамота» (л. 220 об.).

Таким образом, рукопись А.М. Горохова представляет безусловный интерес для исследования читательских предпочтений, литературных вкусов, методов работы с текстом томского чиновника XIX в., современника пушкинской эпохи. В результате первичного анализа этого текста Горохов предстает перед нами как человек глубоко консервативного склада, основанного на христианской морали, что обусловлено не в последнюю очередь его пре-

клонным возрастом. Он хорошо знаком с отечественной литературой времен своей юности – и в то же время не все литературные новинки понимает и принимает, выделяя ряд авторов, в том числе широко известных и в настоящее время. Несмотря на обилие цитат в тексте, имеются темы, которые Горохов предпочитает освещать от первого лица; это в основном личные воспоминания или переживания. Цитирование применяется в качестве аргументации в попытке убедить детей «жить правильно»; цитаты используются в качестве как положительных, так и отрицательных примеров. В тематике этих цитат отражаются основные системообразующие проблемы, структурирующие мировоззрение Горохова: пренебрежение земными благами в противовес обращению к божественному; умение ладить с людьми, в том числе возвращаясь в свет; внимание к чтению книг и опыту старших; важность супружества. Неточное цитирование и перефразирование ряда текстов свидетельствуют о попытках Горохова примерить на себя образы лирических героев цитируемых стихотворений и поэм, однако оно может быть также результатом неточности или небрежности, вполне понятной в рукописи личного характера. Подробно освещено в рукописи отношение Горохова к проблеме чтения, к книге, к читающей женщине; здесь он также предстает как консерватор, с некоторым даже домостроевским оттенком. В целом, исходя из рассмотренного текста, Горохова можно охарактеризовать как внимательного, вдумчивого читателя, следящего за литературными новиками, творчески относящегося к прочитанному тексту.

Представляется, что необходимо дальнейшее исследование, комментирование и издание этого уникального в своем роде текста.

Литература

1. ОРКП НБ ТГУ. В-884.
2. Бойко В.П. Записки А.М. Горохова как источник по истории сибирского чиновничества в первой половине XIX в. (на основе архивных документов) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2008. №3(4). С. 47–52.
3. Бойко В.П. Первый сибирский олигарх: предпринимательство и образ жизни чиновника и золотопромышленника Ф.А. Горохова // Человек – текст – эпоха: сб. науч. тр. и материалов. Вып. 4: Аналитические практики и перспективы современного источниковедения. Томск, 2011. С. 249–285.
4. Евтропов К.Н. История Троицкого кафедрального собора в Томске. Томск, 1904. 423 с.
5. Адрианов А.В. Томская старина // Город Томск. Томск, 1912. С. 101–183.
6. Свод учреждений государственных. Кн. 8. Учреждение орденов и других знаков отличия. Гл. 7. Статут имп. ордена св. равноапостольного князя Владимира. Отд. 1. Основные постановления и описание знаков ордена // Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 3. Т. 9. № 6445 (1889 г.).
7. Статут ордена равноапостольного князя Владимира. СПб., 1801. 32 с.
8. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. СПб., б.г. Ч. 6, № 28.
9. О. Георгий (Крейдун Ю.А.). Алтайская духовная миссия в 1830–1919 гг.: структура и деятельность. М., 2008. 13 с.
10. Крейдун Ю.А. Деятельность архимандрита Макария на Алтае // История православия на Алтае: сб. статей. Барнаул / ред.-сост. Ю.А. Крейдун, К.Н. Метельницкий. Барнаул, 2001. С. 11–21.
11. Архив НБ ТГУ. Т. 19.
12. Державин Г.Р. Ода к моему соседу господину N // Санкт-Петербургский вестник. 1780. №8. С. 108.
13. Державин Г.Р. Видение мурзы // Московский журнал. 1791. № 1. С. 8.

14. Кантемир А.Д. Сатира I. На хулящих учения. К уму своему (фрагмент) // Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 57.
15. Крылов И.А. Полное собрание сочинений: в 3 т. / ред. Д.Д. Благого. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1946. Т. 3. Басни. Стихотворения. Письма. С. 263–266.
16. Сумароков П. «Битобе славную поэму сочинил...» // Русская эпиграмма второй половины XVII – начала XX в. М., 1975. С. 151.
17. Бытие сердца моего, или Стихотворения князя Ивана Михайловича Долгорукого. Ч. 3. М., 1818. 252 с.
18. Соколовский В.И. Мироздание. Опыт духовного стихотворения. Эпиграмм. Фрагмент // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ: антология: в 3 т. Т. 2. Ставрополь, 2011. 768 с.
19. Соколовский В.И. Хевея. Драматическая поэма (фрагмент) // Соколовский В.И. Хевея. Драматическая поэма: в 3 ч. СПб., 1837. 244 с.
20. Грибоедов А.С. Горь от ума // Грибоедов А.С. Горь от ума. Фонвизин Д. Недоросль. Харьков, 2013.
21. Пушкин А.С. Поэту // Северные цветы на 1831 г. СПб., 1831. С. 3.
22. Пушкин В.Л. К лире // Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1917. С. 656–657.
23. Лермонтов М.Ю. В альбом (из Байрона) // Отечественные записки. 1839. Т. 4, № 6. Отд. 3. С. 81.
24. Отвертки из монолога Фауста (перевод Э.И. Губерта) // Современник. 1837. № 2. С. 301–348.
25. Губер Э.И. На кладбище (фрагмент) // Сочинения Э.И. Губерта, изданные под редакцией А.Г. Тихменева. Т. 1. СПб., 1859. С. 53.
26. Якубович Л.А. За днями дни текут (полный текст) // Современник. 1838. № 4 (т. 12). С. 86–87.
27. Шахова Е.Н. Три зари, или Слепец: повесть (фрагмент) // Шахова Е.Н. Стихотворения. СПб., 1839. С. 116–117.

READER PRACTICE AND RECEPTION OF TEXT: TOMSK OFFICIAL OF THE 19TH CENTURY ALEKSANDR M. GOROKHOV AND HIS EDIFICATION TO CHILDREN

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 45. 150–170. DOI: 10.17223/19986645/45/11

Valeriya A. Esipova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: esipova_val@mail.ru

Keywords: history of literature, manuscripts, Siberia, Aleksandr M. Gorokhov.

The article is devoted to the text “Pledge or Moral Mirror”, which was written by Tomsk official Aleksandr M. Gorokhov in the 1830s. The text is an edification to Gorokhov’s children; it was not published and it is currently stored as an author’s manuscript in the Rare Books and Manuscripts Department of Tomsk State University Research Library (ORKP NB TGU). The paleographical description of the manuscript is given in the article; the records made by readers on the fields of the manuscript are examined; one of the readers was Agapit, the first bishop of Tomsk and Yenisei. The history of appearance of the manuscript in ORKP NB TGU is reconstructed.

The sources Gorokhov used were considered as well. The Bible took a special place among them: Gorokhov quoted both books of the Old and New Testament (Wisdom of Solomon, Five Books of Moses, the Epistles and others). Gorokhov was familiar with the works of Russian poets of the 18th century (G. Derzhavin, A. Kantemir, I. Krylov et al.). He very closely followed the development of contemporary Russian literature, especially poetry. There are numerous quotations from poems of A. Pushkin, M. Lermontov, A. Griboedov and others in the manuscript. Among the literary critics F. Bulgarin was closest to Gorokhov for his views; his opinion is repeatedly given in the manuscript.

Foreign literature attracted much less attention of Gorokhov. Perhaps the reason lies in his poor knowledge of foreign languages. In general, his acquaintance with foreign literature based most likely on the classical gymnasium program; and Russian literature was what he really loved and knew.

Subjects of quotations are connected with the problems of everyday life and experience that Gorokhov sought to convey to his children.

The methods of Gorokhov’s work with the text are listed in the article. He rarely reproduced poem’s full texts; the most common is combination of poetic fragments extracted from different works. At the same time, indications of author’s names are quite rare.

Also Gorokhov's manuscript allows identifying how soon newly published works arrived in Tomsk. The time gap between the publication of the magazine and its reading in Tomsk was about a year.

The article shows that the manuscript allows reconstructing the range of reading of the Tomsk official, his literary interests, his ideas about books and reading.

References

1. Rare Books and Manuscripts Department of Tomsk State University Research Library (ORKP NB TGU). V-884. (In Russian).
2. Boyko, V.P. (2008) Zapiski A.M. Gorokhova kak istochnik po istorii sibirskogo chinovnichestva v pervoy polovine XIX v. (na osnove arkhivnykh dokumentov) [Notes of A.M. Gorokhov as a source on the history of the Siberian officialdom in the first half of the 19th century (by archival documents)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(4). pp. 47–52.
3. Boyko, V.P. (2011) Pervyy sibirskiy oligarkh: predprinimatel'stvo i obraz zhizni chinovnika i zolotopromyshlennika F.A. Gorokhova [The first Siberian oligarch: business and lifestyle of official and gold industry entrepreneur F.A. Gorokhov]. In: Dutchak, E.E. & Zinov'ev, V.P. (eds) *Chelovek – tekst – epokha* [Man – text – era]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State University.
4. Evtropov, K.N. (1904) *Istoriya Troitskogo kafedral'nogo sobora v Tomske* [History of the Trinity Cathedral in Tomsk]. Tomsk: tip. Eparkhial'nogo bratstva.
5. Adrianov, A.V. (1912) Tomskaya starina [Tomsk antiquities]. In: *Gorod Tomsk* [The city of Tomsk]. Tomsk: izd-vo Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela.
6. Russian Empire. (1891) *Svod uchrezhdeniy gosudarstvennykh. Kn.8. Uchrezhdenie ordenov i drugih znakov otlichii. Gl. 7. Statut imp. ordena sv. ravnoapostol'nogo knyazya Vladimira. Otd. 1. Osnovnye postanovleniya i opisanie znakov ordena* [List of public establishments. Book 8. Establishment of awards and other distinctions. Ch. 7. Statute of the Imperial Order of St. Vladimir. Pt. 1. Basic terms and the description of the Order signs]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. III:IX:6445.
7. Anon. (1782) *Statut ordena ravnoapostol'nogo knyazya Vladimira* [Statute of the Order of St. Vladimir]. St. Petersburg.
8. Anon. (n.d.) *Obshchiy gerbovnik dvoryanskikh rodov Vserossiyskoy imperii. V 10 ch.* [General book of heraldry of the Russian Empire. In 10 vols]. Vol. 6:28. St. Petersburg: Senatskaya tip.
9. P. Georgiy (Kreydun, Yu.A.). (2008) *Altayskaya dukhovnaya missiya v 1830–1919 gg.: struktura i deyatel'nost'* [Altai spiritual mission in 1830–1919: structure and activities]. Moscow: Izd-vo PSTGU.
10. Kreydun, Yu.A. (2001) Deyatel'nost' arhimandrita Makariya na Altae [Activities of Archimandrite Makariy in the Altai]. In: Kreydun, Yu.A. & Metel'nitskiy, K.N. (eds) *Istoriya pravoslaviya na Altae* [History of Orthodoxy in the Altai]. Barnaul: [s.n.].
11. Tomsk State University Research Library Archive. Vol. 19. (In Russian).
12. Derzhavin, G.R. (1780) Oda k moemu sosedu gospodinu N [Ode to my neighbor Mr. N]. *Sankt-Peterburgskiy Vestnik*. 8. pp. 108.
13. Derzhavin, G.R. (1791) Videnie murzy [Vision of Murza]. *Moskovskiy zhurnal*. 1. pp. 8.
14. Kantemir, A.D. (1956) Satira I. Na khulyashchikh ucheniya. K umu svoemu (fragment) [Satire I. On those blaming doctrines. To my own mind (fragment)]. In: Kantemir, A.D. *Sobranie stikhotvoreniy* [Collected Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
15. Krylov, I.A. (1946) *Polnoe sobranie sochineniy v 3 tomakh* [Complete works in 3 volumes]. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
16. Sumarokov, S. (1975) "Bitobe slavnuyu poemu sochinel..." ["I composed a glorious poem for Bitoba"]. In: Ershov, L.F. et al. (eds) *Russkaya epigrama vtoroy poloviny XVII – nachala XX v.* [Russian epigram of the second half of the 17th – early 20th centuries]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
17. Dolgorukov, I.M. (1818) *Bytie serdtsa moego, ili Stikhotvoreniya knyazya Ivana Mikhaylovicha Dolgorukogo* [The being of my heart, or Poems of Prince Ivan Mikhailovich Dolgoruky]. Vol. 3. Moscow: Universitetskaya tip.
18. Sokolovskiy, V.I. (2011) Mirozdanie. Opyt dukhovnogo stikhotvoreniya. Epilog. Fragment [The Universe. The experience of spiritual poems. Epilogue. Fragment]. In: Shapovalov, V.A. & Shtayn, K.E. (eds) *Opal'nye: Russkie pisateli otkryvayut Kavkaz. Antologiya: V 3 t.* [The disgraced:

Russian writers discover the Caucasus. Anthology: in 3 vols]. Vol. 2. Stavropol: Stavropol State University.

19. Sokolovskiy, V.I. (1837) *Khever'*. *Dramaticheskaya poema* (fragment) [Heber. Dramatic Poem (excerpt)]. In: Sokolovskiy, V.I. *Khever'*. *Dramaticheskaya poema v trekh chastyakh* [Heber. A dramatic poem in three parts]. St. Petersburg: V Tip. III Otd. Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.

20. Griboedov, A.S. (2013) *Gore ot uma* [Woe from Wit]. In: Mezentseva, E.V. (ed.) *Gore ot uma. Nedorosl'* [Woe from Wit. The Minor]. Kharkov: Folio.

21. Pushkin, A.S. (1831) *Poetu* [To the Poet]. In: Del'vig, A.A. *Severnye tsvety na 1831 g.* [Northern Flowers, 1831]. St. Petersburg: V Tip. Departamenta Vneshney Torgovli.

22. Pushkin, V.L. (1971) *K lire* [To the lyre]. In: Al'tshuller, M.G. (ed.) *Poety 1790–1810-kh godov* [Poets of the 1790s–1810s]. Leningrad: Sovetskiy pisatel.

23. Lermontov, M.Yu. (1839) *V al'bom (iz Bayrona)* [For the album (from Byron)]. *Otechestvennye zapiski*. IV:6:III. pp. 81.

24. *Sovremennik*. (1837) *Otryvki iz monologa Fausta* [Excerpts from the monologue of Faust]. Translated from German by E.I. Guber. *Sovremennik*. 2. pp. 301–348.

25. Guber, E.I. (1859) *Na kladbishche* (fragment) [At the cemetery (fragment)]. In: Tikhmenev, A.G. (ed.) *Sochineniya E.I. Gubera* [Works by E.I. Guber]. Vol. 1. St. Petersburg: izd. A Smirdina.

26. Yakubovich, L.A. (1838) *Za dnyami dni tekut* (polnyy tekst) [Days by days flow by (full text)]. *Sovremennik*. 4:XII. pp. 86–87.

27. Shakhova, E.N. (1839) *Tri zari ili Slepets. Povest'* (fragment) [Three dawns or the Blind. A tale (fragment)]. In: Shakhova, E.N. *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg: Academy of Sciences.

УДК 82-1

DOI: 10.17223/19986645/45/12

И.Н. Иванова, В.О. Кубышкина, А.А. Серебряков

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОТИВОВ ГНОСТИЦИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Статья посвящена анализу функционирования компонентов гностической системы в современной отечественной прозе. В трилогии В. Сорокина критический взгляд на вечные ценности сближает художественный мир с гностической концепцией, ставящей под сомнение истинность Создателя земного бытия. В романе Т. Москвиной через художественное осмысление образа гностической Софии раскрывается проблема судьбы женщины в мире. Таким образом, в современной литературе новую трактовку получают следующие гностические мотивы: заброшенная на землю София, ложный Творец земли, избранничество, поиск тайного знания.

Ключевые слова: гностицизм, постмодернизм, литература, религия, философия, мифология, архетип, картина мира, экзистенциализм.

Среди произведений современной отечественной литературы можно выделить корпус текстов, в которых художественно трансформируются гностическое учение, современник и оппонент христианства. Таковыми произведениями являются романы В. Сорокина, В. Пелевина, А. Старобинец, Т. Москвиной, Э. Лимонова, Д. Быкова, П. Крусанова, М. Елизарова и др. Огромная временная дистанция, отделяющая учение начала нашей эры от современного литературного процесса, не стала препятствием для обращения к гностическим идеям и в XXI в. По мнению авторитетного представителя современного гностицизма Стефана Хеллера, жизнестойкость гностической модели мира обусловлена сходством «в исторических характерных чертах гностицизма, с одной стороны, и постмодернистской мыслью в мире – с другой» [1. С. 108].

В настоящей статье гностические мотивы анализируются на материале романов классика литературы постмодернизма В. Сорокина «Лед» и представительницы современной женской прозы Т. Москвиной «Она что-то знала». Выбор обусловлен тем, что в данных произведениях компоненты гностической системы репрезентированы наиболее ярко и несут эстетическую нагрузку, обеспечивая произведениям дополнительную смысловую глубину. Воспроизводимая в текстах схема гностического мироотношения видоизменяется в соответствии с той эстетической системой, в которой работает автор (постмодернизм или «женское» направление в литературе). В задачу не входит целостный анализ заявленных произведений, поскольку гностическая модель мира отчетливо просматривается на мотивном уровне.

Почему же гностические мотивы актуализируются в современной культуре? Для ответа на этот вопрос необходимо прежде всего охарактеризовать сущностные черты гностицизма как мировоззрения, поскольку «определить гностицизм – значит ответить на вопрос о его происхождении» [2. С. 17].

1. Сущность гностицизма

Гностицизм зародился в I–IV вв. н. э. и объединил мыслителей, которые не желали отказываться от языческих представлений о мире в пользу новой религии христианства. Уникальность учения гностиков состоит в его синкретической природе, сочетающей философию (дуализм материального и духовного, светлого и темного начал), религию (культ священного знания, «гнозиса», освобождающего из плена материи) и мифологию (в гностическую систему органично вписываются персонажи египетской, греческой и библейской мифологии, например, в герметизме фигурирует Гермес Трисмегист) (см.: [3. С. 536; 1. С. 5; 4. С. 400]). Такой универсальный взгляд на мироздание способствовал формированию ряда гностических направлений, в числе которых манихеи, офиты, мандеи и даже масоны.

А.Ф. Лосев дает наиболее развернутое определение: «Гностицизм есть 1) оккультно- 2) пневматический и 3) – космологически-человечески ограниченный 4) персонализм, причем натуралистический, весьма напряженно ставящий 5) сотериологические цели с помощью 6) мифологически сконструированной системы понятийных категорий» [5. С. 323].

В определении А.Ф. Лосева выделены основные признаки учения. Оккультизм гностиков предполагает, по мысли философа, сочетание персонализма и пневматологии, т.е. умозрительного восприятия мира с абсолютизированным личностным началом. Тайное знание гностиков – знание об абсолютной личности, спасающее от гибели. В то же время оккультные практики дают право adeptам сообщать божеству «бытовые человеческие черты» [5. С. 320], результатом чего является «сниженный» персонализм, приравненный к скромным способностям простого смертного, познающего Вселенную через таинства.

Следовательно, гностицизм – мировоззрение, организованное по образцу космологической модели, насыщенной персонологическими образами, мировоззрение, сочетающее в себе сотериологию и эсхатологию и провозглашающее культ гнозиса.

Гностическое учение о мире происходит из мифа, описывающего космическую катастрофу. Как утверждает С.Ю. Буркин, эсхатологические предчувствия конца времен были обусловлены переходом от циклической модели времени (предполагающей наблюдение за внешним миром) к линейной концепции времени (акцентирующей внимание на судьбе личности). Новый взгляд на исторический процесс повлиял на мировоззрение древнего человека. «В Римской империи происходит синхронное развитие сразу нескольких эсхатологических концепций и... процесс их универсализации. Гностицизм вбирает в себя целый ряд позднеантичных религиозных течений, использовавших мотивы Ветхого Завета, восточной мифологии и ряда раннехристианских учений...» [6. С. 109]. По мнению И. Г. Яковенко и А.И. Музыкантского, «учителя и основатели гностических сект создавали сложные мифологические системы, плохо согласующиеся между собой, и акцентировали разные аспекты гностической доктрины» [7. С. 27]; (ср.: [8. С. 108]). Нужно сказать, что гностический миф во многих источниках трактуется по-разному, однако во всех вариантах можно выявить инвариант, общую смысловую основу. Эманация непознаваемого Бога Отца – эон София совершает дерзновенный

акт познания, стремясь постичь Творца в сферах сверхбытия, в результате чего происходит падение Софии, порабощение ее нижним миром (материей). Землю создает рожденный падшей Софией Демиург, он же творит первого совершенного человека. Получив от Архонтов (вспомогательных сил Демиурга) наилучшие качества, первочеловек вызывает зависть у своего создателя, потому лишается всех мистических даров и становится заложником телесной оболочки. Испытывая жалость к людям, София посылает спасительный гнозис, который, впрочем, открывается элитарной группе пневматиков – духовных людей. По С. Давыдову, «гностическое учение – элитарно. Не всем людям дана эта божественная искра, пневма» [8. С. 110]. Противоположные пневматикам илики – телесные люди – обречены на гибель. Проповедником тайного знания оказывается Христос – спаситель человечества и Софии.

Наиболее полное описание гностической системы можно обнаружить в трактатах основоположников и противников гностицизма.

Так, один из наиболее авторитетных представителей гностицизма **Валентин** (именно его вариант гностического мифа по преимуществу был воспринят русской культурной традицией начала XX в.) представил концепцию гностицизма в следующем виде. Непостижимый Бог Отец, дуальное мироустройство, воплощающееся в фундаментальной оппозиции «плерома-кенома» (сфера полноты – плерома, заселенная иерархиями эонов, духовных эманаций Творца; кенома – сфера абсолютной пустоты), падение Софии, совершившей запретный акт познания, необходимость спасения и реабилитации «падшей» [9. С. 100].

Полемичную по отношению к гностикам, но достойную рассмотрения позицию занимает Отец Церкви **Иринеи Лионский**. В трактате «Против ересей» (ок. 180 г.) мыслитель критикует ведущие гностические мотивы как еретические и кощунственные. Возмущение Иринея вызвало отрицательное отношение школы Валентина к Демиургу, по функциям сближавшемуся с образом ветхозаветного Творца. Валентин утверждал существование двух богов: один бог, явленный во Христе, представляет собой благого Бога, никому неведомого до прихода Христа. Ему противопоставлен Демиург, не ведающий о верховном Отце, потому мыслящий себя предвечным Творцом [9. С. 102].

По Иринею, спасение состояло в возвращении Христом утраченной связи между божественным и человеческим, в восстановлении человека, созданного «по образу и подобию Божьему», через соединение с Духом.

Не менее абсурдной казалась Иринею мысль о том, что гностики превосходят своего творца. По мнению Т. Чертона, «в то время как гностики желали *освобождения духа из творения*, Иринеи ожидал искупления ВСЕГО творения» [9. С. 102]. Материальное понималось пневматиками как нечто побочное и второстепенное, как препятствие к подлинной свободе души.

Деятели раннего гностицизма **Василид** отрицал строение плеромы, предложенное Валентином, признавая сущим семя, брошенное Творцом в пустоту (панспермия). Мыслитель сравнивал божественное семя с яйцом павлина: как за невзрачной белой скорлупой скрывается пестрота ярких красок оперения птицы, так и в одном семени скрывается бесконечность воплощений мира.

Вселенная была совершенна, пока этот потенциал концентрировался в семени и мог таким образом осознаваться, но с сотворением Земли возможность существования мира в иных координатах и при иных характеристиках была безвозвратно утеряна [9. С. 98].

Гностик **Маркион** не ставил задачу создать системное учение, однако в его интерпретациях посланий апостола Павла, Евангелия от Луки, а также в сравнении текстов Ветхого и Нового Заветов видна гностическая тенденция. Противопоставление закона благодати превратилось в учение о двух богах, один из которых – Бог Ветхого Завета, строгий судья, другой – Истинный Бог, неведомый миру, но явившийся на землю [9. С. 99].

В начале XX в. гностическое представление о мире, как темнице, избавление из которой возможно только извне, было достаточно распространенным. Однако к концу столетия мировоззренческая самостоятельность гностицизма была поставлена под сомнение. По мнению известного западно-германского религиоведа Ханса Киппенберга, «гностицизм распространялся не столько как самостоятельная религия, сколько как во многом независимое переосмысление традиционных образов мира» [10. С. 209] (перевод наш). Гностицизм вбирает в себя перетолкованные ветхозаветные религиозные представления, интерпретированные иранские верования, христианство, греческую философию, что не позволяет однозначно определить его гносеологическую суть даже в аспекте способа искупления мира и индивида.

Иными словами, можно заключить, что гностическая философия, распространившаяся в различных вариантах учений, получила большое число последователей в силу своей универсальности и синкретизма.

2. «Hylikoi» и «Pneumatikoi» в трилогии В. Сорокина «Лед»

Вопрос об истоках и функционировании гностических мотивов в современной литературе порождает два аксиологически разнонаправленных ответа, первый из которых допускает сознательное, эстетически мотивированное обращение к гностическим принципам, а второй предполагает развитие некоторой не вполне конвенциональной смысловой традиции. Если принять первый подход для рассматриваемых произведений В. Сорокина и Т. Москвиной, то необходимо дифференцировать, с одной стороны, эстетически обусловленное обращение к гностическому мифу, который инсценируется через образное воспроизведение его главных составляющих, и с другой – некую эклектическую игру, выстраивающую из гностических элементов новые смысловые конфигурации. Оба подхода, на наш взгляд, присущи романам В. Сорокина и Т. Москвиной и генерируют в этих произведениях функциональную амбивалентность через внешне магические и отчасти пародийные черты. Кроме того, как показал известный немецкий исследователь гностицизма Л. Ди Блази, в европейской духовной традиции на протяжении всего XX в. сущностными признаками гностицизма признавались бунтарство (Revolte) и переоценка ценностей (Umwertung), связанные со специфической формой дуализма и направленные против всего доминирующего и обуславливающего (см.: 11. S. 12]. Такая двойственная функциональность позволяет интерпретировать гностический миф в этих произведениях как эстетический, т.е. как

воплощение этого мифа в медиуме литературы, и одновременно допускает гностико-эстетическое прочтение текста.

По замечанию современных исследователей, в трилогии «Лед» на первом плане остается «онтологическая проблема существования зла» [12. С. 10].

Гностики считали, что душа человека находится в заточении у тела. «Гносис состоял в акте возвращения к сознанию своего божественного происхождения. <...> Постижение гносиса освобождало душу, но результат достигался путем сложной и упорной работы над собой... тайное знание открывалось лишь единицам» [9. С. 45]. Формируется оппозиция «телесных/духовных» людей. Протагонист трилогии В. Сорокина «Лед» – Бро – очевидный пневматик (*pneumatikoi*). Его связь с космическими силами утверждается еще до рождения героя.

Действие первых глав трилогии относится к началу XX в. Бро вспоминает об обстоятельствах своего рождения: «Несмотря на безоблачное небо и безветрие, вдруг раздалась раскаты далекого грома. Гром же был необычный: мама не только услышала его, но и *почувствовала* плодом, то бишь мною» [13. С. 9]. Загадочный гром – следствие падения Тунгусского метеорита, произошедшего 30 июня 1908 г. Небесное тело является в романе Космическим Льдом, посланным Братьям для спасения.

Столкновение метеорита с землей еще не рожденный герой ощущает за тысячи километров. Падение небесного тела знаменует обратный отсчет до всеобщей катастрофы. Рождение Бро, одного из избранных, символизирует вступление из вечности в ограниченное время, т.е. совершается переход из «сакрального» времени в «профанное», во владения злого Демиурга [14].

Герой Бро взрослеет, но не теряет духовной связи с метеоритом, потому принимает участие в экспедиции и находит Лед. Обнаружение метеорита заставляет протагониста вспомнить «Музыку Вечной Гармонии», в которой рассказывается об истоках всего сущего: *Сначала был только Свет Изначальный. И свет сиял в Абсолютной Пустоте. И Свет сиял для Себя Самого. Свет состоял из двадцати трех тысяч светящихся лучей. И одним из этих лучей был ты, Бро* [13. С. 83].

Братья Света, образуя мистический Круг, творят миры. В число проектов входит и Земля, однако результат не оправдывает ожидания. «И однажды мы сотворили новый мир. И одна из его девяти планет была вся покрыта водой. Это была планета Земля. Раньше мы никогда не сотворяли таких планет... Ибо вода – непостоянна и дисгармонична... Это была великая ошибка Света» [13. С. 83].

У гностиков ошибочность происхождения мироздания не вменяется в вину Отцу, пусть даже София является Его частью, а Демиург – частью Софии. Отец – абсолютная, не явленная миру, высшая Истина, забытая людьми, живущими среди заблуждений. В связи с этим напрашивается вывод, что Круг Света – божество второго порядка, в своей гордыне принимающее себя за Идеал в силу непостижимости еще более высшей духовной сущности, правдивого Бога. Но эта комическая оплошность скрыта за пышными фразами о великом предназначении и представляет собой еще одну лже-истину, ставшую отправной точкой в сотворении Земли.

Символ воды здесь функционирует не только как образ агнозиса, но и как явный знак слепой гордыни (намек на зеркало). Заблуждение вскоре сталкивается с истиной – взгляд в зеркало разрушает иллюзию. Братья узнают, что они – не проявление высшего Первоначала. «Как только мы отразились в нем [зеркале], то перестали быть лучами Света и воплотились в живые существа. Мы стали примитивными амебами, обитателями бескрайнего океана» [13. С. 83].

Наряду с этим «влага» в гностической картине мира – символ хаоса, сна, забвения. Герой гностического памятника «Гимн жемчужине» забывает о своей великой миссии, когда выпивает зелье (жидкость), а в герметическом трактате «Пэмандр» созерцателю открываются тайные начала бытия, среди них – влага, из которой впоследствии был создан мир.

Весь путь героев трилогии – борьба за самоутверждение. В образе Братьев света словно уживаются два архетипа – Демиурга и Софии. Первый проявляет себя в гордыне и подмене истины ложью; второй – в надежде на спасение, выраженной в образе Космического Льда: «Миры сдвинулись, лишились Симметрии. И Вселенная, созданная нами, стала постепенно рассеиваться в Пустоте. Но на Землю упал кусок мира Гармонии, созданного нами прежде» [13. С. 85].

Найдя Лед, Бро переживает своеобразное перерождение:

Подбежав, я поскользнулся.

И упал, со всего маха ударившись грудью о сияющий Лед... Затем мое сердце словно зазвенело от удара об Лед. И я почувствовал сердцем *сразу* всю глыбу Льда... Сердце, спавшее все эти двадцать лет в грудной клетке, проснулось... И, трепеща, *заговорило*:

– Бро-бро-бро [13. С. 82–83].

Герой совершает переход в новое качество (сердце «заговорило» и дало новое имя, Бро узнает историю зарождения Космоса и т.д.). Эти признаки наводят на мысль о совершении обряда посвящения, позволяющего преодолеть низменное физическое воплощение, понимаемое скорее как удаление за космические пределы.

Е.М. Мелетинский, изучая поэтику мифа разных народов, выделил ритуалы инициации – посвящения в новую социальную или возрастную группу и «возвращения к истокам» – повторения «перводействий» великого предка для обновления мира [14].

Ритуал пробуждения Брата Света можно назвать «перводействием», побуждающим к дальнейшему поиску соратников и посвящению с воспроизведением этого перводействия: из кусков упавшего Льда изготавливаются молоты, которыми ударяют в грудь избранного. Этим подтверждается мифологическое начало в гностицизме. Более того, ритуальный удар молотом соответствует гностическому мотиву призыва из трансцендентной реальности: например, в манихейской традиции Адам пробуждается от сна мира благодаря зову Иисуса Светозарного.

Дробление льда от удара на части воспроизводит судьбу Плеромы, одновременно возвращая ее утерянную частицу – брата Света.

Поиск адептов в трилогии напоминает манихейскую мифологию, согласно которой вселенская гармония будет достигнута при условии воссоединения всех утерянных частиц Света, рассеянных по всему мирозданию и смешанных с тьмой. У В. Сорокина отделение света от тьмы разыгрывается как различие «говорящих сердцем» от «мясных машин».

Бро рассказывает о «пустых», тех, кто не отозвался на призыв: «Человек был МЯСНОЙ МАШИНОЙ... Как только мне открылась суть человека, я перестал видеть изображения людей» [13. С. 181]. В глазах пневматиков «чужие» выглядят слабыми проекциями плеромы, размытой имитацией людей.

Ценой распада и обретения в первозданной целостности мир переживает этап обновления в диалектическом круговороте «жизнь/смерть». Если духовное начало устремлено вверх, в плерому, то тело символизирует низменный аспект бытия. В этом плане эстетика В. Сорокина сближается с раблезианской системой образов, «карнавализацией», по М.М. Бахтину, согласно которой происходит переворачивание смыслов, способствующее обновлению бытия.

Ученый описывает этот культурологический феномен следующим образом. Во время карнавала народ готовится к длительному посту и прощается со светской жизнью: вместо благословений слышится площадная брань, среди нищих избирают короля. Особенно важно подчеркнуть, что ритуалы сводятся к подмене верха низом (в системе ценностей, социальной стратификации) и наоборот.

У В. Сорокина подобное действо разыгрывается с человеческим телом: для пробуждения духа ударом ледяного молота умерщвляется тело. Таким образом, раблезианские мотивы как культурный элемент постмодернистского текста принимают перевернутое значение в соответствии с гностическим отрицанием тела как брэнной оболочки. В памятнике Pistis Sophia наказанием грешной души, не нашедшей света, будет запечатывание в тело, достойное совершенных грехов.

Обличитель ересей Епифаний рассказывает о гностической секте, презиравшей деторождение и даже практиковавшей аборт как способ избавить неродившуюся душу от мучений в земной жизни [15].

В ритуальных действиях, разворачивающихся в трилогии, очевидно проявление древней техники «возвращения к истокам», способствующей обновлению существования человека либо его полному возрождению. Суть техники сводится к превращению посвящаемого в эмбрион и его рождению. В сущности, обряд направлен на символическое вспоминание перводействий, знание которых возводит исполнителя ритуала на новый социальный уровень и позволяет перейти в старшую возрастную группу. Обряд выполняется у разных народов по-разному: через затворничество, разыгрываемое поедание чудовищем и т.д.

Бро обретает вселенское зрение – мыслит о жизни в глобальных масштабах, представляя существование человечества как замкнутый круг рождения и смерти. Образы обывателей видятся им расплывчато, словно это мираж. Первостепенной задачей герой видит объединение адептов в священный круг

из 23 000 избранных (по числу лучей Света Изначального) и всеобщее вознесение на родину.

На протяжении всех трех частей живущие в разные исторические периоды (от СССР до современности) герои ищут среди обывателей Братьев Света, отличительным признаком которых являются белокурые волосы и голубые глаза. Это вызывает ассоциации с арийской расой в фашистской идеологии. Однако ницшеанский образ сверхличности был актуален и для советской действительности, воспитывавшей человека, приносящего личные интересы в жертву ради государства и идеалов коммунизма. Яркий пример в литературе – два образа сверхчеловека в «Старухе Изергиль» М. Горького, воплощенные в Ларре (сын орла, за гордость наказанный одиночеством) и Данко (герой-подвижник, вырвавший из своей груди пылающее сердце и осветивший людям путь из страшного леса). В «ледяной трилогии» сюжет с Данко обыгрывается всякий раз, когда совершается ритуал посвящения: после удара молотом произносится сакральная фраза «Говори сердцем!». Сердцем Братья Света ищут неофитов.

Постмодернистская игра с образами заставляет фабулу романа стремительно развиваться. В первой части трилогии братья производят впечатление положительных героев, служащих высоким идеалам, однако уже в третьей части характеристика становится резко отрицательной. «Лед» из утопии превращается в антиутопию.

Взяв под контроль все уровни влияния, братство продолжает разыскивать «своих» среди белокурых голубоглазых людей (внешний маркер принадлежности к элитарной группе). Но не все претенденты проходят испытание – многие оказываются «пустыми», их сердце не отзывается на призыв. Ради сохранения тайны братства неподходящие кандидаты если не погибают во время испытания, то обрекаются на пожизненные работы в подпольном цехе. «Камера мгновенно уставилась на Ольгу. Работающие замерли. Наверху, на небольшом выступающем из стены балконе, бесшумно открылась дверь. Из нее вышел китаец в униформе» [13. С. 582].

В финале трилогии «Лед» 23 000 братьев собираются на острове в единый круг пневматиков, чтобы осуществить мистический ритуал возвращения в плерому. Среди них – «пустые» Бьорн и Ольга, тщетно пытавшиеся сбежать из плена. Пойманных беглецов привозят на остров и доверяют, вступив в круг, держать на руках двух избранных младенцев. Во время ритуала остров освещает яркая вспышка света.

«Ольга с трудом подняла голову... Светловолосые мужчины и женщины лежали навзничь, раскинув руки... Та самая, что направляла вчера,.. теперь... неподвижно лежала на мраморе... Рот женщины был открыт, на лице застыло выражение судороги и страдания, глаза были полуоткрыты» [13. С. 680]. Среди безжизненно лежащих на острове людей виднеются два силуэта – выживших Бьорна и Ольги, новых Адама и Евы.

Финал открытый: читателю, вовлеченному в игру с романом, предстоит самому решить, что случилось с Братьями Света. С точки зрения гностической модели мира коллективная гибель ведет к возрождению духа, его возвышению в плерому (ценность нерожденного, по Василиду); с другой стороны, Братья оставили после себя обновленный мир, дальнейшее развитие ко-

того теперь будет зависеть от несовершенных обывателей Бьорна и Ольги. Утопии достигли 23 000 адептов, но не все человечество, что не противоречит гностическому учению (гнозис доступен лишь избранным, пневматикам).

Таким образом, анализ показал, как художественное произведение становится точкой схода, но не тождества, двух философских концепций. Система представлений в постмодернизме по своим характеристикам сходна с гностической моделью мироздания в силу ряда факторов:

1. Переходная эпоха. Постмодернистское мышление сформировалось с появлением постнеклассического типа научной рациональности, одно из направлений которого – синергетика – рассматривает процессы в сложных неравновесных системах. Недоверие к метарассказам (Ж. Лиотар) стало причиной поиска новых констант бытия. В этом смысле человек начала неотличим от человека современности: на сломе эпох неизбежна переоценка ценностей.

2. Эклектичность. Соединив причудливым образом нищенский идеал представителя арийской расы и образ героя-подвижника Данко, постмодернист В. Сорокин подчеркнул амбивалентность характеристик изображаемой модели мира. Гностицизм, подобно пестрой мозаике, составил картину мира из ряда учений: христианства, буддизма, восточного мистицизма, греческой мифологии. Фундаментальная антиномия в основе религиозной философии может быть истолкована как бунт творения против несовершенного творца. Попытки постичь Бога обернулись бунтом против Него и верованием в совершенного и милосердного, но оторванного от мира Отца.

3. Деконструктивизм. Один из основных признаков деконструктивизма – неразличение субъекта и объекта в постмодернистской эстетике – наблюдается и в гностическом мировосприятии. Демонтаж иерархической структуры «кумир – поклонники» трансформируется в трилогии «Лед» до коллективного образа (субъекта), мыслящего себя Предвечным Творцом (Светом Изначальным). По мере развития фабулы негативные поступки героев-адептов истолковываются как часть великого замысла, воплощаемого во имя Света (в действительности, ради самих братьев). У гностиков овладение тайным знанием, как правило, равнозначно обретению Бога в своей душе, что дает возможность посвящаемому отождествиться с Истинным Создателем.

3. Софийные мотивы в романе Т. Москвиной «Она что-то знала»

Детективная интрига романа «Она что-то знала» обогащена гностическими смыслами. Именно в романе Т. Москвиной образ Софии воплощен в различных литературно-мифологических образах: от блоковской Незнакомки до богини-матери, растворенной в первозданной природе.

Историк Анна Кареткина расследует обстоятельства таинственной смерти поэтессы Лилии Серебринской. В записке, найденной на месте происшествия, аббревиатура «ЛИМРА» означает первые буквы имен подруг Лилии – Марины, Розы и Алены. (Заметим, что все имена героинь имеют прямое отношение к древнему гностическому мифу и его последующим сакральным трансформациям: Алена (Елена) – Свет, Марина – Вода, Роза и Лилия – священные цветы, чистота и страсть-страдание.) За каждым именем скрыта своя история, каждая героиня является воплощением одного из архетипов Вечной

Женственности, которые строят собственные напряженно-драматичные отношения с мирозданием.

«Она [София] скрыта внутри человеческого существа и должна быть активизирована сознательно. Часто это достигается через проецирование Софии на женщину» [9. С. 208]. Известно, что подобных взглядов придерживался гностик Симон Маг. При нем всегда находилась красивая женщина, провозглашенная Софией, Премудростью, заключенной в физическом теле. Симон верил в метемпсихоз (переселение душ) и считал себя земным воплощением Бога, а Софию – земной Премудростью Божией.

Итак, первая проекция образа Софии в романе – Лилия – олицетворяет отказ от природы: в ее письме печаль и усталость приобретают мистический смысл: «И тут... я увидела мир как он есть... Я была в этом мире теткой» [16. С. 29]. «Быть теткой» значит быть пойманной в ловушку материального мира.

Марина – блоковская Незнакомка, страстная, артистичная, но не принимающая физический мир, стремящаяся над ним возвыситься: «...она не... испытывала к ним [мужчинам] ни малейшего эротического влечения и никогда ничего особенного не чувствовала ни с одним из них» [16. С. 100–101].

Совершенная противоположность Марины – Алена, в которой воплощен образ классической женственности. Героиня словно смирилась с несовершенством мира, говоря: «Чего уж Бога гневить» [16. С. 334]. Полное принятие своей судьбы, умиротворенная созерцательность заявлены в словах Алены: «Мне надо доверенный мне кус жизни налаживать» [16. С. 336]. Алена создала собственную религию с узнаваемой героиней в центре – великой женственной богиней-матерью. Земную природу героиня сравнивает с женщиной «вроде Ираиды Васильевны... могучей тетки с длинными золотистыми волосами и огромным ртом» [16. С. 277], напоминающей древнее божество плодородия и обильного урожая (достаточно вспомнить фигурки «первобытных венер», изображающие полных женщин). В отличие от Лилии героиня положительно воспринимает слово «тетка», и «плоть» не воспринимается Аленой как тюрьма души.

В творчестве А. Блока исследователи отмечают проявление двух аспектов Софии – тварного, воплощенного Софией Пруникос или гностической Еленой Троянской, красота которой привела к кровопролитной войне, и небесного, олицетворенного Софией Ахамот (призванной распределить по модусам бытия материальную, душевную и духовную природу, объединить духовные сущности и воссоединиться с эоном Иисусом).

Эта двойственность Софии нашла отражение и в романе Т. Москвиной: очевидны параллели между духовной Софией Ахамот и равнодушной к потребностям тела Лилией или «бесплотной» Мариной; литературным воплощением Софии Пруникос является Алена, принимающая земное бытие во всей его полноте. В противоположных друг другу образах угадывается гностическая идея, согласно которой в Софии сосредоточены самое высокое и самое низменное начала: с одной стороны, в союзе с низшими сущностями, ею рожден Ялдабаоф (Демииург, сын хаоса), с другой – сострадание к людям внушает ей мысль послать на землю гнозис.

В романе Т. Москвиной гностический образ мира репрезентируется в «Красной тетради» Розы. Эта героиня, духовно и интеллектуально одаренная женщина, страдает от физического уродства. В ней говорит поруганная София, томящаяся в брэнном теле и решившаяся на откровение о высших сферах мироздания. В своем сочинении Роза практически дословно воспроизводит гностический миф. В большей степени героиню волнует не столько отчужденность человека от Бога, сколько безразличие «небесной семьи» к страданиям человечества. Знание не примиряет Розу с миром, но становится источником нового страдания.

Сочинение героини нацелено на развенчание доброго и милосердного Создателя: «Человек влюблен в Бога! Влюблен, как глупая женщина...» [16. С. 219]. Ставя вопрос об ответственности Творца за Свое творение, Роза утверждает, что «творение нашего мира... его пик формы. Он находился на пределе своих возможностей», после чего, завершив творение, вернулся к своим привычным делам. «И потому его непосредственное вмешательство в уже созданный текст не невозможно, а не нужно» [16. С. 226].

Роза уверена, что «творение бывает выше творца» [16. С. 226]. Героиня словно возобновляет полемику с противником гностицизма Иринеем, считавшим эту мысль абсурдной и критиковавшим Валентина за негативное отношение к Творцу. Представления Розы содержат оппозицию «совершенное тайное» и «брэнное явное», однако героиню в высшей степени интересует ситуация в трансцендентной области, тогда как действительный мир «глиняных куколок» вызывает в ней крайнюю неприязнь.

«Создатель не умен. Умна... Его мать [София]... умен его Старший Сын [Люцифер]... Но в сотворении этого мира не они были главными, а потому никогда ум не будет занимать здесь первенствующих позиций» [16. С. 228]. Вновь обнаруживается критика рационально функционирующего мира, не случайно в познании потустороннего гностики отдавали предпочтение интуиции, и закономерно рассматривать того, кто дал разум, противником Бога (имя Люцифер происходит от слова «свет»: свет разума; огонь, принесенный людям Прометеем, – все это соотносится с идеей просвещения изначальным Светом). В Средние века разум считался невестой дьявола и средством избегания предназначенной Богом судьбы.

Роза также акцентирует внимание на падении Софии, в результате которого «был рожден тот, кто стал творцом нашего мира» [16. С. 233]. Духовное начало, «высокие образцы», данные Софией при создании мира, вступают в противоречие с «порчей», нанесенной творению усилиями Демиурга.

Второго сына Творца – Иисуса – Роза называет «любимчиком», ненависть Люцифера к которому навлекла на людей множество бед. «Иисус украл, по его мнению, его наследство – мир и расположение отца» [16. С. 235].

Выход из незавидного положения человечества Роза видит в создании собственного Бога, «человеческого, созданного из нас» [16. С. 242]. Высказывая эту мысль, героиня апеллирует к мысли Ф.М. Достоевского о народебогоносце. Правда, искать «Бога-для-людей» нужно не среди святых, а в актерской среде, где поклонение граничит с религиозным экстазом.

Другая отсылка связывает идейное ядро романа с именем Ф.М. Достоевского. Это Легенда о Великом инквизиторе – вставная притча из романа

«Братья Карамазовы». Роза остро переживает богооставленность человечества, предлагая создать своего Бога. Свобода действий в несовершенном мире, где нет возможности уповать на помощь свыше (ведь «небесную семью» заботят исключительно внутренние дела) грозит обернуться всеобщей катастрофой.

В данном случае не просто актуализируется гностическая мифологема бунта против Бога, но затрагивается проблема духовного поиска, поиска Того, Кто возьмет на себя ответственность за бренный мир и его обитателей. Свобода, не ограниченная контролем небесного воинства, представляется героине романа проклятием и вынуждает выбрать Бога из числа актеров (актер – лицедей, имитатор, мало чем отличающийся от подражателя Творца Демиурга, но для Розы остаться без небесного попечения гораздо страшнее).

«Гностики давали женщинам равную с мужчинами духовную роль в своих службах» [9. С. 104]. В концепции мира Розы именно женские высшие сущности оказывали огромное влияние на судьбу человечества. Сама героиня создает картину мира, ставшую идейным стержнем романа. Роза оказывается провозвестником, открывающим тайны бытия, за что, возможно, ее и убивают некие не называемые читателю силы.

Таким образом, классическая семейная коллизия о разделении имущества проецируется на гностический конфликт в небесной иерархии, затрагивающий земной мир, обреченный на гибель.

Гностическое мировоззрение отражается в романе Т. Москвиной следующим образом:

1. Женский архетип. Гностическая проблема оставленности человека Богом как предопределенность катастрофы осмысливается женским сознанием. В целом образ женщины в романе является центральным, связывающим мир трансцендентный и обыденный, земной. Это дает основание сравнивать героиню Т. Москвиной с различными проявлениями гностической Софии.

2. Небесная иерархия. Иерархическая система духовных элементов, слагающих потусторонний мир гностического мироздания, довольно сложна и многообразна. Т. Москвина транслирует гностический образ верховных сущностей через мифологему семьи и связанную с ней проблему разделения власти. В этом видится отмеченный А.Ф. Лосевым «беллетристический» сюжет, в котором духовным эманациям приписываются личностные качества, а локальная семейная коллизия разворачивается до вселенских масштабов.

3. Бог истинный и Бог ложный. Гностики не признавали Демиурга Творцом, веря в существование более могущественного и Истинного Бога. В романе «Она что-то знала» вместо бунта против Демиурга, сотворившего несовершенный бренный мир, ярко выражен поиск Отца. Свобода представляется кошмаром, предшествующим Апокалипсису. В этом отношении показательно обращение к «Легенде о Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского.

Интерес современных писателей к гностицизму обусловлен общей ситуацией растерянности и духовных поисков. По свидетельству С. Хеллера, «современная и постмодернистская мысль, выделяет, довольно гностическим путем, такие темы, как отчуждение, осиротелость, падение души в мире – её пленение, беспокойство и экзистенциальный ужас» [1. С. 111].

Для современного человека, искушенного разнообразием трактовок закономерностей бытия, гностицизм, смешивающий в равных пропорциях тайную мудрость Востока и эллинскую философию, религию и миф, удовлетворяет любопытство сторонников сразу нескольких идейных лагерей: мистики откроют тайну бытия через опыт духовного общения с потусторонними сферами, а мыслители обнаружат в гностической системе зачатки экзистенциальной философии (Г. Йонас).

В своих произведениях В. Сорокин и Т. Москвина осуществляют поиск «альтернативной веры», на которой могут прочно основываться представления о нестабильной реальности. Такой альтернативой религиозным догматам избрано гностическое учение. Гностические мотивы являются средствами интерпретации действительности, осваиваемой через художественное произведение.

В. Сорокин в качестве ведущего вводит в роман мотив избранничества (ярко представленный в учении Василида), причем герои-«пневматики», поклоняющиеся свету изначальному, не догадываются о возможности существования Верховного Творца, оттого их «деяния» на земле уже в третьей части трилогии превращаются в произвол и жестокое притеснение непосвященных («пустых») Пневматиков. В. Сорокина можно сравнить с «Главным Архонтом» Василида, а массовую гибель героев в финале – с преодолением физического несовершенства (освобождение Третьего Сыновства).

В романе Т. Москвиной преобладают рецепции валентинианского гностицизма, центральным образом которого является София, томящаяся в физическом заточении. Писательница изображает разные типы женственности – от блоковской Незнакомки (Ахамот) до Софии, растворенной в природе (Пруникос).

Таким образом, в современной отечественной литературе актуализируются гностические мотивы, включенные авторами в новый контекст. Единый мифологический сюжет стал источником необычных трактовок мироздания, смело и дерзко бросающих вызов устоявшимся теориям.

Литература

1. Хеллер Стефан. Гностицизм. М.: Касталия, 2011.
2. Трофимова М.К. Историко-философские вопросы гностицизма. М.: Наука, 1979.
3. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1 / Ин-т философии РАН. Нац. общ.-науч. фонд. М.: Мысль, 2010.
4. Lachmann Renate. Mythos oder Parodie: Nabokovs Buchstabenspiele // Mythos in der slawischen Moderne. Hrsg. von Wolf Schmid. Wien, 1987. S. 399–417.
5. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития: в 2 кн. Кн. 1. М.: АСТ, 1991.
6. Буркин С.Ю. Эсхатологическое мышление как источник формирования современного понимания исторического времени // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 378. С. 108–111.
7. Яковенко И.Г., Музыкантский А.И. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М.: Русский путь, 2010.
8. Davydov Sergej. «Teksty-matreski» Vladimira Nabokova. Muenchen : Sagner, 1982.
9. Чертон Т. Гностическая философия от древнейшей Персии до наших дней. М.: РИПОЛ классик, 2008.
10. Kippenberg H.G. Intellektualismus und antike Gnosis / Wolfgang Schluchter (Hg.): Max Webers Studie ueber das antike Judentum. Frankfurt : Suhrkamp, 1981. S. 201–218.

11. *Di Blasi Luca*. Der Geist in der Revolte der Gnostizismus und seine Wiederkehr in der Postmoderne. Muenchen: Fink, 2002.
12. *Марусенков М.П.* Абсурдопедия русской жизни Владимира Сорокина: Заумь, гротеск и абсурд. СПб.: Алтейя, 2012.
13. *Сорокин В.* Путь Бро; Лед; 23 000: трилогия. М.: Захаров, 2006.
14. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.: Академический проект: Мир, 2012.
15. *Афонасин Е.В.* Гносис. Фрагменты и свидетельства. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008.
16. *Москвина Т.В.* Она что-то знала. М.: АСТ: Астрель, 2010.

REPRESENTATION OF MOTIVES OF GNOSTICISM IN MODERN RUSSIAN PROSE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 45. 171–185. DOI: 10.17223/19986645/45/12

Irina N. Ivanova, Valeiya O. Kubyshkina, Anatoliy A. Serebryakov, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: ivanovairinna@mail.ru / v4789@yandex.ru / aasereb@gmail.com / aasereb@mail.ru

Keywords: gnosticism, postmodernism, literature, religion, philosophy, mythology, archetype, world view, existentialism.

The article tells about the peculiarities of representation of Gnostic motives in modern national literature. Gnosticism is a unique religious-philosophical doctrine characterized by resilience due to its syncretic nature: founded in the beginning of our era, the ancient world perception continues to attract the attention of modern writers, offering a diversity of interpretations of existence within a single system, harmoniously combining myth and religion, Eastern and Western wisdom. The mystics will open the mystery of existence through the experience of spiritual communication with the spirit realms, and philosophers will discover the beginnings of existential philosophy in the Gnostic system (H. Jonas).

The interest of modern writers to Gnosticism is caused by a general situation of confusion and spiritual search. The researchers pay attention to “existential horror”, the captivity of the soul in the world – the motifs common to the Gnostics and the current situation of the postmodern (S. Heller).

In their artworks, V. Sorokin and T. Moskvina search for an “alternative faith” on which ideas about the unstable reality can be firmly rooted. This alternative was the Gnostic doctrine, whose motives are a means of reality interpretation, explored through artwork.

V. Sorokin introduces a novel motive of being chosen as a leading motif (clearly represented in Basilides’ teachings), and the heroes-“Pneumatics”, the worshipers of the Primordial light, are not aware of the possibility of the Supreme Creator’s existence, that is why their “acts” on the earthly world in the third part of the trilogy turn into tyranny and cruel oppression of the uninitiated people (“Empty”). In V. Sorokin’s trilogy Pneumatics can be compared with the “Chief Archon” of Basilides, and the mass death of the heroes in the final with overcoming physical imperfections (the release of the Third Sonship).

In the novel by T. Moskvina the reception of Valentinian Gnosticism dominates, its main image is Sofia, languishing in a physical prison. The writer depicts different types of femininity (from Blok’s Neznakomka (Achamoth) to Sofia, dissolved in nature (Prunikos)).

Thus, in modern Russian literature the authors actualize and include Gnostic motifs in a new context. A piece of art becomes a vanishing point of philosophical conceptions: in the trilogy by V. Sorokin postmodernistic playing with patterns and critical look at immutable values converge art world with the Gnostic conception, which merges Christian archetypes with Greek mythology and occult knowledge of the East (synthetism, bricolage), doubting the truth of the Creator of the earthly existence. In the novel by T. Moskvina the problem of the woman’s fate in the world is conceptualized through the Gnostic Sophia aspects.

References

1. Heller, S.A. (2011) *Gnostitsizm* [Gnosticism]. Translated from English. Moscow: Kastaliya.
2. Trofimova, M.K. (1979) *Istoriko-filosofskie voprosy gnostitsizma* [Historical and philosophical issues of Gnosticism]. Moscow: Nauka.
3. Stepin, V.S. et al. (eds) (2010) *Novaya filosofskaya entsiklopediya: V 4 t.* [The New Encyclopedia of Philosophy: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl’.

4. Lachmann, R. (1987) *Mythos oder Parodie: Nabokovs Buchstabenspiele* [Myth or parody: Nabokov's character games]. In: Schmid, W. (ed.) *Mythos in der slawischen Moderne* [Myth in the Slavic modernity]. Wien: Gesellschaft zur Foerderung slawistischer Studien.
5. Losev, A.F. (1991) *Istoriya antichnoy estetiki. Itogi tysyacheletnego razvitiya. V 2 kn.* [History of ancient aesthetics. The results of the Millennium Development. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: AST.
6. Burkin, S.Yu. (2014) Eschatological thinking as a source of formation of modern historical understanding of time. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 378. pp. 108–111. (In Russian).
7. Yakovenko, I.G. & Muzykantskiy, A.I. (2010) *Manikheystvo i gnostitsizm: kul'turnye kody russkoy tsivilizatsii* [Manichaeism and Gnosticism: the cultural codes of Russian civilization]. Moscow: Russkiy put'.
8. Davydov, S. (1982) *"Teksty-matreski" Vladimira Nabokova* ["Matryoshka texts" of Vladimir Nabokov]. Munich: Sagner.
9. Cherton, T. (2008) *Gnosticheskaya filosofiya ot drevneyshey Persii do nashikh dney* [Gnostic philosophy of ancient Persia to the present day]. Moscow: RIPOL klassik.
10. Kippenberg, H.G. (1981) *Intellektualismus und antike Gnosis* [Intellectualism and ancient gnosis]. In: Schluchter, W. (ed.) *Max Webers Studie ueber das antike Judentum* [Max Weber's study of ancient Judaism]. Frankfurt: Suhrkamp.
11. Di Blasi, L. (2002) *Der Geist in der Revolte der Gnostizismus und seine Wiederkehr in der Postmoderne* [The spirit in the revolt of gnosticism and its return in postmodern]. Munich: Fink.
12. Marusenkov, M.S. (2012) *Absurdopediya russkoy zhizni Vladimira Sorokina. Zaum', grotesk i absurd* [Absurdopedia of Russian life of Vladimir Sorokin. Zaum, grotesque and absurd]. St. Petersburg: Aleteyya.
13. Sorokin, V. (2006) *Put' Bro; Led; 23 000: Trilogiya* [Bro; Ice; 23,000: A trilogy]. Moscow: Zakharov.
14. Meletinskiy, E.M. (2012) *Poetika mifa* [Poetics of Myth]. Moscow: Akademicheskiy proekt; "Mir".
15. Afonasin, E.V. (2008) *Gnosis. Fragmenty i svidetel'stva* [Gnosis. Fragments and testimonies]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
16. Moskvina, T.V. (2010) *Ona chto-to znala* [She knew something]. Moscow: AST: Astrel'.

UDC 821.162.3

DOI: 10.17223/19986645/45/13

David Kroča

Masaryk University (Brno, Czech Republic)

POETICS OF NAMES OF DRAMA CHARACTERS IN CZECH THEATRE OF THE ABSURD

The paper deals with the poetics of the theatre of the absurd which in the Czech environment flourishes especially in the 1960s. Attention is paid primarily to the function of proper names in Czech original plays which can be ranked among the genre of the absurd, but also in the texts which employ only some features out of the rich scale the theatre of the absurd embodies. The paper analyses names of characters within a selected sample of 30 plays by 15 authors taking into consideration their multiple functions: identification, aesthetic function, classification, characterisation and association. It tries to show that a name of a character makes part of the poetics of the genre, plot and semantic structure of the work as a whole.

Keywords: Czech literature, poetics, theatre of the absurd, names of literary characters, typology of names.

The subject and the aim of this paper could be exhausted simply by saying that it deals with the poetics of the names of characters in Czech theatre of the absurd. However, such a lapidary statement contains many impediments and therefore requires a more detailed explanation both regarding the definition of the term of Czech theatre of the absurd and the methodology of the poetics of names of literary characters. The specific concept of drama the constitutive features of which are modelling, feeling of existential absurdity and stereotypical language appears in the Czech environment as late as in the 1960s – quite contrary to European and world contexts. This is the reason why original Czech plays written between the years 1960–1969 were chosen. Not only dramas which are classified as purely absurd containing the topics of crisis and loss of meaning of life were chosen for the following analysis (e.g. Vaclav Havel's dramas), but also texts which only partially employ some features of the rich scale the theatre of the absurd embodies. Regarding our previous research into this topic, we have analysed 30 Czech plays by 15 authors including those who employed the features of the theatre of the absurd only occasionally (e.g. Milan Kundera) or who adjusted it for their specific, creative purposes (e.g. Josef Topol). The paper analyses names of more than 300 literary characters out of which about 50 were names of protagonists. The titles of the dramas are complemented with the date of their first print. If the play was not put on stage in the same year, then also the year of its first staging has been added.

Regarding the poetics of names of literary characters, we apply functional approach thus referring to the methodology of Žaneta Dvořáková who described both the definition of individual functions and their typology as well as the specifics of different methodological approaches. We agree with her view that the functions of names should not be perceived separately but in mutual interaction as they are “intertwined, complementing and affecting one another” [1. P. 202]. We realise that one name can perform (and frequently also performs) more functions. Among

these we can rank the function of identification which is manifested simply by denoting a particular literary character in the same way it happens in real life. According to an older typology introduced by Miloslava Knappová [2. P. 15], the aesthetic function is manifested in the form of the name, especially in the order of speech sounds, length, and euphony creating pleasing or appealing impressions". On the other hand, Dvořáková does not limit the aesthetic function solely to the form of the name claiming that actually any name in a literary piece performs aesthetic functions because it is an integral part of its structure and contributes to its overall meaning [1. P. 201]. In the present paper we take this view into account, however, we consider also the aesthetic potential of formally unusual names. Besides these two functions we focus on the functions of classification (classifying function), characterisation and association (allusive, evocative function). The classifying function means that the name ranks the character in a particular group, most frequently from the social, religious or nationalist point of view; the function of characterisation is typical of so-called speaking names which directly characterise their bearer; the function of association is found in names which refer to names appearing in real life, in history, literature or culture.

It is common for every name in a literary text to perform the function of *identification*. The name individualises its bearer and helps differentiate one character from another. However, in the 20th century world theatre we can find tendencies which lead to depersonalisation of characters and which intentionally deny individualisation and create names poor in meaning or meaningless. "It is so when a character does not have a name or the name is almost meaningless, bare, stylised or modelled, which means substituting. Even a meaningless name attributes some meaning to the character, defines their typology and shows their ontology. [...] The tendencies which lead to a depersonalisation of the character are most conspicuous in existential drama and theatre of the absurd." [3. P. 621]. We would like to add that in the world theatre of the absurd generalisation or a complete absence of the name is related to the problematic nature of identity of characters and that the question of the loss of integrity of a character is often a major theme in these dramas. Recalling Beckett's *Waiting for Godot* (1953), we have a perfect example of a drama in which the protagonist is not only generalised with mystery woven around him, but who even does not appear on the stage.

In the Czech theatre of the absurd of the 1960s the tendency towards depersonalisation applies rather to supporting characters. If we look at examples from Václav Havel's plays then in *Vyrozumění* (The Memorandum, 1965) a whole group of characters is identified by a substituting term Three clerks. In *Zahradní slavnost* (The Garden Party, 1964, prem. 1963) we can find a similarly conceptualised character of He-Secretary and She-Secretary of the Liquidation Office whose names are poor in meaning and misleading, and differentiate the characters' sex only. Protagonists' names usually identify their bearers more precisely. The names are frequently composed (first name and surname), evoking common names from the real world which is true also about Havel's poetics: the protagonist of *Ztížené možnosti soustředění* (The Increased Difficulty of Concentration, 1969, prem. 1968) is a scientist Eduard Huml, in the above mentioned *The Memorandum* assistant manager Jan Baláš appears, then there is head of the translation centre Zdeněk Mašát and others. In spite of that fact that the tendency towards generalisation of the names of

characters in Czech drama is not a prevailing trend, it can be well identified in the researched sample of texts. Ladislav Smoček's burlesque *Bludiště* (The Maze, 1966) – which is the closest of all Smoček's plays to the absurd drama of Havel's type – is based on an allegoric parable. A character named simply Man talks in front of a maze made of high hedges to an attendant who with bureaucratic pomp and circumstance lets people in, but does not allow anyone out. During an absurd dialogue Man, to no effect, searches for the fate of the people who entered the maze, but also wants to know whether there is a way out. The anonymous and crowd-like impression the character of Man gives is brought even further by the fact that he himself searches for rescue in the maze after the aggressive attendant attacks him. The principle of generalisation of the names of characters can be observed also in Josef Topol's drama *Hodina lásky* (An Hour of Love, 1969, prem. 1968) where the names of the couple differ in grammatical gender only: El and Ela. In this case we cannot unambiguously trace Topol's inspiration back to the world theatre of the absurd. We can rather speak about his specific concept of drama which in the 1960s departed from evocation of reality to incline towards abstract models and timeless parables.

The *aesthetic function* can be found to a greater or lesser extent in each selected name. If we narrow it down and understand it as a quality of names with an unusual form, it seems that some streams of the Czech theatre of the absurd are from this point of view marked. For instance model plays and burlesques which were created in the Prague Drama Club frequently contain grotesque names of their characters. In this relation we can refer to Ladislav Smoček's burlesque *Podivné odpoledne dr. Zvonka Burkeho* (Dr. Burke's Strange Afternoon, 1966) where the name of the comic protagonist, a bad-tempered intellectual Burke, appears also in the title. The grotesque quality of the name is closely linked to the *function of characterisation*.

The authors often choose names which emphasise personal qualities of their bearers, at times creating the comic effect by using a name which sharply contrasts with the character's qualities. When referring to Smoček's above mentioned burlesque, we can give more examples: Dr. Burke's obedient, inconspicuous pupil with a cogent name Tichý (Silent) – a name that for him is "nomen omen", Dr. Burke's landlady's old-maidish daughter symptomatically called Svatava (name in its meaning close to "She-Saint", having the connotation of a saint) and her fiancé who is given a somewhat unlikely but comic name Václav Václav (Wenceslas Wenceslas).

Another truly intriguing language play was created by Pavel Kohout in his drama *August August, august* (August, August, the Clown, 1968, prem. 1967). The main character is a naïve circus clown August whose life dream is to perform a dressage of eight white Lipican horses, i.e. a performance appertaining exclusively to the ringmaster. August loses this unequal struggle with the institution when – obeying the ringmaster's order – tigers instead of Lipican horses run into the arena and devour August. The ridiculous and at the same time tragic dimension of the character, whose illusion is destroyed in front of the spectators, is even strengthened by his self-explanatory name – August. In August 1968, the name had even broader connotation because the actors made reference to the month in which the Warsaw Pact armies invaded Czechoslovakia. One of such contrasting names is

found, for instance, in Alena Vostrá's *Na ostří nože* (On the Cutting Edge, 1969, prem. 1968) where the protagonist is called Hrdina (Hero), a man who is not able to make sense of everyday load of new information and who definitely does not make the impression of a brave hero. Similarly, in Havel's play *The Memorandum* we can see a directing manager with an imposing name Gross (in German meaning The Great). However, the context of the play makes it obvious that the semantics of the name sharply contrasts with the character's qualities. Gross is actually "small", uninfluential person in a system which he is part of because he does not understand the ptydepe language in which a "memorandum" he received is written- [4. P. 27].

The rule that the characters in absurd drama are not characterised in detail and are rather generic in Czech dramas is exemplified by the names which perform mainly – or exclusively – a *classifying* function. Characters with social names, which are sometimes given the name character-function, are in these dramas not only episodic, but can play the role of main characters too. The reduction of the name to the social status of the character is not an end in itself, but makes part of the semantic structure of the text of the drama. "The purpose of the reduction of a name is to weaken the psychologically-realistically perceived individuality, emphasise its interpretational openness, semantic plurality and interchangeability, and possibly also its symbolic and allegoric dimension." [3. P. 632]. Symbolic quality of the names of characters can be observed in Ivan Klíma's *Porota* (The Jury, 1968, prem. 1969). A drama taking place at the court depicts an absurd trial which has a form of a regular hearing, but is actually a camouflage since the accused has already been executed without a decision. Whether a person is guilty and what kind of punishment they deserve is decided upon by an "independent and unbiased" jury composed of members of the public whose name reflect their job or profession (Archiver, Engineer, Captain, Dairywoman, Barber). Other characters' names reflect their role at the court (Prosecutor, Chairman, Defence).

Milan Kundera in his absurd burlesque *Ptákovina* (The Blunder, 1968, prem. 1969) aims at creating a model picture of the world through seemingly realistic human situations. The central character of the main plot is a headmaster who starts a bizarre search for the author of a defamatory pictograph written on the board. The author is he himself and the scandalous drawing is just a pretext for cruel punishment of the innocent. In a secondary story line an omnipotent functionary Chairman asks Headmaster to seduce his fiancée to test her fidelity. Headmaster succeeds, but in a series of schemes the woman wins and starts to blackmail her lover and to control both men. The satirical aspect of the play is strengthened not only by the plot but also by the names of both protagonists which accentuate their influential social status, however, in the context of the play they make the impression of a professional deformation. Chairman assigns tasks and affects peoples' lives. In his private life his bossy wife and unfaithful mistress rule him. The character of Headmaster is disintegrated in a very similar way. He, driven by the self-preservation instinct, hides his better self behind the mask of a rough, sadistic boss for whom it is important to know nothing, but rule mercilessly instead. In Josef Topol's one-act play *Slavík k večeři* (Nightingale for Dinner, 1967) it is the social position in the family that gives the characters their names: besides Mr. Nightingale, who comes for dinner to his girlfriend's, there is Father, Mother, Son and

Daughter. To have the full picture we have to add that the infamous family murder their invited guest and his name (Nightingale) becomes part of the pun appearing in the title: he is in this absurd play literally thrown down like “food” to the inhumane mechanism personified by the four members of the deranged family.

The function of **association** appears both in names which refer to real living people and in proper names which reflect literary and generally cultural traditions. Jiří Holý aptly pointed out that “a zero level of allusion to real living people is when the name is identical with the factual person.” [5. P. 56]. A specific case of these allusions is found in the plays where the name of a character is identical with the actor’s name. For example the script of Ivan Vyskočil’s experimental programme *Poslední den* (The Last Day, prem. 1964), which in fact is a transcript of an audio recording of the opening performance of Nedivadlo (Non-Theatre), contains in its printed publication (1966) characters having the names of the actors who actually played them (Vyskočil, Josef Podaný, Pavel Bošek, Jana Prachařová etc.).

However, more frequent in Czech theatre of the absurd is the tendency towards literary allusions. Authors of absurd plays and burlesques exploit the potential of the genre and extend the meaning of the text using obvious as well as concealed references to other texts. Milan Uhde’s political satire *Král-Vávra* (King-Vávra, 1965, prem. 1964) already in its title reveals its inspiration by Karel Havlíček Borovský’s lyric-epic composition *Král Lávra* (King Lávra, 1870). Uhde refers to this jolly narrative about a king who hides his donkey ears also when giving names to his characters. The male character of Old Willow, also called “the uncle of the nation”, who is actually a backward national revivalist, bears the name of a personified tree which in Havlíček’s poem overhears and then spreads the king’s barber’s secret. In a similar way, the journalist Little Pin got his name from the famous endpin a double bass player Little Worm made of the same willow tree in the same Havlíček’s poem. An allusion to a literary context is also made in the king’s name: the surname Vávra has referred in the Czech literary tradition since Mrštík brothers’ drama *Maryša* (1894) to peasant characters with whom one should not engage in an intellectual debate. Another allusion to this protagonist of the classics of Czech theatre art was made by Ivan Vyskočil in his play *Křtiny v Hbřbvech aneb Blbá hra* (Christening Party in Hbřbve or Stupid Play, 1969, prem. 1965). The surname Vávra is given to two brothers of peasant origin. While the younger brother Julius Vávra is an intellectual who has been “uprooted from his dear native land“, his brother Oscar Vávra inherits the family farm and loves being a countryman. Yet another allusion to the literary classics appears in Ivan Klíma’s debut *Zámek* (The Castle, 1965, prem. 1964). An intentional inspiration by Franz Kafka is apparent in the title and in the settings placed in a symbolic institution closed to the world, but also in the name of the main character, “surveyor’s son Josef Kán”. Kafka’s *The Castle* (1926) features “surveyor K.” while his incomplete novel *The Process* (1925) features a bank clerk Josef K. – Klíma’s protagonist’s name is therefore an allusion to both the characters.

Václav Havel in his dramas likes to parody motifs from Czech history. As for the names of characters we have to mention a couple appearing in *The Garden Party*. Oldřich and Božena Pludek are proud of being a middle-class family, however, their first names are an obvious allusion to a legendary medieval Czech duke

and duchess of identical names. Another fact of importance is the unequal status of the couple: duke Oldřich was a descendant of the Přemyslid dynasty whereas his wife was a “simple girl from the public”. In Havel’s play the couple feels close to common people with their simple, everyday worries. The aristocratic grandeur is present only verbally in the phrases and pseudo-citations they use.

Resulting both from the overview and the particular examples provided above it can be seen that even the well-defined genre of absurd drama can contain names of different types and functions. This is especially true about the Czech variety of this genre which – as it has already been emphasised – is highly specific, containing intertwining streams and tendencies. In spite of this fact we can trace certain unifying trends. The tendency towards depersonalisation of characters in Czech absurd drama is rather typical of the supporting characters. On the other hand, protagonists’ names usually have the characterising function not only in the sense that their name intentionally expresses the character’s qualities, but also by creating a sharp contrast with their personal qualities. Authors do not aim at any kind of identification of spectators with a character. They rather put in doubt the so-called heroes with their traditional qualities. A significant amount of names perform the classifying function. These are namely the socially named characters whose names are reduced to their social status (or function) and which tend to symbolism. And it is in these names that the literary character of the text and its anti-illusiveness is reflected since the authors do not aim at imitating the world but at creating its model picture. Czech absurd drama features names that perform the function of association with surprisingly high frequency. They purposely refer to names outside the artistic text, which requires the reader (or the spectator) to be familiar with characters from other literary works as well as general knowledge of the cultural tradition. Allusions usually refer to Czech literary canon, are used to a comic effect and therefore linked to satirical tendencies, which is typical of Czech drama of the period in question. Finally, Czech theatre of the absurd of the 1960s contains names of characters which make part of higher semantic layers, pertaining not only to the poetics of the character, but also to the poetics of the genre, plot and semantic structure of the work as a whole.

References

1. Dvořáková, Ž. (2012) Functions of proper names in literature and literary onomastics. *Slovo a slovesnost*. 3. pp. 194–207.
2. Knappová, M. (1992) Funkce vlastních jmen v literárních textech [The function of proper names in literary texts]. In: *Slavistica XXVIII, Onomastika a škola* [Slavic studies XXVIII, Onomastics and School]. Banská Bystrica: Safarik University.
3. Jungmannová, L. (2001) Jméno postavy v dramatu [Name of a character in a drama]. In: Hordova, D. *Na okraji chaosu. Poetika literárního díla 20. století* [At the edge of chaos. Poetics of the literary works of the 20th century]. Prague: Torst.
4. Štěrbová, A. (2002) *Modelové hry Václava Havla* [Model games of V. Havel]. Olomouc: Palacky University.
5. Holý, J. (1995) *Problémy nové české epiky* [Problems of the new Czech epics]. Prague: Ústav pro českou literaturu AV ČR.

ПОЭТИКА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ЧЕШСКОМ ТЕАТРЕ АБСУРДА

Кроча Давид. Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. 45. 186–192. DOI: 10.17223/19986645/45/13

Ключевые слова: чешская литература, поэтика, чешский театр абсурда, имена литературных персонажей, типология имен.

Автор статьи анализирует поэтику абсурдистского направления, которое развивалось в чешской драматургии в 60-е гг. XX в. Внимание сосредоточено на функции имен собственных в оригинальных чешских пьесах, относящихся к жанру абсурдистской драмы, а также в текстах, где используются только некоторые элементы абсурдистского театра. Автором исследования было выбрано более 300 имен литературных персонажей, 50 из которых принадлежат главным героям драматических произведений. На материале 30 пьес 15 различных авторов в исследовании разбираются имена персонажей с точки зрения идентификационной, эстетической, классифицирующей, характеризующей и ассоциативной функции.

Из анализа и конкретных примеров явственно вытекает, что и настолько жанрово специфичный тип, как абсурдистская драма, может содержать имена различных типов и функций. Особенно ярко это проявляется в чешском варианте данного влиятельного направления, обладающего своей спецификой и имеющего взаимообусловленные течения, где, однако, можно проследить определенные объединяющие моменты. Тенденция к деперсонализации героя проявляется в чешской абсурдистской драматургии в основном у второстепенных персонажей. У имен главных героев более ярко проявляется функция, характеризующая, и не только таким образом, что имя персонажа преднамеренно выражает его качества, но и так, что наименование персонажа (имя) контрастирует с его характером. Авторы не стремятся к тому, чтобы зритель идентифицировался с персонажем, но ставят под сомнение так называемых положительных персонажей и их типичные качества (например, Вацлав Гавел). Большая часть приходится на имена с классифицирующей функцией: речь идет, главным образом, о социально названных персонажах, чьи имена связаны с социальным статусом и являются символическими. Именно в таких именах отражаются литературный характер текста и его антииллюзорность, ибо авторы стремятся не воспроизвести мир, а скорее создать его модель (например, творчество Ивана Климы и Йосефа Топола). Поразительно частыми в чешских абсурдистских драмах являются имена с ассоциативной функцией – они умышленно направлены за границы художественного текста и требуют от читателя (либо зрителя) знаний о персонажах других литературных произведений и общих сведений о культурной традиции. Намеки касаются в основном домашнего литературного канона, вызывают комический эффект и соотносятся, таким образом, с сатирической тенденцией, которая типична для чешской драматургии исследуемого периода. Таким образом, для чешской абсурдистской драматургии 60-х гг. XX в. типично, что имя драматического персонажа является составной частью высших семантических уровней – не только поэтики персонажа, но и поэтики жанра, сюжета и семантического единства произведения.

Литература

1. Dvořáková Ž. Functions of proper names in literature and literary onomastics // Slovo a slovesnost. 2012. № 3. P. 194–207.
2. Knappová M. Funkce vlastních jmen v literárních textech // Slavistica XXVIII, Onomastika a škola. Banská Bystrica: Univerzita Pavla Jozefa Šafárika, 1992. P. 12–16.
3. Jungmannová L. Jméno postavy v dramatu // Na okraji chaosu. Poetika literárního díla 20. století. Praha: Torst, 2001. P. 620–637.
4. Štěrbová A. Modelové hry Václava Havla. Olomouc: Univerzita Palackého, 2002.
5. Holý J. Problémy nové české epiky. Praha: Ústav pro českou literaturu AV ČR, 1995.

УДК 821.133.1

DOI: 10.17223/19986645/45/14

С.Ю. Павлова

ПОРТРЕТЫ В «МЕМУАРАХ» МАДЕМУАЗЕЛЬ ДЕ МОНПАНСЬЕ

В статье рассматриваются портреты в «Мемуарах» Мадемуазель де Монпансье (опубл. в 1717 г.) и определяется их роль в реализации авторских интенций. Проводится сопоставление с жанром салонного портрета, одной из родоначальниц которого выступала мемуаристка. Анализ принципов и приемов описания придворных позволяет показать, что, будучи интегрированы в мемуарное повествование, портреты подчиняются законам «готового слова», но вместе с тем способствуют свободному самовыражению автора и не только раскрывают образ «другого», но и служат способом непрерывного самоописания.

Ключевые слова: мемуары, французская литература XVII в., портрет, авторские интенции, Мадемуазель де Монпансье.

«Мемуары» Мадемуазель де Монпансье, именуемой согласно титулу Мадемуазель (1627–1693), являясь одним из наиболее самобытных образцов французской мемуарной прозы второй половины XVII в., представленной замечательными произведениями кардинала де Реца, герцога Ларошфуко, графа Бюсси-Рабютена, мадам де Моттвиль и др. Они создавались на протяжении почти сорока лет и были впервые опубликованы в 1717 г. Жанр мемуаров предполагает изображение исторического прошлого глазами свидетеля или участника событий и запечатлевает его место в историческом процессе. Эта направленность присуща и «Мемуарам» Мадемуазель, однако их отличает большая выраженность собственно автобиографических, а не исторических элементов. Интенции мемуаристки определяются стремлением изобразить прежде всего свою собственную жизнь, а не то, что произошло вовне в описываемый ею временной период. При этом сама биография Мадемуазель была необычайно насыщена событиями разного, в том числе и исторического, масштаба (достаточно вспомнить о ее участии во Фронде принцев), а также многочисленными контактами с представителями аристократической элиты эпохи. Неудивительно появление в повествовании большого количества имен современников. Нас интересуют те случаи, когда мемуаристка не ограничивается простой номинацией или констатацией поступков человека, а дает о нем более развернутое представление посредством портретной характеристики. Ее подход к изображению «другого» позволит определить функцию портрета в произведении и его связь с авторскими интенциями.

Обращение к проблеме портретирования в «Мемуарах» Мадемуазель объясняется не только значимостью анализируемого произведения, но и ролью его автора в формировании жанра портрета во французской литературе второй половины XVII в. В 1659 г. в городе Кане тиражом в несколько десятков экземпляров был опубликован сборник «Разнообразные портреты» («Divers portraits»). Он открывался посвящением Мадемуазель, в котором анонимный автор указывал на ее мастерство в составлении портретов, в том чис-

ле, включенных в издание. Поскольку высокий статус принцессы крови не допускал причастности к профессиональной деятельности, посвящение содержало указание на то, что сборник вышел в свет без ее разрешения [1]. Однако в действительности он появился при активном участии, по распоряжению и на средства герцогини [2. Р. 241; 3. Р. 198; 4. Р. 206].

Значение сборника заключалось в том, что в нем впервые¹ были представлены «автономные портреты, ценные сами по себе и существующие отдельно от романического текста» [3. Р. 200]. К моменту его появления портрет как элемент романного повествования уже вызывал значительный интерес у публики благодаря романам Мадлены де Сюдери «Артамен, или Великий Кир» (1649–1653) и «Клелия» (1654–1660). Однако мода на составление портретов начала распространяться в аристократических кругах по инициативе Мадемуазель де Монпансье. История пробуждения ее интереса к такого рода занятию кратко описана в предисловии к «Разнообразным портретам» и в «Мемуарах» герцогини. Оба источника отсылают к 1657 г., когда принцесса де Тарант и мадемуазель де Лятремуй, гостившие у Мадемуазель в Шампиньи, показали ей свои портреты, выполненные по образцу голландских. «Я такого никогда не видела, – сообщает герцогиня в мемуарах, – я нашла такую манеру описывать очень галантной и сделала мой (портрет. – С.П.)» [5. Т. 2. Р. 19]. В течение нескольких месяцев ее примеру последовали и другие вельможи. В результате распространившейся практики портретирования, публикации «Разнообразных портретов» и других похожих сборников не только возникла модная среди представителей знати форма проведения досуга, но и появился новый литературный жанр. Его выделение в качестве самостоятельного «произошло прежде всего в рамках светской культуры XVII века и было продиктовано условиями литературного быта аристократических салонов» [6. С. 32].

Сборник «Разнообразные портреты» включал пятьдесят девять портретов, из которых шестнадцать принадлежали перу Мадемуазель, в том числе ее автопортрет. Поскольку не все портреты были подписаны их создателями, французские исследователи предполагают, что с высокой долей вероятности герцогиня являлась автором еще нескольких анонимных, в том числе сатирического портрета прециозниц². Характеризуя эстетические достоинства портретов Мадемуазель, Жаклин Плантье в своей фундаментальной монографии, посвященной искусству литературного портрета во Франции XVII в., пишет следующее: «Лишенная надежд на то, чтобы однажды стать королевой, она правит в стране портрета. <...> Каждый написанный ею текст свидетельствует об абсолютно осознанном желании сделать то, что никогда еще не было

¹ Вышедший в свет в том же 1659 г. «Сборник портретов и похвальных слов в стихах и прозе, посвященный Мадемуазель» носил вторичный характер и уступал первому по художественным достоинствам. Он был издан в Париже Серси и Барбеном.

² Жаклин Плантье считает вероятным авторство Мадемуазель еще в семи случаях, тогда как Жан Гарapon с высокой степенью определенности говорит только о трех. В целом можно заключить, что герцогиня де Монпансье написала для сборника как минимум девятнадцать портретов (см.: [3. Р. 207; 4. Р. 217]).

предпринято. <...> Портреты – это ее “Опыты”» [4. Р. 224]¹. Описания придворных, включенные в сборник, отличались своеобразием и отражали ее стремление экспериментировать с жанром.

Мастерство герцогини в составлении портретов позволяет предположить, что ее талант проявил себя и в «Мемуарах». Однако французские литературоведы единодушны в том, что в мемуарном повествовании портрет заметно трансформируется и «не является тем светским жанром, каким <...> предстает в сборниках» [7. Р. 122]. На уровне структурных элементов можно выделить три главных особенности построения портретов в «Мемуарах» Мадемуазель. Во-первых, их незначительный объем. Если в качестве самостоятельных текстов, представленных в сборнике 1659 г., они охватывают от трех (портрет шевалье де Бетюна) до восьми (портрет принца Конде) страниц, то в «Мемуарах» – от двух до пятнадцати строк. Лаконизм отличает Мадемуазель-портретистку и в сравнении с другими мемуаристами, например кардиналом де Рецем или Бюсси-Рабютеном. Во-вторых, портрет в мемуарном повествовании, как правило, не имеет словесного обрамления, определяющего его границы. Лишь дважды – в случае с графом де Лозеном и самой Мадемуазель – портрет непосредственно обозначается как таковой. Описание графа появляется в ответ на соответствующую просьбу госпожи де Ноай, обозначается кавычками как прямая речь мемуаристки и предваряется фразой: «Я начала» [5. Т. 2. Р. 320]. Аналогичным образом вводится один из портретов Мадемуазель, когда она инкогнито беседует с монахом-якобинцем: «Он принялся мне ее описывать» [5. Т. 1. Р. 281]. В-третьих, мемуаристка не придерживается устойчивой для жанра схемы составления портрета, включавшей описание трех основных составляющих: тела, ума, души, к которым иногда добавлялся еще и нрав (см.: [4. Р. 359–360. 6. Р. 55]). Небольшой объем, свободная форма, включенность в более сложную структуру приводят к редукции жанра и позволяют говорить о портрете как одном из повествовательных приемов. В этой связи представляется удачным термин «интегрированный портрет», предложенный Э. Лен применительно к мемуарам XVII в. Под ним исследовательница понимает как предельно краткое, так и развернутое «описание физических и моральных черт, подкрепленное в случае необходимости несколькими поступками» [7. Р. 123].

В общей сложности в мемуарах встречается около четырех десятков портретных характеристик. С учетом объема текста (около тысячи страниц) их количество не очень значительно, равно как невелика отмеченная выше степень подробности описания. Для мемуаров эпохи характерны разные принципы интегрирования портретов в повествование и их суммарное число. Если кардинал де Рец создает своего рода галерею из семнадцати портретов, группируя их в одном месте, то Мадемуазель рассеивает их по тексту подобно тому, как это делают Ларошфуко или Бюсси-Рабютен. Каждый мемуарист, изображая «другого», демонстрирует свое представление об исторических событиях, что приводит к появлению разных по направленности портретов

¹ Французская исследовательница подробно рассматривает типы и отличительные особенности портретов Мадемуазель в отдельной главе «Игра принцессы: «Разнообразные портреты» [4. С. 185–248].

(хвалебных, лакировочных, критических, язвительных т.д.). Так, Бюсси-Рабютен создает идеализированный портрет своего патрона принца де Конти, а кардинал де Рец сатирически изображает Гастона Орлеанского, своего главного политического оппонента в лагере фрондеров. Тенденциозность, обусловленная политическими взглядами, характерна для портретов, принадлежащих перу мемуаристов второй половины XVII в. Однако кроме исторической позиции, портреты расширяют представление об этических ценностях самого мемуариста и его отношении к мемуаротворчеству. В этом плане «Мемуары» Мадемуазель представляются нам особенно показательными.

Частотность и подробность портретов в ее произведении возрастает при описании 1650-х гг., когда герцогиня де Монпансье была отправлена в изгнание за поддержку фрондеров, спустя пять лет получила прощение Людовика XIV и вернулась к придворным обязанностям. Она рассчитывала полностью реабилитироваться в глазах монарха и играть значимую роль при дворе, выступая своего рода посредницей между дорогими ее сердцу идеалами старших Бурбонов и нравами близкого ей по возрасту окружения двадцатилетнего короля. Как справедливо пишет Ж. Гарапон, отражением мечты Мадемуазель о новом значимом статусе стали «Разнообразные портреты», задуманные ею как своего рода пакт: «...они представляли разносторонний портрет славной личности, которая не забыла ничего из своего прошлого, но с искренней невинностью предлагала свою моральную силу, религиозную веру, память о дворе и изысканный вкус королеве-матери и молодому королю накануне важных политических решений» [3. С. 205]. Хотя надеждам Мадемуазель не суждено было сбыться, важно, что жанр портрета стал для нее в эти годы новой формой самовыражения. Подтверждением этому служат не только «Разнообразные портреты», но и «Мемуары». Именно в конце 1650-х гг. Мадемуазель создала около половины всех портретов, включенных в мемуарное повествование, в том числе самый подробный, посвященный герцогу де Немуру. Остановимся на нем подробнее.

Поводом для портретирования стало известие о смерти герцога, убитого на дуэли, предвараемое изложением причины конфликта между де Немуром и его соперником де Бофором, а также указанием на недавнее ранение первого. Мадемуазель сообщает, что, по мнению некоторых придворных, оно могло ослабить руку герцога, однако, основываясь на конкретных примерах из личных воспоминаний, опровергает эту мысль. В изображении «другого» для мемуаристки будут характерны примат и смелость собственной точки зрения, без оглядки на господствующие суждения. Уже в повествовательной части портрета чувствуется неоднозначное отношение мемуаристки к герцогу, которое она не пытается скрыть или подвести под заведомо определенный угол восприятия. Следующая далее характеристика строится в том же неоднозначном ключе: «Г-н де Немур обладал хорошими качествами, он был честным, как и подобает светскому человеку, имел очень приятный для беседы ум, игривый и острый, но должно опасаться, что этот нрав не сохранился бы у него в старости, ибо ум людей старится так же, как их годы. Он был довольно изменчивым и непостоянным, печальным, когда дела шли не по его желанию, и он с легкостью оставлял своих друзей, неизвестно почему. Он был непостоянным в любви, его единственным другом до самой смерти был

г-н де Белесба. Он очень любил мадам де Шуази и настолько доверял ей, что ничего не утаивал. Не знаю, похвально ли это для него. В общем он был хорошо сложен, но не в отдельных чертах: у него были узкие и высокие плечи, он был рыжим, с гладкими волосами, сильно испещрен следами от ветряной оспы и все же, несмотря на все это, нравился» [5. Т. 1. Р. 246].

Описание де Немура не оставляет впечатления законченной характеристики, как это происходит в случае с отшлифованными в емких фразах и закругленными в смысловом плане портретами кардинала де Реца. Манера Мадемуазель-портретистки скорее походит на размышление. Она опускает многие детали, не стремится к выводам, но лишь делает вольный набросок. При этом ей удастся запечатлеть разнообразные аспекты личности герцога: моральные, поведенческие и физические. Отметим, что последние следуют в самом конце, вопреки сложившейся в XVII в. структуре портретирования, что свидетельствует о свободном обращении мемуаристки с жанровой матрицей. При воссоздании внешности де Немура Мадемуазель использует устойчивые для жанра портретов и – шире – литературы XVII в. риторические обороты («хорошо сложен», «гладкие волосы»). С «культурой готового слова» [8. С. 312] ее роднит и склонность к обобщению. Индивидуальные особенности герцога мемуаристка может подвести под общий знаменатель («ибо ум у людей старится так же, как их годы»). Вместе с тем ей важно подчеркнуть отличительные черты де Немура на уровне внешности (оспины, рыжина), но главным образом, характера и нрава. В контексте мемуарного повествования особенности внутреннего склада портретируемого играют важнейшую роль, поскольку имплицитно соотносятся с представлениями самой мемуаристки. В данном случае она несколько раз отмечает отсутствие у де Немура такого важного в системе ее собственных морально-этических ценностей качества, как постоянство. Даже единственное исключение – безмерная преданность мадам де Шуази – выглядит, скорее, как недостаток, поскольку содержит намек на пренебрежение долгом во имя чувств, что для герцогини, воспитанной на героических идеалах корнелевской эпохи, недопустимо. Как человек рационалистической эпохи, Мадемуазель касается свойств ума герцога, что присуще и другим создателям портретов. Также в духе времени она обращает внимание на такие его грани, которые помогают поддержать светское общение, поскольку в XVII в. искусство беседы воспринималось как неперемнная составляющая придворной жизни, своего рода маркер принадлежности к высшей аристократии. Размышление мемуаристки о возможном влиянии старения на умственные способности герцога позволяет как бы развернуть портрет во времени и вывести его за границы статичного описания («но должно опасаться, что этот нрав не сохранился бы у него в старости»). Отметим, что динамические элементы в портрете, впервые апробированные в сборнике 1659 г. и вновь использованные в «Мемуарах», характерны для индивидуальной манеры Мадемуазель. В целом созданный ею портрет герцога де Немура включает положительные и отрицательные черты, оставляющие двойственное впечатление о человеке. Оно предопределяется морально-этическими качествами самой мемуаристки и позволяет углубить представление о ней самой. Такое отношение к объекту описания и способ его порт-

ретирования, строящийся на соединении «готового» слова и свободной рефлексивной манеры, обнаруживаются и в других портретах.

Они интегрируются в мемуарное повествование в зависимости от логики развертывания мысли герцогини и «возникают, как в жизни, в связи с первой встречей, свадьбой, смертью <...> с любопытством кого-то, кто спрашивает, каков этот человек» [4. С. 621]. Чаще всего портретная характеристика появляется при рассказе о первой встрече (Карл II Стюарт, Кристина Шведская, сестры Манчини) или упоминании о ком-то (граф Суассонский, король Португалии). Мадемуазель почти не пользуется возможностью описать человека в связи с его кончиной, хотя такой повод выглядит логичным, особенно с учетом традиции надгробных речей, имевших широкое распространение в XVII в. Этого не происходит даже после смерти близких герцогини (отца Гастона Орлеанского, хотя в связи с его кончиной она высказывается по поводу значимости надгробной речи) или крупных государственных деятелей (Мазарини). Исключением является краткая, в два предложения, характеристика принца Конде, что, возможно, объясняется особым уважением, которое питала к нему мемуаристка. Нежелание прибегнуть к портретированию по случаю кончины может объясняться разными причинами: присущим Мадемуазель страхом смерти, о котором она не раз пишет в мемуарах [5. Т. 1. Р. 320, 336, 433], расчетом на то, что имеющаяся информация о деяниях человека вполне достаточна для его характеристики, наконец, сосредоточенностью на себе как главном объекте изображения.

При описании человека мемуаристка в нескольких словах обобщает свое мнение о нем, прибегая к устойчивым формулам: достойный/ благовоспитанный / порядочный человек (*honnête homme*), хорошо выглядит (*a de bonne mine*), умен (*a de l'esprit*) и т.д. В XVII в. эти частотные для литературы и светской салонной практики обороты строились с использованием общих мест, выступавших как «инструмент абстрагирования, средство упорядочить, систематизировать пестроту явлений действительности, сделать эту пестроту легко обозримой для рассудка» [9. С. 159]. Нам важно подчеркнуть, что их употребление свидетельствует не только о неоспоримой принадлежности Мадемуазель определенному типу культуры «риторического слова как носителя всех традиционных смыслов и содержаний» [8. С. 310], но и ее ценностных приоритетах, важных в плане конструирования образа «Я» и реализации авторских интенций. Сам отбор и частотность словоупотреблений в портретах показывает, что для мемуаристки имеют большое значение благородство, чувство собственного достоинства, способность к великим деяниям, которые она воспринимает как непеременные признаки истинного аристократизма. Эти качества она отмечает у испанского кардинала-инфанта (достойный принц / *prince de mérite*), графа Суассонского (наделенный великими качествами / *doué de grandes qualités*), принцессы Кариньян (*l'air et le procédé d'une grande princesse* / облик и поведение великой принцессы) и др. Такого рода акценты отражают присущее ей понимание значимости аристократического кодекса поведения. Однако они не приводят к идеализации окружения мемуаристки, составившего элиту французского королевского двора Людовика XIV.

Мадемуазель не стремится ретушировать включенные в мемуары описания придворных, следуя тому же принципу, который использовала в «Разно-

образных портретах». Уже в сборнике она «не старалась понравиться и пользовалась привилегией своего происхождения, чтобы с наслаждением отдаться капризам своего вдохновения» [2. Р. 240]. В отличие от Мадлены де Скюдери герцогиня «могла разрешить себе дерзости, запретные для автора “Клелии”» [4. Р. 248], поскольку занимала иное положение в обществе. Осознание значимости своего статуса позволило ей обойтись без купюр и в портретах, включенных в мемуары. Мадемуазель отмечает те черты, которые считает значимыми, независимо от их морально-этического наполнения (привлекательные и отталкивающие, позитивные и негативные). Не влияет на объективность изображения и ее отношение к человеку, что наиболее показательно иллюстрирует портрет графа де Лозена. Как уже отмечалось выше, мемуаристка описывает возлюбленного в ответ на просьбу со стороны. Добавим, что она это делает в состоянии глубокого горя из-за отказа короля в бракосочетании с графом, к которому испытывала сильное чувство. Несмотря на это, его портрет выглядит далеко не идеальным: «Это человек маленького роста; всякий согласится, что у него самое прямое, хорошее, приятное телосложение. Ноги красивые, значительность во всем, что он делает; волосы редкие, белокурые, но сильно перемешанные с седыми, плохо расчесанные и часто салые; красивые голубые глаза, но часто по виду красные, наружность тонкая, выражение лица милое. Его улыбка нравится. Кончик носа заостренный, красный; что-то возвышенное в лице; очень неопрятный, когда ему угодно следить за одеждой, то выглядит очень хорошо» [5. Т. 2. Р. 230].

Из деталей внешности портретируемого мемуаристка, как правило, обозначает рост и комплекцию, цвет волос и глаз, форму носа и зубов, используя при этом стандартные характеристики. Эта часть портретов выглядит вполне традиционно, оригинальность же мемуаристки проявляется там, где она отходит от устойчивых риторических моделей. Примером может служить изображение людей, попавших в экстремальную ситуацию, выходящую за границы привычного течения жизни. Таковы портреты герцога Ларошфуко и принца Конде после сражения в Сент-Антуанском предместье. Описание главы фрондеров предваряет прямая оценка повествовательницы: «<...> он находился в весьма плачевном состоянии». И далее: «<...> его лицо было покрыто слоем пыли толщиной в два пальца, волосы совсем спутаны, воротник и рубашка полностью залиты кровью, хотя он не был ранен, кираса в следах от ударов, в руке он держал шпагу, а ножны потерял» [5. Т. 1. Р. 230]. Портрет, несмотря на краткость, насыщен деталями, создающими конкретный и выразительный образ. Он передает атмосферу кровопролитного сражения и подчеркивает отвагу принца. С не меньшей убедительностью трагизм этой важной в истории Фронды битвы, отмеченной доблестью и героизмом ее участников, отражает облик раненого герцога Ларошфуко. Мемуаристка рассказывает о случайной встрече с ним на одной из улиц Парижа: «<...> я застала самое ужасное зрелище, какое только можно увидеть. Это был г-н герцог де Ларошфуко, раненный мушкетом в глаз так, что пуля вошла с одной стороны и вышла между носом и другим глазом, в результате чего оба глаза были повреждены, казалось, они выпадут, так много крови он потерял! Все его лицо было ею залито, он тяжело и быстро дышал <...>» [5. Т. 1. Р. 229]. Оба портрета отличаются почти натуралистической точностью, выра-

зительностью деталей и мощным эмоциональным зарядом. Кроме того, они отражают внутреннее состояние мемуаристки, в котором смешались чувства боли и ужаса.

Внешний облик портретируемого нередко перетекает в описание костюма, имеющего для Мадемуазель большее значение, чем для других мемуаристов. Как правило, наряд описывается при рассказе о первой встрече с человеком (дон Жуаном Австрийским, Марией-Терезой и др.). Одежда выполняет функцию статусного маркера и помогает составить представление о ее носителе. Показательным примером может служить портрет Кристины Шведской. Мемуаристка начинает ее характеристику с элементов туалета, давая этому соответствующее объяснение: «Я столько слышала о ее странной манере одеваться, что до смерти боялась при виде ее рассмеяться <...> она меня удивила, но не насмешила. На ней была юбка из серого шелка с золотыми и серебряными кружевами, камлотовый полукафтан огненного цвета с такими же кружевами, как на юбке, и тонкой плетеной тесьмой из золотых, серебряных и черных нитей, также на юбке был кружевной гонуэзский платок с огненной лентой <...> она держала шляпу с черными перьями» [5. Т. 1. С. 399]. Далее следует портрет, включающий довольно стандартный набор эпитетов («белые зубы», «большой, орлиный нос», «плохое телосложение», «очень маленького роста») и одну отличительную деталь: «голубые глаза, то нежные, то очень суровые» [5. Т. 1. Р. 399]. Эта деталь дает ключ к восприятию ее образа. Дальнейшее повествование показывает, что взгляд королевы отражал противоположные грани ее натуры и то двойственное впечатление, которое она производила на окружающих. Эта неоднозначность фиксируется Мадемуазель уже на уровне костюма. Сначала она встречает Кристину Шведскую в процитированном выше одеянии и констатирует, что та показалась ей «прекрасным маленьким мальчиком» [5. Т. 1. Р. 399]. Затем видит ее перед отходом ко сну, лежащей под мерзким зеленым покрывалом в сорочке без воротника, украшенной большим бантом огненного цвета, и с лысой головой, обмотанной полотенцем, наподобие ночного колпака. Отношение мемуаристки передает ироничный комментарий: «Она не показалась мне хорошенькой в таком состоянии» [5. Т. 1. Р. 409–410]. Ее наряд всегда выглядел как минимум по-особенному. Подобно внешнему виду Кристины Шведской – то достойному и красивому, то неряшливому и смешному, неоднозначным оказывается и ее поведение. Королева знала все новости и состояла в знакомстве со множеством людей, была начитанна, встречалась с учеными, осмотрела все красивые здания и библиотеки Парижа. Вместе с тем она болтала во время мессы, принимала неподобающие позы на театральном представлении, давала нежелательные для двора советы королю относительно брака с Марией Манчини и т.д. Совокупность ее качеств и поведенческих особенностей мемуаристка точно определяет эпитетом «совершенно необычная / необыкновенная» («tout à fait extraordinaire») [5. Т. 1. Р. 400]. Хотя манеры Кристины Шведской не всегда были вежливыми и изобличали в ней «королеву готов» [5. Т. 1. Р. 410], она ей симпатизирует, поскольку «исключительность для Мадемуазель важнее, чем красота» [7. Р. 153]. Кроме того, думается, что определяющую роль в формировании позиции мемуаристки сыграло отношение королевы к ней самой: «Она обходилась со мною очень учтиво, так она вела

себя всякий раз, когда я с нею виделась» [5. Т. 2. Р. 24]. Это суждение показывает, что Мадемуазель «соединяет сиюминутное и общее, первое впечатление и то, что она узнала позже, в общении с данной личностью» [10. С. 183]. Галерея интегрированных портретов Кристины Шведской вновь демонстрирует синтез традиционных риторических элементов и таких способов выражения действительности в слове, которые передают живое от нее ощущение, а финальное суждение мемуаристки в показательной для нее манере переносит повествовательный фокус на авторское «Я».

При всем внимании к костюму, внутренние свойства личности, как это было показано на примере портрета графа де Немура, оказываются для Мадемуазель важнее внешности. Такие приоритеты роднят ее с другими мемуаристами эпохи, в частности с кардиналом де Рецем и герцогом Ларошфуко. Присущая им аналитическая манера портретирования, увязывающая причины и следствия, позволяет увидеть скрытые механизмы поведения и выявить ядро личности. Аналитизм наблюдается и в «Мемуарах» Мадемуазель, однако в портретах она в большей степени тяготеет к технике штрихов, позволяющей назвать отличительные особенности человека и очертить отношение мемуаристки к ним. Наиболее показательно эта мысль может быть проиллюстрирована в связи с ироническим модусом повествования, появляющимся в нескольких портретах. Так, рассказывая о господине Шабо, Мадемуазель указывает на его умение танцевать, с помощью которого он покорило сердце мадемуазель де Роган и надеялся выдвинуться, заключив с нею брак. Этот путь он счел более подходящим, нежели военная карьера, чем в глазах Мадемуазель сразу уронил свое достоинство. Вот почему его портрет, хотя и состоит по преимуществу из положительных характеристик, выглядит иронически. Тот же интонационный регистр преобладает при описании мадам де Шатийон. Ее отличительная черта – бесчисленное множество любовных увлечений, рассчитанных на внешний эффект, так же как помпезность наряда, идут вразрез с презрением к кокетству, свойственным Мадемуазель. Ирония ощущается даже в портретах людей, к которым она испытывала искреннюю симпатию, что, например, справедливо в случае с госпожой де Монморанси. Рассказывая о ее безмерной любви к мужу, чувстве, противоположном ветренности мадам де Шатийон и основанном на столь ценимой мемуаристкой верности, она указывает на его крайности, вызывающие улыбку: «<...> для меня очень необычным проявлением (ее любви. – С.П.) стало то, что она любила всех особ, в которых он, как ей становилось известно, влюблялся, поскольку был одним из самых галантных кавалеров своего времени» [5. Т. 2. Р. 100]. Приведенные примеры показывают, что портреты выявляют отношение Мадемуазель к объекту изображения на разных уровнях: от прямого высказывания до модуса повествования.

В целом в «Мемуарах» Мадемуазель де Монпансье портреты выполняют иную функцию, нежели одноименный салонный жанр, хотя и создаются с использованием приемов и принципов, апробированных в сборнике «Разнообразные портреты». Мемуаристка не ставит своей задачей создание полноценного представления о человеке, а использует портретирование как прием, позволяющий более рельефно выявить ее собственное «Я». Описательная часть «интегрированных портретов» строится с использованием устойчивых

риторических оборотов и соотносится с культурой «готового слова», однако их выборка иллюстрирует систему морально-этических ценностей самой Мадемуазель. Повествовательные и рефлексивные элементы еще больше усиливают субъективность изображения, которая, в отличие от других мемуаристов, происходит не из политических взглядов, а предопределяется этикой аристократизма. Таким образом, портреты отчетливо выявляют автобиографическую интенцию «Мемуаров» Мадемуазель и не только создают образ «другого», но и служат способом непрерывного самоописания.

Литература

1. *Montpensier*, Anne-Marie-Louise-Henriette d'Orléans. Divers portraits. Caen, 1659. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1184755/f45.image.r=Montpensier,%20Anne-Marie-Louise-Henriette%20d'Orl%C3%A9ans> (дата обращения: 10.08.2016).
2. *Craveri B.L.* L'âge de la conversation. Paris, 2002. 680 p.
3. *Garapon J.* La culture d'une princesse. Ecriture et autoportrait dans l'œuvre de la Grande Mademoiselle (1627–1693). Paris, 2003. 444 p.
4. *Planté J.* La mode du portrait littéraire en France (1641–1681). Paris, 1994. 895 p.
5. *Mademoiselle de Montpensier.* Mémoires. Paris, 1985: En 2 t. T. 1. 490 p.; T. 2. 454 p.
6. *Трыков В.П.* Французский литературный портрет XIX века. М., 1999. 360 с.
7. *Lesne E.* La poétique des mémoires (1650–1685). Paris, 1996. 477 p.
8. *Михайлов А.В.* Античность как идеал и культурная реальность XVIII–XIX вв. // Античность как тип культуры. М., 1988. С. 308–324.
9. *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 446 с.
10. *Алташина В.Д.* Роман-мемуары во французской литературе XVIII века: генезис и поэтика: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2007. 546 с.

PORTRAITS IN MADEMOISELLE DE MONTPENSIER'S MEMOIRS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 45. 193–203. DOI: 10.17223/19986645/45/14

Svetlana Yu. Pavlova, Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

Keywords: memoirs, 17th-century French literature, portrait, author's intentions, Mademoiselle de Montpensier.

The article considers portraits in Mlle de Montpensier's *Memoirs* (published in 1717) and identifies their role in actualizing the author's intentions. The author of the article compares it with the genre of a salon portrait. The founder of this genre was a female memoir writer whose works were published in the collection *Different Portraits* (1659). By the time it emerged, the portrait as an element of novel narration had already evoked significant public interest due to the novels of Madeleine de Scudery; however, the fad for creating portraits began to spread among the nobility by the initiative of Mlle de Montpensier. She revealed an outstanding talent in making portraits, and her brave experiments facilitated the genre solidification. Mlle de Montpensier's mastery became the foundation for the analysis of the portrait technique in the memoirs.

The analysis undertaken in the research shows that in the memoir genre the influence of the experience of the salon portrait description is revealed in using fixed rhetoric verbal formulas, as well as the techniques and principles tested in the collection. Mlle de Montpensier does not strive to airbrush the descriptions, she elicits the duality of human nature. However, in general the research confirms the statement of the French literary critics who claim that in the memoirs the portrait genre is transformed and performs a different function.

Portraits being integrated into the memoir narration lead to a noticeable genre curtailment. It is revealed in the significant reduction of the text volume, in the abandonment of a full-featured characterization of a person, and in the genre-specific pattern of creating a portrait, as well as narrative elements with commentaries and evaluative judgments of the female memoir writer. Mlle de Montpensier

frequently describes the courtiers' attire since her clothes are an important feature of the social status. But the inner qualities of the person are more important for the author than the appearance. Mlle de Montpensier outlines the characteristic feature of the person whose portrait she is painting with one or two strokes, this feature making the image memorable. Mlle de Montpensier does not set the aim of creating a full-featured understanding of a person, but she uses portraiture as a technique that allows to reveal her own 'Self' more prominently. The descriptive part of 'integrated portraits' is created with the help of fixed rhetoric phrases and is related to the culture of the 'ready-made word'. However, their choice shows the system of moral and ethical values of Mademoiselle herself. Narrative and reflexive elements emphasize the subjective nature of the descriptions. This subjectivity arises not from the political views, as with other memoir writers, but is predetermined by the aristocratic ethics. Thus, the portraits clearly reveal the autobiographical intention of Mlle de Montpensier's *Memoirs*, they not only create the image of 'another', but also serve as a means of continuous self-description.

References

1. Montpensier, Anne-Marie-Louise-Henriette d'Orléans. (1659) *Divers portraits* [Diverse portraits]. Caen. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1184755/f45.image.r=Montpensier,%20Anne-Marie-Louise-Henriette%20d'Orl%C3%A9ans>. (Accessed: 10th August 2016).
2. Craveri, B. (2002) *L'âge de la conversation* [The age of conversation]. Paris: Gallimard.
3. Garapon, J. (2003) *La culture d'une princesse. Écriture et autoportrait dans l'œuvre de la Grande Mademoiselle (1627–1693)* [The culture of a princess. Writing and self-portrait in the work of the Grande Mademoiselle (1627–1693)]. Paris: Honore Champion.
4. Plantié, J. (1994) *La mode du portrait littéraire en France (1641–1681)* [The Fashion of the Literary Portrait in France (1641–1681)]. Paris: Honore Champion.
5. Mademoiselle de Montpensier. (1985) *Mémoires. En 2 t.* [Memoirs. In 2 vols]. Paris: Fontaine.
6. Trykov, V.P. (1999) *Frantsuzskiy literaturnyy portret XIX veka* [French literary portrait of the 19th century]. Moscow: Flinta: Nauka.
7. Lesne, E. (1996) *La poétique des mémoires (1650–1685)* [The poetics of memoirs (1650–1685)]. Paris: Honore Champion.
8. Mikhaylov, A.V. (1988) Antichnost' kak ideal i kul'turnaya real'nost' XVIII-XIX vv. [Antiquity as an ideal and cultural reality of the 18th–19th centuries]. In: Losev, A.F. et al. *Antichnost' kak tip kul'tury* [Antiquity as a type of culture]. Moscow: Nauka.
9. Averintsev, S.S. (1996) *Ritorika i istoki evropeyskoy literaturnoy traditsii* [Rhetoric and the origins of the European literary tradition]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
10. Altashina, V.D. (2007) *Roman-memuary vo frantsuzskoy literature XVIII veka: genezis i poetika* [The novel-memoir in the French literature of the 18th century: genesis and poetics]. Philology Dr. Diss. St. Petersburg.

УДК 82.091

DOI: 10.17223/19986645/45/15

И.И. Плеханова

ПОЧЕМУ ВЛАДИМИР ГУРКИН НЕ ПИСАЛ ТРАГИКОМЕДИИ?..

Драматургия В. Гуркина рассматривается в статье как целостный текст, выражающий образ миропонимания автора. Основание – лирический образ главного героя, доминирующий конфликт – испытание любви на подлинность и силу, система ценностей, представляющая наив в действии. Наив драматурга – выражение религиозного сознания, стремящегося к спасению мира силой любви и сострадания. Глубина сопереживания и преданность жизни побуждают художника колебаться между отчаянием и смехом, в отдельных эпизодах достигая синтеза на уровне трагифарса. Но релятивистская по своей сути художественная модель трагикомедии несовместима с христианским миропониманием В. Гуркина.

Ключевые слова: В. Гуркин, В. Шукшин, трагикомедия, народная драма, наив, жизнотворчество, христианское сознание.

Трагикомедия как модель миропонимания

Владимир Гуркин – драматург чрезвычайно широкого диапазона. Он признанный мастер труднейшего жанра – комедии, будь то комедия характеров («Любовь и голуби», 1980) или комедия положений («Прибайкальская кадрили», 1996). Свои драмы автор называл то «историей», то «сказкой», то «романом», то просто «пьесой». Но, за исключением сказки «Золотой человек» (1991), их содержание представляет события чрезвычайные – крушение судеб, потерю смысла существования, деградацию человека и общества. Это классическая трагедийная проблематика, но признать «чистоту» жанра мешает или психологическая слабость героя («Музыканты, или Легенда о праведном перевозчике», 1984), или преобладание событий над рефлексией («Шёл медведь по лесу...», 1988), или открытый финал, свойственный почти всем пьесам. Почти в каждой из драм есть комические персонажи или ситуации, влияющие на развитие действия, и можно предположить, что «несмешные» пьесы Гуркина тяготеют к трагикомедийной модели. Но трагикомедия – это не что-то среднее между двумя полюсами, поэтому вопрос, вынесенный в заглавие: «Почему Владимир Гуркин не писал трагикомедии?..» – касается не выбора жанра, а особенностей миропонимания драматурга.

Статус трагикомедии как особой модификации драмы все ещё остаётся дискуссионным: в последнем учебнике по теории литературы [1] она не упоминается, но театроведами характеризуется как произведение с «признаками как трагедии, так и комедии», однако «выстроенное по своим специфическим законам», т.е. форма «молодого, но весьма бурно развивающегося жанра» [2]. Рассматриваются одни и те же тексты, но в первом случае речь идёт о неклассической «комедии с признаками драмы и драме, похожей на комедию (“Горе от ума” и “Вишневый сад”))» [1. С. 413], в другом – пьеса А. Грибоедова упоминается как ранний образец синкретизма, а рождение жанра связывается с появлением модернистского типа сознания.

Разбор чеховских «комедий» позволяет утверждать, что драматург, отступив от традиций русского психологического театра, стал «основоположником нового жанра, в котором трагическое и комическое не просто существуют в неразрывном единстве, но взаимно обуславливают и обостряют друг друга» [2]. Но «обусловленность» мало зафиксировать, нужно раскрыть её качественные особенности.

Сосуществование и даже взаимодействие остроумного и остро-драматического в художественном мире В. Гуркина очевидно. Его комедии феерически смешны, а драмы представляют катастрофические судьбы с парадоксальными перипетиями, и герои так рискованно шутят, что действительно трудно отделить трагизм от комизма. Так в драме с весёлым, частушечным названием «Саня, Ваня, с ними Римас» (2005) позднее возвращение солдата с войны разыгрывается как архетипическая коллизия «муж на свадьбе жены» и почти анекдот – в самый неожиданный момент пропавший муж появляется из огорода. Даже объяснение соперников сопровождается переодеванием Ивана в женскую одежду, но все участники «треугольника» проходят испытание с достоинством, а счастье оказывается и возможным и невозможным одновременно.

Второе название этой пьесы – «Весёлая вода печали» [5. С. 611]. Оно связывает в неразложимое единство серьёзное и смеховое, даёт образную формулу напряжённых событий и глубоких переживаний. Остаётся только уточнить семантику «весёлой воды»: это буря чувств? поток светлых слёз? или чистый самогон – лекарство от горькой судьбы?.. любимая песня об удалом казаке, оступившемся в речку? её пронзительно-ироничный катарсис?.. Всё вместе являет игру самой жизни, радостной и горькой, неистощимой в благодати и в испытаниях, с невозможностью признать однозначную правду. И всё-таки это «весёлая вода печали», а не «печальная вода веселья» – акцент сделан на веселье, каким бы превратным оно ни оказалось.

Очевидно, что философия жизни и философия трагикомедии могут находиться и в родстве, и в противоречии. Следовательно, решение вопроса о том, можно ли назвать драмы В. Гуркина трагикомедиями, требует описания мироощущения художника и принятой им системы ценностей. Как представляется, факторы сопротивления при создании полноценных трагикомедий связаны не с творческими возможностями драматурга, но с природой его художественного мышления – с качеством смеха, особенностями психологизма, лирической составляющей тем и сюжетов.

Трагикомедия строится не просто на игре антиномиями, но, по утверждению театроведа Т. Шабалиной, так в XX в. реализуется модель художественного релятивизма – в познавательной установке, в ценностной позиции автора и в новой антропологии. Центр тяжести приходится на комический гротеск, его эвристический потенциал призван «остранить проблему, ситуацию, характер, представить их в непривычном виде, последовательно и принципиально разрушая зрительский стереотип восприятия и принуждая к новому, нестандартному взгляду» [2]. Позиция автора состоит в том, что «в трагикомедии нравственный абсолютизм как бы вынесен за скобки <...> здесь все относительно, все – и хорошо, и плохо

одновременно» [2]. Чеховские герои и наследующие им персонажи драмы абсурда лишены цельности и воли: «Характеры трагикомических героев – не объемны и многогранны, но – дискретны, причудливо сплетены из многочисленных, противоречащих друг другу, но неразрывных составляющих» [2]. Действительно, Гаев, Раневская или замершие в ожидании Годо персонажи, а также вампиловские плуты и простаки из «Провинциальных анекдотов», переживая кризис своей судьбы, крушение или обновление смыслов, внутренне всё-таки не меняются: масштаб их личности не соответствует испытанию. Следовательно, решение вопроса о соотносимости творчества В. Гуркина с трагикомедийным миропониманием требует рассмотрения типологии героев и качества смеха.

Смех и трагизм в народной драме

Определяющий фактор – социальное наполнение характеров и миссия смеха. У драматургии Владимира Гуркина есть важнейшее качество: он признан создателем современного «национального, народного театра, безжалостного к истории и милосердного к героям» [3. С. 741]. Народный театр – не жанр, а социокультурная миссия, требующая от художника уникального дарования, этнического самосознания, особого склада души – и стратегии ограничения в самовыражении. Ближайший аналог – классическое народное кино В. Шукшина, которое существенно отличается от его прозы. Смех по преимуществу не насмешка, а трогательный, не болезненный гротеск, весёлый юмор, ибо это условие достижения радостного катарсиса и переживания духовного единства. Шукшин верил в позитивную, мироустроительную энергию шутивого остроумия: «Мне кажется, смех роднит зрителей и авторов. Посмеявшись, человек становится доверчивее, добрее» [4. С. 88–89]. Знаменательно, что в кино, в отличие от прозы, мастер избегал как сатиры, так и трагикомедии (кроме новеллы «Роковой выстрел», снятой по рассказу «Миль пардон, мадам!» в психологической драме «Ваш сын и брат», 1969). Его главные фильмы – приключения наивного гуманиста («Живёт такой парень», 1964; «Печки-лавочки», 1972) или высокая трагедия мужественного героя, и тогда смех может быть ёрнический, жестокий («Калина красная», 1974, так и не снятый «Степан Разин»).

Смех в народном кино не самоцель – он естественное выражение животворной энергии, имеющей природный источник, на что указывает архетипическая связка «свето-смехо-рождающих символов» [5. С. 93]. Художественно это самораскрытие высокого наива, изначально убеждённого в действенном единстве истины, добра, красоты. Так режиссёр объяснял парадокс непреднамеренной комедийности фильма «Живёт такой парень»: «Я хотел сделать фильм о красоте чистого человеческого сердца, способного к добру. <...> Герой нашего фильма не смешон. <...> ...он не лишён юмора и всегда готов выкинуть какую-нибудь весёлую штуку – тоже от доброго сердца, потому что смех людям необходим. И всё равно это не комедийный персонаж» [6. С. 10]. Наивный герой и животворный смех у Шукшина – это непосредственность, но не простота умного сердца.

«Любовь и голуби» – народная комедия Гуркина, шедевр высокого наива, синтез лирики и фарса. Герои и наивны, и простодушны – и поэтому

трогательно смешны, сами постоянно плачут и смеются, слёзы умиления легко высыхают, смех никого не ранит. Простодушно, стремительно и без необратимых последствий разрешаются все обманы, ссоры и драки, в том числе и самый болезненный конфликт – супружеская измена. Она только обновила чувства Нади и Васи, укрепила гармонию душ, героини вечно молоды, беременность в 50 лет венчает их заново и обещает счастливый плод истинной любви. Быстрота перипетий обеспечена цельностью характеров, артистизмом поведения (особенно дяди Мити). В бездне отчаяния Надя не забывает о насущных нуждах: «Ой, чё делать, не знаю. Горе-то како! Ой-ее-ее-ей! Лёшка, поросётам дал?» [7. С. 163]. Так и автор, увлекаясь игрой чувств, между делом артистично-трогательно увековечивает имена своих сотоварищей по иркутскому ТЮЗу, он представляет друзьями Лёньки Саньку Булдакова, Мишку Ройзена, Веньку Филимонова, Славку Кокорина [7. С. 195, 197]. Но остроумная игра в простодушие не допускает ценностного релятивизма, более того, для весёлого наива вполне органичен пафос: так вернувшийся в семью отец ещё без штанов, но уже готов благословить сына на достойную службу в армии.

Той же цельностью характеров отмечены уже не простодушные герои драмы о судьбе народа на войне. Пьеса «Саня, Ваня, с ними Римас» написана к 60-летию победы и посвящена дедам и бабкам драматурга [7. С. 611], подчёркнуто сохраняет их имена и реальное место действия, но всё-таки тяготеет к поэтике наива – теперь героического. Наив – не наивность, а утверждение природности, изначальности, неистребимости подлинных – простых и ясных – основ жизни. Все героини безусловно положительные, отрицательные тоже однозначны, но на сцену не выведены, конфликт с ними – это вообще противостояние народа и государства. Народ терпит, страдает, но способен постоять за правду – и раскатившиеся брёвна как будто случайно сметут ненавистного председателя колхоза. Он – полный антипод настоящих героев: бездарный, бесхозяйственный, блудливый, мстительный пьяница. Все действующие персонажи талантливы душой и наделены незаурядной волей, они идеальны во всём: радеют за колхозное добро, укрощают быка, парятся, пьют, любят – и всё до самого края, до последнего мига расставания... Мужики бегут от подлых «губистов» [7. С. 634] на фронт, чтобы погибнуть под Сталинградом или партизанить чуть ли не в самой Италии. Бабы хранят дом и жизнь.

Народная драма идеализирует положительного героя, подчёркивая его витальность, волю жить ради любви и справедливости, – и потому без ущерба для правды жизни. Этому служат и раблезианский смех, и эротические игры – имитация поведения быка «в фартуке», и жуткий гротеск, когда Иван хочет показать, как, вырываясь из плена, буквально загрыз зубами конвоира. Чудовищное и смешное рядом, как это могло быть в трагикомедии, но ужас и смех всё-таки разведены и являются в чистом виде: ужас исходит от внешних обстоятельств, смех – от внутренней силы героев. Главный конфликт всё-таки любовный и развивается, разрешая все противоречия, не допуская даже трагической вины: по-настоящему никто никому не изменил, долг человечности и чести выполнен до конца – и жизнь идёт дальше, подчиняясь мужественному выбору Ивана и Римаса, но это решение

подсказала Александра. Все сохраняют свободу воли – такова уникальная развязка народной драмы.

Лирический подтекст народной драмы

Другая народная драма – «Плач в пригоршню» (1992) – имеет все предпосылки стать народной трагедией, хотя жанр определён как «роман для театра». Само название акцентирует безмерность страдания. Русская поговорка «Реветь не в горсть, а в пригоршню» значит «бедствовать, испытывать горе, лишения» [8]. У В. Даля приводится пословица «Мать плачет не над горсточкой, а над пригоршней» [9]. Однако почти трём десяткам героев некогда плакать: они бьются за жизнь, дерутся, молятся, ругаются, пьют, поют – и составляют хор общей бедственной судьбы. Плач – образ жизни народной и её результат: выживание и вырождение. Жестокая ирония судеб отнюдь не комична: «счастливый» прочный брак бывшей зечки и охранника начался с насилия, и всю жизнь, до самого конца тётя Саша будет звать дядю Толю «конвоем», а их светлое дитя Татьяна превратится из романтической Кубы в жуткую Кирзу. Жизнь двора шахтёрского городка движется от общего праздника к общим поминкам по юродивой Светланке – тут и будут подведены итоги всех судеб: смерти, тюрьмы, отчуждение, пьянство, бездетность, убогая нищета...

Но у этой народной драмы-катастрофы есть главный герой – мальчик Сани, он замыкает на себя действие, ему, уже выросшему до писателя, в эпилоге принадлежит крик отчаяния: «Милые мои... Что наделали... Что с вами наделали...» [7. С. 544]. Потрясение переходит в упрек и вызов Богу – и заканчивается падением с крыши. Ситуация трагикомическая и высокая – апофеоз отчаяния обращается в суд над самим собой, отказ от «самовыражения», признание перед собственными героями в творческом «обмане» и в духовном кризисе: «Я не знаю, как жить!!!» [7. С. 544]. Герой буквально забрался высоко – и в мыслях, и в делах, и на крышу. Но народный хор устами вечной бабы Даши, не вникая в суть духовных терзаний Сани, успокаивает его насчёт наличия Бога и зовёт на землю: «А куды ему деваться? Везде есть. <...> Чижало на тебя в высоту глядеть, Санечка. Покуражился, и устань. Иди к нам» [7. С. 544]. Диалог героя и народа написан в духе драмы абсурда, низвержение прозревшего в грязь встречается с облегчением: «Слава те Господи, не убился» [7. С. 545]. Катарсис тем не менее наступил – радостные оттого, что дорогой высокий гость отделался царапинами, последние обитатели двора целуются и мирятся друг с другом.

Автор не щадит своего alter ego, сгущая трагикомизм до жестокого гротеска. По воспоминаниям Дм. Брусникина, Гуркин, выйдя на сцену в роли Сани, подобрал чудовищный костюм: «Какой-то кожаный плащ фашистский, огромные плечи такие, шляпа ковбойская, короткие штаны, потому что не было штанов его размера, и туфли на высоченной платформе. Я от смеха упал под ряды. Он говорит: “Ты подожди, ты не смейся, Дим, у меня вкус есть – у меня денег нет”» [10. С. 693]. Эта подробность свидетельствует, что драматург готов был идти в острашении собственного пафоса до конца – до

трагифарса, буквального самоосмеяния¹. Но завершение пьесы таинственное, проникновенно-просветлённое: Саня переживает то ли клиническую смерть, то ли перерождение души. Умершая юродивая Светланка возвращает Саню в мир, как в начале пьесы повернул её к людям «серебряный старец». Кольцевая композиция народной драмы приближает её к мистерии, а лирического героя – к юродству. Его детские отношения со Светланкой приобретают иной смысл: любовные преследования сумасшедшей были, оказывается, знаком избранности – она узнавала в Сане того ребёнка, которого видела на сожжённой иконе. Так миссия любви и искупления принимает самое непосредственное выражение. Ремарка венчает катастрофический сюжет сценой просветления: «Всё громче пели колокола, всё светлее и бездоннее становилось небо. Из глубины, от края поля, к ним шли люди. Саня спал» [7. С. 550]. Так трагикомический эпизод перекрывается мистическим катарсисом – религиозным апофеозом. Вера – фундамент лирического сознания Гуркина, его наив – органическое выражение глубинной подлинной веры.

Лирическое начало пронизывает пьесы самого разного содержания. Любимый герой – чужак, книгочей, спаситель мира, сновидец – появляется в образе Ксенина (т.е. чужака)² в драме «Музыканты, или Легенда о праведном перевозчике» (1984), где условный план действия – видения этого наивного правдолюбца, слишком похожего на князя Мышкина. Ассоциация любимого героя с блаженным подчеркнута в образе Васи Кузякина («Любовь и голуби»), который вспоминает про Володю-дурачка в красной рубахе: его любила вся деревня – а пришлые зарезали за миролюбие... Таким же героем не от мира сего оказывается Иван-царевич из сказки «Золотой человек», кроткий книгочей и нечаянный избавитель мира от чудовищ и засилья человеческой пошлости. Лирика определила философию – стремление к любви как высшему смыслу было побудительным мотивом к творчеству. Об этом драматург написал в предисловии «Почему появилась эта пьеса»: «...появляется вновь надежда, что человек, как самое трагичное существо на планете, всё-таки обязательно обретёт своё начало – ЛЮБОВЬ. Вот такого рода круг мыслей, желаний стал причиной появления “Плача в пригоршню”, да и вообще заставляет писать» [7. С. 422].

¹Американский литературовед Э. Бентли приводит как пример незавершённой трагикомедии пьесу Л. Толстого «И свет во тьме светит»: «В основу пьесы Толстого положена трагедия великого человека с высокими идеалами, который не встречает понимания. “И свет во тьме светит, и тьма не объяла его”. <...> Можно было бы предположить, что пьеса эта стала бы “современной” трагедией, действие которой неуклонно катится под откос, к отчаянию и смерти, но все дело в том, что Толстой обратил свой критический взор на самого себя, и слова Библии, поставленные в заглавии, исполняются все более и более жестокой иронией: свет, оказывается, не является светом. <...> То обстоятельство, что главный герой пьесы Толстого предстает перед нами нелепым и смешным, делает “критику действительности” еще более уничтожающей при отсутствии каких-либо указаний на то, что же делать, где искать выход. А то обстоятельство, что смешное фактически переходит здесь в потешное и забавное (в зловещем смысле), подводит к заключению, что поделать ничего нельзя. “Так уж устроен мир”» [11]. Гуркинское решение собственного лирического образа приближается к этой модели, но именно в силу лиризма взывает к вере.

²Л.А. Мирманова, иркутский составитель библиографии о В. Гуркине, сообщает, со ссылкой на дочь драматурга Е. Гуркину, что герой назван в память о режиссёре Ксении Грушвицкой. В основу сюжета пьесы лёг её рассказ про группу хиппи – он стал прообразом истории отношений музыкантов с жителями города.

Высокий «наив» драматурга, убеждённого в должном, т.е. в обязательном торжестве истины, добра, красоты, не мог принять обречённость идеала в жизни или признать хотя бы относительность конкретных воплощений. Лирическая тема драматурга – поражение идеала, в «Плаче в пригоршню» (1992) она стала автобиографической. Но художник уходил от неё «зигзагом» то в комедии, то в условность, чтобы снова вернуться и вновь искать спасения от отчаяния. Чересполосица горести и радости, спасение от отчаяния в творчестве выливались у В. Гуркина в колебание между трагизмом и комизмом. Если проследить хронологию появления пьес, то очевидно, что в поиске новых форм автор как будто бросался из крайности в крайность.

Первая психологическая драма – «“Зажигаю днём свечу...” Андрюша. Его история в трёх частях» (1979) – рассказывает о деградации одарённого человека, предавшего свою душу. Это зилловская коллизия, тема, воспринятая от А. Вампилова, но если тот в письме называл «Утиную охоту» «трагикомедией» [12. С. 400], то Гуркин показал катастрофическую обречённость и героя, и тех, кто его поддерживал. Идеал любви был спасён через год – в «забавной истории в двух частях» [7. С. 131] «Любовь и голуби». Третья пьеса – «Музыканты, или Легенда о праведном перевозчике» (1984) – раздваивает сюжет поражения на условный, придуманный героем, современным «идиотом», и его реальную судьбу-поражение, но любовь и истина в конце всё-таки воскресают. Четвёртый опыт, социальная драма «Шёл медведь по лесу...» (1988), рассказывает о гибели утопии братства и любви, но за ней следует остроумная сказка «Золотой человек» (1991), в которой мечтатель-идеалист получает защиту и помощь от некой запредельной благой силы – персонификации совершенной красоты. Герои-олицетворения мудрости и добра будут появляться в разных вариантах: праведный перевозчик, бездомная старуха, золотой человек, серебряный старец. Сказочный лирический царевич через год обернётся почти полностью автобиографическим Санькой в «романе для театра» «Плач в пригоршню» (1992). Контрастным вызовом трагическому отчаянию стала предельно эксцентричная комедия «Прибайкальская кадрили» (1996). Итоговая народная драма «Саня, Ваня, с ними Римас» (2005) форсировала комизм, чтобы буквально воскресить реальных людей, которые прожили тяжкую жизнь по любви, правде и справедливости. Лирическая тема нашла опору в собственной благодарной, восхищённой памяти – трагикомические элементы были интегрированы в общую структуру народной драмы, а этот жанр не допускает поражения героев и тех ценностей, которые они олицетворяют.

Народная драма или трагикомедия – где истина?

Не отрицание, но уклонение народной драмы от трагикомедии видится закономерностью, которую подтверждает и творчество Владимира Гуркина. Является ли это отступлением от императива верности правде жизни? Ответ зависит от понимания жизненных интересов – общих и личных, в их взаимосвязи. Тут встречаются психология и аксиология творчества, особо – философия Жизни, насущная для народного искусства. Жизнь мыслится как общее бытие в соответствии с идеалами взаимной любви, радости, сочувствия, справедливости, преданности, служения, труда, праздника, веры. Простота

идеалов обусловлена органичностью – потому они и достижимы в личном существовании.

Императив служения Жизни был для Владимира Гуркина безусловным. Во-первых, это личное мужество: «...я понимаю: должен Жизни больше, чем она мне» [7. С. 680]. Во-вторых, императив сохранения чуткости и щедрости души, условие которого – доверие миру: «бойся разлюбить жизнь» [7. С. 682]. Это значит, что собственная оценка любых событий, какой бы праведной она ни казалась, не даёт права на отрешённость, ожесточение, отчуждение, на гордыню – даже в виде скорбного трагического знания. Позиция скорби – возвышенная и соблазняющая мудростью веков, но в силу «извечной правоты» она освобождает от деятельного участия в сегодняшней жизни.

Владимир Гуркин – художник высокого наива. Наив – не против трагизма, но против трагической безысходности. Наив – духовная почва народной драмы, её сложность и богатство красок указывают не на упрощение мира, а на особый принцип миромоделирования. Гуркин выбрал наив сознательно: «Для меня драматургия – уютное убежище <...> От нехорошего в жизни. Потому что от жизни не спрячешься. Затем, это организация собственного Рая. Это налаживание контакта общения, взаимодействия с теми людьми, явлениями, которые тебе нравятся. Для меня важно не разрезать жизнь, как лягушку, чтобы увидеть, что у неё внутри, а если препарировать, то духовными категориями» [7. С. 676]. Включение трагикомических элементов в общую ткань драмы показывает, что истина о двойственности всего, обратимости высокого и смешного сохраняет свою действенность. Но приоритет иной – стремление к совершенству и вера в тайну неистощимости благодати. Поэтому цель творчества в том, чтобы спасти мир – «найти нечто красивое – в смысле красоты Достоевского, а не красивости» [7. С. 676].

В искусстве истина – это человек, который убеждает своей художественной волей. Выбор трагикомедии, её особого модуса – с акцентом на ужасное или на смешное, степень интенсивности представления, генерализация – это не только объективный опыт, но и неизбежно проекция собственного «я». Так искусствоведы отмечают «привкус садизма» у автора «Капричос»: «Ведь для непредубежденного исследователя психологии творчества вопрос стоит так: сумел ли бы Гойя с такой яркостью воссоздать жестокость других, если бы он не смог обнаружить подобной же жестокости в глубине своей души?» [11]. В. Гуркин обладал даром трагикомического драматурга, пронзительно чувствовал бедственное состояние мира, жестокую насмешку реального над должным, но он не принимал скепсис, отрешённый абсурд, язвительную иронию, обречённость красоты на сниженный образ. Он возвращал красоте жизнь – ореол радости и пронзительный до боли трепет. Чистота красок и чёткость линий являют красоту в её безусловности, тепло сочувствия ей объединяет автора и читателя. Воля добра и любви творит чудо подлинной человечности. Высокий наив призван защитить Жизнь – и он непреклонен в отстаивании неизбежности и потому непобедимости органичного идеала, без которого сама жизнь не имеет смысла. Высокий наив доказывает, что святое принадлежит этому миру.

Литература

1. *Теория литературы*: учеб. пособие: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. Т. 1. 2-е изд., испр. М.: Изд. центр «Академия», 2007. 512 с.
2. *Шабалина Т.* Трагикомедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krugosvet.ru/node/39937> (дата обращения: 15.08.2016).
3. *Петрушевская Л.* Московский неореализм // Гуркин В.П. Любовь и голуби: Пьесы; воспоминания о драматурге. М., 2014. С. 739–745.
4. *Шушкин В.М.* Братья «Такого парня» // Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. Барнаул, 2009. С. 87–89.
5. *Карасёв Л.В.* Философия смеха. М.: Рос. гуманитар. ун-т, 1996. 224 с.
6. *Шушкин В.М.* Послесловие к фильму // Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. Барнаул, 2009. С. 10–12.
7. *Гуркин В.П.* Любовь и голуби: пьесы; воспоминания о драматурге. М.: Время, 2014. 768 с.
8. *Большой словарь русских поговорок* [Электронный ресурс]. URL: http://slovarix.ru/bolshoy_slovar_russkih_pogovorok/page/gorst.9545. (дата обращения: 15.08.2016).
9. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: АО Изд. группа «Прогресс»: Универс, 1994. Т. 3. Стб. 1067.
10. *Гуркин В.П.* Любовь и голуби: Пьесы; воспоминания о драматурге. М.: Время, 2014. С. 690–745.
11. *Бентли Э.* Жизнь драмы М.: Айрис-Пресс, 2004 [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/book/bentli_erik/gizn_drami.html. (дата обращения: 15.08.2016).
12. *Якушкина Е.* О Вампилове // Вампилов А.В. Стечение обстоятельств : рассказы, очерки, пьесы. Иркутск, 1988. С. 396–401.

WHY DID VLADIMIR GURKIN WRITE NO TRAGICOMEDIES?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 45. 204–213. DOI: 10.17223/19986645/45/15

Irina I. Plekhanova, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: oembox@yandex.ru

Keywords: V. Gurkin, V. Shukshin, tragicomedy, people drama, naïve, life-creation, Christian consciousness.

Plays by V. Gurkin in this article are examined in their integrity that expresses the way the author understood the world. The basis for the research is the lyric portrait of the main character. The conflict of Gurkin's text is the testing of love's force and authenticity, and the system of values that represents naïve in action. Naïve of the dramatist is expression of his religious consciousness that strives to save the world by force of love and compassion. The depth of compassion and the devotion to life make the author choose and shuffle between desperation and laugh, which, in specific moments, leads to a synthesis similar to the tragic farce. But the creative model of tragicomedy, relativistic in its basis, is organically opposite to the Christian consciousness of V. Gurkin.

The tragicomedy embodies the model of creative relativism in its exploratory orientation, in the axiological position of the author and in modern anthropology: "everything here is relative, everything is good and bad at the same time" (T. Shabalina), and characters lack both will and integrity ("comedies" by A. Chekhov, "Provincial Anecdotes" by A. Vampilov, the theatre of the absurd). Creative and spiritual orientations of "modern people's theatre", the creator of which is V. Gurkin (at least according to L. Petrushevskaya), are opposite to each other. This theatre does not allow its character to be spiritually defeated, because this character embodies the ideal basis of existence. People's theatre is not a genre. It is a socio-cultural mission of protecting the ideal and life, and this mission requires the author to limit himself in self-expression. A classic example is "naïve" people's films by V. Shukshin which differ from his writings. Laugh in this cinema is a proof of the character's vitality.

People's theater of V. Gurkin presents both eccentric comedies (*Love and Pigeons*, *The Near Baikal Quadrille*) and plays with a tragic content. The dramatist includes tragicomic episodes in the tissue of life, allows his character to fall both literally and metaphorically, mixes farces with a terrible content. But culminations of plays move events to the space of religious mysticism (*Crying in Fistful*) or epic catharsis (*Sanya*, *Vanya*, and *Rhymas with Them*). Ideal characters participate in those plays being full of persuasion. High naïve is a measured artistic choice of the dramatist who himself confessed in

“building his own Paradise”. Naïve is not against tragedy, but it is against tragic hopelessness. Not denial but avoiding of tragicomedy by people’s drama looks like a consistent pattern, which is proved by works of V. Gurkin. His plays cannot be rebuked for the ignorance of the truth of life. Moreover, founding on autobiographical material is critically important for them.

In art, truth is the person who convinces by his artistic will. The choice of the tragicomedy and its special modus (which makes accents on the terrible and the funny), the level of the intensity of colors – all of these things are not only the truth of life, but also the projection of the author’s “P”. V. Gurkin had the gift of a tragically writing dramatist, but he did not accept skepticism, estranged absurd, venomous irony and beauty doomed to be down-imaged. High naïve is devoted to protect Life, it is rigid in standing for the undefeatable nature of the organic ideal without which life has no sense. High naïve proves that sacral things belong to this world.

References

1. Tamarchenko, N.D. (ed.) (2007) *Teoriya literatury: ucheb. posobie v 2 t.* [Theory of literature: a textbook. In 2 vols]. 2nd ed. Vol 1. Moscow: Akademiya.
2. Shabalina, T. (n.d.) *Tragikomediya* [Tragicomedy]. [Online] Available from: <http://www.krugosvet.ru/node/39937>. (Accessed: 15th August 2016).
3. Petrushevskaya, L. (2014) *Moskovskiy neorealizm* [Moscow neorealism]. In: Gurkin, V.S. *Lyubov' i golubi: P'esy; vospominaniya o dramaturge* [Love and Pigeons: Plays; memories of the playwright]. Moscow: Vremya.
4. Shukshin, V. M. (2009) *Brat'ya "Takogo parnya"* [Brothers of “Such a Lad”]. In: Shukshin, V.M. *Sobr. soch.: v 8 t.* [Works. In 8 vols]. Vol. 8. Barnaul: Izdatel'skiy Dom “Barnaul”.
5. Karasev, L.V. (1996) *Filosofiya smekha* [The philosophy of laughter]. Moscow: RSUH.
6. Shukshin, V.M. (2009) *Posleslovie k fil'mu* [Afterword to the film]. In: Shukshin, V.M. *Sobr. soch.: v 8 t.* [Works. In 8 vols]. Vol. 8. Barnaul: Izdatel'skiy Dom “Barnaul”.
7. Gurkin, V.S. (2014) *Lyubov' i golubi: P'esy; vospominaniya o dramaturge* [Love and Pigeons: Plays; memories of the playwright]. Moscow: Vremya.
8. *Great Dictionary of Russian Sayings*. (n.d.). [Online] Available from: http://slovarix.ru/bolshoy_slovar_russkih_pogovorok/page/gorst.9545. (Accessed: 15th August 2016). (In Russian).
9. Dahl, V.I. (1865) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Progress; Univer.
10. Gurkin, V.S. (2014) *Dmitriy Brusnikin*. In: Gurkin, V.S. *Lyubov' i golubi: P'esy; vospominaniya o dramaturge* [Love and Pigeons: Plays; memories of the playwright]. Moscow: Vremya.
11. Bentli, E. (2004) *Zhizn' dramy* [The life of drama]. Moscow: Ayriss-Press. [Online] Available from: http://royallib.com/book/bentli_erik/gizn_drami.html. (Accessed: 15th August 2016).
12. Yakushkina, E. (1988) *O Vampilove* [About Vampilov]. In: Vampilov, A.V. *Stechenie ob-stoyatel'stv: rasskazy, ocherki, p'esy* [A confluence of circumstances: short stories, essays and plays]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.17223/19986645/45/16

«ЯЗЫК ЕСТЬ ЗЕРКАЛО МЫСЛЕЙ НАРОДА»: О МЕЖДУНАРОДНОМ «ФОРУМЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР» (г. Красноярск, Сибирский федеральный университет, 14–16 сентября 2016 г.)

С 14 по 16 сентября 2016 г. в Сибирском федеральном университете (далее – СФУ) проходил международный «Форум языков и культур», который объединил работу двух научно-практических конференций: «Россия и Испания: актуальные гуманитарные исследования» и «Русский язык и русская литература как фактор культурной интеграции Русского мира». Организатором научного мероприятия выступил Институт филологии и языковой коммуникации СФУ, инициатива которого была поддержана рядом авторитетных российских и зарубежных научных сообществ, таких как: Российское общество преподавателей русского языка и литературы, Российская коммуникативная ассоциация, Фразеологическая комиссия при Международном комитете славистов; Посольство Королевства Испании в Москве, Университет Кадиса, Ассоциация испанистов России.

Необходимость проведения «Форума языков и культур» определена главным образом государственной стратегией укрепления культурного суверенитета России, повышения статуса и конкурентоспособности русского языка в современном мире, в том числе его позиционирования как основы евразийского экономического и языкового союза. Рассмотрение этих вопросов лингвистами, в том числе из стран, входящих в Евразийский экономический союз (Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения, Кыргызстан), рабочим языком которого признан русский язык, значимо в целом для развития русистики.

Одной из важнейших проблем языковой политики являются также вопросы места и роли других языков, функционирующих на территории России в качестве инструментов международного общения. Так, в центре внимания участников форума были теоретические и практические аспекты изучения испанского языка. С 2009 г. в Институте филологии и языковой коммуникации СФУ работает Центр испанского языка, открытие которого стало результатом сотрудничества СФУ с банком «Сантандер» – одним из крупнейших банков Испании. Центр успешно решает задачу популяризации испанского языка и культуры в регионе: ведётся преподавание испанского языка в рамках университетских направлений подготовки, открытых мастер-классов, вечерних курсов для населения, проводятся грантовые конкурсы, культурные мероприятия, в частности приуроченные в 2016 г. к перекрёстному году туризма в России и Испании.

Форум, объединив более 500 ученых из России, Белоруссии, Германии, Испании, Кыргызстана, Польши, Узбекистана и Финляндии, стал площадкой

для дискуссий в рамках 5 пленарных заседаний, 6 круглых столов, 13 секционных заседаний, 2 мастер-классов на русском и испанском языках. Научный интерес вызвали презентации 4 научных проектов, разрабатываемых в Институте филологии и языковой коммуникации СФУ.

На **торжественном открытии форума** директор Института филологии и языковой коммуникации СФУ, **профессор Л.В. Куликова** отметила, что форум посвящен «ведущим научным тенденциям и направлениям развития русистики и испанистики, а также популяризации русского и испанского языков как языков международного общения, их потенциальному ресурсу в контексте интернационализации современного образования». Участников научного мероприятия приветствовали также первый проректор СФУ П.М. Вчерашний, проректор по науке и международному сотрудничеству С.В. Верховец. С благодарственным словом, обращенным к организаторам форума, выступил директор международных университетских центров и сотрудничества Университета Кадиса (Испания) Эдуардо Ромеро Брусон.

С **пленарными докладами** выступили известные во всем мире ученые. Лейтмотивом многих выступлений стала тема **взаимодействия русского языка с другими языками**. Так, **В.Г. Костомаров**, д-р филол. наук, профессор, президент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва, Россия), в докладе «Русский язык в европейском пространстве» поднял проблему функционирования русского языка и русской литературы в сфере европейской науки и образования. Опираясь на богатый языковой материал, автор показал специфику «евразийского сознания» в сравнении с европейским мировидением: европейцы воспринимают мир посредством действия, через глагол, а евразийское сознание в силу своей созерцательности и рефлексивности номинативно – отсюда важная роль имени, именной группы, её развёрнутый характер и аксиологичность в русском языке. Такой «евразийский взгляд» не всегда понятен представителям западноевропейской культуры, но его необходимо учитывать в преподавании русского языка как иностранного.

Тема межкультурного взаимодействия получила развитие в докладе «Чем русские отличаются от других народов?» **А.С. Мустайоки**, профессора русского языка и литературы, декана гуманитарного факультета Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия). Выступление, в котором исследователь охарактеризовал отличия в менталитете русских, американцев, финнов, испанцев, вызвало бурную дискуссию об используемых методах исследования национальной ментальности и стереотипов.

Выступление **Х. Вальтера**, д-ра филос. наук, профессора Университета им. Эрнста Морица Арндта (г. Грайфсвальд, Германия), было посвящено немецко-русским заимствованиям, отражающим богатую историю взаимоотношений России и Германии (тема доклада – «Русские немцы: 1000 лет языкового контакта»). За тысячу лет торговых, политических и языковых контактов русский язык заимствовал из немецкого, а немецкий из русского множество слов, многие из которых говорящими уже не воспринимаются как заимствования. Более того, многие германизмы, активно функционирующие в русском языке, в немецком давно вышли из употребления: *парикмахерская*, *шлагбуам*, *шланг* и др. Особенно ярко эта тенденция проявляется в русской

фразеологии, ставшей, по мнению исследователя, «морозилкой» для европейской идиоматики.

В современной же геополитической ситуации русский язык призван выполнять не только кумулятивную, но и интегрирующую функцию для евразийского культурно-языкового пространства. Об особом интересе к русскому языку в Кыргызстане говорил **М.Д. Тагаев**, д-р филол. наук, профессор Киргизско-Российского Славянского университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Бишкек, Кыргызстан), в пленарном докладе «Русский язык как основа гуманитарного пространства стран СНГ и евразийской идентичности кыргызстанцев». Согласно статистическим данным в Киргизской Советской Социалистической Республике проживало около 30% русских, сегодня – только 6%, причём в некоторых районах русских нет вообще. Однако до сих пор 80% телепрограмм в Кыргызстане выходят на русском языке, преимущественно русскоязычной является и реклама в газетах, например в г. Ош. В школы, где обучают русскому языку, по словам М.Д. Тагаева, попасть сложнее, чем в университет. Одновременно с этим в Кыргызстане растёт популярность турецкого, английского и китайского языков. В борьбе за геополитическое влияние чиновники-«западники» инициировали пока не увенчавшиеся успехом попытки перевести кыргызский язык с кириллицы на латиницу (вопрос поднимался на уровне Национальной академии наук). «Именно сегодня русский язык, сохранив свою роль и свои позиции в Кыргызстане, может стать важнейшим фактором консолидации евразийской общности наших стран и народов», – уверен М.Д. Тагаев.

М. Маршалек, д-р филол. наук, профессор Университета Казимира Великого (г. Быдгощ, Польша), в докладе «След не затерялся: русское в польском языке современности (на материале журнала «Polityka»)» говорил о том, что с концом XX в. не прекратились русско-польские языковые контакты, и это связано, по мнению докладчика, с активизацией интереса польских публицистов к русскому языку, его коммуникативно-выразительным средствам, а также своеобразной модой на иноязычные элементы в польском языке.

Проблеме регулирования языковой политики на уровне государства и общества был посвящён пленарный доклад «Законы о языке: государство и общество» **М.А. Кронгауза**, д-ра филологических наук, профессора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия). Лингвист рассказал об изменениях в Федеральном законе «О государственном языке Российской Федерации» и о его функционировании в последнее десятилетие, затронул вопрос о позициях общества и власти относительно необходимости защиты русского языка, остановившись, в частности, и на дискуссионной проблеме заимствований, при обсуждении которой звучат мнения о необходимости запрета заимствованных слов.

На других пленарных заседаниях рассматривались **основные тенденции в развитии русского и испанского языков и новые подходы в их изучении**. Так, **Андрес Сантана Аррибас**, заведующий Российско-испанским университетским центром, Университет Кадиса (г. Кадис, Испания), в своём выступлении неоднократно подчёркивал важность русско-испанских культурных связей, неоценимый вклад в развитие которых вносит языковое образование.

А.А. Кибрик, д-р филол. наук, профессор Института языкознания РАН (г. Москва, Россия), в докладе «Возможна ли естественная грамматика русского языка?» отметил важность и необходимость описания русского языка «как он есть» – в связке и в переплетении со смежными системами: жестиком, мимикой, направлением взора. В ходе доклада было продемонстрировано, что в качестве единицы такого мультимодального анализа может быть, в частности, использована «элементарная дискурсивная единица» (ЭДЕ), рассматриваемая как базовый «квант» устной русской речи. Задача изучения бытования языка в его естественной среде решается в рамках проекта «Язык как он есть: русский мультимодальный дискурс». Исследователь показал особенности регистрации вокального, кинетического и глазодвигательного поведения в процессе диалогической коммуникации на примерах обсуждения фильма «Рассказы о грушах» У. Чейфа в формате «Рассказчик» – «Комментатор» – «Пересказчик» – «Слушатель», а также затронул вопрос о возможностях использования создаваемого мультимодального корпуса.

«Динамические тенденции в современном русском языке» – тема пленарного доклада **В.М. Мокиенко**, д-ра филол. наук, профессора Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия). Ученый отметил, что русский язык, как любой живой организм, имеет особую динамику своего развития. Так, в 1990-е гг. в России русский язык пережил третью волну демократизации: в лексику проникло много просторечных и жаргонных явлений. Сейчас их заимствуется меньше. С другой стороны, сегодня заметно активное стремление молодых носителей языка заполнить лауну в русскоязычной технической терминологии за счёт «лингвокреативных» находок. Мнение же о том, что русский язык исчерпал свои возможности, исследователь считает «крайне пессимистическим диагнозом», а то, что происходит с языком, – нормальным процессом, связанным с демократическими стандартами.

О семиотике и особенностях концептуализации походки говорил **Г.Е. Крейдлин**, д-р филол. наук, профессор Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). В докладе «Русский язык в мультимодальной коммуникации: походка как слово и как жест» учёный обратил внимание слушателей на тот факт, что походка является важным знаком, денотатом которого могут выступать не только определяющие (например, социальные) свойства, но и актуальное состояние её исполнителя: ср. *кавалерийская походка* и *нетвёрдая походка*. В последнем случае анализ походки может помочь врачу диагностировать состояние больного, некоторые патологии: *синдром негнувшегося человека*, *вдовий горб*, *штампующая походка* – вот лишь несколько значимых для опытного глаза врача видов походки. Кроме того, важную роль в интерпретации походки играет анализ так называемых «адаптеров», например одежды человека.

Тематика прикладного использования лингвистических методов и результатов научных исследований в медицине была продолжена в пленарном докладе «Фундаментальные научные знания в прикладном аспекте: роль словообразования в разных сферах его использования» **Л.А. Араевой**, д-ром филол. наук, профессором Кемеровского государственного университета (г. Кемерово, Россия). Методика пропозиционально-фреймового моделирования,

первоначально апробированная представителями кемеровской дериватологической школы при анализе языковой картины мира бесписьменного коренного народа Сибири – телеутов, была затем использована в специализированном медицинском учреждении для работы с инсультными больными. Положительные результаты работы – улучшение речи пациентов – были зафиксированы специалистами кардиологического центра г. Кемерова.

Во время форума прошли заседания **круглых столов**: «Туризм и испанский язык как факторы культурно-экономической интеграции в контексте российско-испанского сотрудничества» (он привлек внимание не только испанистов, но и специалистов в области туризма и международного образования); «Современные форматы языковых школ»; «Проблемы современной лексикографии: общие и специальные словари русского языка»; «Массмедиа как инструмент культурной интеграции Русского мира»; «Русский язык и русская литература зарубежья»; «Православие и русская словесность».

Именно последняя тема вызвала наибольший интерес участников конференции. В работе круглого стола «Православие и русская словесность» приняли участие штатный священник Покровского кафедрального собора г. Красноярск **иерей Максим Золотухин**, член Совета Гражданской ассамблеи Красноярского края, и директор Архиерейского образовательного центра и Красноярской региональной общественной организации духовно-нравственного возрождения Сибири «Ладанка» **А.В. Бардаков**. Аудитория не смогла вместить всех студентов разных институтов СФУ, желающих послушать дискуссию, которая велась вокруг следующих вопросов: роль православной культуры в развитии русской языковой культуры, бранная лексика и ее пагубное воздействие на человека, влияние информационных технологий и процесса глобализации на языковой вкус и культуру людей. О судьбе церковнославянского наследия в современном русском литературном языке говорил А.П. Сковородников, д-р филол. наук, профессор СФУ.

Обширной была **тематика секционных заседаний форума**: «Актуальные лингвистические исследования в испанистике», «Вопросы перевода и межкультурной коммуникации» и «Тренды в методике преподавания испанского языка», «Теория литературы и искусства и современные проблемы массовой коммуникации» (в рамках конференции «Россия и Испания: актуальные гуманитарные исследования»); «Языковая политика в современной России», «Русская литература и фольклор: традиции и новации», «Русский язык в пространстве художественного и публицистического текста», «Проблемы культуры речи и экологии языка», «Русский язык в дискурсах разного типа: традиции и новации», «Национальное самосознание в лингвокультуре россиян», «Актуальные проблемы лексики и грамматики современного русского языка», «Теория и практика преподавания русского языка и русской литературы» и «Лингвистические проблемы перевода и межкультурной коммуникации» (в рамках конференции «Русский язык и русская литература как фактор культурной интеграции Русского мира»).

Хотя научно-практические конференции были посвящены русскому и испанскому языкам, рабочим языкам форума, были представлены доклады, выполненные и на материале других языков в сопоставлении с русским, напри-

мер доклад магистранта СФУ **С.А. Шатохиной** «Дейксис в русском языке и языке суахили на материале указательных местоимений».

Обзор **проблем современной языковой политики в РФ** был дан в совместном докладе «Правовой и функциональный статус языков Российской Федерации» **Г.М. Мандриковой**, д-ром филол. наук, доцентом Новосибирского государственного технического университета, и **С.А. Коротич**, магистрантом того же университета. Отметив, что языки России составляют почти 2 % от всего языкового многообразия и половину всех языков Европы, а в целом на территории Российской Федерации (по данным ЮНЕСКО) существует около 150 языков, авторы обратили внимание на то, что при этом в неустойчивом положении находятся 135 из них. Причем количество носителей языка не всегда становится определяющим фактором сохранения как языка, так и культуры народа. Государственная политика, направленная на сохранение малых языков, должна быть «антирыночной», т.е. «действовать вопреки законам рынка, поскольку международная торговля, политика и другие процессы стремятся к единому языку для успешной коммуникации и экономии финансовых и физических средств».

На форуме говорили также о языковой политике в Красноярском крае (доклад **Т.Н. Журавель**, канд. филол. наук, преподавателя СФУ) и в современной городской номинации Красноярска (совместный доклад **Л.З. Подбerezкиной**, канд. филол. наук, доцента СФУ, и **А.А. Трапезниковой**). Речь шла и о конкретных акциях, направленных на развитие культуры грамотной письменной и устной речи. Так, **И.Е. Ким**, д-р филол. наук, профессор Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск), в докладе «"Тотальный диктант" и российское языковое сообщество» заметил, что русское языковое сообщество по-разному проявляется в «Тотальном диктанте», ежегодной акции, охватившей большую русскоязычную аудиторию во всем мире. По мнению исследователя, «тотальный диктант открыл для русского языкового сообщества новые роли: автора диктанта, совмещающего в тексте художественно-публицистическое содержание и заданную языковую форму, филологических менеджеров – лиц, организующих филологическое мероприятие, а также обеспечил по-настоящему массовое участие для широкой русской языковой общественности».

Целый ряд докладов на форуме был посвящен **проблемам экологии русского языка**. Так, **Н.Д. Голев**, д-р филол. наук, профессор Кемеровского государственного университета, в докладе «Экология языка: ошибкобоязнь или апологетика правильности как главного критерия хорошей речи?» отметил недостаточную четкость многих определений термина «лингвоэкология» и необходимость осмысления вопроса о его соотношении с «экологией языка», «экологией речи» и «эколингвистикой», а также с «культурой речи». О таком коммуникативном качестве, как ясность, говорила **В.И. Тармаева**, д-р филол. наук, профессор СФУ. Связь экологии языка с культурой речи прослеживалась в докладе «От орфографии к агнонии (к вопросу о причинах орфографических неудач)» **Г.М. Мандриковой**, д-ра филол. наук, доцента Новосибирского государственного технического университета. Ею была поднята проблема квалификации орфографических ошибок, которые можно обозначить как ослышки или описки. По мнению Г.М. Мандриковой, некоторые

подобные ошибки, выявленные ею в текстах, написанных участниками Тотального диктанта, могут быть связаны с незнанием слов родного языка его носителями: в сознании носителей языка не представлены определенные слова, в частности слова пассивного фонда языка, функционирующие в современной речи. В зону «агнотимического риска», по мнению ученого, попадают также заимствования (в том числе новейшие), термины и та разговорная или просторечная лексика, которая может быть заменена более «модными» словами.

Докладчики обратили внимание на имеющую отношение к экологии языка **проблему речевой манипуляции сознанием и необходимость лингвистического изучения информационно-психологических войн**. **Г.А. Копнина** и **А.П. Сковородников**, д-ра филол. наук, профессора СФУ, в совместном докладе «Лингвистика информационно-психологической войны: философские и психологические основания» на конкретном примере продемонстрировали возможности лингвистического анализа текста информационно-психологической войны с учетом основных теоретических положений философии войны, психологии войны и психолингвистики. Названной проблеме был посвящен также доклад «По-русски против русского языка и русской нации (о «радетелях» русского языка)» **И.В. Евсеевой**, д-ра филол. наук, профессора СФУ. Основная мысль доклада сводится к следующему: «Использование русского языка против самих же русских представляет довольно серьезную опасность, так как именно язык определяет национальный характер и мировоззрение народа». В ходе выступления были обозначены некоторые взгляды М.Н. Эпштейна, пропагандируемые в последнее десятилетие ученым, о скудости современного русского языка по сравнению с английским языком; о бедности словарей русского языка, которые искусственно раздуваются российскими лексикографами; об «осязаемой перспективе» латинизации русского алфавита и некоторые другие. В ходе доклада И.В. Евсеева обосновывала несостоятельность указанных позиций М.Н. Эпштейна.

Вопросам теории текста и/или лингвистическому анализу художественного произведения были посвящены доклады: «Эпиграф к роману "Мастер и Маргарита": культурная традиция и семантическая структура» **Г.М. Васильевой**, канд. филол. наук, доцента Новосибирского университета экономики и управления; «Поэтический мир Ю. Мориц: ономастические наблюдения» **Т.М. Григорьевой**, д-ра филол. наук, профессора СФУ; «Квантитативные свойства текста как фактор множественности его интерпретаций» **Л.Г. Ким**, д-ра филол. наук, доцента Кемеровского государственного университета; «О методологическом вкладе лингвистики текста в практику дискурсивного анализа (на материале Нобелевской лекции И. Бродского)» **Л.А. Голышкиной**, канд. филол. наук, доцента Новосибирского государственного технического университета, и др.

Об актуальности в современном языкознании **проблем жанроведения** свидетельствовали многочисленные доклады, представленные на форуме: «Базовый лексикон астрологического прогноза: о словах с "размытым" содержанием» **И.Т. Вепревой**, д-ра филол. наук, профессора Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; «Устные мемораты о ссыльных в сибирской лингвокультуре XXI века»

О.В. Фельде, д-ра филол. наук, профессора СФУ; «Речевой жанр просьбы в духовных письмах русских старцев XX века» **А.Н. Смолиной**, канд. филол. наук, доцента СФУ; «Речедатель в паремийном тексте» **А.Н. Сперанской**, канд. филол. наук, доцента СФУ; «Как "работают" комиксы в культуре: мультимодальный анализ» **Ю.И. Детинко**, канд. филол. наук, доцента СФУ. Предметом исследований молодых учёных стали особенности авторских информационно-аналитических телепрограмм (доклад **А.А. Каширина**, аспиранта Томского государственного педагогического университета), сибирский нарратив в рассказах красноярцев (доклад **Н.А. Красиковой**, преподавателя СФУ), лингвостилистические особенности интернет-форума (доклад **А.В. Кожеко**, аспиранта Сибирского федерального университета); социально-политические жанры в творчестве наивного автора (доклад **Е.А. Федоровой**, аспиранта Кемеровского государственного университета) и мн. др.

О разнообразии дискурсивных практик и картин мира говорили: **М.Б. Бергельсон**, д-р филол. наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики», в докладе «Границы и горизонты дискурсивного анализа: рассказы о жизни глазами русских и американских студентов»; **И.А. Крым**, канд. филол. наук, доцент Кемеровского государственного университета, в докладе «К вопросу о публицистической картине мира телеутов (на материале региональных СМИ)»; **Н.Б. Лебедева**, д-р филол. наук, проф. Кемеровского государственного университета, в докладе «Письменный дискурс наивного автора»; **А.А. Кузнецова**, канд. филол. наук, доцент СФУ, в докладе «Тактики конфирмации и дисконфирмации в межличностной коммуникации»; **Л.Г. Самотик**, д-р филол. наук, профессор Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, в докладе «Национальное и региональное самосознание в творчестве В.П. Астафьева (к постановке проблемы)»; **М.Г. Шкуропацкая**, д-р филол. наук, профессор Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина, в докладе «Моделирование национальной языковой картины мира русской и монгольской языковых личностей», совместно с аспирантом Даваа Ундармаа. Интерес слушателей вызвала гипотеза, прозвучавшая в докладе **А.В. Колмогоровой**, д-ра филол. наук, профессора СФУ, «Миметические формы усвоения моделей агрессивной коммуникации в русском семейном общении», о том, что коммуникативная агрессия, как и многие другие паттерны коммуникативного поведения, усваивается в речевом онтогенезе благодаря специфическому поведению матери, в общении с ребёнком показывающей, «как люди ведут себя, когда они сердятся». Подобная имитация (мимесис) принимает многообразные формы – от разговоров «от имени» рассерженного младенца и приписывания гулению с определённым просодическим контуром значения «ругаться на маму» до «игровой» агрессии с малышами от 6 месяцев до 1,5–2 лет.

Актуальные проблемы лексики и грамматики современного русского языка рассматривались в докладах: «Проблемы фразеологизации свободных словосочетаний в русском языке (на материале единицы «цена вопроса») (совместный доклад **Э.С. Денисовой**, канд. филол. наук, доцента Кемеровского государственного университета, с магистрантом **А.В. Гульгяевой**); «О структурной типологии морфологических форм русского глагола» (док-

лад **Г.И. Пановой**, д-ра филол. наук, профессора Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова); «Категория гендерности в структуре лексического класса соматизмов» (доклад **У.М. Трофимовой**, канд. филол. наук, доцента, научного сотрудника Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина) и др. Соматической лексике русского языка были посвящены также доклады аспирантов СФУ **Н.В. Золотухиной** и **К.А. Пономаревой**.

Наиболее ярким из докладов, посвященных **лингвистическим проблемам перевода и межкультурной коммуникации**, был доклад **Е.Б. Трофимовой**, д-ра филол. наук, профессора Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина «Роль когнитивной метафоры в процессе опознавания иноязычных фразеологизмов, пословно переведенных на язык носителя».

Литературоведческий анализ произведений русских писателей стал предметом целого ряда ярких выступлений. Так, рассматривались социально-исторические подтексты рассказа «Мастер», имплицированные В.М. Шукшиным в структуру хронотопа (**В.К. Васильев**, канд. филол. наук, доцент СФУ); пасхальные мотивы в рассказе И.А. Бунина «Лёгкое дыхание» (**К.В. Анисимов**, д-р филол. наук, профессор СФУ); восприятие творчества и личности Жуковского в рамках стратегии канонизации, выразившейся в установке скульптурных монументов поэту (**Е.Е. Анисимова**, канд. филол. наук, доцент СФУ); рецептивное освоение русской словесности в англоговорящем литературном мире на примере личности и творчества Ф.М. Достоевского в романе Дж.М. Кутзее «Осень в Петербурге» (**Т.С. Нипа**, канд. филол. наук, доцент СФУ); мемуарное наследие заметного прозаика второй половины XIX – начала XX в. П.Д. Боборыкина (член союза журналистов России, главный редактор литературно-публицистического альманаха «Радуга» **Т.П. Попова**); анализ этапов формирования образа и репутации «областного» литератора на материале мемуаров Г.Н. Потанина (**Н.С. Тишевская**, преподаватель Лесосибирского педагогического института – филиала СФУ).

В последний день конференции состоялись **презентации проектов**, разрабатываемых в Институте филологии и языковой коммуникации СФУ.

Проект «Лингвистика информационно-психологической войны» представляли профессор-консультант кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации СФУ А.П. Сковородников (руководитель проекта) и Г.А. Копнина (соруководитель проекта, заведующая отделением филологии и журналистики). По их мнению, лингвистика информационно-психологической войны является новым направлением научных исследований, которое возникло в политической лингвистике и объектом изучения которого является специфика использования языка как средства ведения информационно-психологического противоборства. Филологи могут играть большую роль в создании технологий противодействия информационно-психологической агрессии против России и в подготовке специалистов в области информационной безопасности личности и общества.

Руководитель проекта «Маркеры манипулятивного воздействия в поляризованном дискурсе: опыт параметризации» А.В. Колмогорова, д-р филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и

межкультурной коммуникации, отметила, что проект направлен на создание компьютерной программы-классификатора массмедийных политических текстов «по уровню их манипулятивности». Авторский коллектив проекта (Ю.А. Талдыкина, аспирант СФУ и А.А. Калинин, инженер по обработке данных) при помощи методов корпусного, дискурсивного анализа с применением методик социолингвистического эксперимента составил список из 6 параметров, по которым текст может быть квалифицирован как манипулятивный. Выявленные параметры проверены статистически, составлена шкала для оценивания текстов, на данный момент ведётся написание компьютерного кода для программы.

Проект «Русская соматическая лексика: когнитивный и семиотический аспекты», получивший в 2016 г. финансовую поддержку Российского гуманитарного научного фонда, представляла И.В. Евсеева, д-р филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка, литературы и речевой коммуникации. Один из основных результатов проекта – электронная база данных, в которой производная соматическая лексика (слова, образованные от имен, называющих части тела и другие телесные объекты человека) организована в виде фрейм-структур. База данных позволяет осуществлять поиск по разного рода запросам. Например, находить производные соматизмы по словообразующему форманту, по принадлежности их к одному слоту (теме) или глубинной структуре деривата – пропозициональной схеме и др.

Проект «Лингвокультура Нижнего Приангарья: лексикографический и коммуникативный аспекты» представляла О.В. Фельде, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации (руководитель проекта), совместно с доцентом этой же кафедры В.К. Васильевым и студентами, неоднократно принимавшими участие в диалектологических и фольклорных экспедициях. Представитель Красноярского краевого краеведческого музея Л.Л. Карнаухова горячо поддержала проект. Научная проблема, решаемая в его рамках, – сохранение и многоаспектное исследование устных ангарских текстов, отражающих материальную и духовную культуру Северного Приангарья как территории масштабных экономических и социокультурных перемен, вызванных строительством и проектированием новых гидроэлектростанций на Ангаре. Результаты экспедиций фиксируются на цифровых носителях, результаты систематизации и анализа бытования ангарского текста в его живой – речевой ритуальной, игровой, повседневно-бытовой – форме легли в основу аудиовизуального словаря ангарской лингвокультуры, фрагмент которого авторы проекта продемонстрировали аудитории.

На **подведении итогов** форума участники научного мероприятия отметили актуальность рассмотренных вопросов и высокий уровень докладов, в том числе начинающих ученых – аспирантов, магистрантов и студентов. Решение вопросов культурной и языковой политики, вызванных необходимостью позиционирования русского языка как основы евразийского экономического и языкового союза, было признано в ходе конференции «Русский язык и русская литература как фактор культурной интеграции Русского мира» едва ли не самым актуальным для современного российского общества. Исследовате-

ли испанского языка, в свою очередь, были единодушны в признании того, что российское университетское пространство открыто для сотрудничества и поликультурного взаимодействия с европейскими вузами.

Работа «Форума языков и культур» в очередной раз подтвердила тезис о том, что язык является одними из главных факторов формирования культурного кода нации, фактором консолидации нации в современном мире.

Фотографии (<http://photo.sfu-kras.ru/node/1980>) и видеозаписи форума (<https://www.youtube.com/watch?v=2TDIL4HVuiI&feature=youtu.be>), материалы круглых столов (http://www.kerpc.ru/news/current/by_nid/13037/view) доступны для просмотра в сети Интернет, а тексты докладов будут опубликованы в выпусках электронного научного журнала «Экология языка и коммуникативная практика», а также в англоязычном рецензируемом издании из перечня ВАК «Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки».

И.В. Евсеева, А.В. Колмогорова, Г.А. Копнина, Л.В. Куликова

LANGUAGE AS A MIRROR FOR NATION'S CONCEPTS: THE OVERVIEW OF THE INTERNATIONAL FORUM OF LANGUAGES AND CULTURES (Russian Federation, Krasnoyarsk, Siberian Federal University, September 14–16, 2012)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 45. 214–224. DOI: DOI: 10.17223/19986645/45/16

Irina V. Yevseeva, Anastasia V. Kolmogorova, Galina A. Kopnina, Ludmila V. Kulikova, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: iverseeva@yandex.ru / nastiakol@mail.ru / okopnin@mail.ru / kulikova_l@list.ru

DOI: 10.17223/19986645/45/17

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«НАЦИОНАЛЬНОЕ, ИМПЕРСКОЕ, КОЛОНИАЛЬНОЕ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»
(г. Томск, Томский государственный университет,
22–23 сентября 2016 г.)¹**

22–23 сентября 2016 г. в Томском государственном университете на базе филологического факультета прошла международная научная конференция «Национальное, имперское, колониальное в русской литературе». Тематика конференции была ориентирована на обсуждение роли, характера и инструментов русской литературы в отражении и моделировании имперско-колониального и нациестроительного опыта на разных этапах культурной эволюции (домодерный, модерный и постмодерный). Работа конференции была организована по трем секциям: «Русская литература в системе имперской культуры»; «Этническое многообразие страны и стратегии его репрезентации в русской литературе»; «Имперский опыт русской литературы в сравнительном контексте».

Первую секцию «Русская литература в системе имперской культуры» открыл доклад **О.Б. Лебедевой** (ТГУ, Томск) «*Национальное, имперское, колониальное как фактор частной жизни: послание В.А. Жуковского «К Воейкову»*», в котором речь шла о включении уровней геополитики в личную жизнь лирического героя, чему способствовал синтетизм жанровой структуры, включающей: *дружеское послание* (частная жизнь, малая родина), *одический географический мир* (большое отечество), репрезентированный через биографию адресата, *реминисценции национально-освободительных войн* (половцы, татаро-монголы, Наполеон), *колониальные и фольклорные мотивы* (Кавказ, русский былинный эпос), *творческая лаборатория поэта-романтика* (реминисценция старинной повести в двух балладах «Двенадцать спящих дев», эскиз образности замысленной поэмы «Владимир»); на всех этих уровнях лирические и эпические элементы структуры находятся в постоянном взаимодействии.

В докладе **Т.Т. Гузаирова** (ТУ, Тарту, Эстония) «*Путешествие великого князя Александра Николаевича и В.А. Жуковского по России в 1837 г. Освоение империи: личные впечатления pro et contra газетные отчеты*» было исследовано столкновение разных точек зрения и типов рассказа о путешествии цесаревича Александра Николаевича по России в 1837 г. Объекты исследования: эго-документы (дневник Жуковского, пометы поэта на путеводителе, письма великого князя Николаю I) и тексты официальной культуры: газетные отчеты из «Северной пчелы», «Московских ведомостей», поэтические тексты

¹ Государственное задание на выполнение НИР № 2059 «Изучение историко-культурного наследия России (Сибирский аспект)»

и др. В докладе были рассмотрены типы репрезентации отношений между наследником престола и подданными, выделяется и анализируется лейтмотивная, стилистическая, идеологическая структура, охарактеризован напряженный заочный диалог между цесаревичем, его наставником и средствами массовой информации о сущности и характере выражения патриотизма.

Целью **В.С. Киселева** (ТГУ, Томск, Россия) в докладе «*В.А. Жуковский и институты имперской пропаганды (по материалам неопубликованной переписки с великим князем Александром Николаевичем 1848–1852 гг.)*» было проанализировать один из репрезентативных эпизодов развития российской официальной пропаганды, проследить перипетии и следствия подобного высочайшего патронажа, проливающего новый свет на творческую историю политических статей Жуковского 1848 г.. («Письмо русского из Франкфурта»; «Письмо к Петру Андреевичу Вяземскому о его стихотворении “Святая Русь”»). Принципом допуска этих статей до широкого читателя была максимальная близость к официальной позиции и обобщенная позиция верноподданного, не допускающая конкретных деталей в изображении и оценке адресата, героев или обстоятельств. Но В.А. Жуковский искал иных, не столь зависимых от официальной пропагандистской политики, каналов, которыми стали публикации в немецких изданиях. Все они были анонимными, что соответствовало принципиальной позиции писателя, с одной стороны, не выступать от лица двора, о связях с которым Жуковского было известно в немецкой журналистской среде, а с другой – соблюсти дистанцию по отношению к обсуждаемому вопросу, представляя некую типичную точку зрения русского человека в Германии. Так выстраивалась целая лестница форматов, раздвигавших границы официальной пропаганды и увеличивавших пространство публицистической свободы. Ресурсы жесткой патронажной системы, кружковой литературной коммуникации и профессиональной зарубежной журналистики представляли В.А. Жуковскому поле лавирования.

В докладе **А.С. Янушкевича** (ТГУ, Томск, Россия) «*Особенности имперского текста В.А. Жуковского (идеология и культуртрегерство)*» был комплексно рассмотрен ряд репрезентаций колониального текста В.А. Жуковским в русской культуре: здесь произведения поэта и его служба при дворе, переписка с императорской семьей, публицистика и пр. В орбите этого диалога не только исторические события, но и важнейшие факты развития культуры: в них не только В.А. Жуковский анализирует события и рассказывает о происходящем, но и выступает в защиту гонимых, униженных, несправедливо обвиненных. Колониальный текст Жуковского невозможно рассматривать узко и односторонне как некое собрание высказываний на общественно-политическую тему, раскрывающих его суждения о самодержавии и политике императора Николая I. Для него как великого русского поэта важно было сделать его органической частью мировой культуры.

В докладе «*Карамзин-идеолог: «О древней и новой России» и проблема критики верховной власти в России*» **М.Б. Велижев** (ВШЭ, Москва, Россия) задается вопросом, писал ли Карамзин свою «записку» с расчетом на непосредственное знакомство с текстом Александра I или же главными читателями трактата он считал вел. кн. Екатерину Павловну и герцога Георгия Ольденбургского (и, таким образом, оказался невольным участником политиче-

ской интриги Екатерины Павловны, частью которой и стало вручение записки императору). Структурно жест Карамзина выглядел как чисто республиканский (открытое обличение монарха поверх каких бы то ни было придворных норм), но содержательно фиксировал позицию «большого роялиста, чем сам король», упрекавшего царя в излишней склонности к реформаторству. Резкий по своим интонациям и выводам текст контрастировал со стилистическими и риторическими нормами жанра особых записок на имя членов императорской семьи, принятыми в придворной среде. В свете тех текстов, которые Карамзин поместил в альбом, переданный Екатерине Павловне 24 ноября 1811 г. (т.е. уже после мартовской истории с передачей записки царю), он снабдил великую княгиню и культурным кодом, с помощью которого следовало расшифровывать смысл его политического послания. М.Б. Велижевым делается предположение, что Карамзин таким образом истолковывал собственный жест – открытую критику действий монарха, обращенную непосредственно к властителю (в частности, через отсылку к сюжету оперы Метастазо «Фемистокл»).

В докладе **Н.Е. Гениной** (ТГУ, Томск, Россия) «Образ русской провинции в творчестве князя В.Ф. Одоевского» было рассмотрено, как включен этот образ в систему размышлений писателя о категориях национального. Провинциальный хронотоп выстраивается практически по законам сказки (подобно отдаленному «некоторому царству-некоторому государству», существующему в рамках устойчивого «жили-были»), что позволяет ему постоянно колебаться между реальным и фантастическим планами. Провинциальный сюжет, снижая классическую концепцию романтического двоемирия, переводит ее в сатирический план.

Е.Г. Новикова (ТГУ, Томск, Россия) в докладе «Россия как восточная империя: Карл Маркс, евразийцы и Ф.М. Достоевский» показала, как отношение Карла Маркса к Российской империи и «восточный вопрос» Ф.М. Достоевского вступают в своеобразный незримый (или «большой») диалог. В его основе – представление о России как «Азии», «Востоке»; но принципиальная разница не только в оценке этого явления (отрицательного у К. Маркса, положительного у Ф.М. Достоевского), но, прежде всего, в их исходных позициях. Проблематика К. Маркса – «дипломатическая история», политика, исторический и политический генезис России как «азиатской империи». Апелляция Ф.М. Достоевского к имперским ценностям осуществляется, чтобы поставить вопрос о христианстве – «восточном христианстве». Контекст, заданный К. Марксом, позволяет вывести проблематику «восточного христианства» у Ф.М. Достоевского на уровень современных ему судеб христианства вообще: «злой дух революций» и «социализм» – это «новая антихристианская вера». Антихристианскую же веру, по мысли писателя, может остановить только истинное христианство.

Шамма Шахадат (Университет г. Тюбинген, Германия) в докладе «Русская империя как семейное пространство» рассматривает, как в России XVIII–XIX вв. происходит перелом в эмоциональном репертуаре не только отдельных семей, но и царской семьи, т.е. как формируется эмоциональный кодекс поведения на уровне власти, в императорской семье, и какие цели при этом преследуются, поскольку царская семья задает модель поведения для

остальной части общества. Докладчик обратился прежде всего к официальной фамиларизации и интимизации русских царей в XVIII–XIX вв., исследовав, как императорская семейная модель вмешивается в маленькую семью, как царь выступает не только в роли *pater familiae*, но и в роли *pater patriae*. Это было показано на двух примерах: во-первых, на примере отношений между царем и поэтом, когда царь пытается эмоционально вовлечь поэта в свою императорскую семью (Жуковский), в свой императорский проект (Пушкин), или вернуть его туда (Чаадаев), во-вторых, на примере того, как царь внедряется в «дефектную» семью, глава которой отсутствует, как в случае с семьями декабристов.

Е.Н. Пенская (ВШЭ, Москва, Россия) в своем докладе «Концепция русской/советской/европейской истории и ее идеологическое оформление в работе издательства «Советский писатель» (1930–1960-е годы)» на широком материале архивных данных развернуто показала последовательность и специфику формирования концепции истории в перипетиях идеологического госзаказа издательства (система документов и планов) и эстетических форм художественного решений.

В.В. Мароши (НГПУ, Новосибирск, Россия) в докладе «Россия как Великая монгольская Империя в современной отечественной литературе и публицистике» охарактеризовал четыре линии отношения современного русского Имперского проекта к Монгольской империи. Первая, обращенная в прошлое, линия «Евразийского единства» или имперской преемственности (традиция наследования проекта Великой империи): В. Отрошенко. «Дело об инженерском городе» (2004); В. Рыбаков, И. Алимов. «Евразийская симфония» (2000–2005); П. Крусанов. «Ворон белый» (2013). В произведениях второй линии предлагается сюжет не завоевания, а «поглощения»: происходит полное включение «Монголии» в «ордынскую» Русь или скифское евразийское образование: Г.В. Носовский, А.Т. Фоменко. «Империя» (2012); А. Бушков. «Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы» (2005); Ю.Д. Петухов, Н.И. Васильева. «Евразийская империя скифов» (2008). Отрицается само историческое существование либо монголов, либо Монгольской империи, они становятся частями исторической Московской Руси или Великой Скифии. Линия **исключения** связана с тем, что Монголия или часть России полностью находятся в сфере влияния Китая и в будущем Российской империи нет места Монголии или ее историческому кочевому проекту (А. Проханов. «Пятая Империя»; М. Юрьев. «Третья Империя»; В. Сорокин. «День опричника»). Другая линия обращается к сюжету **появления сильного властителя**, который может восстановить Империю (В. Берязев. «Знамя Чингиса» (1992); В. Слипечук. «Чингис-хан» (1964–2011); С. Волков. «Чингисхан» (2010).

Т.Л. Рыбальченко (ТГУ, Томск, Россия) в докладе «Черты лимитрофного пространства в образе имперской России в романах М. Шишкина» были рассмотрены свойства лимитрофного социокультурного пространства, находящегося под имперской властью (завоеванного, этимологически-провинциального), пограничного, с одной стороны, по отношению к европейской цивилизации; с другой – по отношению к народам неевропейской цивилизации (Поволжье, Северный Кавказ, Чечня). Имперские интенции

России не усиливают, а подрывают органичность национальной жизни, подобно имперским интенциям любой нации (Персии и Древней Греции, Древнего Рима и наполеоновской Франции). Поэтому выявляется и внутрисоциальный аспект имперского принципа – подавленность народной жизни государством, равно как и насильственные цивилизационные проекты государственной власти. Разрыв «низов» и «верхов» создаёт ситуацию противостояния народа, частного человека – и власти, антиномию двух чуждых и не способных к пониманию укладов. В романах М. Шишкина прочитывается усиление контраста в изображении низовой жизни: в первом романе провинция при всей её энтропийности спасает от насилия системы, в последующих романах усиливается враждебность низовой антикультуры существованию личности.

Секция **«Этническое многообразие страны и стратегии его репрезентации в русской литературе»** была открыта докладом **И.А. Поплавской** (ТГУ, Томск, Россия) *«Сибирь в рецепции лицеистов пушкинского выпуска»*, в котором были представлены разные идеологические, эстетические и поведенческие концепции, связанные с пребыванием в Сибири лицеистов А.Д. Илличевского, Ф.Ф. Матюшкина, И.И. Пущина, В.К. Кюхельбекера.

Н.В. Хомуком (ТГУ, Томск, Россия) в докладе *«Барочная стратегия репрезентации кавказского колониального текста в романе В.Т. Нарезного “Черный год, или Горские князья”»* было указано, что В.Т. Нарезный использует сатирико-игровую форму «колониальности», в которой художественно инвертируются субъект и объект колонизации. В сюжете «Черного года» колониальный объект имитирует (разыгрывает) колониального субъекта (самозванство). В сюжетной линии главного героя Кайтука происходит смена ролей, выражающая их условность. Отношения Я с Другим превращаются в отношения Я с ролью (которая есть Другой, но и зеркало Я). В систему отношений власти-подчинения у Нарезного включаются важные составляющие: социальное положение, национальная принадлежность, религиозные воззрения. Личность начинает их самовольно использовать как игровые формы самоидентичности. Происходит барочное переворачивание объекта власти в субъекта власти, и наоборот.

Э.М. Жиликовой (ТГУ Томск, Россия) в докладе *«Толстовская трилогия о Кавказе (“Казаки”, “Кавказский пленник” и “Хаджи Мурат”»* были проанализированы три хронологических этапа в обращении писателя к этой теме: 1) 1851–1862 гг. – время пребывания Толстого на Кавказе, непосредственное участие в военных действиях («Набег», «Рубка леса») и завершение этого этапа – написание повести «Казаки»; 2) 1872 г. – создание рассказа «Кавказский пленник»; 3) 1896–1904 гг. – время работы над «Хаджи-Муратом». Таким образом, в художественном мире Толстого образ Кавказа прошел глубокую и сложную эволюцию, прочертив движение нравственной и эстетической позиции писателя от пронизанного глубоким уважением и сочувствием изображения кавказских горцев как несколько идеализированных типов к пониманию их общечеловеческой природы и, наконец, возведению образа героя кавказской истории в ранг человека, в судьбе которого нашли отражение важнейшие особенности русской жизни конца XIX в.

В докладе **К.В. Анисимова** (Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия) «*”...В разорванной кибитке, посреди кур и добрых башкирцев”. Л.Н. Толстой инвертирует европейский ориентализм (творчество и житнетворчество в башкирской степи)*» конкретизируется значение поездок Толстого в Поволжье и Приуралье в 1862 и 1871–1881 гг. в общем контексте идеологии, символической жестикюляции и повествовательной поэтики романиста. Быт башкир привлекается романистом в качестве инструмента для критики главных положений ориентализма и европоцентризма XIX в. (знания-власти, письма как знаковой подмены и «отражения» реальности, символов доминирования и гибридизации). В фокусе анализа оказываются житнетворческое поведение, материализующее отвлеченный знак в непосредственности и «телесности» жеста, а также нарративные практики (в качестве примера привлечен роман «Анна Каренина»), в которых «неназванные» башкиры приближаются к миру героев, олицетворяющих «живую жизнь».

Е.К. Созина (ИИиА УрО РАН, Екатеринбург, Россия) в докладе «*Между чуваш, татар, мордвы: репрезентация Восточной России в казанском журнале “Заволжский муравей”*» показала, как этнографическая и историко-географическая составляющие проявляют своеобразие и значение этого журнала в истории отечественной журналистики и в становлении этнографии. Материалы, опубликованные в «Заволжском муравье», позволяют реконструировать портрет Заволжского края, лежащего между Европой и Азией, в «зеркале» журнального дискурса и соотнести его с ориенталистской и постколониальной критикой нашего времени.

Л.Н. Сарбаш (ЧГУ, Чебоксары, Россия) в докладе «*Инонациональное в русской литературе и публицистике XIX в.: рецепция полиэтноконфессионального Поволжья в творчестве русских писателей*» раскрыла, что инонациональное российское в русском литературном процессе XIX в. предстает в нескольких ракурсах: нерусское как религиозно-мифологическая этнография, нерусское в типической характерологии времени как социальная этнография и как философское осмысление ментальных основ жизни, духовно-нравственного опыта и ценностного мира разных народностей.

В докладе **А.Е. Козлова** (НГПУ, Новосибирск, Россия) «*Травелог как социальный и идеологический проект XIX в. (на материале журнала “Русский вестник”)*» были выявлены типичные повествовательные особенности и имагологические образы, а также влияющие на них социальные и идеологические контексты и стереотипы (например, Азия – чужое, прошлое, Европа – свое, настоящее, Америка – будущее). В докладе было сделано предположение о том, что травелоги «Русского вестника» утверждали не уникальность имперского пространства, а, напротив, были направлены на утверждение общей идентичности.

В докладе **К.О. Смола** (Университет Грайфсвальда, Германия) «*Нативная поэтика постколониальных литератур Севера: поздне- и постсоветский период*» был рассмотрен феномен нативного текста в творчестве хантыйских и ненецких писателей (Еремей Айпин, Анна Неркаги, Юван Шесталов и др.) как исторический симптом и одновременно перформативное выражение постколониального письма, как парадокс одновременной находимости текстов

внутри и вне имперального дискурса, что порождает противоречие между зависимостью и критической дистанцией.

Е.К. Чхайдзе (*Рурский университет, Бохум, Германия*) в докладе «*Советские осколки: национальный дискурс и его роль в постсоветской “деколонизации”*» указывает на возникновение в русской литературе постсоветского периода изображения лояльных отношений между народами бывшего СССР и противоположной тенденции «деколонизации» или высвобождения из модели межнациональных отношений, обусловленной в своё время идеологией «дружбы народов». На множестве разнообразных примеров проанализированы способы отражения постсоветской «деколонизации».

Секцию «**Имперский опыт русской литературы в сравнительном контексте**» открыл доклад **Н.Е. Никоновой** (*ТГУ, Томск, Россия*) «*Стратегии осмысления и издания русской литературы на иностранных языках как инструмент моделирования нациестроительного опыта: немецкие сочинения классиков XIX в.*», в котором была актуализирована проблематика литературного полилингвизма русской классики, в частности русско-немецкий художественный билингвизм, чему способствует составление и издание корпуса немецких автопереводов и сочинений В.А. Жуковского.

Гезине Дреус-Сылла (*Университет Тюбингена, Германия*) в докладе «*Поэтическая картография Африки: Л.С. Сенгор и Н.С. Гумилев*» показано, что для африканского поэта его родина Сенегал – одна из центральных тем его поэзии («Образы Эфиопии» 1956 г.). Гумилев узнал Африку лишь как путешественник (цикл стихов «Шатёр»). При всем различии произведений Гумилева и Сенгора, и в форме и в языке находятся некоторые поразительные сходства. Гумилев и Сенгор вызывают к panaфриканскому мифическому прошлому Африки, оба прибегают при этом к похожим фигурам или источникам материала. У обоих, например, находятся ссылки на царицу Савскую, на Египет, на короля зулусов Чаки, на Конго, на библейские источники, в равной мере как и на классические формы. Лирика обоих описана такими терминами, как метонимия, анаграмматика, поливалентность, двойной смысл писания. У обоих лирическое «я» и автор состоят в почти симбиотических отношениях. Оба воспроизводят Африку как райский контраст к Европе, ставят собственную родину в метонимический ряд с Эфиопией и континентом Африка. Оба создают поэтическую космогонию Африки, рассуждают о роли поэта и видят в ней своего рода пророка континента. Оба стремятся придать Африке собственный голос, наделяя ее при этом атрибутами божественности, богатства или дали. В конечном итоге у обоих присутствует слияние фантазий и выравнивание Африки и Европы. У обоих речь идет о форме освобождения от опыта европейской современности. Но у Гумилёва говорится об отсутствии, а у Сенгора о наличии. Гумилёв ищет поэтическое описание Африки, которую он при всей идентификации удаляет в недостижимость потерянного рая. Сенегалец Сенгор, напротив, сближает Европу с Африкой. У Гумилева можно найти поэтические попытки вернуть Африке свой поэтический голос, но который все-таки моделируется по логике колониального дискурса. Голос, обретенный Африкой, с одной стороны, служит причиной децентрации европейского субъекта, с другой же стороны, остается одной из колониальных логик. Африка Сенгора, напротив, отмечена гармонией и веч-

ным возвращением, мифическое прошлое сливается с современностью и становится центральным местом, политически действенным в современности.

С.Н. Степура (ТПУ Томск, Россия) в докладе «*"Имперский архив" России в романе Дж. Джойса "Улисс"*» указывает, что в таких эпизодах романа, как «Телемах» (1), «Циклопы» (12), «Цирцея» (15), писателем открыто рассматриваются вопросы британского империализма и ирландского национализма. В эпизоде «Итака» (17) Дж. Джойс напрямую не обращается к вопросу колониальных отношений Великобритании и Ирландии, но организацией повествования как серии несвязанных эмпирических фактов «Итака» имитирует структуру, посредством которой знание о колониальных территориях организовывались и распространялись в пределах Британской империи в XIX и начале XX в. Предполагая, что мир может быть воспроизведен как серия бесспорных и разрозненных фактов, «Итака» принимает форму «имперского архива» – воображаемой репрезентации идеального хранилища знаний, посредством которого разнородные данные об империи могут быть востребованы и систематизированы. Джойс разрушает форму архива, чтобы предложить неуловимую критику имперской эпистемологии, которая конструирует колониальное пространство как статичную организацию знания, происходящую из властных отношений имперского правления. «Итака» представляет собой квинтэссенцию всего имперского и антиимпериалистического в романе. Если сложить немногочисленные русские аллюзии, рассеянные по всему тексту «Улисса», так или иначе связанные с морскими путями, то образуется личный «имперский архив» России, где текст «Улисса» – своеобразная «Итака» всего романа, а русские аллюзии – серия несвязанных эмпирических фактов, создающих имперскую структуру России, являвшейся частью имперской системы мира.

Сузанне Франк (Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия) в докладе «*Проект многонациональной советской литературы как проект мировой литературы и его эффекты*» попыталась взглянуть на советскую многонациональную литературу как на концепт мировой литературы, выявить его любопытные аспекты в сопоставлении с актуальными теориями мировой литературы и впоследствии задаться вопросом об отличии советского проекта от этого концепта и о природе его «имперскости».

Статьи, написанные участниками конференции, будут опубликованы в ближайших номерах журнала «Имагология и компаративистика» (<http://journals.tsu.ru/imago/>).

Н.В. Хомук

INTERNATIONAL ACADEMIC CONFERENCE "THE NATIONAL, THE IMPERIAL AND THE COLONIAL IN RUSSIAN LITERATURE" (Russian Federation, Tomsk, Tomsk State University, September 22–23, 2016)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 45. 225–232. DOI: DOI: 10.17223/19986645/45/17

Nikolay V. Khomuk, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: homuk1@yandex.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕЕВА Светлана Владимировна – мл. науч. сотр. лаборатории когнитивных исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: mail@s-alexeeva.ru

БЕРЛАН Влада Александровна – студентка филологического факультета Томского государственного университета.

E-mail: berlan240895@gmail.com

ГЕНЕРАЛОВА Елена Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: elena-generalova@yandex.ru

ДАНИЛИНА Наталия Ивановна – д-р филол. наук, доцент кафедры русской и классической филологии Саратовского государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского.

E-mail: danilina_ni@mail.ru

ДРОНОВА Любовь Петровна – д-р филол. наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.

E-mail: lpdronova@mail.ru

ДЫРХЕЕВА Галина Александровна – д-р филол. наук, гл. науч. сотр. отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ).

E-mail: an5dag1@mail.ru

ЕВСЕЕВА Ирина Владимировна – д-р филол. наук, и.о. зав. кафедрой русского языка, литературы и речевой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

E-mail: ivevseeva@yandex.ru

ЕСИПОВА Валерия Анатольевна – д-р ист. наук, зав. сектором изучения и раскрытия фонда Научной библиотеки Томского государственного университета.

E-mail: esipova_val@mail.ru

ЖАЛСАНОВА Жаргалма Баиновна – канд. филол. наук, доцент кафедры немецкого языка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).

E-mail: komma2001@yandex.ru

ИВАНОВА Ирина Николаевна – д-р филол. наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь).

E-mail: ivanovairinna@mail.ru

КОЛМОГОРОВА Анастасия Владимировна – д-р филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

E-mail: nastiakol@mail.ru

КОПНИНА Галина Анатольевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

E-mail: okornin@mail.ru

КРОЧА Давид – д-р филос. наук (Ph.D.), ст. преподаватель кафедры чешского языка и литературы Университета им. Т.Г. Масарика (г. Брно, Чехия).

E-mail: kroca@ped.muni.cz

КРЫЛОВА Ирина Алексеевна – канд. филол. наук, науч. сотр. лаборатории компьютерной лексикографии Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: i_krylova@mail.ru

КУБЫШКИНА Валерия Олеговна – аспирант кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь).

E-mail: v4789@yandex.ru

КУЛИКОВА Людмила Викторовна – д-р филол. наук, зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

E-mail: kulikova_l@list.ru

ЛЕБЕДЕВА Наталья Борисовна – д-р филол. наук, профессор кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета.

E-mail: nlebedevab@yandex.ru

ПАВЛОВА Светлана Юрьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

ПЛЕХАНОВА Ирина Иннокентьевна – д-р филол. наук, профессор кафедры новейшей русской литературы Иркутского государственного университета.

E-mail: oembox@yandex.ru

РУЖА Ольга Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета.

E-mail: off_17@mail.ru

СЕРЕБРЯКОВ Анатолий Алексеевич – д-р филол. наук, зав. кафедрой отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь).

E-mail: aasereb@gmail.com / aasereb@mail.ru

СЛЮСАРЬ Наталия Анатольевна – канд. филол. наук, доцент Школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва); доцент кафедры проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: slioussar@gmail.com

СОБОЛЕВА Нина Павловна – канд. филол. наук, ассистент кафедры теории и практики английского языка Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: NPSoboleva@kpfu.ru

ТУЛЯКОВА Наталья Александровна – канд. филол. наук, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (г. Санкт-Петербург).

E-mail: n_tuljakova@mail.ru

ХОМУК Николай Владимирович – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.

E-mail: homuk1@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединённом каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2017. № 45

Редактор *Т.В. Зелева*
Редактор-переводчик *В.В. Каишур*
Оригинал-макет *Г.П. Орловой*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 27.02.2017 г. Формат 70х100 ¹/₁₆.

Печ. л. 15,0; усл. печ. л. 20,8; уч.-изд. л. 20,6.

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет 01.04.2017 г. Заказ 2370. Цена свободная

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru